

A.V. Ostrovskii

CHINA
IS ON IT'S PATH
TO ECONOMIC
SUPERPOWER

MOSCOW
MBA
2020

А.В. Островский

КИТАЙ
СТАНОВИТСЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СВЕРХДЕРЖАВОЙ

УДК 338.26(510)
ББК 65.9(5Кит)-11
О-77

Рецензенты:

д.э.н. Бони Л.Д., к.э.н. Борох О.Н., к.полит.н. Каменнов П.Б.

Островский А.В.

Китай становится экономической сверхдержавой / А.В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

ISBN 978-5-6045103-1-5

Монография основана на богатом опыте изучения экономики Китая на протяжении длительного периода. В работе использован большой объем фактического и статистического материала, отражающего динамику реформ в КНР от Дэн Сяопина до наших дней. В работе выявлены основные поворотные вехи преобразований, проведены сопоставления с практикой реформ в СССР, странах Восточной Европы и СРВ. Проведен анализ эволюции китайской политики реформ, внимание к исторической последовательности обновления концепций и нормативных целей.

УДК 338.26(510)
ББК 65.9(5Кит)-11

ISBN 978-5-6045103-1-5

© Островский А.В., 2020

*Считаю своим долгом выразить искреннюю
и глубокую благодарность за помощь в издании
этой книги Людмиле Валентиновне Спиридоновой, пре-
красному английскому редактору
резюме и моих статей на английском языке,
которые вошли в эту монографию в русском переводе.*

*Посвящаю эту книгу
Владимиру Анатольевичу Гусарову,
прекрасному человеку, основателю и многолетнему
руководителю КВЭФ, объединившему сплоченную коман-
ду творческих людей, однокашников по учебе
и коллег по работе.
Светлая память о нем навсегда останется с нами.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. КИТАЙСКИЙ ПУТЬ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ	21
1. Китайская модель реформы в планах социально-экономического развития	21
2. Достоверна ли китайская статистика?	69
3. Китайский опыт управления финансами при переходе к рынку	90
4. Построение общества <i>сяокан</i> («малого благоденствия»)	131
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ	169
1. Роль инноваций в модернизации народного хозяйства КНР	169
2. Китайская модель индустриализации и модернизации	218
3. Энергетическая проблема — важный фактор развития экономики Китая в текущем десятилетии	239
4. Региональное экономическое развитие	277
ГЛАВА 3. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	308
1. Место и роль внешнеэкономических связей в экономике КНР в условиях реформы	308
2. Китай и экономически развитые страны мира	363

3. Роль китайской инициативы «Один пояс — один путь» для наращивания экономической мощи страны	381
4. Российско-китайские торгово-экономические связи в период китайской реформы	404
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КИТАЙСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМ.	446
БИБЛИОГРАФИЯ.	456
SUMMARY	483
CONTENTS.	494

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КИТАЕ

Развитие экономической реформы в Китае и ее роль в быстром развитии китайской экономики в конце XX — начале XXI века становится одним из наиболее актуальных вопросов мировой экономики. Многих интересует ответ на вопрос: «Каким образом Китай — «больной человек Азии», как его называли в начале и до середины XX века, сумел так быстро в результате экономической реформы ускорить социально-экономическое развитие и выйти на лидирующие позиции в мире. Более 50 лет профессионально занимаясь проблемами социально-экономического развития Китая, я интересовался этой тематикой. За это время мне удалось провести много лет в КНР, Тайване, Сингапуре, посетить практически все территории с компактным проживанием на ней китайской диаспоры — Макао, Гонконг, китайские кварталы в Сан-Франциско (между Грин-стрит и Гири-стрит), Нью-Йорке и Лос-Анжелесе. Изучение большого количества литературы о Китае, визиты в различные китайские провинции и автономные районы, посещение огромного количества предприятий и организаций, сама жизнь среди китайского народа, многочисленные беседы с китайскими учеными, чиновниками и простыми людьми привели меня к простому выводу о том, что китайские реформы — это многолетний накопленный опыт всего китайского народа на протяжении более чем трех тысячелетий. Главное в китайском опыте экономических реформ — «нельзя торопиться, надо делать все постепенно, по составленному и обдуманному плану, и тогда придут ожидаемые результаты». Об этом свидетель-

ствуется относительно короткая по китайским меркам 100-летняя история КПК с 1921 года и еще более короткая история КНР, образованной в 1949 году под руководством КПК.

На первом этапе с 1949 по 1978 гг. КНР по образу и подобию своего «старшего брата» (*лаодагэ*) — СССР — пытался построить командно-административную плановую экономику, но с китайской спецификой. Эта специфика выражалась в том, что в Китае на первом этапе сразу после победы революции не проводили полное обобществление средств производства. Были переведены в государственную собственность предприятия компрадорской буржуазии и предприятия, принадлежавшие японцам. В руках государства оказались крупнейшие банки, железнодорожный транспорт, большинство предприятий тяжелой промышленности, а также некоторые ключевые отрасли легкой промышленности и часть торговли. Предприятия всех остальных форм собственности — капиталистические, частные, индивидуальные продолжали работать как раньше. В деревне были конфискованы земли крупных помещиков — всего 47 млн. га (фактически половина всей пахотной земли в стране), и около 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян получили ее безвозмездно.

В 1955–1956 гг. Китай стал форсировать социалистические преобразования в деревне и городе. В деревне в 1955 г. был взят курс на кооперирование сельского хозяйства, а в 1956 г. — на социалистическое преобразование частной промышленности и торговли в городах по образцу Советского Союза. В частности, в 1955 г. в китайские деревни приезжали агитбригады, которые агитировали за создание сельскохозяйственных кооперативов, для убеждения крестьян показывали советский фильм «Кубанские казаки».

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущев сделал свой закрытый доклад «О культуре личности и его последствиях». Это вызвало потрясение в КПК и оказало сильное влияние на ее дальнейшие действия. Эти

события в СССР «подорвали слепую веру в Сталина и Советский Союз, выявив серьезные ошибки и существовавшие пороки в развитии Советского Союза. Китай во главе с КПК механически следовал по пути Советского Союза, теперь же вместо лозунга «Учиться у Советского Союза» появились другие — «Советский Союз предостерег нас» или «учитель наоборот». Было решено идти по собственному пути, самостоятельно искать новые возможности строительства социализма в Китае» (См.: Юй Юцзюнь. *Социализм в Китае (1919–1965)*, М., Наука–Восточная литература, 2019, с. 390–391).

После прошедшего в сентябре 1956 г. VIII съезда КПК в Китае начались поиски собственного пути. Первой попыткой поисков этого пути стал «большой скачок» 1958–1960 гг., в результате которого произошло полное обобществление средств производства в деревне, укрупнение кооперативов, были созданы народные коммуны и развернулись кампании в промышленности. В ходе этой кампании вся страна занималась производством стали под лозунгом «Догнать и перегнать за 20 лет Англию по производству стали». Однако преждевременное появление народных коммун и одностороннее увлечение производством стали привело к огромным человеческим и финансовым потерям, вызвали хаос и разлад в стране. Результаты «большого скачка» и создания народных коммун привели к огромному спаду показателей развития народного хозяйства, создали серьезные экономические трудности и вызвали голод во многих провинциях Китая.

Для решения продовольственной проблемы было предложено провести разукрупнение народных коммун и перейти к хозрасчетному методу ведения хозяйства на селе. В начале 1961 г. крестьяне провинции Аньхой предложили новый способ управления сельскохозяйственным производством. Этот способ предусматривал передачу всей полноты ответственности за управление и распределение непосредственно крестьянским дворам и получил название «семейный или под-

ворный подряд» (*баочань даоху* или *баогань даоху*). Однако, поскольку в руководстве КПК возникли подозрения, что этот способ означает возврат к единоличному хозяйствованию, то на местах его стали называть «системой производственной ответственности» (*чэнбао цзэжэньчжи*). Часть руководства КПК поддержала эту идею, поскольку уже в первый год ее реализации появились заметные результаты. По этому поводу Дэн Сяопин сделал заявление: «Все равно, какого цвета кошка — черная или белая... Главное, чтобы она ловила мышей» (См.: Юй Юцзюнь. *Социализм в Китае (1919–1965)*, М., Наука–Восточная литература, 2019, с. 519).

Затем в Китае решили заняться политическими преобразованиями. Мао Цзэдун попытался покончить с политическими противниками и с 1965 года развернул «культурную революцию», одним из основных лозунгов которой была «борьба с идущими по капиталистическому пути». Только после завершения этой борьбы предполагалось приступить к социально-экономическим преобразованиям.

В результате после окончания «культурной революции» и смерти китайского лидера Мао Цзэдуна китайская экономика оказалась в тяжелом положении. В декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было принято решение начать экономические реформы путем внедрения принципов материальной заинтересованности. Как и в период урегулирования (1961–1965 гг.), «в первую очередь, это касалось неблагополучных в сельскохозяйственном отношении регионов, где допускался переход к ведению индивидуального хозяйства и самообеспечению» (Подробнее см.: *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том IX. Реформы и модернизация (1976–2009)*. Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016, с. 163–164). При этом ведущим направлением преобразований стала передача производственной ответственности крестьянским дворам, за которыми закреплялись земельные наделы и устанавливались произ-

водственные задания. В городе реформа началась с создания четырех свободных экономических зон (СЭЗ) — Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь и Шаньтоу в двух южных провинциях Китая, которые имели наиболее тесные экономические связи с границей. Для свободных экономических зон были созданы льготные условия для ведения внешнеэкономических связей и привлечения иностранного капитала в этих зонах.

В то время у российских китаеведов были крайне ограниченные возможности для поездок в Китай, и всю информацию можно было получить только с помощью бюллетеней агентства Синьхуа, ТАСС, других иностранных агентств, двух центральных китайских газет — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» и журнала «Хунци». В те годы Китай был крайне закрытой страной для иностранцев, и даже проживавшие в стране дипломаты и журналисты крайне редко выезжали в поездки по стране. К этому следует добавить почти полное отсутствие статистических данных по экономике Китая, которые стали публиковаться только с 1982 года.

В начале 1983 года отделу экономики Института Дальнего Востока АН СССР дали задание составить прогноз социально-экономического развития КНР до 2000 года. В то время мы получили в единственном экземпляре изданный Государственным статистическим управлением КНР статистический сборник «Чжунго тунци няньцзянь» за 1981 год, в котором были опубликованы не только отрывочные данные за период с 1960 по 1981 год, но и данные ранее закрытой для всего мира 2-й Всекитайской переписи населения КНР 1964 года. Также были известны ориентировочные экономические показатели на 2000 год, выдвинутые XII съездом КПК (сентябрь 1982 г.). В материалах съезда указывалось, что к 2000 году показатель валовой продукции промышленности и сельского хозяйства должен увеличиться в 4 раза (*фань лян фань*), то есть дважды вдвое. На основе имевшихся ориентировочных данных — в 2000 г. численность населения страны не долж-

на была превысить показатель 1,2 млрд. чел., а четырехкратное увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства по сравнению с 1980 г. должно было достичь 2800 млрд. юаней, были составлены прогнозные показатели на 2000 год. По сравнению с опубликованными социально-экономическими показателями народного хозяйства КНР на 1981 года полученные результаты удивили участников прогноза. Практически все, и участники данного прогноза, и рецензенты отнеслись скептически к полученным результатам и считали, что этого не может быть. Однако на практике уже в 1995 г. численность населения Китая составила 1,211 млрд. чел., а объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 2885,3 млрд. юаней в 1994 г. (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2001 (Китайский статистический справочник — 2001), Пекин, 2001, с. 5, 16–17*).

В 1984–1985 гг. мне довелось попасть на стажировку в Институт труда и кадров Китайского Народного университета. В ходе стажировки состоялось немало бесед с китайскими профессорами по проблемам экономической реформы, удалось изучить большое количество материалов на эту тему, самому исследовать проблемы китайской реформы, включая материалы 3-го пленума ЦК КПК 12 созыва (октябрь 1984 г.). В рамках стажировки удалось посетить огромное количество предприятий различных форм собственности от крупных государственных предприятий и совместных предприятий с участием иностранного капитала до мелких индивидуальных и частных предприятий в городах Ухань, Шанхай и Чанчжоу, а также более 10 городов и поселков, включая действовавшие на тот момент народные коммуны, одна из которых — «Сыцзицин» («Вечнозеленая») находилась на расстоянии одного километра от Китайского Народного университета. Общий вывод по итогам стажировки в Китай был таков, что страна шагает вперед быстрыми темпами, о чем свидетельствует быстрый рост жизненного уровня населения, особенно в де-

ревне, но по общему уровню развития состояние китайской экономики в целом напоминает советскую экономику конца 50-х годов.

После этой поездки мне еще в течение ближайших десяти лет несколько раз доводилось посещать Китай. Наиболее интересная поездка состоялась в 1991 г., когда происходил распад Советского Союза. Целью поездки было посещение экономически наиболее развитой территории Китая — это сельские районы юга провинции Цзянсу в дельте реки Янцзы, где результаты реформы были наиболее заметны. Нашей делегации довелось посетить волость Хуаси недалеко от города Уси, которая в настоящее время является одной из самых зажиточных волостей в Китае. Тогда планы руководства волости по развитию деревни казались фантастикой, однако, когда в 2011 году мне вновь довелось посетить эту волость и сравнить ее с тем, что я видел 20 лет назад, я был буквально потрясен прогрессом в ее развитии. В центре деревни как символ богатства волости стояла башня высотой 328 метров, внутри которой была размещена статуя льва из чистого золота. Все жители этой деревни проживали в двухэтажных коттеджах, в целом по уровню благоустройства деревня мало чем отличалась от города, а большая часть жителей была занята вне сферы сельского хозяйства и большую часть доходов составляли доходы от деятельности вне сферы сельского хозяйства.

Позднее в течение нескольких лет я работал в Тамканском университете на Тайване и в 1997 г. принимал участие в одной из международных научных конференций в Пекине. Тогда мне удалось наглядно сравнить уровень социально-экономического развития в Китае и на Тайване. Как мне тогда показалось, Китаю еще было далеко до Тайваня практически по всем показателям, начиная от состояния столичного международного аэропорта «Шоуду» и заканчивая одеждой жителей в китайской столице Пекине.

Однако через три года, в 2000 году, когда появилась возможность приехать в командировку в город Далянь на Северо-Востоке Китая, ситуация в экономике заметно изменилась. В ходе поездки по стране было сделано много фотографий, которые были показаны коллегам. Один из них спросил, показывая на панораму Даляня: «Это что — Гонконг?» Я сильно удивился и ответил, что так выглядит китайский город Далянь, ранее он назывался Дальний. Так ко мне пришло понимание того, что в экономическом плане Китай сделал гигантский рывок и оторвался не только от большинства развивающихся стран, но и от России.

Такой рывок Китай смог сделать в результате начавшейся в конце 1978 года экономической реформы, которая развернулась сразу после решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва о переходе на систему подворного подряда в китайской деревне. Эта мера сразу привнесла рыночные отношения в командно-административную систему экономики КНР, где предприятия и народные коммуны (не говоря уже о производственных бригадах) не могли выступать в роли самостоятельных товаропроизводителей (или экономических субъектов). В социально-экономической структуре КНР возникли рыночные отношения на основе отдельных крестьянских хозяйств, функционировавших по системе различных видов подворного подряда, таких, как семейный подряд, специализированный подряд и др. В Китае стало развиваться товарное хозяйство, которое год за годом стало охватывать все сектора экономики. Если в 1978 г. действовали только две формы собственности — государственная и коллективная, то в течение последнего десятилетия ведется официальная статистика по десяти формам собственности и отдельно по волостно-поселковым предприятиям в деревне.

В результате используемой в КНР модели постепенного перехода к рыночной экономике за 30 лет реформ по объему ВВП Китай вышел на 2-е место в мире, по объему внешней

торговли и экспорта продукции — на 1-е место в мире, заметно вырос жизненный уровень населения. На состоявшейся в октябре 2008 г. в Пекине организованной Центром изучения теории Дэн Сяопина Пекинского университета международной конференции на тему **«30 лет реформам и открытости: китайский путь и видение мира»** главной темой дискуссии стало обсуждение вопроса сочетания социализма и рыночной экономики в мире, исходя из китайского опыта 30 лет реформ. По мнению большинства участников конференции, «успехи реформ подтверждают правильность социалистического пути», а «основой успехов является найденный путь социализма с китайской спецификой в свете дальнейшего развития идей К. Маркса. В докладах конференции отмечалось, что китайский путь реформ стал широко признан в мире, и в качестве примера назывались такие страны как Вьетнам, Алжир и Сирия» (См.: *Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме*, под ред. А.В. Островского, М., ИД «Форум», 2012, с. 11).

Китайский путь — это творческое обобщение опыта экономического строительства разных стран — СССР, Югославии, Кубы, Венгрии, Чехословакии и других. В ходе конференции был сделан вывод о том, что китайские успехи — это результат того, что Китай не стал следовать указаниям Запада, а нашел свой путь перехода от плана к рынку, который стал возможен под руководством движущей силы — КПК. В настоящее время Китай создает свою модель развития на основе достижений экономической реформы и социализма с китайской спецификой. В Китае отбросили устаревшую традиционную модель плановой экономики по образцу СССР и пошли по китайскому пути развития — тесная связь экономики с политической реформой. Как представляется, китайский путь — это третий путь развития социализма (не план

и не рынок), который подразумевает новую стратегию развития общества.

Как показывают итоги проводимых реформ в различных странах бывшего СНГ и Восточной Европы с экономикой командно-административного типа, результаты реформы отнюдь не определяются темпами ее проведения, а скорее, даже наоборот. Если в этом плане рассматривать результаты реформ в разных странах, то КНР можно отнести к странам, которые добились наибольших успехов в этом направлении, а Россия их почти не имеет.

КПК в очередной раз подтвердила свою приверженность «социализму с китайской спецификой». Об этом свидетельствуют принятые на XIX съезде КПК основные документы, согласно которым Китай идет к осуществлению «двух вековых целей» — к 2020 году (100-летию образования КПК) построить общество «малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*) и к 2049 году (100-летию образования КНР) «на основе осуществляемой модернизации построить богатую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую мощную державу» (См.: *Си Цзиньпин дайбяоды шиба цзе Чжунъян вэйюаньхуэй сян данды шицзю да цзо баогао / Жэньминь жибао, 19.10.2017*).

Следует отметить, что XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) Китай встретил огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. Было отмечено быстрое и стабильное развитие экономики за последние годы, что выражалось в высоких темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП), промышленности и сельского хозяйства. При сравнении результатов социально-экономического развития Китая за этот период по сравнению с результатами таких стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, при сравнении Китая и Индии, которые в начале 80-х гг. находились на одном уровне, Китай в настоящее время опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России

по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего $\frac{1}{7}$ часть китайской (См.: *Чжунго тунцизи няньцзянь — 2016*), Пекин, 2016, с. 948).

В целом, как показал XIX съезд КПК, «Китай достиг больших успехов в социально-экономическом развитии на основе модели социалистического развития, а именно — марксизма-ленинизма, обогащенного идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, концепциями «трех представительств» Цзян Цзэмина, «научного развития» Ху Цзиньтао и «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новый век», и в дальнейшем планирует добиться еще больших успехов к середине XXI века на основе этих идей» (См.: *Си Цзиньпин дайбяоды шиба цзе Чжунъян вэйюаньхуэй сян данды шицзю да цзо баогао / Жэньминь жибао, 19.10.2017*).

В Китае сложилась переходная модель особого восточного типа, отличная от европейской, которая характеризуется более постепенными мерами развития в экономической, политической и социальной сфере. Реформа в КНР начиналась в сельских районах в сфере сельского хозяйства, так как там была занята большая часть населения и где была большая доля переменного, а не постоянного капитала. При переходе к концепции рыночной экономики не отказались от ее сочетания с социализмом. По-прежнему во всех партийных и государственных документах употребляются термины «социализм», «социалистический путь развития» и, наконец, «социализм китайского типа». В результате осторожных, постепенных методов преобразований удалось избежать краха экономики, резкого падения объемов валового внутреннего продукта, высокой инфляции, развала экономики и социальных волнений при проведении рыночных реформ в отличие от России и стран Восточной Европы.

Всю историю социально-экономического развития КНР за 70 лет с 1949 по 2019 гг. можно разделить на два периода: 1949–1978 гг. — развитие командно-административной плановой экономики; 1978–2019 гг. — экономические реформы

в Китае. Проводимая в КНР экономическая реформа стала переходом от командно-административной, плановой экономической модели развития экономики к рыночной экономике при сохранении курса на строительство социалистического общества. К концу 70-х гг. стало ясно, что плановая экономика при сохранении командно-административной системы не в состоянии обеспечить решение основных социально-экономических задач, стоящих перед обществом, догнать по уровню социально-экономического развития развитые страны мира и на этой основе обеспечить рост жизненного уровня населения. Поэтому с начала 80-х гг. в КНР начали проводить экономические реформы, направленные на **постепенный переход от плановой к рыночной экономике** и отказ от командно-административной системы. В результате в настоящее время Китай по объему валового внутреннего продукта (ВВП) занимает первое место в мире по паритету покупательной способности и второе место в мире после США по текущему валютному курсу в пересчете ВВП на доллары. В результате проведения экономической реформы заметно вырос жизненный уровень населения страны, и Китай успешно решает задачу построения общества «малого благоденствия» (*сяокан*), которое планируют построить к 2021 году — 100-летию образования КПК.

Представленная работа состоит из трех глав, посвященных детальному анализу китайского пути реформ за 40 лет, основным направлениям и проблемам при осуществлении реформы и внешнеэкономическим факторам развития китайской экономики. Особое внимание в работе уделено подробному статистическому анализу развития китайской экономики, что дает возможность ответить на вопрос, каким образом Китаю удалось добиться таких успехов в экономике за 40 лет реформ.

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

1. КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ РЕФОРМЫ В ПЛАНАХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Китайская экономическая реформа началась в декабре 1978 года после принятого 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва решения о переходе на систему семейного (подворного) подряда. С конца 70-х — начала 80-х годов руководители КНР после внимательного изучения опыта развития административно-хозяйственной, плановой экономики в СССР, действовавших в течение некоторого времени смешанных моделей плановой и рыночной экономики в таких странах, как СФРЮ, ЧССР и ВНР, а также ряда работ теоретиков смешанной экономики (В. Брус в Польше, О. Шик в Чехословакии, Я. Корнай в Венгрии) пришли к выводу о необходимости внести серьезные изменения в действовавшую в стране плановую модель экономического развития. Однако, как позднее выяснилось, **коренным отличием проводимой в Китае экономической реформы от аналогичных реформ в РФ и странах Восточной Европы с переходной экономикой стала ее неторопливость, последовательность и поэтапность в проведении мероприятий при переходе к рынку.** Как показывает анализ работ главных теоретиков и практиков китайской реформы, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку вполне соответствует российским реалиям, но практические мероприятия реформы в значительной мере определяются конкретной

китайской спецификой (См.: *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Чжунго цзинцзи гайгэ юй фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие). Изд-во «Саньянь шудянь», Шанхай, 1999; Ли Теин. Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). Пекин, 1999 и другие).*

Китай не пошел по пути радикального перехода к новой экономической и политической системе, а ограничился реформами, связанными с последовательным переходом от плановой к рыночной экономике, разбитым на четыре этапа: 1) 1979–1984 гг. — «плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение»; 2) 1984–1993 гг. — «плановая товарная экономика»; 3) 1993–2002 гг. — «социалистическая рыночная экономика»; 4) 2003–2013 гг. — «совершенствование социалистической рыночной экономики»; 5) с 2014 г. — «переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов». В ходе реформы управления предприятиями все большее число рабочих и служащих становятся акционерами, на многие акционерные предприятия и предприятия с участием иностранного капитала административно-управленческий персонал набирается по конкурсу, а не по назначению КПК и вышестоящих ведомств. В настоящее время происходит формирование новой экономической системы, где главным звеном является расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля. Представляется разумным общий подход руководства КНР к проведению реформы, обеспечивающий постепенный переход к рыночной экономике без «шоковой терапии» и постоянное повышение жизненного уровня населения. Такие впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Там отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, и была выработана своя теория «социалистической рыночной

экономики», которая по сути дела и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной к рыночной экономике, где «была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной теории рыночной экономики» (См.: *Цюши, 1999, № 6, с. 19*).

На наш взгляд, обе страны — Россия и Китай являются странами с переходной экономикой. Основное отличие переходных экономик обеих стран состоит в том, что **в Китае переход от плана к рынку носит эволюционный характер** при контроле за этим процессом государства и прямом и непосредственном участии Коммунистической партии Китая (КПК), а **в России — революционный**, где КПСС передала государственную власть в обмен на собственность, и в результате государство оказалось в значительной степени отстранено от процесса управления переходом к рыночной экономике.

В 90-е гг. мало кто ожидал таких успехов от китайской экономики. Значительная часть политиков и ученых, как в нашей стране, так и за рубежом ожидали, что Китай, как СССР и другие страны Восточной Европы, в результате краха марксистской идеологии начнет распадаться на отдельные страны. Это повлечет за собой экономический кризис на всей территории страны наподобие ситуации в Китае в 20-е гг. XX века после Синьхайской революции.

Однако успехи китайских реформ к концу XX века, вступление КНР в ВТО в 2001 г., успешное преодоление экономических трудностей в годы мирового финансового кризиса в 2007–2008 гг., выход на 2-е место в мире по объему ВВП по валютному курсу и на 1-е место по паритету покупательной способности, на 1-е место в мире по объему внешней торговли и экспорта, усиление китайской валюты — юаня и включение юаня в корзину обязательного резервирования валют, успехи в космических исследованиях, биотехнологиях и нанотехнологиях резко стимулировали интерес к ситуации в китайской экономике по всему миру. В мировой экономике

стал проявляться интерес к причинам и факторам, способствовавшим столь бурному экономическому росту КНР в последние десятилетия.

К концу 70-х гг. в КНР стало ясно, что продолжение прежней экономической политики, основанной на плановой экономике, государственной собственности, сохранении системы народных коммун в деревне и не имеющих собственных расчетных счетов крупных государственных предприятий в качестве придатков к министерствам и ведомствам, уравнительном распределении и самоизоляции от внешнего мира, выражавшейся в небольшом объеме внешней торговли — не может обеспечить решения основных задач, стоящих перед страной. В этих условиях руководство КНР решительно пошло на проведение комплексной экономической реформы, которая состоит в переходе от плановой к рыночной экономике при сохранении основных преимуществ прежней системы. Важной характерной чертой экономической реформы стало использование производственного потенциала, заложенного в 50–70-е гг. Это крупные предприятия тяжелой и военной промышленности, топливно-энергетического комплекса, транспорта, то есть костяк государственного сектора, обеспечивающий жизнедеятельность экономического потенциала Китая в годы экономических реформ.

В результате произошедших изменений уже в 1977 г. Дэн Сяопину удалось вернуться на все ранее занимаемые посты в партии и правительстве и в своей практической деятельности реализовать выдвинутый им тезис об ориентации на экономику как единственно верный шаг по пути выхода из кризиса и возрождения страны. Основные положения программы Дэн Сяопина были изложены им в докладе на 3-м пленуме ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г. «Решения 3-го пленума ЦК КПК о совершенствовании хозяйственного механизма и регулировании экономики стимулировали развитие в китайской деревне системы семейного подряда и производственной ответственности», что в немалой степени способствовало оздоровлению китайской экономики на рубеже 70–80-х годов.

Реформы в КНР начались с сельской местности в процессе развития системы семейного подряда и производственной ответственности. Часть производимой в деревне продукции стало можно продавать по рыночным, а не фиксированным государственным ценам, в результате чего в Китае сначала в сельской местности, а затем и в городе возникли сегменты свободного рынка, на котором стал действовать закон стоимости.

Комплексная программа развития КНР, стратегии реформы была рассмотрена и принята на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). В ходе работы съезда было принято решение о том, что **Китай будет строить социализм с китайской спецификой**. Главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма. На протяжении 40 с лишним лет реформы были выработаны пять основных экономических лозунгов, соответствующие четырем основным этапам реформы (см. табл. 1).

Таблица 1.

Основные этапы экономической реформы в КНР (1978–2020)

Период	Главный лозунг	Основное содержание реформ
1-й этап: декабрь 1978 г. – сентябрь 1984 г.	« Плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение »	Основное внимание уделялось деревне, но и в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ)
2-й этап: октябрь 1984 г. – декабрь 1991 г.	« Плановая товарная экономика »	Центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали основным звеном всей реформы в целом, и основное внимание при переходе к рынку было уделено реформе цен. При этом реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования.

Таблица 1 (продолжение)

Период	Главный лозунг	Основное содержание реформ
3-й этап: январь 1992 г. — сентябрь 2003 г.	«Социалистическая рыночная экономика»	Формировалась новая экономическая система, где главным является дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.
4-й этап: октябрь 2003 г. — 2013 г.	«Совершенствование социалистической рыночной экономики»	Выдвинута задача совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включало в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса), в интересах построения всестороннего общества «малого благоденствия» (<i>сяокан</i>) создание эффективной системы социального обеспечения.
5-й этап 2014 г. — настоящее время	«Переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов»	Определена необходимость углубления структурной реформы соотношения спроса и предложения и развитие «реальной экономики» (<i>шити цзинци</i>), то есть реального натурального производства продукции в противовес так называемой «фиктивной экономике» (<i>суйни цзинци</i>), то есть производство различных финансовых инструментов, таких как векселя, чеки, акции, облигации, деривативы, криптовалюта и др. Предусмотрен отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и между регионами страны. Для перехода к решающей роли рынка в распределении ресурсов большое значение приобрели совершенствование системы имущественных прав (<i>ваньшань чаньцяоань чжиду</i>) и использование

Таблица 1 (продолжение)

Период	Главный лозунг	Основное содержание реформ
5-й этап 2014 г. — настоящее время	«Переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов»	рыночных механизмов для развития экономики, таких как управление финансами и ресурсами, а также дальнейшее продвижение «открытости» (<i>кайфан</i>) в экономике, в центре которой должна стать инициатива «Один пояс — один путь».

Надо отметить, что первые два этапа были лишь подготовкой для реализации концепции экономической реформы в Китае. Лишь в ходе третьего этапа после поездки Дэн Сяопина на юг в январе 1992 г. постепенно стал происходить переход к рыночной экономике, построенный на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений. Фактически, по-настоящему переход от плановой к рыночной модели экономики в КНР начался только в 90-е гг. XX века.

В 90-е гг. в Китае ведущими учеными-экономистами страны совместно с государственными структурами были составлены долгосрочные программы социально-экономического развития страны на 1996–2010 гг. и 2011–2030 гг. Согласно этим программам в течение 15 лет — с 1996 по 2010 гг. темпы прироста ВВП должны были составить в среднем 8–9% годовых. В результате показатель валового внутреннего продукта должен был достичь 20 трлн. юаней, а ВВП на душу населения — 14 000 юаней. Согласно этим программам к 2010 г. соотношение ВВП по трем секторам экономики должно было составить 11:49:40, занятых — 34:32:34, а доля городского населения — 60% общей численности населения страны (См.: *1996–2050 гг.: Чжунго шэжуэй фацжань чжаньлюэ — цзоу сян сяньдайхуады гоучэн (1996–2050) (Стратегия социально-экономического развития — концепция пути к модернизации). Под редакцией Ли Чэнсюня, Пе-*

кин, 1997, с. 35–36). Объем внешней торговли должен был составить 1300 млрд. долл., а доля экспорта продукции обрабатывающей промышленности превысить 90%. При этом предусматривался рост жизненного уровня населения, который предполагал рост уровня потребления населения на 7% в год, средний показатель уровня потребления населения — 7400 юаней в год, соотношение между уровнем потребления в деревне и городе — 1:2, а средний размер жилой площади в городе на одного человека — 14 кв. м.

В составленных в 90-е гг. программах социально-экономического развития экономики КНР на 2011–2030 гг. уже были запланированы более низкие темпы роста ВВП с учетом достигнутых экономических показателей — 6–7% годовых при достижении объема ВВП 70 трлн. юаней в 2030 г., а ВВП на душу населения — 45 000 юаней в год. При этом соотношение ВВП по трем секторам экономики должно было составить 8:42:50, доля ВВП в производстве продукции новых и высоких технологий вырасти до 30%, а уровень урбанизации — составить 65% численности населения страны. Рост внешней торговли должен быть таким, чтобы ее доля в ВВП постоянно увеличивалась, а объем внешней торговли составить 6500 млрд. долл. к 2030 г. Уровень потребления населения должен увеличиваться в среднем по 6% в год до 2030 г., а соотношение между уровнем потребления в деревне и городе составлять — 1:1,5, а Китай по общему уровню доходов должен войти в число стран со средневысоким уровнем доходов (См.: 1996–2050 гг.: *Чжунго шэжунэй фачжань чжаньлюэ — цзоу сян сяньдайхуады гоучэн (1996–2050) (Стратегия социально-экономического развития — концепция пути к модернизации)*. Под редакцией Ли Чэнсюня. Пекин, 1997, с. 39).

Как мы видим, среднегодовые темпы прироста ВВП за годы реформ оказались довольно высокими, и КНР по темпам прироста ВВП занял 1-е место в мире: в 1979–2010 гг. — 9,9%,

в 1991–2010 гг. — 10,5%, в 2001–2010 гг. — 10,5%, с 2001 по 2018 гг. — 9,2% (табл. 2). Только за годы реформы с 1978 по 2019 гг. объем ВВП вырос в 115 раз, а с 1978 по 2019 гг. — в 269 раз. При этом продолжался устойчивый рост производства практически всех видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в 1979–2019 гг.

Годы	Темпы прироста (%)
1996 – 2010 (план)	8 – 9%, в среднем – 8,5%
1979 – 2010 (факт)	9,9%
1991 – 2010 (факт)	10,5%
2001 – 2010 (факт)	10,5%
2011 – 2030 (план)	6 – 7%, в среднем 6,5%
2011 – 2017 (факт)	6,6 – 9,5%
2011 (факт)	9,5%
2012 (факт)	7,9%
2013 (факт)	7,8%
2014 (факт)	7,3%
2015 (факт)	6,9%
2016 (факт)	6,7%
2017 (факт)	6,8%
2018 (факт)	6,6%
2019 (факт)	6,1%

Составлено по: 1996–2050-нянь. Чжунго цзинци шэжуй фачжань чжаньлюэ – цзосян сяндайхуады госян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая – концепция пути к модернизации). Под ред. Ли Чэнсюня. Пекин, 1997, с. 36–39; Чжунго тунци чжайяо – 2018, Пекин, 2018; 2018-нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года; 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года.

В Китае, используя стратегию сравнительных преимуществ, стали развивать трудоемкие отрасли производства — сельское хозяйство, легкую промышленность, торговлю, услуги, что позволило уже на первом этапе обеспечить прирост дефицитных ресурсов за счет выхода отраслей на границу производственных возможностей. В Китае происходило перераспределение доходов через двухколейную систему цен, распределение ресурсов и через государственный бюджет. Передача прав предприятиям и разрешений им распоряжаться прибылью на микроуровне стимулировали создание новых ресурсов и их размещение в подавляемых отраслях экономики в погоне за прибылью. Это обусловило высокий экономический рост и упорядочение отраслевой структуры с помощью государственной политики налоговых и кредитных льгот для убыточных или малорентабельных, а также трудоемких отраслей с высоким порогом инвестиций — электроника, угольная, машиностроение, приборостроение и др.

В начале XXI века Китай продолжал развивать экономическую реформу в стране. Как отмечалось в документах XVI съезда КПК, состоявшегося в ноябре 2002 г., Китай успешно справился с задачами первого и второго этапа программы «трех шагов», что позволило решить задачу «обогреть и накормить» (*вэньбао*) народ и обеспечить повышение жизненного уровня населения. Началась реализация третьего этапа программы, целью которого является выход на уровень экономически развитых стран (См.: *Гуанмин жибао*, 9.11.2002; 24.10.2000).

В Китае признают многие проблемы, с которыми столкнулась страна при переходе от плановой к рыночной экономике, такие как наличие противоречий между растущими потребностями народа и отсталым общественным производством, сохраняются большие межрегиональные различия, по-прежнему велика доля бедного населения, увеличивается доля людей пожилого возраста, сохраняются проблемы

трудоустройства и социального обеспечения. На XVI съезде КПК было объявлено (2002 г.), что эти проблемы можно решить только на основе осуществления стратегических задач «третьего шага» модернизации и решения задачи построения «общества малого благоденствия» (*сяокан шэжуй*). Для решения этой задачи в экономической сфере было намечено увеличить к 2020 году валовой внутренний продукт в 4 раза по сравнению с 2000 годом (в пересчете по официальному валютному курсу — свыше 4 трлн. долл.), значительно усилить совокупную мощь страны и международную конкурентоспособность, осуществить в основном индустриализацию, создать совершенную систему рыночной экономики и открытую экономическую систему, повысить удельный вес городского населения, устранить тенденции к увеличению различий между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, отдельными регионами, совершенствовать систему социального обеспечения, сделать более полной общественную занятость, повышать доходы населения и обеспечить народу более зажиточную жизнь.

Анализ материалов XVI и XVII съездов КПК (2002 и 2007 гг.) показывает, что в Китае видели дальнейшие пути социально-экономического развития страны не в ускоренной приватизации государственных предприятий и тотальной либерализации цен по всей стране, а в расширении внутреннего спроса и переходе к активной финансовой и умеренной монетаристской политике. Многочисленные материалы, посвященные анализу итогов 9-й пятилетки и задач 10-й пятилетки, опубликованные в газете «Чжунго шичан цзинци бао» в марте-апреле 2001 года, показали реалистичность намеченной китайским руководством программы социально-экономического развития страны (Подробнее см.: *Китай: фундамент успехов XXI века. Ред. М.Л. Титаренко, М., ИДВ РАН, 2002*). Китай стал одной из немногих стран в Восточной Азии, которая смогла сравнительно безболезненно пре-

одолеть негативные последствия азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и в целом решить кризис внутреннего спроса. Оказалось, что Китай успешно смог противостоять негативному влиянию мировых кризисных явлений и не допустить девальвации юаня в отличие от большинства стран Азии и мира. Более того, Китай лишь в малой степени затронул мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. благодаря сравнительно высокой степени автономности китайской экономики от мировой экономики.

При разработке экономической политики в последние годы в КНР основное внимание было уделено изменениям совокупного спроса, который был основным фактором формирования тенденций социально-экономического развития страны. Как мы видим по итогам развития народного хозяйства КНР, в годы реформ продолжался стремительный рост китайской экономики, выражавшийся не только в сохранении высоких темпов прироста валового внутреннего продукта, но и объема внешней торговли, привлеченных иностранных инвестиций, накопленных золотовалютных запасов. Продолжающийся уже 40 лет рост китайской экономики определяется двумя основными факторами — внутренними и внешними. С 1979 по 2009 гг. темпы роста ВВП в среднем составили 9,9%, а его общий объем в 2009 г. достиг показателя 33,5 трлн. юаней, объем внешней торговли увеличился в 2008 г. до 2,562 трлн. долл., объем прямых иностранных инвестиций составил 92,4 млрд. долл., а объем золотовалютных запасов составил 1,946 трлн. долл. Особенно быстрыми темпами происходил рост основных экономических показателей после вступления КНР в ВТО с 2001 г., как показано в табл. 3 ниже.

Таблица 3.

**Основные показатели экономического развития КНР
до и после вступления в ВТО в 2001 г.**

Годы	1990	2001	2005	2009	2013	2017	2018	2019
Валовой внутренний продукт (млрд. юаней)	1887	11086	18732	34852	59296	82075	90031	99067
Внешняя торговля (млрд. ам. долл.)	115,4	509,6	1420	2207	4159	4104	4623	4640
Экспорт	62,1	266,1	762,0	1202	2209	2263	2487	2534
Импорт	53,3	243,5	660,0	1005	1950	1844	2136	2106
Объем иностранных инвестиций (млрд. ам. долл.)	10,3	49,7	60,3	90,0	117,6	131,0	135,0	138,1
Объем золотовалютных запасов (млрд. ам. долл.)	11,09	212,2	818,9	2399	3821	3140	3073	3108

Источники: *Чжунго тунци чжайяо – 2009, Пекин, 2009, с. 10–11, 86, 20, 24, 65, 73, 85; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 27, 92, 101, 164; 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года.*

К главному внутреннему фактору развития следует отнести взвешенную социально-экономическую политику, направленную не на ускоренную приватизацию государственных предприятий и тотальную либерализацию цен по всей стране, а на расширение внутреннего спроса и переходу к активной финансовой и умеренной монетаристской политике. При выработке экономической политики в последние годы в КНР основное внимание было уделено изменениям совокупного спроса, который был основным фактором формирования тенденций социально-экономического развития страны. В результате такого

подхода среднегодовые темпы прироста ВВП в сопоставимых ценах за годы реформ с 1979 по 2009 гг. составили 9,9%, что значительно выше среднегодовых темпов развития мировой экономики — 3,8%. Таким образом, в XXI веке Китай смог выйти на новые экономические рубежи — 9,921 трлн. ю в 2000 г. и 33,5 трлн. ю в 2009 г., то есть существенно превысить показатель 1 трлн. ам. долл. по текущему валютному курсу юаня к доллару, не говоря уже об этом показателе по паритету покупательной способности. К этому следует добавить успешное осуществление полета пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-6», который означает выход Китая на мировой уровень в некоторых наиболее важных областях науки и техники.

На наш взгляд, одним из главных факторов, обеспечивающих высокие показатели экономического роста в начале XXI века, является рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства. По оценкам экспертов из ГСУ КНР, было выделено семь основных факторов, которые способствуют и в дальнейшем будут способствовать экономическому росту страны: 1) рост рыночного спроса на селе в результате снижения платы за электричество; 2) рост потребления услуг населением в сфере образования, культуры и здравоохранения; 3) приобретение личных автомобилей; 4) выпуск облигаций государственного займа для развития капитального строительства в инфраструктуре; 5) увеличение расходов горожан на покупку жилья; 6) рост инвестиционного спроса предприятий; 7) расширение внешнего рынка после вступления КНР в ВТО (Подробнее см.: *Цзинцзи жибао*, 14.01.2002).

В результате последовательного выполнения ее задач в Китае к 2050 году должны быть достигнуты такие стратегические цели, как всесторонняя социалистическая модернизация, необходимая для достижения зрелости социально-экономического развития; значительное повышение статуса страны на международной арене и выход на первое место

в мире по совокупной государственной мощи; выход в ряды стран со средним уровнем ВВП на душу населения; создание зажиточной, счастливой жизни для народа; превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной цивилизации (См.: *1996–2050 нянь Чжунго цзинцзи шэжуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — оценка путей модернизации). Пекин, 1996, с. 24–25).*

В начале декабря 2002 г. состоялось совещание Политбюро ЦК КПК под руководством нового Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, на котором был дан анализ нынешней экономической ситуации в стране и проведено обсуждение работы в области экономики на будущий год. По итогам этого совещания 9–10 декабря 2002 г. в Пекине состоялось рабочее совещание по проблемам экономики, на котором были намечены цели и задачи китайской экономики на новом этапе реформы. На совещании отмечалось, что «с 1998 года в результате азиатского финансового кризиса и колебаний мировой экономики в стране проводился курс на расширение внутреннего спроса, активную финансовую политику и умеренную денежную политику, тем самым сохранялся быстрый экономический рост» (*Жэньминь жибао, 11.12.2002*). Предварительные экономические результаты 2002 года также показывают хорошие перспективы китайской экономики в XXI веке. Как отметил руководитель ГСУ КНР Чжу Чжисинь, «стабильный и быстрый рост китайской экономики в 2002 году в значительной степени обеспечивается расширением инвестиций, ростом потребления и экспорта» (*Жэньминь жибао, 15.12.2002*). В результате после вступления КНР в ВТО за счет внешнеэкономических факторов объем валового внутреннего продукта ВВП должен будет превысить 10 трлн. юаней, среднегодовые темпы прироста ВВП составят 8%, объем внешней торговли вырастет на 90 млрд. ам. долл.

и составит 600 млрд. ам. долл., а общий объем прямых иностранных инвестиций будет превышать 50 млрд. ам. долл. и по этому показателю Китай обгонит США и выйдет на первое место в мире (*Жэньминь жибао*, 09.12.2002). На практике Китай вышел на запланированные на XVI съезде КПК социально-экономические показатели развития страны уже в 2002 г. через год после вступления в ВТО.

Управление народным хозяйством КНР определяется политикой КПК, которая в большинстве случаев не ограничивает свою деятельность выработкой стратегии развития, а принимает непосредственное участие в управлении. В Китае за годы реформы произошло разделение функций, обязанностей и прав между партийными и государственными законодательными и исполнительными органами. Одни осуществляют выработку стратегии развития страны, другие отвечают за решение различных долговременных и текущих задач развития экономики.

Главным в управлении экономическими процессами является разработка различных нормативных актов — государственных, партийных и общественных, которые направляют развитие страны. Основным документом, определяющим планирование социально-экономического развития в КНР, является Конституция КНР, принятая в декабре 1982 г., и соответствующие законы, установленные на ее основе. Все последующие поправки были связаны с изменением форм собственности по мере развития рыночной экономики и совершенствования структуры государственной власти.

Изменения в Конституции КНР с 1988 по 2004 гг.

1988	<i>Статьи 10 и 11.</i> Легализация частных хозяйств и разрешение на аренду земли.
1993	<i>Статья 15.</i> Преобразование государственного сектора экономики (<i>гоин цзинцзи</i>) в сектор экономики, основанный на государственной собственности (<i>гоу цзинцзи</i>)
1999	<p><i>Введение к Конституции КНР</i> Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма</p> <p><i>Статья 5.</i> КНР управляется согласно законам и становится социалистическим правовым государством.</p> <p><i>Статья 6.</i> Установлен принцип оплаты по труду.</p> <p><i>Статья 11.</i> Частный сектор — важная составляющая социалистической рыночной экономики</p>
2004	<p><i>Введение к Конституции КНР</i> Введены понятия:</p> <p>1) «три представительства» (<i>саньгэ дайбяо</i>), что означает представительство КПК интересов всего народа, включая интересы предпринимателей;</p> <p>2) «социалистическая гармоничная и духовная культура» как связь «трех представительств с социалистической модернизацией»;</p> <p>3) «строители социализма», то есть возникшие в период социальных перемен новые социальные слои</p> <p><i>Статья 10.</i> Изъятие или реквизиция земли возможна только при наличии соответствующей компенсации</p>

Таблица 4 (продолжение)

<p>2004</p>	<p><i>Статья 11.</i> Государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики. Государство поощряет, поддерживает и оказывает направляющее воздействие на развитие необщественных хозяйств, в соответствии с законом осуществляет в отношении необщественного сектора экономики контроль и регулирование.</p> <p><i>Статья 13.</i> Недопустимо посягательство на имущество граждан, находящееся в частной собственности. Государство может в интересах общественных нужд и в соответствии с законом проводить изъятие или реквизицию частной собственности за соответствующую компенсацию.</p> <p><i>Статья 14.</i> Государство создает и совершенствует систему социального обеспечения, которая соответствует уровню экономического развития.</p> <p><i>Статья 33.</i> Государство уважает и защищает права человека.</p>
-------------	---

В 1982 г. согласно Конституции КНР было зафиксировано наличие в стране двух общественных секторов экономики — государственного и коллективного, а также государственно-капиталистического в лице смешанных предприятий с участием иностранного капитала и чисто иностранных капиталистических предприятий. В 1988 г. в Конституцию КНР была внесена поправка о наличии в экономике Китая частных хозяйств, которые были объявлены дополнением к социалистической экономике. Позднее, в 1999 г. все виды частного предпринимательства были объединены единым термином «необщественный сектор» (*фэй гоу цзинцзи*), в отношении которого государство осуществляет наблюдение и контроль, а также направляет его деятельность.

В 1993 г. произошло переименование государственного сектора экономики (*гоин цзинцзи*) в сектор экономики, основанный на государственной собственности (*гоу цзинцзи*). Такое переименование означало расширение прав предприятий, их самостоятельность, освобождающую от диктата государственного плана, но не от государственного контроля. Были также исключены из Конституции КНР положения о

подчинении предприятий общественного сектора государственному плану, о неукоснительном выполнении государственного плана. В настоящее время, согласно Конституции КНР, **к функциям государства относится формирование рыночной экономики, развитие хозяйственного законодательства и совершенствование макрорегулирования** (Подробнее см.: *Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития, М., ИДВ РАН, ИЭС РАН, 2006, с. 18–19*).

В КНР основными документами, определяющими необходимость внесения изменений в действующее экономическое законодательство или принятия новых законов и постановлений, связанных с экономической деятельностью, являются решения съездов КПК и пленумов ЦК КПК. Только после принятия основополагающих партийных документов развивается законотворчество на уровне высших органов законодательной власти — Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и исполнительной власти — Госсовета КНР, издающих постановления, министерств и ведомств Госсовета КНР, Народного Банка Китая и нижестоящих административных управлений, издающих подзаконные акты (правила). Такие же правила принимаются и правительствами административно-территориальных единиц провинциального уровня и сравнительно крупных городов. В ходе реформ только с 1979 по 2000 гг. ВСНП и ПК ВСНП приняли более 350 законов и постановлений по финансово-экономическим вопросам. Одновременно Госсовет КНР издал более 800 постановлений, а собрания народных представителей и местные правительства выработали свыше 20 тыс. нормативных актов. Все это позволило подвести правовую базу под различные изменения в экономике и определить права и обязанности субъектов рынка.

В ноябре 1993 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва было принято «Решение по некоторым вопросам создания системы социалистической рыночной экономики», в котором была поставлена задача формирования полноценной рыночной системы, превращение предприятий в субъектов рыночных отношений и совершенствование макроэкономического регулирования в соответствии с рыночными требованиями. В 1993–1994 гг. в соответствии с этими требованиями был принят ряд государственных постановлений, в том числе «Установки по изменению механизма управления предприятиями общенародной собственности» (так называемые «14 положений») и Закон о корпорациях. Согласно данному закону, корпорации должны действовать в условиях рынка и жесткой конкуренции и быть освобождены от прямого административного вмешательства. На сессии ВСНП 1998 г. был принят проект реформы структуры Госсовета КНР, предусматривающий передачу значительного числа полномочий местным органам власти, сокращение числа подразделений и структур в прямом подчинении Госсовета. В ноябре 2002 г. XVI съезд КПК определил основные направления дальнейшей реформы экономической системы, поставив задачи углубления рыночной экономики и совершенствования социалистической рыночной экономики. Для реализации поставленных на XVI съезде КПК задач по совершенствованию социалистической рыночной экономики в конце октября 2003 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва был принят документ «Решение по некоторым вопросам совершенствования социалистической рыночной экономической системы», в котором была изложена новая концепция «человек — основа всего» (*и жэнь вэй бэнь*) и подчеркнута необходимость создания гармоничного общества (*хэсе сехуэй*).

Основными законодательными актами в сфере государственного стратегического планирования и программ в области социально-экономического развития

являются принятые на сессиях ВСНП в 1996, 2001, 2006, 2010 и 2016 гг. пятилетние планы социально-экономического развития КНР, которые имеют силу закона. В частности, в 1996 г. на сессии ВСНП были приняты «Основные положения девятого пятилетнего плана (1996–2000 гг.) экономического и социального развития КНР и перспективной программы до 2010 г.». В рамках принятых решений съездов КПК и пленумов ЦК КПК высшим исполнительным органом — Госсоветом КНР и подведомственными министерствами экономического блока для реализации принятых на сессиях ВСНП программ социально-экономического развития страны разрабатываются подзаконные акты, состоящие из двух видов: 1) постановления (*гуйдин*) — на уровне министерств; 2) правила или уведомления (*гуйцзэ* или *тунчжи*) — на уровне управлений и местных органов власти. В этих подзаконных актах отражаются конкретные мероприятия по реализации основных направлений реформы и для достижения нескольких базовых индикативных показателей, таких, как среднегодовые темпы роста ВВП, численность населения страны на определенный период и т. д. В настоящее время основным исполнительным органом, который отвечает за реализацию принимаемых раз в пять лет законов о пятилетних планах социально-экономического развития КНР, является **Государственный комитет по реформе и развитию**, разрабатывающий основные документы по дальнейшему развитию реформы.

В разработке долгосрочных и среднесрочных программ социально-экономического развития КНР **важную роль играет наука.** Ведущей научной организацией, которая осуществляет координацию всех работ по составлению прогнозов социально-экономического развития КНР, является **Центр развития Госсовета КНР.** Вместе с этим, важную роль в подготовке прогнозов социально-экономического развития КНР являются **Исследовательская группа стратегии**

устойчивого развития Академии наук Китая, которая с 1999 г. готовит развернутые прогнозные доклады в Госсовет КНР по основным проблемам социально-экономического развития страны. Значительное место в работе по прогнозированию социально-экономического развития Китая занимают различные институты Академии общественных наук Китая, в частности, Институт экономики, Институт количественных и технико-экономических показателей, Институт проблем китайской деревни и другие. В частности, под руководством ведущих ученых АОН Китая были подготовлены такие фундаментальные работы, как выпущенная в 1996 году «Стратегия социально-экономического развития Китая — взгляды на пути модернизации, 1996–2050 гг.» с предисловием ведущего китайского экономиста Лю Гогуана, «Основные тенденции развития китайской экономики в XXI веке» и «Научно-технический прогресс и модернизация для Китая» под редакцией Ли Цзинвэня, «Выбор стратегии для Китая в XXI веке» под редакцией Чжао Гуанъю. Китайские ученые на основе прогноза социально-экономического развития Китая до 2010 года составили прогноз социально-экономического развития страны до 2050 года. В своем прогнозе они не только выдвигают рекомендации по формированию стратегии экономического развития Китая до середины XXI века, но и предлагают конкретные пути перехода китайской экономики к «экономике знаний», где ведущую роль будут играть достижения в области науки и техники (Подробнее см.: *1996–2050 нянь Чжунго цзинцизи шэжуэй фацжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — взгляды на пути модернизации. Пекин, 1996; Экономика Китая вступает в XXI век. Ред. М.Л. Титаренко, М., ИДВ РАН, 2004; 21 шицизи Чжунго цзинцизи да цюйши (Основные тенденции развития китайской экономики в XXI веке), Шэньян, 1998; Кэцизи цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа (Научно-технический прогресс и модернизация*

Китай), Пекин, 1998; 21 шичзи Чжунгоды чжаньлюэ сюаньцзэ (Стратегический выбор Китая в XXI веке), Пекин, 2000).

Помимо ученых ведущих научных учреждений Китая, в составлении социально-экономических прогнозов развития китайского общества также принимают участие ведущие ученые китайских университетов, таких как Пекинский и Народный университеты и университет Цинхуа, многих отраслевых институтов различных министерств и ведомств, которые имеют сеть научных учреждений по всей стране на уровне провинций, а также местных Академий общественных наук на уровне провинций и городов. Более того, по результатам личных посещений автором этих научных учреждений на уровне провинций и городов можно прийти к выводу, что все эти структуры крайне заинтересованы в подготовке таких документов для правительств различного уровня управления. Использование результатов научных исследований в работе по подготовке программы развития региона и текущие рекомендации по проведению конкретных мероприятий реформы в определенной отрасли в данном регионе хорошо стимулируется как материально (выделяются дополнительные средства на исследования), так и морально (благодарственные письма от центрального и местного руководства и почетные грамоты исполнителям).

Основные изменения в системе планирования начались при составлении 10-го пятилетнего плана (2001–2005 гг.), который знаменовал собой полный переход от установления количественных показателей к качественным. Прежде всего, произошли принципиальные изменения в терминологии при изменении системы планирования в начале XXI века. Если раньше все документы по планированию народного хозяйства назывались «планами», а подготовка плана — «планированием» (*цзихуа*), то в начале XXI века документы уже назывались «программами», а сама работа по подготовке программ — «программированием» (*зуйхуа*). Всего насчи-

тывалось пять основных изменений при переходе к системе долгосрочного и среднесрочного планирования (или программирования) в начале XXI века при сравнении с системой планирования 80–90-х гг.:

- (1) ***От экономического планирования к планированию народного хозяйства и социального развития.*** До начала 80-х гг. осуществлялось количественное планирование показателей промышленного и сельскохозяйственного производства, создавалась независимая всеобъемлющая промышленная система. Все социальные показатели не входили в необходимые показатели исполнения пятилетнего плана. Начиная с 80-х гг. (6-я пятилетка), план развития народного хозяйства превратился в план развития народного хозяйства и социального развития. В показатели среднесрочных и долгосрочных планов включались уже не только экономические показатели, но и планы социального развития, развития «третьей сферы» экономики, охраны окружающей среды, защиты природных ресурсов и др., которые занимали все больше места в пятилетних планах.
- (2) ***От пятилетнего планирования как среднесрочного к сочетанию пятилетнего и долгосрочного планирования.*** Начиная с 90-х гг. (8-я пятилетка), в КНР стали составлять планы десятилетнего развития народного хозяйства, а с 9-й пятилетки (1996 г.) — долгосрочные планы развития народного хозяйства сразу на 15 лет. Таким образом, произошло сочетание среднесрочного и долгосрочного планирования при составлении народнохозяйственных планов в условиях перехода к рыночной экономике.
- (3) ***От директивного планирования к макроэкономическому, стратегическому и политическому планированию.*** По мере перехода к рыночной

экономике директивный характер планирования стал постепенно ослабевать при нарастающем развитии направляющего планирования (или программирования). Плановые показатели стали носить прогнозный и индикативный характер, и направляющее планирование уже было сконцентрировано на вопросах макроэкономического контроля, социального прогресса, окружающей среды и экономической структуры. Общее число традиционных количественных показателей все больше уменьшалось. Также уменьшалось общее количество плановых объектов капитального строительства.

- (4) ***От единого планирования к планированию по уровням управления.*** В ходе реформы и перехода от директивного к направляющему планированию заметно повысилась роль отраслевого и регионального планирования. Государственное планирование носит характер направляющего планирования в отношении планов экономического развития регионов и отраслей, тем не менее, ограничения незначительные, цели, задачи, политические мероприятия и показатели определяются на местах в рамках поставленной задачи на государственном уровне.
- (5) ***При составлении среднесрочных и долгосрочных планов повышение степени прозрачности информации.*** При составлении средне- и долгосрочных планов экономического развития значительно увеличивается объем информации для принятия решений субъектами экономической деятельности (предприятиями, организациями и др.), которые получают больше возможностей для обсуждения составляемых планов и программ экономического развития (См. подробнее: «Шциу» гуйхуа чжаньлюэ яньцзю (Исследование стратегического программирования 10-й пятилетки). Составле-

по Комитетом программирования и развития. Отв. ред. Тао Цинцзюнь, Изд-во «Жэнькоу», б.г., б.м., с. 554).

Основные изменения в системе подготовки государственных планов развития народного хозяйства произошли при составлении 10-го пятилетнего плана (2000–2005 гг.) в условиях вступления КНР в ВТО, ускорения реструктуризации мировой экономики, развития информатики и новых и высоких технологий, компьютеризации общества и развития научно-технического прогресса, значительного увеличения количества транснациональных корпораций (ТНК) и расширения масштабов их деятельности. В результате в Китае произошли значительные изменения в экономике, которые во многом способствовали изменениям в системе составления народнохозяйственных планов.

Как мы видим, в XXI веке руководство КНР отходит от методов директивного планирования, и в документах съездов и пленумов КПК и сессий ВСНП дается крайне мало конкретных плановых показателей развития народного хозяйства КНР, которые большей частью носят индикативный характер. В последнее время в качестве главного выступает **показатель роста ВВП в качестве среднегодовых темпов роста**. В частности, в работе Центра развития Госсовета КНР отмечалось, что среднегодовые темпы роста ВВП в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) должны сохраняться на уровне 8%, в 2011–2015 гг. — 7,5%. Согласно первоначальным планам, в 2010 г. показатель ВВП должен был составить 21,5 трлн. юаней (примерно 2,6 трлн. долл. по текущему валютному курсу) при показателе 1900 долл. в год на душу населения в 2010 г. В последующие 10 лет объем ВВП должен вырасти в 2 раза по сравнению с 2010 г. и составить 43 трлн. юаней (5,4 трлн. долл.) или примерно 3500 долл. на душу населения в 2020 г., и по этому показателю Китай должен войти в ряды стран со средним доходом на душу населения (См.: *Ван Мэнкуй. Гуаньюй «шииу» гуйхуа хэ 2020 нянь юаньцзин мубяоды жогань вэньти / Чжунго чжунчанци фачжаньды*

чжунъяо вэньти 2006–2020 (Некоторые вопросы относительно 11-го пятилетнего плана и долгосрочных целей на 2020 год/Основные вопросы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006–2020). Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин, Изд-во «Чжунго фачжань», 2005, с. 3–4). Однако на практике Китай заметно превысил первоначально намеченные показатели Центра развития Госсовета КНР. В 2010 г. объем ВВП составил уже 41,3 трлн. юаней (в 2 раза больше намеченного), а в 2020 г. этот показатель может превысить новый невиданный ранее рубеж — 100 трлн. юаней. Такая же ситуация и с ростом показателя ВВП на душу населения, который составил уже 30876 юаней (4540 долл.) в 2010 г. и превысил запланированный средний показатель на 2640 долларов на человека в год. Более того, в 2019 г. ВВП на душу населения составил 70982 юаня (или 10438 долларов), что почти в 3 раза превышает запланированный показатель Центра развития Госсовета КНР в начале XXI века.

Большая часть народнохозяйственных задач на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) и до 2020 г. была обнародована не в виде директивных показателей, которые необходимо выполнить любой ценой, а в виде абстрактных задач, которые были поставлены перед обществом. По итогам развития народного хозяйства КНР до начала 11-й пятилетки было отмечено шесть основных моментов, которыми характеризуется нынешний уровень экономического развития страны. Во-первых, социально-экономическое развитие страны вступило в новую стадию, характеризующуюся душевым показателем ВВП примерно 1400 ам. долл. в год, произошли изменения в потребительском спросе, урегулировании отраслевой структуры, ускорении процессов урбанизации. Во-вторых, расширились масштабы экономического роста, открывшиеся перед страной в результате ухода от инфляции. В-третьих, экономическая система по-прежнему сохраняла состояние определенного переходного качества, что предусматривало сохране-

ние всестороннего (*цюаньмянь*), сбалансированного (*сетяо*) и устойчивого (*кэчисюй*) развития. В-четвертых, сохранялись социальные противоречия, которые выражались в неравенстве доходов, безработице из-за структурной перестройки, миграции населения из-за двухсекторной экономики города и деревни. В-пятых, произошли большие изменения во внешней обстановке, которые выражались во вступлении КНР в ВТО и необходимости к концу 2006 года завершить «переходный период» для того, чтобы страна полностью соответствовала всем критериям членства в ВТО. И в-шестых, подверглась изменению «концепция развития» (*фачжань гуаньнянь*), в которую был заложен переход от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным методам, что предполагало заметное повышение роли науки и техники в развитии экономики.

В соответствии с оценкой социально-экономической ситуации в стране были поставлены основные задачи развития народного хозяйства КНР на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) и на последующие 10 лет. Как было отмечено в статье Ван Мэнкуя, «в планах развития народного хозяйства была определена лишь единственная конкретная цифра — четырехкратное увеличение показателя ВВП с 2000 до 2020 гг. Все прочие показатели трудно выразить в цифрах или нет необходимости это делать из-за изменяющихся условий» (См.: Ван Мэнкуй. Гуаньюй «шишу» гуйхуа хэ 2020 нянь юаньцзин мубяоды жогань вэньти / Чжунго чжунчанци фачжаньды чжунъяо вэньти 2006–2020 (Некоторые вопросы относительно 11-го пятилетнего плана и долгосрочных целей на 2020 год/Основные вопросы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006–2020). Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин, Изд-во «Чжунго фачжань», 2005, с. 3).

Как мы видим, руководство КНР перешло на новые методы управления экономикой, связанные не с директивным планированием различных экономических показателей, а к

формированию необходимых экономических условий для достижения намеченных целей и задач. В многочисленных газетных и научных статьях и материалах сессии ВСНП в марте 2006 г. было обозначено семь основных условий, которые необходимо реализовать для успешной реализации задач экономической реформы: 1) наличие сравнительно прочной материально-технической основы; 2) быстрое накопление капитала и высокий уровень инвестиций; 3) расширение внутреннего рынка; 4) наличие большого количества рабочей силы и природных ресурсов; 5) углубление реформ для развития созидательной среды; 6) социально-политическая стабильность; 7) благоприятная внешняя обстановка.

В процессе составления планов развития народного хозяйства КНР было выделено три вида планирования: 1) программное планирование; 2) планирование по основным объектам; 3) региональное и отраслевое планирование. Рассмотрим механизм формирования планов развития народного хозяйства КНР на примере составления программ развития экономики в 2011–2015 гг.

Программное планирование. Результатом программного планирования стало составление программы экономического развития по пятилеткам и долгосрочной программы развития до 2010 года. Этот вид планирования предусматривает составление комплексной стратегической программы развития народного хозяйства в начале XXI века, которая должна играть направляющую роль для всех остальных планов, как для годовых, так и для макроэкономической политики.

При составлении очередного пятилетнего плана на 2011–2015 гг. были намечены новые индикативные показатели, направленные на решение трех вышеупомянутых проблем. В отличие от прежних планов социально-экономического развития Китая, индикативные показатели 12-й пятилетки на 2015 год, помимо среднегодового прироста ВВП, включали в себя такие показатели, как доля добавленной

стоимости «третьей сферы» — 47%, урбанизации — 51,5%, доля расходов на НИОКР в объеме ВВП — 2,2%, количество изобретений и патентов — 3,3 на 10000 человек, доля возобновляемых энергоресурсов в объеме потребления первичных энергоресурсов — 11,4%, сокращение выбросов загрязняющих веществ — на 8–10% в год, безработица в городах — менее 5%, прирост численности населения — менее 7,2‰ в год, средняя ожидаемая продолжительность жизни — 74,5 лет, количество охваченных различными системами социального страхования в городе — 357 млн. чел. Иными словами, новые индикативные показатели 12-й пятилетки имели в значительной степени большую социальную направленность (см. табл. 5 ниже).

Таблица 5

Основные показатели социально-экономического развития территорий КНР (2005–2015 гг.)

Провинции, автономные районы, города	2005	2010		2015 (прогноз)	
			%		%
1. Экономические показатели ВВП (трлн. юаней)	18,5	39,8	11,2	55,8	7
ВВП на душу населения (юаней)	14185	29748	10,6		
Доля «третьей сферы» в добавленной стоимости (%)	40,5		43		47
Урбанизация (%)			47,5		51,5
2. Показатели развития науки, техники и образования					
Доля населения с уровнем образования средней школы 1-й ступени (9-летнее образование) (%)			89,7		93

Таблица 5 (продолжение)

Провинции, автономные районы, города	2005	2010		2015 (прогноз)	
			%		%
Доля детей, которые ходят на занятия в среднюю школу 2-й ступени для получения полного среднего образования (%)			82,5		87
Доля расходов на НИОКР в объеме ВВП (%)	1,3	2,0	1,75		2,2
Количество патентов и изобретений на 10 тыс. человек			1,7		3,33.
3. Показатели жизненного уровня населения					
Население (млн. чел.)	1307,56	1341,0	5,1‰	<1390,0	<7,2‰
Средняя ожидаемая продолжительность жизни (лет)		73,5		74,5	
Безработица (%)		4,2		4,1	<5
Численность новых рабочих мест за пять лет (млн. чел.)		57,7		45,0	
Численность сельских мигрантов за пять лет (млн. чел.)		45,0			
Распределяемый доход жителя города (юаней в год)	10493	19109	9,7	>26810	>7
Чистый доход сельского жителя (юаней в год)	3255	5919	8,9	>8310	>7
Численность городского населения, охваченного различными видами пенсионного страхования (млн. чел.)	174	257	8,1	357	1,0
Доля сельского населения, охваченного кооперативным медицинским обслуживанием (%)	23,5		96,3		
Количество построенных квартир «эконом класса» (млн. квартир)				36,0	

Таблица 5 (продолжение)

Провинции, автономные районы, города	2005	2010		2015 (прогноз)	
			%		%
4. Показатели охраны окружающей среды					
Площадь пахотной земли (млн. га)	122	121,2		121,2	
Снижение водопользования на промышленных предприятиях на единицу добавленной стоимости (%)			36,7		30,0
Доля возобновляемых энергоресурсов в объеме потребления первичных энергоресурсов (%)			8,3		11,4
Снижение потребления энергоресурсов на единицу ВВП (%)			19,1		16
Снижение выбросов двуоксида углерода на единицу ВВП (%)					17
Снижение выбросов соединенного углерода (%)					8
Снижение выбросов двуоксида серы (%)					8
Прирост покрытия территории страны лесами	18,2		20,36		21,66

См.: Гоця цзи гэдицзюй гоминь цзинцзи хэ шэцхуэй фацжань «шиэрбу» гуйхуа ганъяо (Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке). Ред. Государственный Комитет развития и реформ КНР. Пекин, Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 2011.

Планирование по основным объектам. Такого рода планирование должно осуществляться по тем видам хозяйственной деятельности, которые трудно осуществлять, используя возможности рыночной экономики, и требуется государственное вмешательство в отраслевое или региональное планирование для

решения стоящих перед страной экономических задач. Такой вид планирования позволяет расширять и уточнять задачи программного планирования. Планирование по основным объектам определяет ответственность и обязанности правительства, основные объекты капитального строительства (например, строительство железной дороги на Тибет или ГЭС Санься на реке Янцзы), территориальное размещение объектов и необходимое распределение между ними природных ресурсов.

Региональное и отраслевое планирование. Отраслевое планирование должно определить степень маркетизации отраслей и тенденции изменений системы, воплощать в себе технико-экономические особенности отраслей, соблюдать принципы межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, бороться с монополизмом, анализировать основные тенденции развития внутреннего и мирового рынка. Региональное планирование состоит в составлении планов регионального экономического и социального развития местными властями на уровне уездов и выше. Вначале составляется план развития народного хозяйства на уровне провинции, который должен в целом соответствовать государственным программам. Эти программы должны быть согласованы с планами по основным объектам, отраслевыми планами и планами соседних регионов. Все региональные планы должны учитывать общую ситуацию в стране и исходить из местных условий.

Порядок составления всех видов долгосрочных и среднесрочных планов также должен исходить из требования «управлять государством на основе закона» (*ифа чжиго*). Всего определено пять этапов при составлении планов 10-й пятилетки (2001–2005 гг.), 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) и 12-й пятилетки (2011–2015 гг.): 1) составление программы; 2) составление плана по основным объектам; 3) составление

отраслевых программ; 4) составление региональных программ; 5) исправления во всех видах программ.

1. **Составление программы.** Госсовет КНР предлагает проект программы, ВСНП ее утверждает, ведомства, отвечающие за планирование, составляют проект программы на основании требований Госсовета КНР. В проекте программы должны присутствовать стратегия развития, цели макрорегулирования, основные области развития, а также необходимая увязка задач ведомств, отвечающих за макрорегулирование и отраслевых ведомств.
2. **Составление плана по основным объектам.** Этот план составляется ведомствами по планированию государственного развития (в частности, Комитетом по развитию и реформам) и местными органами власти. Они совместно определяют на основе прогноза сферы развития спрос и предложение на рынке, основные объекты для планирования. После составления проекта плана (программы) по основным объектам в ходе опроса происходит учет мнений всех заинтересованных сторон, созывается консультативное совещание, на котором присутствуют представители различных ведомств Госсовета КНР, представители местных властей на уровне провинций. В результате принимается согласованное решение по плану (программе) создания основных объектов, которое утверждается Госсоветом КНР.
3. **Составление отраслевых программ.** Ведомства Госсовета КНР несут ответственность за составление отраслевых программ, которые должны быть увязаны друг с другом. Они должны составить прогноз развития ситуации в отрасли, спроса и предложения на рынке и на основе учета мнений заинтересованных ведомств и регионов выработать концепцию плана развития отрасли. Отраслевые ведомства вносят поправки в програм-

му, и после доработки по поправкам она утверждается соответствующим ведомством.

4. **Составление региональных программ.** Составление региональных программ экономического развития возлагается на местные власти на уровне провинций. Затем они утверждаются местными собраниями народных представителей. Местные плановые ведомства отвечают за составление проекта программы, который должен быть увязан с государственной программой экономического развития. До утверждения проект программы регионального развития согласовывается с программой строительства основных объектов на местах, программой размещения основных объектов развития природных ресурсов и других объектов, которые оказывают влияние на основное содержание программы экономического и социального развития страны. После этого программа обсуждается и утверждается на заседании местного СНП и направляется в соответствующие ведомства.
5. **Исправления во всех видах программ.** После направления утвержденных программ их нельзя менять произвольно как организациям, так и отдельным людям. Все поправки должны носить регулирующий характер (См. подробнее: «Шиу» гуйхуа чжаньлюэ яньцзю (Исследование стратегического планирования 10-й пятилетки. Составлено Комитетом планирования и развития. Отв. ред. Тао Цинцзюнь, Изд-во «Жэнькоу», б.г., б.м., с. 563–564).

Таким образом, за последние 20 с лишним лет после начала экономической реформы в конце 70-х гг. система стратегического планирования в Китае претерпела значительные изменения от централизованного директивного планирования с определением большого количества фиксированных натуральных показателей производства продукции промышленности и сельско-

го хозяйства до направляющего планирования с составлением долгосрочных и среднесрочных экономических и социальных программ развития народного хозяйства. В них основное место занимали программы строительства основных объектов, отраслевые и региональные программы, в которых практически отсутствовали фиксированные натуральные показатели, а использовалось только несколько индикативных показателей общего характера, таких как общая численность населения страны, темпы роста ВВП, показатель ВВП на душу населения и другие. В Китае был сделан «в целом правильный выбор преобразований — постепенный, поэтапный переход от централизованной системы к современной рыночной экономике, создаваемой на базе всестороннего учета национальных особенностей и при сильной макрорегулирующей роли государства» (*Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 1998. с. 213.*)

Как показал опыт развития китайской экономики в XXI веке, не только китайские ученые творчески переосмыслили опыт развития рыночной экономики в капиталистических странах, теоретические идеи перехода от плана к рынку в странах Восточной Европы, но и их идеи активно использовались в практической деятельности в отличие от России. За годы реформ был сделан серьезный научный анализ теоретических представлений китайскими экономистами по проблемам собственности, соотношения плана и рынка и намечены новые направления в экономической науке с учетом китайских культурных традиций (Подробнее см.: *Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль. М.: Вост. лит.-ра, 1998; Пивоварова Э.П. Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути. М.: Наука, 1992; Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999*). В частности, в работе Э. Пивоваровой был особо отмечен тот факт, что в китайские ученые в теоретическом плане познания закономерностей перехода к рыночной эконо-

мике заметно опередили своих коллег из других стран с переходной экономикой, включая и российских ученых. В частности, китайские ученые смело поставили целый ряд таких кардинальных вопросов теории социализма, как необходимость при социализме развития товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма в формах собственности вплоть до развития частных хозяйств и т. п.» (*Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999. с. 252*). В результате сделанные китайскими учеными «прорывы» в экономической теории социализма в ходе теоретического и практического поиска за годы реформы существенно изменили прежние представления о социализме, и «социализм с китайской спецификой» по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма» (*Там же, с. 254*). В конечном счете, «китайская экономическая наука за годы реформ вышла на качественно иной, более высокий теоретический уровень как в области ассимиляции достижений западной мысли, так и в понимании особенностей развития Китая. Поэтому осознание китайскими экономистами невозможности механического применения в Китае западных рецептов строится... не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 70-х годов понимании проблем экономической теории и практики экономических реформ» (*Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль. М.: Восточная литература, 1998. с. 256*).

В настоящее время экономические успехи Китая стали очевидны, и их уже нельзя игнорировать. Многим казалось, что в начале XXI века Китай достиг своего экономического потолка, и дальше после вступления КНР в ВТО начнется кризис китайской экономики, которая окажется неконкурентоспособной на мировом рынке из-за более низкого качества продукции и роста импорта товаров на ранее относительно

закрытый внутренний рынок. Однако произошло все наоборот. Китайская продукция легкой и текстильной промышленности продолжала успешно конкурировать на мировом рынке. Вместе с тем, после прихода в Китай иностранного капитала с середины 80-х гг. было создано много совместных предприятий (СП) в высокотехнологичных отраслях, включая машиностроение, электронику и фармацевтику, происходил и рост отраслей в сфере нанотехнологий. Это привело к резкому повышению конкурентоспособности китайской продукции на мировом рынке и взрывному росту ВВП и объема внешней торговли в начале XXI века.

В нулевых годах XXI века произошли важные события, которые самым непосредственным образом способствовали стремительному развитию китайской экономики на фоне медленного развития экономик развивающихся и развитых стран. К ним, в первую очередь, относится вступление Китая в ВТО в 2001 году, что в полной мере способствовало бурному развитию внешней торговли страны и значительно стимулировало развитие промышленного производства в КНР, в результате чего Китай получил неформальный статус «мировой фабрики». Во-вторых, в 2007–2008 гг. произошел мировой финансовый кризис, в результате которого практически все страны за исключением Китая заметно снизили свои показатели экономического развития, что позволило Китаю обогнать многие развитые страны по основным экономическим показателям.

Следует отметить, что многие экономисты в России и за рубежом предполагали, что принятие на себя всех прав и обязанностей члена ВТО в полном объеме принесет Китаю значительные трудности. В частности, предполагалось, что «в первые пятьдесят лет экономические потери превысят валютные и прочие поступления, предприятия приоритетных отраслей китайской экономики — автомобильной, текстильной, электронной, химической промышленности, сельского хозяйства — в результате отмены импортных количествен-

ных ограничений и снижения ввозных таможенных пошлин столкнутся с жесткой конкуренцией с иностранными контрагентами на внутреннем рынке, а рассчитывать на опережающий рост экспорта Китая, учитывая недостаточную конкурентоспособность китайских товаров по сравнению с аналогичной продукцией развитых стран и НИС, а также жесткую антидемпинговую политику на мировом рынке достаточно проблематично» (Подробнее см.: *Потапов М. Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы // Проблемы Дальнего Востока, 2000, №3. с. 58–59*). Однако жизнь полностью опровергла основные соображения различных теоретиков-экономистов и экспертов-китаеведов. После вступления Китая в ВТО объем его внешней торговли в 2012 г. вырос в 7,6 раза по сравнению с 2001 г. — годом вступления в ВТО (См.: *Чжунго туңцзи чжайяо — 2018, Пекин, 2018, с. 93*). Этого явно никто ни в мире, ни в России не ожидал. В этом плане совершенно справедливую оценку этому явлению дали М.А. Потапов и А.И. Салицкий. В своей совместной статье они выразили непонимание того, что российские аналитики весьма скупо отозвались на присоединение Китая к ВТО в конце 2001 г. По их мнению, это явилось серьезным упущением по двум причинам. Во-первых, Россия сама ведет переговоры о вступлении в ВТО, и Россия должна быть хорошо осведомлена о свежем прецеденте такого рода, что позволит помочь России в переговорах по ВТО. Во-вторых, Китай стремительно увеличивает свое присутствие на мировых рынках и превращается в перспективного партнера и опасного конкурента, и недооценка этой страны в мировой экономике может обернуться внушительными потерями (*Потапов М., Салицкий А. Китай и ВТО: что делать России? // Проблемы Дальнего Востока, 2002, № 5. с. 107*).

С той поры прошло около 20 лет, Россия вступила в ВТО в 2012 г., и в настоящее время все происходит именно так, как было предсказано в статье М.А. Потапова и А.И. Салицкого.

На переговорах при вступлении России в ВТО совсем не был использован китайский опыт, хотя в настоящее время Китай не только стал весьма перспективным партнером, но и весьма опасным конкурентом на мировом рынке. И с этим России уже приходится считаться в большой степени при разработке руководством страны экономической политики, по меньшей мере, на ближайшие 25–30 лет.

После вступления КНР в ВТО за рубежом рассматривались две оценки перспектив развития китайской экономики. Часть ученых считали официальные экономические показатели экономического роста КНР завышенными и на этом основании строили прогнозы о грядущем экономическом крахе Китая. Другая часть, наоборот, обращала внимание на усиление экономической мощи Китая, отмечала его растущую роль в мировой экономике, но полагала, что в результате роста экономики и увеличения китайского экспорта на мировой рынок начнется экономический спад в других странах, и успешное развитие Китая будет происходить за чужой счет. В конечном счете, было выделено пять основных иностранных теорий, которые объясняли внезапное «возвышение Китая» в начале XXI века.

«Теория экспорта Китаем дефляции» была выдвинута главным экономистом «Морган Стэнли» Стивеном Роучем. Согласно этой теории Китай за счет заниженного курса юаня к доллару сделал цены китайских экспортных товаров более конкурентоспособными на мировом рынке, и в результате Китай стал источником глобальной дефляции. Другая теория — выдвинутая Томасом Равски и частично поддержанная Полом Кругманом — «теория фальсификации статистических данных» ставила под сомнение реальность высоких темпов экономического роста КНР, основным выводом которой была неизбежность грядущего экономического краха. «Теория краха Китая», выдвинутая Гордоном Чаном и поддержанная Джо Стадвеллом, провозглашала быстрый крах

китайской экономики сразу после Олимпийских игр в Пекине 2008 года и переход страны от процветания и оживления к экономическому упадку как результат начавшихся реформ в Китае в конце 70-х гг. Еще одна теория — «теория китайской угрозы» уже признавала заметный экономический рост Китая, и доказывала, что дальнейший подъем Китая приведет к экономической экспансии. «Теория создания Китаем опасности» была выдвинута Джеффри Гартеном, суть которой состояла в угрозе концентрации в Китае производства продукции, что позволит Китаю диктовать свои условия на мировом рынке (Подробнее см.: *Борох О. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики // Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 3. с. 94–109.*)

Сейчас, по прошествии времени, можно в полной мере оценить реалистичность выдвинутых на Западе теоретических прогнозов будущего развития китайской экономики. Как мы видим, все эти теории, за исключением теории Дж. Гартена о концентрации в Китае производства продукции, потерпели полный крах. Практика показала, что китайская экономика развивается опережающими темпами прежде всего потому, что в Китае развивается так называемое «физическое производство» продукции, связанное с материальными ценностями. Если на первом этапе в Китае преобладало развитие простых отраслей промышленности — добыча полезных ископаемых, переработка сырья и простые виды машиностроения, то в последние десятилетия в структуре производства преобладает не только сложное машиностроение (автомобили, самолеты, корабли), но и высокотехнологичное производство. В частности, по производству роботов Китай вышел на первое место в мире. За это время заметно повысилась квалификация рабочей силы, и иностранным инвесторам уже непросто перевести свои предприятия в другие страны по ряду причин, связанных не только с проблемами поставки сырья, но и с более

низкой квалификацией относительно дешевой рабочей силы в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

В годы 13-я пятилетки (2016–2020 гг.) были запланированы существенно более низкие индикативные показатели прироста валового внутреннего продукта (ВВП) — 6,0–6,5% годовых в отличие от прежних лет. Как и при составлении индикативного плана на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.), были намечены основные ориентировочные показатели по четырем основным направлениям: 1) экономическое развитие; 2) показатели развития науки и техники; 3) жизненный уровень населения; 4) природные ресурсы и охрана окружающей среды, как показано на таблице 6 ниже.

Таблица 6

Основные показатели социально-экономического развития КНР на 2016–2020 гг.

Провинции, автономные районы, города	2015	2020	В среднем за 5 лет (%)
1. Экономические показатели			
ВВП (трлн. юаней)	67,7	>92,7	>6,5
Производительность труда (юаней)	87700	>120000	>6,6
Урбанизация (%)			
– постоянное население (%)	56,1	60	+3,9
– зарегистрированное население (%)	39,9	45	+5,1
Добавленная стоимость в третьей сфере (%)	50,5	60	+5,5
2. Показатели развития науки, техники и образования			
Доля расходов на НИОКР в объеме ВВП (%)	2,1	2,5	+0,4
Количество патентов и изобретений на 10 тыс. человек	6,3	12	+5,7
Вклад науки и техники в прирост ВВП (%)	55,3	60	+4,7
Доступ к Интернету			
– широкополосный Интернет (%)	40	70	+30

Таблица 6 (продолжение)

Провинции, автономные районы, города	2015	2020	В среднем за 5 лет (%)
– мобильный Интернет (%)	57	85	+28
3. Показатели жизненного уровня населения			
Рост располагаемого дохода на душу населения (%)	>6,5
Средняя продолжительность обучения населения в рабочем возрасте (лет)	10,23	10,8	+0,57
Средняя ожидаемая продолжительность жизни (лет)	+1
Численность новых рабочих мест за в городах за пять лет (млн. чел.)	+50
Численность сельского населения, «вырванного из бедности» (млн. чел.)	+55,75
Доля населения, охваченного различными видами социального страхования (%)	82	90	+8
Количество построенных квартир «эконом-класса» в городских районах (млн. квартир)	+20
4. Показатели охраны окружающей среды			
Площадь пахотной земли (млн.га)	124,3	124,3	0
Снижение водопользования на 10000 юаней ВВП (%)	- 23
Доля возобновляемых энергоресурсов в объеме потребления первичных энергоресурсов (%)	12	15	+3
Снижение потребления энергоресурсов на единицу ВВП (%)	- 15
Снижение выбросов двуокиси углерода на единицу ВВП (%)	- 18
Прирост покрытия территории страны лесами (%)	21,66	23,04	+1,38

Источник: *The 13-th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020)*, Beijing, 2016, p. 19–20.

Как мы видим, многие показатели на 2020 год уже перевыполнены в 2019 году, в частности, объем ВВП, урбанизация, рост располагаемого дохода, доля охваченных системой социального страхования. Другие прогнозируемые показатели могут быть выполнены, даже, несмотря на фактор коронавируса, такие как производительность труда, средняя ожидаемая продолжительность жизни и доступ к Интернету. Некоторые показатели, такие как доля расходов на НИОКР — 2,5% в объеме ВВП или показатели снижения потребления водных и энергетических ресурсов вряд ли будут выполнены с учетом данных на 2019 год.

За последние годы Китай перешел от высоких темпов экономического развития к более низким, что объясняется двумя причинами. Во-первых, внутренними причинами — ранее достигнутый высокий объем ВВП определял большие сложности при достижении еще более высоких показателей ВВП в последующие периоды. Во-вторых, внешними причинами — они связаны со значительным падением темпов развития мировой экономики, что повлекло за собой снижение спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса, а в нынешнем 2020 году — еще и с пандемией коронавируса.

Переход в последние годы к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием «новая нормальность» (*синь чантай*), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. На официальном уровне о наступлении периода «новой нормальности» в китайской экономике Си Цзиньпин впервые заявил в мае 2014 г. во время инспекционной поездки по провинции Хэнань.

«Новая нормальность» обозначает стремление руководства КНР достичь к 2020 г. цели построения в Китае общества «малого благоденствия» (*сяокан*) и в новых условиях для решения этой задачи обеспечить устойчивое развитие при снижении темпов прироста ВВП. На совещании руководителей

предприятий промышленности и торговли в рамках АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Си Цзиньпин выделил три особенности китайской «новой нормальности»:

– происходит переход от роста высокими темпами (7,5% и более в год) к росту средне-высокими темпами (6–7,5% в год);

– экономическая структура Китая постоянно оптимизируется, ее уровень повышается, третья сфера и потребительский спрос постепенно выходят на первое место, различия между городом и деревней, а также межрегиональные различия постепенно ослабевают, результатами развития пользуются более широкие круги населения;

– главным двигателем роста вместо факторов производства и инвестиций становятся инновации.

Китайский лидер отметил, что даже в условиях замедления реальный прирост экономики КНР остается высоким, по темпам роста и размеру экономики страна будет находиться в числе мировых лидеров. Экономический рост становится более ровным и стабильным, в том числе за счет повышения роли внутреннего спроса. Структура экономики Китая улучшается, происходит сокращение бюрократического давления на экономику и активизация роли рыночных механизмов.

На 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) была поставлена цель к 2020 г. «построить в Китае общество *сяокан* («малого благоденствия») во всей стране». Для реализации этой задачи на XVIII съезде КПК в 2012 г. были предложены индикативные показатели на 2020 год, в соответствии с которыми объем ВВП в КНР должен составить 80 трлн. юаней, а ВВП на душу населения составить примерно 60000 юаней (около 9230 ам. долл. по текущему курсу), то есть увеличиться вдвое по сравнению с 2010 годом (как показано в табл. 7 ниже).

Таблица 7

Основные показатели экономического развития КНР в XXI веке

	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Валовой внутренний продукт (трлн. юаней)	40,3 (факт) 20,0 (план)	63,6	67,7	74,4	82,7	90,0	99,1	80,0 (план XVIII съезда КПК – 2012 г.)
Численность населения (млн. чел.)	1341	1368	1375	1382	1390	1395	1400	1420 (план сессии ВСНП 2016 г.)
ВВП на душу населения (юаней)	30015 (факт) 14000 (план)	46491	49236	53835	59496	64516	70892	60000 (план XVIII съезда КПК – 2012 г.)

Источники: 1) *Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Статистический справочник Китая – 2019)*, Пекин, 2019, с. 8, 17;

2) *Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году)*, ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года/

http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html

Как мы видим, по итогам 2019 года объем ВВП Китая составил 99,1 трлн. юаней, что значительно выше, чем прогнозировалось на XVIII съезде КПК в 2012 году — 80 трлн. юаней. Показатели душевого ВВП на 2019 год также оказались более чем на 10000 юаней выше прогнозируемых — 70892 юаня. По предварительным оценкам, с приростом численности населения КНР по 5 млн. чел. в год объем ВВП Китая составит примерно 105 трлн. юаней, что позволит достичь показателя примерно 74–75 тыс. юаней в год на человека или 10409 ам. долл. В 1-м квартале 2020 г. из-за эпидемии коронавируса было зафиксировано падение ВВП на 6,8%, что стало самым низким показателем с 1992 года. Тем не менее, уже в марте ситуация в китайской экономике стала постепенно выправляться. По раз-

личным экспертным оценкам, с учетом пандемии коронавируса, прокатившейся по стране в начале 2020 года, прирост ВВП в 2020 г. варьирует от 1 до 4% годовых (См.: *Instant View: China's first quarter GDP posts first decline on record as virus shuts down economy / Business News*, April, 17, 2020, Reuters).

Такой быстрый рост ВВП КНР в XXI веке в значительной степени связан с двумя основными факторами. Во-первых, это вступление КНР в ВТО в 2001 г., что позволило заметно увеличить сбыт китайской продукции за рубежом и резко повысить экспортную квоту с 20% в 2000 г. до 35,6% в 2007 г. непосредственно перед мировым финансовым кризисом. В дальнейшем рост экспорта из КНР в другие страны продолжился, однако экспортная квота стала постепенно сокращаться и дошла до уровня 90-х гг. XX века на уровне ведущих мировых держав — 18,2% в 2018 г. и 17,4% в 2019 г. Во-вторых, нельзя не отметить стремительный рост производительности труда в китайской экономике в XXI веке и особенно в годы 13-й пятилетки — с 89055 юаней на человека в 2015 до 115009 юаней на человека в 2019 г.

Еще в начале XXI века Китай существенно отставал от ведущих стран мира по объему ВВП и по показателю ВВП на душу населения. В 2010 г. Китай стремительно вырвался на второе место в мире после США по показателю ВВП, хотя по показателю ВВП на душу населения еще заметно отставал от них. Однако в дальнейшем Китай стал сближаться с США и странами ЕЭС по показателю ВВП на душу населения, а в 2017 г. по этому показателю приблизился к среднемировому показателю и он стал вполне сопоставим с такими странами БРИКС, как Бразилия, Россия, Южная Африка. Как видно из таблицы 8 ниже, по показателю ВВП на душу населения Китай почти сравнялся с Россией, обогнал Мексику и Бразилию, заметно опередил Южную Африку и существенно — Индию (см. табл. 8).

Таблица 8.

**Сравнительные показатели валового внутреннего
продукта и ВВП на душу населения КНР и ведущих стран мира
в 2000 – 2017 гг. (млрд. долл.)**

Страна	2000		2010		2017	
	ВВП	на душу населения	ВВП	На душу населения	ВВП	на душу населения
Весь мир	33548	5485	65854	9511	80738	10722
Китай	1211,3	959	6100,6	4561	14573*	10409*
Индия	476,6	452	2600,8	1346	2088,8	1942
США	10284,8	36450	14964,4	48374	19390,6	59532
Япония	4887,5	38532	5700,1	44508	4872,1	38428
Германия	1950,0	23719	3363,4	41788	3677,4	44470
Велико-британия	1635,4	27770	2429,6	38709	2622,4	39720
Франция	1368,4	22466	2647,0	40706	2582,5	38477
Россия	259,7	1772	1524,9	10675	1577,5	10741
Бразилия	655,4	3729	2208,9	11121	2055,5	9821
Южная Африка	136,4	2982	375,3	7276	348,9	6151
Мексика	707,9	6959	1057,8	9016	1150,9	8910

Источник: World Bank Statistics (Цит. по: Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 193).

* **Примечание:** для КНР – показатели на 2019 год.

Как мы видим, за годы реформ Китай добился заметных успехов в сфере экономики. Они были связаны с отказом от следования принципам «вашингтонского консенсуса», таких как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Одним из главных факторов успеха реформы было активное включение Китая в систему международного разделения труда и использование таких внешнеэкономических факторов как

привлечение иностранного капитала для развития иностранных технологий в стране, развитие свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей как с развитыми, так и развивающимися странами. В наступившем XXI веке Китай будет наращивать свою экономическую мощь, и на этой основе будет происходить поступательный рост жизненного уровня населения страны и построение общества «малого **благоденствия**» (*сяокан шэжхуэй*) в стране к 2020 году.

2. ДОСТОВЕРНА ЛИ КИТАЙСКАЯ СТАТИСТИКА?

Для реальной оценки нынешнего состояния и перспектив развития Китая важное значение имеет анализ статистических данных. Ведущую роль в исследованиях по социально-экономическому развитию Китая должны играть статистические данные о населении, с помощью которых можно с наибольшей степенью точности проверить качество китайской статистики во всех других областях, начиная от показателя валового внутреннего продукта и кончая состоянием социального страхования в стране.

На протяжении весьма длительного времени — с конца 50-х и до начала 80-х годов — мировая общественность имела весьма отдаленное представление о состоянии китайской экономики, особенно о динамике численности, составе и структуре населения Китая. В конце 50-х годов в открытом издании был опубликован статистический сборник «Вэйдады шинянь» («Великое десятилетие»), где были помещены обзорные данные социально-экономического развития КНР за 10 лет после образования страны с 1949 года. Этот статистический справочник был опубликован исключительно в пропагандистских целях для того, чтобы показать достигнутые в сфере экономики успехи КПК после победы над Гоминьданом. Однако после провала «большого скачка» (1958–1960 гг.) с на-

чала 60-х гг. до начала 80-х гг. XX века в период «урегулирования» и «культурной революции» в КНР вообще перестали публиковать открытые статистические данные для всеобщего ознакомления.

Но это отнюдь не означало, что в Китае прекратили собирать статистические данные о социально-экономическом развитии страны. Более того, в большинстве китайских вузов практически на всех факультетах по общественным наукам в общий курс обучения были включены не только такие предметы как статистика, социология, методика проведения социологических опросов. Студенты (не говоря уже об аспирантах, стажерах и занимающихся на курсах повышения квалификации) должны были уметь и знать, как самостоятельно составить вопросник и провести социологический опрос, в котором основное внимание уделялось репрезентативности выборки для данного опроса. Как правило, необходимые для работы статистические данные распространялись среди узкого круга кадровых работников (*ганьбу*), причастных к принятию того или иного решения. В результате в те годы любую, даже самую элементарную статистическую информацию можно было получить только косвенным путем, на основании сопоставлений со статистическими данными, опубликованным в статистическом сборнике «Великое десятилетие». Все эти статистические данные и результаты социологических опросов публиковались в Китае и в периоды «урегулирования» и «культурной революции», но на этих сборниках стояла надпись «для внутреннего распространения» (*нэйбу фасин*), и они были практически недоступны для иностранцев, поскольку продавались в отдельных секциях книжных магазинов, куда иностранцам вход был строго воспрещен.

Не был известен точно и самый главный статистический показатель — общая численность населения страны, хотя на тот момент было проведено две переписи населения — в 1953 и 1964 годах. Но если материалы переписи населения

КНР 1953 года, в организации которой принимали участие и специалисты из ГСУ СССР, были известны широкой публике, то материалы переписи 1964 года были официально обнародованы впервые лишь при публикации материалов 3-й Всекитайской переписи населения КНР 1982 года.

Однако в ходе экономической реформы с начала 80-х годов в Китае начался самый настоящий информационный бум. За последние 10 лет было издано огромное количество статистических сборников, в которых приводились самые разнообразные данные о социально-экономическом развитии страны. В августе 1982 года после длительного перерыва был опубликован статистический сборник «Чжунго тунци няньцзянь — 1981» (Китайский статистический ежегодник — 1981), Пекин, Издательство ГСУ КНР. Он состоял из 13 разделов, посвященных как различным общим показателям социально-экономического развития страны, так и развитию отдельных отраслей, провинций и крупных городов. В них были даны не только текущие данные за 1981 год, но и сравнительные экономические показатели за 1949, 1957, 1962 и 1965 годы, а по многим показателям — полные динамические ряды с 1949 года. Кроме того, в данном сборнике было дано сравнение китайских экономических показателей с аналогичными показателями как ведущих стран мира — США, Японии, ФРГ, Великобритании, Франции, Канады, социалистических стран Восточной Европы от СССР до СФРЮ и крупнейших развивающихся стран — Индии, Бразилии и Мексики. Особую ценность в статистическом справочнике представлял собой последний раздел «Разъяснение основных показателей», в котором была описана методика исчисления приводимых в сборнике статистических показателей (См.: *Чжунго тунци няньцзянь — 1981, Пекин, ГСУ КНР, 1982, с. 495–509*). Именно этот раздел позволил экспертам по Китаю в полной мере оценить качество китайской статистики и восполнить недостающие показатели

социально-экономического развития КНР за два десятилетия — 60–70-е гг. XX века.

Начиная с 1981 года и вплоть до настоящего времени в Китае стали регулярно выходить статистические ежегодники «Чжунго тунцзи няньцзянь» («Китайский статистический ежегодник»), «Чжунго тунцзи чжайяо» («Китайский статистический справочник»), «Чжунго цзинцзи няньцзянь» («Китайский экономический ежегодник») и другие, включая статистические сборники по отдельным отраслям экономики, провинциям и даже городам и уездам.

В начале 80-х годов все большее внимание стало уделяться вопросам социальной статистики. Регулярно проводились выборочные обследования различных социальных слоев и групп населения, постоянно публиковались статистические данные по вопросам естественного движения населения, занятости, изменения оптовых и розничных цен, изменению жизненного уровня, доходам на душу населения, а также основным показателям душевого потребления.

Особое внимание было уделено переписям населения страны, поскольку руководство КНР при планировании основных социально-экономических показателей особое внимание обращало и обращает на показатель численности населения страны, являющийся решающим фактором для достижения намеченных задач учетверения (*фань лян фань*) валовой продукции промышленности и сельского хозяйства с 1980 до 2000 года и учетверения (*фань лян фань*) валового внутреннего продукта с 2000 по 2020 год. За годы китайских реформ было проведено еще четыре переписи населения — 3-я Всекитайская перепись 1982 года, 4-я Всекитайская перепись 1990 года, 5-я Всекитайская перепись 2000 года и 6-я Всекитайская перепись 2010 года. Помимо регулярно проводимой переписи населения, также регулярно проводятся раз в пять лет 5%-ные выборки населения и ежегодные 1%-ные

выборки населения, результаты которых регулярно публикуются в ежегодных статистических сборниках.

В материалах 5-й Всекитайской переписи населения, которые были опубликованы только летом 2003 года, помимо обычных данных о численности населения, рождаемости, смертности, уровне грамотности и образования, плотности населения по провинциям, национальном составе, возрастно-половой структуре были также опубликованы ранее неизвестные данные о социально-экономическом развитии, такие как миграция населения по территории КНР, состояние жилищного фонда страны и обеспеченность жильем китайских семей не только количественно (число кв. м на человека), но и качественно (материал, из которого построено здание, а также наличие водоснабжения, электроснабжения и туалета).

Из материалов переписей населения с 2000 г. следует, что происходит постоянный рост численности населения КНР с преобладанием мужского населения над женским, уменьшение размера семьи, увеличение доли населения в трудоспособном возрасте и пожилого населения в возрасте свыше 65 лет. В национальном составе сохраняется подавляющее преобладание китайцев (ханьцев) — свыше 90% населения, происходит постоянный рост уровня образования с увеличением доли высшего и среднего специального образования, происходит быстрое снижение неграмотности и заметно увеличивается доля городского населения при сокращении сельского.

Изменение показателей естественного прироста населения с момента 1-й переписи 1953 г. до 6-й переписи 2010 г. показывает стремительное изменение режима воспроизводства населения — от высокой рождаемости и высокой смертности к высокой рождаемости и низкой смертности и затем к низкой рождаемости и низкой смертности. В настоящее время показатели воспроизводства населения в КНР в значительной степени напоминают показатели европейских стран

и стран Восточной Азии (Япония, Республика Корея, Гонконг, Макао, Тайвань, Сингапур) с высоким уровнем экономического развития.

В настоящее время наиболее населенными провинциями остаются Гуандун, Шаньдун, Хэнань и Цзянсу, а также провинция Сычуань вместе с образованным в 1997 г. городом центрального подчинения Чунцином с прилегающими к нему уездами, расположенная на плодородных красноземах. Обращает на себя внимание тот факт, что плотность населения прилегающих к российскому Дальнему Востоку невелика, намного ниже средней по стране и сопоставима с малонаселенными западными районами Китая.

В материалах 5-й Всекитайской переписи были впервые даны показатели численности населения поселков (*чжэнь*), которое входит в городское население, но условия проживания в больших городах (*чэнши*) и поселках (*чжэнь*) отличаются по многим параметрам, начиная от доли занятых вне сферы сельского хозяйства и кончая уровнем благоустройства населенных пунктов и жилых домов. По российским меркам поселки в Китае можно приравнять к районным центрам не столько по численности населения (в любом китайском поселке (*чжэнь*) населения неизмеримо больше, чем в самом крупном российском райцентре), сколько по его функциям и доле несельскохозяйственного населения.

Особого внимания заслуживает анализ миграционной ситуации в Китае, который можно сделать на основе материалов Всекитайских переписей. По мере развития китайских реформ общая численность мигрантов постоянно растет, и по данным на конец 2019 г. по всей стране насчитывалось 280 млн. человек, проживающих не по месту постоянной регистрации свыше полугода (*2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжэнь тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*). Как показывают статистические

данные, наиболее привлекательными районами для миграции в северной части КНР являются города центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, в восточной части — город центрального подчинения Шанхай и прилегающие территории юга провинции Цзянсу и севера провинции Чжэцзян, в южной части — провинции Гуандун и Фуцзянь с особыми экономическими зонами.

Регулярный анализ разнообразных статистических данных по КНР позволяет получить данные о состоянии социально-экономического развития страны с достаточно высокой степенью достоверности. Однако при этом следует отметить, что большая часть материалов выпускается только на китайском языке, что само по себе ограничивает доступ к ним большого числа ученых, политиков и журналистов. Хотя следует отметить, что в последние годы китайские статистические ежегодники «Чжунго тунци няньцзянь» стали в КНР выпускать двуязычными — на китайском и английском языках.

Тем не менее, далеко не все согласны с оптимистическими прогнозами социально-экономического развития КНР. Еще до вступления КНР в ВТО в 2001 г. многие эксперты считали, что через 5–10 лет экономика Китая в процессе перехода к рынку после вступления в ВТО и снятия тарифных и нетарифных ограничений на пути импорта начнет разваливаться, что приведет к фундаментальному изменению китайской политики и распаду страны. Наиболее яркими образцами такого рода взглядов на дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая являются работа американца китайского происхождения Гордона Чана, прожившего несколько лет в Шанхае и имевшего там юридическую практику, статья профессора Питтсбургского университета Томаса Равски, а также выступление профессора Пенсильванского университета директора Института Американского эксперимента Артура Уолдрона на встрече американских и российских экспертов в Москве в сентябре 2002 г. (Подроб-

нее см.: *Chang G. The Coming Collapse of China, New York, Random House, 2001; Rawski T. What's Happening to China's GDP Statistics? // China Economic Review, 2001, v. 12, № 4, p. 298–302; Уолдрон А. США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока, 2002, № 6, с. 36–39*). В этих работах излагаются основные факторы, которые, по мнению авторов, могут привести к распаду страны. Эксперты предполагали, что после вступления Китая в ВТО эти факторы начнут действовать. К ним относятся такие как закрытие большого количества нерентабельных предприятий, растущее число безработных, увеличивающийся разрыв в доходах между богатыми и бедными и между приморскими и внутренними районами страны, рост забастовок и трудовых конфликтов, нарастающий банковский кризис из-за наличия большого количества невозвратных долгов для крупных государственных предприятий, развал рынка акций (наподобие обвала пирамиды ГКО в России в 1998 году), экологические бедствия и другие вызовы экономике и обществу. Кроме того, они считали, что публикуемые ГСУ КНР статистические экономические данные являются завышенными и мировое сообщество переоценивает основные экономические показатели КНР, такие как валовой внутренний продукт, валовая продукция промышленности и сельского хозяйства, розничный товарооборот, объем внутренних инвестиций, собираемость налогов в государственный бюджет и многое другое.

Вместе с тем, похожие взгляды имеются и в самом Китае. Так, автор одной из статей в Интернете Чэн Сяонун считает, что в последние два-три года происходит уродливое расширение «третьей сферы» за счет развития «первой» и «второй» сферы, происходит замещение плановой экономики не рыночной экономикой, а экономикой элиты, большинство отраслей «первой» и «второй» сферы испытывают трудности с получением инвестиций, происходит сокращение финансовой базы

реформ в результате оттока капиталов за рубеж, идет дальнейшее социальное расслоение в китайском обществе при уменьшении числа рабочих мест. (Подробнее см.: *КНР: итоги и перспективы экономического развития (2001–2002 гг.)*. Сост. Жигулева В.В. / *Экспресс-информация № 8, М., ИДВ РАН, 2002, с. 59–64*). Нетрудно заметить, что эти характеристики в еще большей степени соответствуют нынешнему состоянию российской экономики, поскольку в России была сделана попытка пройти путь от плановой к рыночной экономике за 1–2 года, в то время как Китай идет этим путем медленно и последовательно уже 40 с лишним лет, а завершение реформ планируется на 2050 год.

За последние годы появилось значительное число книг о китайских реформах, как в России, так и за рубежом, в которых в той или иной форме дается их характеристика и подводятся итоги. Большая часть работ более или менее позитивно оценивает китайские реформы, меньшая часть к ним относится негативно и в них предрекает провал китайской модели перехода к рынку. В этих работах приводятся различные доказательства того, что модель китайской реформы постепенного перехода к рынку выбрана неудачно и, по мнению авторов, может привести к распаду страны. Для доказательства этого тезиса отмечались такие возможные негативные факторы реформы, как экономические последствия от вступления КНР в ВТО, закрытие большого количества нерентабельных предприятий, большой разрыв в доходах между богатыми и бедными, приморскими и внутренними районами, сложности в получении банковского кредита для большинства предприятий, а также проблемы народонаселения и экологии. Как основной аргумент, доказывающий правоту этой категории авторов, выдвигался также тезис о том, что публикуемые ГСУ КНР данные являются завышенными, и мировое сообщество просто переоценивает результаты китайских реформ. В выводах исследований авторы предрекали в

обозримом будущем провал китайских реформ и, возможно, распад страны. (Подробнее см.: *Основные направления и проблемы российского китаеведения*, отв. ред. Н.Л. Мамаева, М., Памятники исторической мысли, 2014, с. 164–165).

С тех пор прошли годы, и мы видим, что экономика Китая стала еще более мощной, и многие ученые ведут между собой научную дискуссию о том, в каком году КНР обгонит США по объему ВВП, а Академия наук Китая в своем прогнозе предсказывает, что к 2040 году доход в КНР на душу населения составит более 20 тыс. долларов, по основным экономическим показателям Китай войдет в первые 40 стран мира, уровень охвата пенсионным и медицинским страхованием составит 100%, уровень распространения высшего образования достигнет свыше 80%, средняя ожидаемая продолжительность жизни — более 80 лет, а по индексу развития человеческого потенциала КНР войдет в первые 20 стран мира.

Хотя многие эксперты сомневаются в качестве китайской статистики и считают, что основные экономические показатели завышены, на наш взгляд, большинству показателей вполне можно доверять, так как они вполне коррелируют друг с другом. Проанализируем качество только одного показателя — объема ВВП на 2001 год, составившего 11086,3 млрд. юаней (*Чжунго тунци чжайяо — 2019 (Статистический справочник Китая — 2019)*, Пекин, 2019, с. 21). Этот показатель можно проверить двумя способами, исходя из других экономических показателей, которые легко проверить на практике. Американский китаевед Н. Ларди из Института Брукингса проверил этот показатель по сопоставлению объемов внешнеторгового оборота и ВВП с 1997 по 2001 год, который весьма трудно исказить как из-за данных по объему импорта, так и по объему таможенных сборов в Министерство финансов. На наш взгляд, Н. Ларди справедливо считает, что при всех допущениях и искажениях показателей финансовых поступлений от импорта с 1997 года обмен-

ный курс юаня к доллару практически не изменился и рост объемов импорта можно объяснить только соответствующим ростом ВВП (См.: *N. Lardy. China and the WTO: The Coming Collapse? // Issues and Studies, June 2002, p. 238–240*).

Наш способ связан с показателями среднегодового дохода на душу населения — 3608 юаней (436 ам. долл. в год или 36,35 ам. долл. в месяц) в 2001 году, который настолько реалистичен и легко проверяем, что его активно использует Гордон Чан в своей работе, доказывая, какой низкий жизненный уровень населения сохраняется сейчас в Китае. Однако легко заметить, что если доля потребления населения в фонде потребления составляет 77,7%, а органов управления всех ступеней — 22,3%, а фонд потребления в КНР — 60,6% национального дохода при общей официальной численности населения на 2001 год (через год после проведенной 5-й Всекитайской переписи населения) — 1,276 млрд. чел., то по этим расчетам объем ВВП будет выше как официального показателя ВВП, так и ВВП и составит примерно 9966,5 млрд. юаней (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2002, Пекин, 2002, с. 6, 12, 13, 32*). Таким образом, более низкий показатель ВВП в 2001 году может получиться у нас в четырех случаях: 1) общая численность населения КНР ниже официальной, что маловероятно (скорее, будет выше с учетом злоупотреблений в сторону занижения численности детей в семье при проведении 5-й Всекитайской переписи населения в 2000 г.); 2) доля потребления населения в общем фонде потребления будет еще выше за счет значительного уменьшения доли потребления административно-управленческого аппарата, что также представляется сомнительным; 3) фонд потребления в объеме ВВП должен заметно увеличиться, но тогда становится неясным, откуда в КНР за последние годы получен такой приток внутренних инвестиций (в среднем на 36,9% в год за 1991–1995 гг. и на 11,2% в год за 1996–2000 гг.); 4) еще более занижен сам показатель валового дохода на душу населения, который по западным критериям и так довольно низкий. При этом следует отме-

тять, что, как правило, валовой доход на душу населения во многих странах мира занижен из-за недоучета не охваченных статистикой многочисленных побочных доходов различных категорий населения, особенно в условиях рыночной экономики. Как нам представляется, это явление наблюдается и в Китае, где почти все социальные слои населения, особенно кадровые работники (*ганьбу*), предприниматели и особенно крестьяне не склонны показывать свои реальные доходы из-за боязни дополнительного налогообложения в различных формах.

Так что приходится признать, что данным китайской статистики в целом доверять можно, разумеется, при определенных ограничениях, и они подтверждают заметные успехи в развитии экономики, которых Китай добился за годы реформы. Тем не менее, из этих же статистических данных следует, что неуклонно происходит нарастание экономической мощи Китая и повышение его роли в мировой экономике. Такая же тенденция сохраняется и при анализе натуральных объемов производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, Китай по состоянию на 2017 год по объему производства многих натуральных показателей находится на 1–4 местах в мире (хлопка, фруктов, мяса, рыбы, яиц, зерновых, масличных — на 1-м, шерсти, чайного листа — на 2-м, сои и бобовых — на 4-м, угля, цемента, химических удобрений, электроэнергии, хлопчатобумажных тканей, стали и проката — на 1-м, и сырой нефти — на 5-м), с другой стороны, по объему промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения он по-прежнему отстает от развитых стран мира, а по производству молочных продуктов, являющихся одной из важных характеристик потребления белка — и от развивающихся стран мира.

По мнению многих китайских аналитиков, именно первые два десятилетия XXI века определили дальнейшие перспективы экономического развития КНР. В нулевые годы XXI века

темпы роста валового внутреннего продукта КНР составили от 8,7% в 2001 г. до 14,9% в 2007 году, хотя по большинству зарубежных прогнозов 90-х гг. XX века давались более скромные оценки. В частности, по оценкам профессора А. Кейдла (Джорджтаунский университет, США), темпы роста ВВП Китая составят в среднем от 6,5% до 8,5% в 2000–2015 гг., по прогнозам А. Мэддисона показатель темпов роста ВВП в этот период должен снизиться с 7,5% до 5,5%, по оценкам Дж. Сигала, директора Института стратегических исследований в Лондоне — должен быть ниже на 2–2,5 процентных пункта и составить 5,5–6,0% в год, по оценкам Мирового банка — 6,6%, а по прогнозу профессора Стэнфордского университета Лоуренса Лау — 9% в год (Подробнее см.: *Экономика КНР на переломе веков. Сост. Жигулева В.В. / Информационные материалы. Серия А. Проблемы экономического развития в Северо-Восточной Азии. Вып. 17. М.: ИДВ РАН, 2001, с. 124–127*). Как мы видим, разброс оценок в прогнозах развития китайской экономики на ближайшее десятилетие довольно велик — от 2,0–2,5% прироста ВВП в год (Т. Равски) до 9,0% в год (Л. Лау). Наиболее точным оказался прогноз профессора Стэнфордского университета Л. Лау, хотя в то время он казался завышенным для большинства экспертов по Китаю. На наш взгляд, в дальнейшем основными факторами, которые будут оказывать влияние на этот показатель ВВП, являются возможности урегулирования экономической структуры с тем, чтобы можно было трудоустроить избыточную рабочую силу, а также последствия более тесной интеграции Китая в систему мирохозяйственных связей после его вступления в ВТО.

Хотелось бы обратить внимание на то, что анализ имеющихся статистических данных по экономике Китая и составление на их основе научно обоснованного прогноза развития китайской экономики — дело сложное. Зачастую не только долгосрочные, но и кратко- и среднесрочные прогнозы по

Китаю оказывались весьма далеки от реальности как в силу недостаточного знания прогнозистами китайской действительности, так и недооценки потенциала самого Китая. В настоящее время необходимо обратить внимание на сделанные в конце XX века — начале XXI века прогнозы развития китайской экономики: 1) американских ученых; 2) советских и российских ученых; 3) китайских ученых и государственных структур КНР.

Американские прогнозы. В начале XXI века американские ученые давали весьма скромные прогнозы развития китайской экономики. По их прогнозам предполагалось, что до 2010 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составят 6,5–8,5% — А. Кейдл, 5,5–7,5% — А. Мэдисон, 5,5–6,0% — А. Сигал, 6,6% — Мировой банк, 9,0% — Лоуренс Лоу, 2,0–2,5% — Т. Равски. Более того, Т. Равски и другие ученые, в частности, А. Уолдрон, неоднократно выступали с заявлениями о фальсификации китайской статистики и возможности резкого падения ВВП после вступления КНР в ВТО в 2001 г. по различным причинам, связанным с неконкурентоспособностью китайских товаров с иностранными товаропроизводителями, как на мировом, так и на внутреннем рынке в условиях снижения таможенных тарифов, ликвидации нетарифных ограничений, отмены импортных квот и др. Однако в действительности **среднегодовые темпы прироста ВВП КНР составили в 1979 – 2010 гг. — 9,9%, в 2001 – 2010 гг. — 10,5%**. В дальнейшем американскими учеными в начале XXI века был подготовлен доклад о ситуации в мировой экономике и политике в 2025 году, который обсуждался на встрече американских и российских ученых в Институте США и Канады РАН. В своем докладе американские ученые сделали вывод, что **к 2025 году КНР обгонит США по объему ВВП по текущему курсу юаня к доллару**.

Советские и российские прогнозы. В СССР составлялись прогнозы развития китайской экономики до 2000 года и

позднее, в частности, в ИДВ РАН. Первый прогноз такого рода был составлен в 1983 году под руководством Е. Коновалова. В основу данного прогноза легли заявления китайского руководства на XII съезде КПК об учетверении показателя валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (ВППиСХ) в 4 раза в 2000 году по сравнению с 1980 годом, а также о сдерживании численности населения КНР на уровне 1,2 млрд. чел. до 2000 года. На практике прогнозные показатели были превышены в 1994 году, как по объему ВППиСХ, так и по численности населения. В начале XXI века в ходе возвышения Китая в российской научной печати также стали появляться различные прогнозные данные. В частности, В. Гельбрас в своей статье «Китай: у пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» также считал, что реальные показатели китайской экономики ниже, чем данные в статистических сборниках из-за расхождения данных по темпам прироста ВВП и объемам грузоперевозок и потребления всех видов энергии (См.: *Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. М., 2003. № 3. с. 61–75*). В то же время А. Анисимов считал, что Китай занижает экономические показатели, многие статистические данные занижены из-за суженной учетной базы, многие данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а немалая часть производства вообще не фиксируется (См.: *А.Н. Анисимов. К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // Российский экономический журнал. 1994. № 7*). Говоря о статистике за 2010 год, следует отметить, что в КНР показывают отдельно данные о добавленной стоимости в промышленности — 18 трлн. юаней и валовой продукции промышленности сверхлимитных предприятий — 62 трлн. юаней. В формировании ВВП участвует только первый показатель, в то время как реальный потенциал экономики страны во многом определяет показатель ВПП, который уже лучше коррелируется с годовым объемом инвестиций в основные производственные фонды на 2010 г. — 27,8 трлн. юаней (70% ВВП и 44,8% ВПП).

Отдельно стоит отметить прогноз развития мировой экономики на 2020–2025 гг., сделанный ИМЭМО РАН, в котором были недооценены темпы прироста ВВП Китая и в то же время переоценены темпы прироста ВВП стран ЕС и США. В результате по прогнозу ИМЭМО получается, что в первую половину XXI века Китай вряд ли сможет догнать США по объему ВВП по текущему курсу доллара к юаню (Подробнее см.: *Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под редакцией А.А. Дынкина, М., 2007, с. 11, 14*).

Китайские прогнозы. В 1996 г. в Китае был подготовлен прогноз развития социально-экономического развития Китая под руководством Юй Гуанъюаня и Ли Чэнсюня. В нем рассматривались три этапа развития Китая: 1) 1996–2010 гг. — предполагалось, что темпы прироста ВВП в эти годы **составят 8–9% (в среднем 8,5% в год)**, ВВП составит 20 трлн. юаней в 2010 г., а душевой показатель — 14000 юаней в год. Как мы видим из статистических данных на 2010 год, среднегодовые темпы прироста ВВП оказались выше запланированных, что привело к двукратному превышению показателя ВВП — 40 трлн. юаней вместо 20 трлн. юаней в 2010 г. и более чем двукратному превышению душевого показателя ВВП — примерно 30000 юаней по сравнению с 14000 юаней в год на человека в 2010 г. На втором этапе — в 2011–2030 гг. предусматриваются уже более низкие темпы прироста ВВП — **6–7% годовых (в среднем 6,5% в год)** при выходе на показатель ВВП — 70 трлн. юаней и душевому показателю — 45000 юаней в 2030 году, что оказалось ниже реально достигнутых показателей на 2019 год. Таким образом, сделанный коллективом Института современных проблем университета Цинхуа под руководством профессора Ху Аньгана прогноз социально-экономического развития Китая можно рассматривать на фоне ранее подготовленного долгосрочного прогноза АОН Китая и Центра стратегического развития Госсовета КНР.

В прогнозе Ху Аньгана были намечены следующие основные цели социально-экономического и политического разви-

тия Китая к 2030 году: 1) стать «государством всеобщей зажиточности, всеобщей мощи, всеобщих инноваций, всеобщего распределения» для более чем миллиардного народа; 2) стать самой мощной в мире экономикой, обогнав США по объему ВВП более чем в 2,0–2,2 раза; 3) стать «страной счастья» для всего населения, обогнав США по показателю валового индекса развития человеческого потенциала в 3,2 раза; 4) стать «зеленым», то есть экологически чистым государством,.

Для достижения цели построения «общества всеобщей зажиточности» к 2030 году в КНР была намечена **программа «модернизации с китайской спецификой»**, состоящей из четырех шагов: 1) 1978–1990 гг. — переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (*вэньбао шуйпин*); 2) 1990–2000 гг. — переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*); 3) 2000–2020 гг. — переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*); 4) 2020–2030 гг. — переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности» (*гунтун фуюй*). За это время Китай совершил большой рывок в плане повышения государственной мощи (по объему ВВП) с 10-го места в 1978 году, до 5-го места в 2000 году, 2-го места в 2010 году и **должен выйти на 1-е место по объему ВВП к 2020 году**.

В дальнейшем Китай заметно увеличит свою долю в мировом экспорте — с 10,4% общего объема мирового экспорта в 2010 г. до 24,0% в 2030 г. и в мировом импорте — с 9,1% в 2010 г. до 27,0% в 2030 г. Таким образом, **Китай в XXI веке изменит свой статус «китайской мировой фабрики» и приобретет другой статус «китайского мирового рынка»**.

Такая ситуация связана с изменениями мировых инвестиционных потоков. Если в XX веке доля иностранных инвестиций в КНР и из КНР составляла всего 2,9% всего мирового объема инвестиций в 2000 году, то в 2009 году эта доля соста-

вила 8,5%, в 2020 г. она составит 15%, а в 2030 г. — 20,0%, что будет равно всему объему инвестиций в зоне НАФТА и ЕС. К 2030 г. общий объем прямых инвестиций в КНР и из КНР должен будет составить примерно 4,5–5,0 трлн. ам. долл. (Подробнее см.: *2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай — 2030: вперед к всеобщей зажиточности)*), Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 36–37). Таким образом, по мнению авторов китайского прогноза, **к 2030 г. Китай станет крупнейшим рынком инвестиций в мире.**

Предполагается, что **в рамках глобальной научно-технической революции Китай станет основным игроком на мировом рынке инноваций.** Для этого у него есть предпосылки в виде стремительного роста общей численности инженерно-технических и научных работников и большого объема экспорта высокотехнологичной продукции по сравнению с ведущими странами мира. В частности, в 2007 г. — 7,21 млн. человек, из которых 1,42 млн. человек (примерно 20%) приходилось на Китай, то в 2030 г., по прогнозам китайских ученых, в мире будет насчитываться 15 млн. инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн. человек (30%) будут составлять ученые, инженеры и техники из КНР. Из затрат на НИОКР, которые составят 3,597 трлн. ам. долл. (примерно 3% мирового ВВП) в 2030 г., большая часть — 93% всех расходов будет приходиться на США, ЕС, Китай и Японию. В настоящее время рост затрат на НИОКР в КНР имеет свое отражение в резком увеличении экспорта высокотехнологичной продукции. По этому показателю КНР вышел на 1-е место в мире — 16,9% мирового объема, обогнав США в 2006 г. — 16,8%. (*Там же*, с. 81–102). Нетрудно предположить, что к 2030 г. Китай упрочит свое лидирующее положение в мире по этому показателю.

Такие успехи Китая во многом связаны с экономическими успехами Китая за годы реформ. В 2010 г. по объему ВВП Китай обогнал Японию и вышел на 2-е место в мире. По прогнозам китайских ученых предполагается, что **еще до 2020 года КНР по этому показателю обгонит США, а в 2030 г. ВВП Китая превзойдет ВВП США в 2,0–2,2 раза.** Среднегодовые темпы роста ВВП в Китае за годы реформ с 1978 по 2010 гг. составили 9,9%, то есть экономика страны развивалась самыми быстрыми темпами в мире. Предполагалось, что **в 2011–2030 гг. среднегодовые темпы роста ВВП КНР будут сохраняться на уровне 7–8%.** Китайские ученые планировали постепенное снижение темпов роста ВВП с 8% в 2011–2020 гг. до 7% в 2021–2030 гг. при среднем показателе — 7,5% в год на 20 лет — с 2011 по 2030 гг. *(Там же, с. 57–63).* Такие высокие показатели развития китайской экономики можно объяснить следующими благоприятными факторами: 1) сохранение высокой нормы сбережения внутри страны; 2) сохраняющиеся относительно высокие темпы прироста трудовых ресурсов; 3) при снижении темпов прироста трудовых ресурсов продолжающиеся высокие темпы прироста занятости населения в несельскохозяйственной сфере; 4) повышение производительности труда. В результате действия этих факторов КНР по валовому объему ВВП выйдет на первое место в мире, обогнав США к 2030 году по всем трем вариантам расчета ВВП: по текущему валютному курсу — в 2,0 раза, по паритету покупательной способности в текущих ценах — в 2,17 раза и по паритету покупательной способности в ценах 1990 года — в 2,2 раза.

К 2020 году Китай должен стать самым большим потребительским рынком в мире. Уже в 2010 г. объем потребительского рынка в КНР составлял 2,7 трлн. ам. долл., в 2015 г. составит 7 трлн. ам. долл. и выходит на второе место в мире. В 2020 г. объем потребительского рынка в КНР вырас-

тет до 14,5 трлн. ам. долл., и в 2025 г. по объему потребительского рынка Китай займет 1-е место в мире, а в 2030 г. он станет больше потребительского рынка США в 1,75–1,89 раза за счет того, что в 2013–2015 гг. по объему импорта Китай должен выйти на 1-е место в мире (*Там же*, с. 64–65).

В XXI веке Китай будет совершать постепенный переход от экономики, основанной на развитии промышленности (второй сферы), к преимущественному развитию отраслей третьей сферы. В 2030 г. по объему ВВП соотношение между отраслями 1-й, 2-й и 3-й сферы составит 5:33:62 (*Там же*, с. 67). Таким образом, **за 80 лет Китай совершит переход от экономики сельского хозяйства — 1949 год к экономике промышленности — 1978 год, и затем к экономике промышленности мощного государства — 2010 год, и к экономике третьей сферы — 2030 год.**

Произойдут и значительные изменения в структуре занятости. Если в 2009 г. большая часть экономически активного населения Китая была занята в сельском хозяйстве — 38,1:27,8:34,1, то уже в 2020 г. большая часть населения будет сосредоточена в третьей сфере — 43,1%, а в 2030 г. в ней будет занято больше половины экономически активного населения — 51,5%, при значительном уменьшении доли занятых в сельском хозяйстве — до 16,6% и некотором росте доли занятых в промышленности и капитальном строительстве — 31,6% по сравнению с 2009 г. (*Там же*, с. 68).

При этом следует отметить, что **вплоть до 2020 года доля произведенной высокотехнологичной продукции в ВВП КНР — 25% будет отставать от аналогичного показателя США — 39%, ЕС — 30% и Японии — 29%, однако к 2030 г. этот разрыв сократится, и КНР по этому показателю по прогнозу даже должен обогнать Японию: КНР — 35%, Япония — 34%, но останется по-прежнему ниже США — 42% и ЕС — 36% (*Там же*, с. 69).**

Экономическое возвышение Китая в значительной степени связано со значительным увеличением числа появляющихся в Китае транснациональных корпораций, которые входят в список 500 крупнейших предприятий мира. Если в 1990 г. было лишь одно такое предприятие, которое было тайваньским, в 2000 г. — уже 11, в 2005 г. — 21, а в 2011 г. их насчитывалось 69, из которых 57 были зарегистрированы на территории КНР, 4 — Гонконга и 8 — Тайваня. **В 2011 г. по численности ТНК КНР превышали лишь США — всего 133 предприятия и Япония — всего 68 предприятий, а в 2020 г. по этому показателю КНР выйдет на 1-е место в мире и обгонит США (см. с. 70).**

Как видно, социально-экономические показатели большей части прогнозов развития КНР в XXI веке оказалась существенно заниженными относительно достигнутых показателей 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), в то время как некоторые китайские прогнозы, в частности, Ху Аньгана, оказались завышенными. Однако опыт прогнозирования развития китайской экономики по установленным программным показателям на годы вперед с учетом имеющихся динамических рядов различных социально-экономических показателей показывает, что их можно проверить с помощью материалов переписей населения страны. В конечном счете, при анализе ситуации в китайской экономике вполне можно опираться на многочисленные данные различных статистических сборников по КНР в целом, различным отраслям, провинциям, городам, уездам, а также отдельным предприятиям.

3. КИТАЙСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ

Одной из основных задач реформы было формирование рыночной инфраструктуры в стране с плановой экономикой. Для решения этого вопроса руководство КНР обратило особое внимание на три основных составляющих рыночной инфраструктуры — инвестиционный спрос, внутренний рынок и систему ценообразования. В Китае в ходе проведения экономической реформы было признано, что *товаром являются не только средства производства, но и факторы производства*. В рамках политэкономии социализма все факторы производства, а именно капитал, рабочая сила, информация никогда не рассматривались в качестве товара, а соответственно считалось, что они не имеют цены. Россия до сих пор переживает последствия этого, выражающиеся в низкой заработной плате рабочих и служащих, произвольных учетных банковских ставках, практически бесплатной информации. Однако поскольку факторы производства тоже являются товаром как средства производства и предметы потребления, то они имеют и свою цену в условиях перехода к рынку. Реформа системы ценообразования — это главное при формировании рыночного механизма, где существует рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и *наличие рынка факторов производства*, таких как рынок капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и других.

В отличие от России, в КНР так провели реформу финансово-денежной системы, что не только не было инфляции наподобие той, что имела место в странах с переходной экономикой — России и бывших социалистических странах Восточной Европы, но и было одновременно обеспечено укрепле-

ние стабильности юаня и повышение его валютного курса. В отличие от России, где Центральный Банк определил свою основную задачу как борьбу с инфляцией и сохранение стабильности цен, Народный Банк Китая определил свою основную задачу как обеспечение стабильности национальной валюты — юаня (*жэньминьби*). В результате только в XXI веке в России курс рубля по отношению к доллару снизился более чем в три раза, в то время как за этот период курс юаня к доллару оставался относительно стабильным. Как следствие, стабильность финансово-денежной системы Китая в условиях переходной экономики стала одним из важных факторов, обеспечивших успех реформы и высокие темпы экономического роста.

Вместе с тем, для развития всех видов рынков — средств производства, предметов потребления и факторов производства в ходе экономической реформы в КНР основным инструментом был избран контроль над ценообразованием, который стал основой реформы финансово-денежной системы, а отнюдь не денежная эмиссия. В результате такого подхода Китай в условиях перехода от плана к рынку сумел избежать сверхвысокой инфляции, характерной практически для всех стран с переходной экономикой. На первых этапах реформы в 80–90-х гг. был взят курс на государственный контроль над ценами и сохранение директивных цен на основные сырье и материалы при установлении так называемой «двухколейной» системы цен (*шуангуйчжи цзягэ*). В результате использования двухколейной системы цен китайскому руководству удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля. Опыт Китая в сфере перехода к рынку и либерализации цен показывает, что *главным является формирование механизма ценообразования в условиях рынка, а также государственный контроль над ценами в условиях наличия монополии покупателя (государственные закупки сельскохозяйственной продукции, торговля факторами*

производства) и необходимость сохранения в течение довольно длительного периода времени «двухколейной» системы цен на средства производства, а по мере формирования институциональных основ функционирования рыночного механизма ценообразования — ее устранения.

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от плановой экономики дал свои конкретные результаты за годы реформы, выраженные в высоких средних темпах роста валового внутреннего продукта, снижении доли расходов госбюджета в объеме ВВП, значительным увеличении инвестиций в основные производственные фонды и постоянным росте их доли в объеме ВВП, а также росте потребительских доходов населения при сохранении низкой инфляции. Однако эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом денежной массы М2 в обращении, куда включается не только сумма наличной денежной массы в обращении (М0) плюс сумма текущих счетов на балансе (М1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате государственного контроля за денежным обращением и процессами ценообразования темпы инфляции в Китае были чрезвычайно низкими по сравнению с другими странами с переходной экономикой в Восточной Европе и особенно в России. В КНР не побоялись заметно увеличить объем денежной массы в обращении. В частности, в 2000 г. перед вступлением КНР в ВТО доля денежной массы М2 в ВВП составляла 134,2% при индексе потребительских цен 100,4, в то время как в 2015 г. доля денежной массы в обращении М2 увеличилась до 202%, при индексе потребительских цен всего 101,4 а в 2018 г. составила 202,9% при индексе потребительских цен всего 102,1 (см. табл. 9 и 10).

Таблица 9

Динамика ВВП, прироста денежной массы и объема инвестиций в КНР (1990 – 2019 гг.)

	1990	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП (млрд. ю)	1866,8	10028	41303	68905	74359	82712	90031	99100
Доля М2 в ВВП (%)	81,9	134,2	175,7	202,0	208,5	204,4	202,9	200,4
Денежная масса (М2) (млрд. ю)	1529,3	13461	72585	139228	155007	169023	182674	198600
Наличная денежная масса в обращении (М0) (млрд. ю)	264,4	1465,3	4462,8	6321,7	6830,4	7064,6	7320,8	7700
Доля М0 в ВВП (%)	14,2	14,6	10,8	9,2	9,2	8,5	8,1	7,8
Расходы госбюджета (млрд. ю)	308,4	1588,7	8987,4	17588	18776	20309	22091	23887
Доля расходов госбюджета в ВВП (%)	16,5	15,8	21,8	25,5	25,2	24,6	24,5	24,1
Объем инвестиций в основные производственные фонды (млрд. ю)	451,7	3291,8	25164	56200	60647	64124	65568	56087*
Доля инвестиций в ВВП (%)	24,2	32,8	60,9	81,6	81,6	77,5	72,8	56,6

* **Примечание:** после промышленной переписи 2018 года был пересмотрен показатель стоимости основных производственных фондов.

Составлено по: *Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 22, 68, 80, 156; Чжунхуа жэньминь гуьнхэго 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэ-ху*

эй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года)/
http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html

Таблица 10

**Динамика изменений роста цен и уровня жизни населения в КНР
(1978–2019 гг.) (в % к предыдущему году)**

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост реальной заработной платы	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
1978	11,7	6,8	6,0		100,7	100,7	100,1
1979	7,6	8,6	6,6	19,2	101,9	102,4	101,5
1980	7,8	14,1	6,1	16,6	107,5	106,0	100,5
1981	5,2	1,3	-1,2	15,4	102,5	102,4	100,2
1982	9,1	3,4	1,3	19,9	102,0	101,9	99,8
1983	10,9	3,5	1,5	14,2	102,0	101,5	99,9
1984	15,2	17,9	14,8	13,6	102,7	102,8	101,4
1985	13,5	17,9	5,3	7,8	109,3	108,8	108,7
1986	8,8	15,8	8,2	3,2	106,5	106,0	103,8
1987	11,6	9,8	0,9	5,2	107,3	107,3	107,9
1988	11,3	19,7	-0,8	6,4	118,8	118,5	115,0
1989	4,1	10,8	-4,8	-1,6	118,0	117,8	118,6
1990	3,8	10,6	9,2	1,8	103,1	102,1	104,1
1991	9,2	9,3	4,0	2,0	103,4	102,9	106,2
1992	14,2	15,9	6,7	5,9	106,4	105,4	106,8
1993	14,0	24,3	7,1	3,2	114,7	113,2	124,0
1994	13,1	34,6	7,7	5,0	124,1	121,7	119,5
1995	10,9	21,2	3,8	5,3	117,1	114,8	114,9
1996	10,0	12,9	3,8	9,0	108,3	106,1	102,9
1997	9,3	4,2	1,1	4,6	102,8	100,8	99,7

Таблица 10 (продолжение)

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост реальной заработной платы	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
1998	7,8	6,6	7,2	4,3	99,2	97,4	95,9
1999	7,6	11,6	13,1	3,8	98,6	97,0	97,6
2000	8,4	12,3	11,4	2,1	100,4	98,5	102,8
2001	8,3	16,0	15,2	4,2	100,7	99,2	98,7
2002	9,1	14,2	15,5	4,8	99,2	98,7	97,8
2003	10,0	12,9	11,0	4,3	101,2	99,9	102,3
2004	10,1	14,0	10,3	6,8	103,9	102,8	106,1
2005	11,4	14,3	12,5	6,2	101,8	100,8	104,9
2006	12,7	14,6	12,9	7,4	101,5	101,0	103,0
2007	14,2	18,5	13,4	9,5	104,8	103,8	103,1
2008	9,7	16,9	10,7	8,0	105,9	105,9	106,9
2009	9,4	11,6	12,6	8,5	99,3	98,8	94,6
2010	10,6	13,3	9,8	10,9	103,4	103,1	105,5
2011	9,6	14,4	8,6	11,4	105,4	104,9	106,0
2012	7,9	11,9	9,0	10,7	102,6	102,0	98,3
2013	7,8	10,1	7,3	9,3	102,6	101,4	98,1
2014	7,3	9,5	7,2	9,2	102,0	101,0	98,1
2015	6,9	10,1	8,5	7,5	101,4	100,1	94,8
2016	6,7	8,9	6,7	...	102,0	100,7	98,6
2017	6,8	10,0	8,2	...	101,6	101,1	106,3
2018	6,6	11,0	8,7	...	102,1	101,9	103,3
2019	6,1	102,9	...	99,3

Составлено по : Чжунго тунцзи чжайяо – 2019, Пекин, 2010, с. 23,40–42.

В целом на протяжении 40 лет реформы руководству КНР удавалось сдерживать инфляцию за исключением лишь двух периодов — 1988–1989 гг. и 1992–1994 годы. Первый период относительно невысокой инфляции (по сравнению со странами Восточной Европы и Россией) был больше связан с политическими событиями и борьбой внутри китайского руководства по вопросам перехода к рыночным ценам — сразу отпустить цены или постепенно. Однако и незначительная инфляция по меркам стран переходной экономики Восточной Европы — 18% в год вызвала политические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые пришлось разрешать военными методами. В то же время всплеск инфляции в 1992–1994 гг. был в большей степени связан с быстрым ростом инвестиций в основные производственные фонды, которые не были обеспечены соответствующей продукцией. Тем не менее, китайским реформаторам удалось с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию в стране. Была проведена налоговая реформа, создана система «двойного бюджета» — регулярного государственного бюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, проведена реформа в области труда и зарплаты, в результате которой пришлось сократить избыточный персонал на предприятиях общественных форм собственности — государственных и коллективных. Все это способствовало переливу рабочей силы из одних отраслей в другие и переходу работников с предприятий государственной формы собственности на предприятия других форм собственности. Темпы роста заработной платы стали соответствовать темпам роста производительности труда. В стране появилось большое количество предприятий необщественных форм собственности (индивидуальные, частные, с участием иностранного капитала), которые стали составлять конкуренцию предприятиям общественной собственности.

В целом в ходе перехода к рыночной экономике в КНР удалось держать инфляцию под контролем, несмотря на быстрый рост доли денежной массы в обращении (M2) по отношению к ВВП. Но, как показывают данные таблицы 9 выше, в ходе реформы руководству КНР удалось обеспечить стабильность многих других экономических показателей, благодаря которым в стране сохраняются низкие темпы инфляции, временами переходящие даже в дефляцию, например, в 1998–2002 гг. За годы реформ в Китае удалось обеспечить три важных показателя, сдерживающих рост инфляции в стране — долю наличной денежной массы в обращении (M0) к ВВП на уровне 13–15% с последующим снижением этой доли M0 в ВВП до 7,8%, долю расходов госбюджета в ВВП на уровне 24–25% и увеличение доли инвестиций в основные производственные фонды с 24,2% ВВП в 1990 г. до 48,4% в 2005 г. и далее до 80% ВВП (см. табл. 9). Однако в 2018 г. была проведена промышленная перепись, в результате которой были уменьшены показатели стоимости основных производственных фондов, в результате чего в 2019 г. заметно снизились показатели инвестиций в основные производственные фонды, и их доля сократилась до 56,6% ВВП по сравнению с 72,8% ВВП в 2018 г.

Кроме того, в Китае сохраняется нормальное соотношение между процентами на депозит и банковским процентом за кредит. В 1998 г. по текущим депозитам процент составлял 1,71% в год, на пять лет — 6,66% в год, банковский процент по краткосрочному кредиту составлял 7–8%, а долгосрочному — 9–10,5%. В 2004 г. как проценты на депозит, так и банковский процент по кредиту заметно снизились, и по текущим депозитам процент составлял всего 0,72% в год, на пять лет — 3,6% в год, в то время как банковский процент по краткосрочному кредиту составил — 5,2–5,5%, а по долгосрочному — 5,7–6,0% (См.: *Чжунго тунци няньцзянь* — 2006, с. 786). В 2015 г. процентные ставки по депози-

там еще более снизились и составили 1,3% на год, 2,75% — на три года, в то время как процентные ставки по кредиту еще более снизились и составляли 4,35% на год и 4,9% на пять лет (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, с. 162*), что существенно ниже ставки рефинансирования ЦБ России. В этих условиях кредитования избыточная денежная масса пошла не на потребительский рынок, а либо на банковские депозиты, либо на рынок инвестиционных товаров, что позволило снизить банковскую учетную ставку Народного Банка Китая до 4,35% в 2015 году, сдерживать инфляцию и обеспечивать дополнительный прирост производственных мощностей. Все эти меры, в конечном счете, способствовали быстрому росту промышленной продукции и увеличению экспортного потенциала страны.

Главной целью экономической реформы была не либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны на базе всестороннего развития производства. При этом государство освобождало себя от постоянного контроля за деятельностью экономических агентов, но делалось это постепенно по этапам, в течение многих лет. При этом государство по-прежнему сохраняло контроль над основными отраслями экономики (топливно-энергетические отрасли, транспорт, банковское дело) с помощью различных экономических рычагов, обеспечивая, таким образом, на первых этапах реформы за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей возможности для создания предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними. Лишь после того, как была сформирована конкурентная среда в той или иной отрасли экономики, государство начинало освобождать цены на основные средства производства.

В настоящее время в КНР функции Центрального Банка выполняет Народный Банк Китая. Также действуют четыре специализированных отраслевых банка: 1) Торгово-промыш-

ленный Банк Китая; 2) Сельскохозяйственный Банк Китая; 3) Банк Китая (для внешнеторговых операций); 4) Народный строительный банк Китая. В 1994 г. были созданы три «политических» банка — Государственный Банк развития; Банк сельскохозяйственного развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая, которые стали создавать конкуренцию четырем отраслевым китайским банкам. В 1995–1996 гг. были созданы 14 общегосударственных и региональных коммерческих банков, а также большое количество небанковских институтов, которые стали играть активную роль в финансовой жизни страны. С конца 90-х годов эти финансовые структуры начали активно участвовать в реструктуризации убыточных государственных предприятий, имеющих невозвратные долги перед банками. Они скупали выпускаемые предприятиями акции, становились совладельцами предприятий и принимали участие в выработке финансовой и технической политики этих предприятий. Для банков это было более выгодно, чем пытаться получить невозвратные долги с предприятий по выплате ранее выданных кредитов.

В новых условиях предложение денежной массы росло быстрыми темпами, и оно продолжало расти и в XXI веке. Только с 2000 по 2019 г. денежная масса M2 выросла в 14,75 раз — с 13,46 трлн. юаней до 198,6 трлн. юаней. Также значительно выросла масса наличных денег в обращении — до 7,7 трлн. юаней и средств на текущих счетах банков — до 57,6 трлн. юаней в 2019 г. Остаток вкладов по депозитам в кредитно-денежных учреждениях Китая в юанях и иностранной валюте составил 198,2 трлн. юаней, остаток кредитов всех типов — 158,6 трлн. юаней (*Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань туцизи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*) / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html).

В XXI веке в КНР заметно изменилась роль бюджета в перераспределении финансовых ресурсов. В Китае не боятся наращивания денежной массы M2, и за 20 лет доля денежной массы M2 от объема ВВП выросла со 135,7% в 2000 г. до 200,4% в 2019 г. При этом в КНР продолжают поддерживать относительно низкую долю денежной массы M1 (на уровне 55–60% ВВП) и M0 (на уровне 7–8% от объема ВВП), что не позволяет развиваться инфляции, так как рост денежной массы M2 в основном осуществляется под проектное финансирование (строительство крупных инфраструктурных объектов, разработку месторождений полезных ископаемых на территории КНР и за рубежом). Об этом свидетельствуют стремительно растущие объемы инвестиций в основные производственные фонды, которые составили 65,6 трлн. юаней в 2018 г. (72,8% объема ВВП). При этом практически не происходит бесконтрольного роста расходов государственного бюджета, и его доля в объеме ВВП в 2000–2015 гг. сохраняется на уровне 24–25%, как показано в таблице 8. В целом все эти факторы способствуют быстрому росту китайской экономики и ведут страну к построению общества *сяокан* («малого благоденствия»).

Госбюджет является одним из основных инструментов регулирования экономической политики государства, и в этих условиях важную роль играет наполняемость государственного бюджета страны. Следует отметить, что в Китае не боятся роста дефицита госбюджета, который только за последние пять лет вырос с 700 млрд. юаней в 2010 г. до 3,7 трлн. юаней в 2018 г. Однако при этом сохраняется социальная направленность бюджета, в котором примерно 37% расходов приходится на образование, здравоохранение, науку, культуру и социальную сферу.

Резкий скачок бюджетного дефицита в Китае был связан с выплатой надбавок к закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию, а также с ростом дотаций на покрытие

убытков госпредприятий и разницы между закупочными и розничными ценами на основные виды сельхозпродукции.

Несмотря на попытки ликвидировать дефицит бюджета, он по-прежнему растет. В 2018 г. годовой дефицит бюджета составил 3,8 трлн. юаней, а накопленный объем государственного долга — 14,96 трлн. юаней, из которых 14,82 трлн. юаней составлял внутренний долг, а 140 млрд. юаней — внешний. При этом в 2015 г. центральный бюджет был сведен с большим профицитом — 5,2 трлн. юаней, в то время как местные бюджеты с большим дефицитом — 9,1 трлн. юаней. Такая ситуация наблюдается уже на протяжении многих лет, и если еще несколько лет назад были регионы-доноры — экономически наиболее развитые города центрального подчинения Пекин и Шанхай и провинции Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу, то в настоящее время и они постепенно становятся реципиентами и уже вынуждены обращаться за трансфертами к центру. В 2018 г. бюджетный дефицит превысил нормативные 3% ВВП (4,2%), но доля общей государственной задолженности остается существенно ниже 60% ВВП — 16,6% (*Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 22, 70*).

В консолидированном государственном бюджете КНР имеются шесть главных статей дохода: 1) НДС; 2) потребительский налог; 3) налог с оборота; 4) налог на прибыль предприятий; 5) подоходный налог; 6) таможенные сборы. Из них большая часть приходится на НДС, налог с оборота (для торговли и услуг) и налог на прибыль предприятий (всего свыше половины налоговых поступлений в госбюджет) (см.табл. 11 ниже). Значительная часть расходов государственного бюджета идет на капитальное строительство, развитие социальной сферы, культуры и образования, оборону и административные расходы.

Таблица 11

Динамика дефицита бюджета, налоговых поступлений и расходов в госбюджет КНР (2010–2018 гг.)

	2010	2011	2015	2016	2017	2018
Доходы консолидированного бюджета (трлн. юаней / %)	8,3 100	10,4 100	15,2 100	16,0 100	17,3 100	18,3 100
Центральный бюджет	4,24	5,13	6,92	7,24	8,11	8,54
Местные бюджеты	4,06	5,25	8,30	8,72	9,15	9,79
— Поступления со всех статей доходов в бюджет	7,32	8,97	12,49	13,04	14,44	15,64
1) НДС (внутри страны)	2,1/ 25,3	2,4/ 23,1	3,1/ 20,4	4,1/ 25,6	5,6/ 32,4	6,2/ 33,9
2) потребительский налог (внутри страны)	0,61/ 7,3	0,69/ 6,6	1,05/ 6,9	1,02/ 6,4	1,02/ 5,9	1,06/ 5,8
3) налог с оборота	1,1/ 13,3	1,4/ 13,5	1,9/ 12,5	1,15/ 7,2		
4) налог на прибыль предприятий	1,3/ 15,7	1,7/ 16,3	2,7/ 17,8	2,9/ 18,1	3,2/ 18,5	3,5/ 19,1
5) подоходный налог	0,48/ 5,8	0,6/ 5,8	0,86/ 5,7	1,01/ 6,3	1,2/ 6,9	1,4/ 7,7
6) таможенные сборы	0,21/ 2,5	0,26/ 2,5	0,26/ 1,7	0,26/ 1,6	0,29/ 1,7	0,28/ 1,5
Расходы консолидированного бюджета (трлн. юаней)	9,0	10,9	17,6	18,8	20,3	22,1
Дефицит госбюджета (трлн. юаней)	0,7	0,5	2,4	2,8	3,0	3,8

Составлено по: *Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 70.*

Система бюджетных взаимоотношений центра и регионов основана на закреплении определенных источников доходов за уровнями власти (центр — места) с выделением доходов общего ведения. Темпы роста финансовых доходов в КНР опережают темпы роста ВВП (в частности, в 2015 г. темпы прироста

ВВП — 6,9%, темпы прироста доходов — 8,4%, расходов — выше 10%).

Основными факторами роста бюджетных доходов в КНР являются следующие: 1) сохранение высоких темпов экономического роста; 2) обеспечение стабильности цен (за счет налога с оборота и подоходного налога); 3) стремительный экономический рост слабо развитых западных и центральных районов Китая; 4) темпы увеличения доходов местных бюджетов выше, чем центрального.

Доходы правительства не ограничиваются только поступлениями в бюджет, также в них входит немало внебюджетных и неналоговых доходов, равных объему бюджетных поступлений. В этой связи в Китае рассматривается вопрос о реформировании системы распределения доходов — увеличении порога личных подоходных налогов, снижении подоходного налога предприятий и др.

Более 90% бюджетных доходов обеспечивается за счет налоговых поступлений. После проведения в 1994 г. налоговой реформы в КНР совершенствуют налоговую систему в соответствии с принципами социалистической рыночной экономики. Налоговые поступления подразделяются на центральные налоговые доходы, местные налоговые доходы и общие налоговые доходы — центрального и местного правительства.

К центральным налоговым доходам относятся потребительский налог, таможенные пошлины, НДС и взимаемый таможенной потребительский налог.

К местным налоговым доходам относятся подоходный налог с физических лиц, налог за пользование землей в городах, налог с пахотных угодий, регулирующий налог на инвестиции в недвижимость, налог на передачу оцениваемой недвижимости, налог с владельцев домов, налог на городскую недвижимость, налог на наследуемое имущество, налог на средства автотранспорта и суда, налог на регистрационные номера транспортных средств и судов, пошлина при продаже

недвижимости, налог на проведение банкетов и местные добавочные налоги.

К **общим налоговым доходам** центрального и местных правительств относятся НДС (75% — центру, 25% — местам), предпринимательский налог, налог на прибыль предприятий центрального подчинения, налог за пользование природными ресурсами, налог на поддержание городского правительства, гербовый сбор.

В июне 2014 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение об углублении финансовой реформы, который состоял из «дорожной карты» преобразования налоговой системы, бюджетного механизма и межбюджетных отношений. В августе 2014 г. Постоянным комитетом ВСНП была одобрена новая редакция готовящегося более 10 лет Закона о бюджете КНР. В нем был установлен механизм управления и контроля за долгами местных правительств, повышены требования к прозрачности бюджетного процесса, ограничены масштабы специальных финансовых трансфертов центрального правительства региональным властям, усилены контрольные функции и полномочия ВСНП в отношении формирования и исполнения бюджета, а также утверждены обязанности Народного банка Китая в качестве управляющего государственным казначейством.

Было принято решение об объединении в рамках национального фонда доходов и расходов четырех различных составляющих государственных финансов: 1) госбюджет; 2) государственные внебюджетные фонды; 3) бюджет капитального строительства; 4) фонд социального страхования. При этом на госбюджет приходится 60% общенационального фонда доходов и расходов, на государственные внебюджетные фонды — 24%, на фонд капитального строительства — 1% и на фонд социального страхования — 16%.

В сентябре 2014 г. Госсовет КНР принял решение об углублении реформы управления бюджетной системой. В этом

решении был предложен комплекс мер по обеспечению прозрачности центрального и местных бюджетов, созданию системы среднесрочного бюджетного планирования на три года с возможностью переноса дефицита или профицита годового бюджета, введение запрета на установление местными администрациями целевых финансовых сборов и самостоятельного установления налоговых льгот, универсальное применение налоговых льгот и преференций по всей территории страны, придание более гибкого характера системе межбюджетных трансферов из центра на реализацию местными властями инвестиционных проектов и усиление контроля за исполнением бюджетов на всех уровнях.

Для управления долгами региональных органов власти в 2011 г. Минфином КНР был объявлен эксперимент по самостоятельному выпуску облигационных займов местными правительствами экономически развитых территорий — провинции Чжэцзян, Гуандун и Шаньдун, городов Шанхай и Шэньчжэнь. В 2014 г. десять территорий КНР с наиболее устойчивым экономическим положением получили разрешение на самостоятельный выпуск, обслуживание и погашение облигационных займов по рыночным процентным ставкам на пять, семь и десять лет. Входящим в эту программу территориям были выделены квоты для выпуска облигаций до конца 2014 года на сумму в 110 млрд. юаней, в том числе не более 15 млрд. юаней на одну провинцию.

На сессии ВСНП в марте 2016 г. пошли еще дальше. Всем территориям КНР было разрешено выпускать облигационные займы для пополнения местных бюджетов на общую сумму 4 трлн. юаней, но при этом за центром сохранялось установление из этой суммы квот для каждой отдельной территории в соответствии с реальными экономическими условиями и возможностями местных правительств обеспечить гарантии по покрытию сумм по выделенным квотам. Во избежание рисков было установлено, что полученные финансовые средства

разрешается использовать исключительно на цели инфраструктурного строительства, запрещено расходовать на финансирование текущей деятельности местных властей. Средства для обслуживания и погашения займов включаются в расходную часть бюджетов провинций и должны находиться под контролем местных законодательных органов.

Как мы видим, наблюдающийся в КНР дефицит бюджета не оказывает принципиального воздействия на развитие китайской экономики. По-прежнему сохраняются стабильно высокие темпы прироста ВВП на уровне 6,5–7,0% в год, низкая инфляция, постоянный рост занятости — в год до 10 млн. новых рабочих мест и бурное развитие малых и микропредприятий. Как отмечал в период мирового финансового кризиса в 2008 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «самый непосредственный, самый инициативный и самый эффективный способ противостояния глобальному финансовому кризису — увеличение правительственных вложений».

Еще одним важным инструментом пополнения дефицитных местных бюджетов является разрешение местным властям на выпуск местных облигационных займов для развития инфраструктурных проектов в соответствии с местными экономическими условиями по выделенным квотам из центра при жестком контроле местных законодательных органов власти. Однако при этом категорически запрещается исполнительной власти на местах использовать поступившие от эмиссии облигаций средства для покрытия расходов на текущую деятельность.

Местные бюджеты имеют большую задолженность, что в недалеком будущем может привести к кризисным явлениям китайской экономики. По данным независимой компании МакКинси (McKinsey), в 2010 г. общий долг Китая (государственный, корпоративный, домохозяйств) составил примерно 200% ВВП, а в 2016 г. — уже 270% ВВП. На первый взгляд,

это очень высокий показатель, свидетельствующий о возможности грядущего кризиса китайской экономики.

Если рассматривать ситуацию в КНР с точки зрения классической рыночной экономики, то огромные долги корпораций по кредитам приведут к банкротству цепочки банков, кредитовавших эти предприятия, как во время «великого кризиса» 1929–1933 гг. в США, кризиса Японии 1990 года, когда лопнул «пузырь» на рынке недвижимости. Однако ситуация с долгами в КНР не такая, как в этих странах. Во-первых, сам объем государственного долга на 2018 г. — всего 14,96 трлн. юаней, из которых на внешний долг приходится лишь 0,14 трлн. юаней, это составляет всего лишь 16,6% объема ВВП Китая, в то время как госдолг США заметно превышает 100% огромного ВВП. Другое дело — корпоративные долги, долги домохозяйств и дефицит местных бюджетов, которые составляют остальную часть огромного долга — свыше 200% объема ВВП.

Однако в Китае понятие «корпоративный долг» связано с долгами предприятий местного подчинения, которые фактически управляются местными властями и берут кредиты у государственных банков. Как показали аналогичные события конца 90-х гг. XX века, проблема огромных «плохих» долгов крупных предприятий, которые вряд ли смогли покрыть финансирующим их банкам свои задолженности по кредитам, была с легкостью решена. В Китае получается так, что фактически предприятия госсектора (предприятия других форм собственности имеют весьма ограниченные возможности для получения банковских кредитов для развития производства и для решения этих проблем используют «теневой банкинг») берут кредит у государственных банков. И в Китае нашли простейший путь погашения кооперативных долгов. Предприятия-должники должны под контролем банковских структур и местных законодательных органов выпускать акции своего предприятия, которыми оно расплачивалось с банками-кре-

дителями. И банки-кредиторы получали возможность вместо хождений по судам с требованием уплатить задолженность, которую они никогда не смогли бы вернуть, принять участие в управлении предприятием и, таким образом, за счет участия в прибылях могли поэтапно в качестве дивидендов на акции вернуть какую-то часть задолженности.

Более сложная ситуация с дефицитами местных бюджетов. Согласно данным ежегодно издающихся китайских статистических справочников «Чжунго тунци чжайяо», практически все местные бюджеты уже несколько лет сводятся с дефицитом. В более развитых приморских районах дефицит местных бюджетов невелик и не превышает 1 трлн. юаней (менее 20% бюджета территории), в то время как в отдельных провинциях центрального и западного Китая дефицит местных бюджетов превышает показатель 3,5 трлн. юаней. Например, в Сычуани дефицит бюджета составляет примерно 4,2 трлн. юаней, в Хэнани — 3,8 трлн. юаней. Хотя если сравнить расходы с доходами местных бюджетов, то по соотношению расходы — доходы бюджета лидером является Тибет — 10-кратное превышение расходов над доходами, Цинхай — семикратное, Синьцзян — трехкратное превышение (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2016, с. 74–75*). Вместе с тем, в консолидированном государственном бюджете (центральный плюс местные бюджеты) за счет государственного бюджета всегда достигался профицит, который зачастую компенсировал дефицит местных бюджетов экономически отсталых провинций, и осуществлялись широкомасштабные программы развития регионов, такие как начавшаяся в 2000 г. программа развития западных районов Китая.

Более того, в отличие от других стран, значительная часть кредитов в КНР предоставлялась предприятиям под земельные площади, расположенные на территории уезда, города, волости, округа. В этом случае с учетом того, что землей в Китае имеют право распоряжаться не частные собственники,

а местные власти, то проблема местных долгов может легко решаться.

Большая часть капиталовложений в основные производственные фонды делают сами предприятия. Например, по данным ГСУ КНР, доля инвестиций из государственного бюджета в основные производственные фонды составляла в 2015 г. всего 3 трлн. юаней из 58 трлн. юаней всех капиталовложений — 5,2%, самофинансирование предприятий — 41,5 трлн. юаней (71,5%), банковские кредиты — всего 6,1 трлн. юаней (10,5%) (См.: *Чжунго туңцзи чжайяо — 2016, Пекин, 2016, с. 86*). Таким образом, главным спонсором всех капиталовложений в ОПФ на китайских предприятиях являются сами предприятия, которые имеют большие резервы для развития.

В то же время следует отметить, что западная пресса чрезмерно преувеличивает роль фондового рынка в китайской экономике. На протяжении всего 2015 г. и начала 2016 г. на Шанхайском и Шэньчжэньском фондовых рынках наблюдались сильные колебания сводных индексов. Временами наблюдалось их падение свыше 7% в день. На этом основании многие эксперты делали вывод, что если фондовые биржи так сильно лихорадит, то в таком же состоянии находится и вся китайская экономика. Если к этому добавить наличие так называемых «плохих долгов» в местных (провинциальных) бюджетах, то китайскую экономику ждут кризисные явления. Однако эти эксперты забывают, что доля объема капитализации фондового рынка в Китае составляет чуть более 50% объема ВВП в отличие от таких стран, как США, Япония и другие, где этот показатель существенно выше. Поэтому состояние фондового рынка Китая в Шанхае имеет относительную связь с состоянием китайской экономики в целом, и в частности, с основными показателями экономики — прирост ВВП, безработица, инфляция, урбанизация, показатели государственного бюджета, процентные ставки по кредиту и

многие другие. То же самое можно сказать и о «плохих местных бюджетах», проблемы которых обычно решаются путем выделения средств из центрального бюджета в местные бюджеты, как под отдельные проекты, так и для покрытия бюджетного дефицита, не говоря уже о разрешении выпускать местным правительствам облигации для покрытия дефицита бюджета под контролем местных представительных органов власти и центральных финансовых органов.

В начале XXI века в России, как и в Китае, наблюдались достаточно стабильные и высокие темпы экономического роста. Однако при этом в КНР оказалась более высокая норма накопления при более быстром росте денежных доходов и ВВП на душу населения, а в России оказались более высокие темпы инфляции. В ходе 7-го российско-китайского Форума ученых-экономистов (июнь 2006 г.) на эту тему было сделано несколько докладов российских и китайских ученых, которые осветили эту проблему с обеих сторон (Подробнее см.: *Цзинци цюаньцюхуа юй ЧжунЭ цзинци* (Экономическая глобализация и экономики России и Китая), *ЧжэнЭ шэхуэй кэсюэ луньтань* (Китайско-российский форум по проблемам общественных наук), АОН Китая — Российская Академия Наук, Пекин, 2006, с. 1–23 (кит.яз./рус.яз.). В конечном итоге в ходе обсуждения докладов по данной тематике обе стороны пришли к выводу, что положительная динамика экономического развития, выражающаяся в более высоких темпах роста ВВП и более низких темпах роста инфляции не связана с наличием денежной массы в обращении, объем которой в экономике КНР на порядок выше, чем в России, а в повышенной норме накопления и в огромных инвестициях в китайскую экономику. Это значительно снижает темпы инфляции в КНР, а в отдельные годы (1998–2002 гг.) инфляция вообще была с отрицательным показателем. Таким образом, китайский опыт реформ показал, что большой объем инвестиций в экономике — не есть зло, а Китай до сих пор не скатился в

инфляционную спираль только из-за наличия высоких темпов инвестиций как в китайскую экономику в целом, так и в различных районах страны.

Китайский опыт реформы показал, что на первом этапе во избежание гиперинфляции следует переходить к «двухколейной» модели ценообразования, при которой государство сохраняет рычаги контроля не только за механизмом ценообразования, но и за самим процессом перехода к рыночной экономике. Российская модель либерализации цен 1992–1993 гг. показала несостоятельность свободного ценообразования в условиях перехода от плановой к рыночной экономике. Как показала в своей работе В.В. Жигулева, «в России проявились, по меньшей мере, три обстоятельства при реализации модели либерализации цен по Е.Т. Гайдару: 1) состояние «предельного дефицита» привело к тому, что сохранялась монополия, при которой уровень цен определялся не равновесной ценой и платежным спросом населения, а количественной ограниченностью практически всех товаров; 2) адаптивно-информационные ожидания дополнились дефицитными ожиданиями, что породило эффект гиперинфляции по отношению к большинству потребительских товаров; 3) под воздействием дефицитных ожиданий изменилась структура потребностей, а товары стали рассматриваться как своеобразные гаранты от дефицитных и инфляционных потрясений (См.: *Жигулева В.В. От плана к рынку: опыт КНР в области реформы ценообразования. М., ИДВ РАН, 2006, с. 17–18*). В этих условиях рынок стал практически не насыщаемым, и под воздействием дефицитных ожиданий спрос подталкивал рост цен на все товары, государство было вынуждено компенсировать рост цен населению, как путем выпуска необеспеченной денежной массы, так и введением различных социальных льгот, что раскручивало инфляционную спираль. Через некоторое время деньги превратились в сверхдефицитный ресурс, о чем свидетельствовало стреми-

тельное повышение банковских учетных ставок, что по-прежнему вело к росту инфляции издержек.

На протяжении многих лет в российской экономической литературе распространяется мнение о том, что успехи китайской экономической реформы, прежде всего, связаны с проведением либеральной экономической политики и отказом от государственного вмешательства в экономику. Наиболее развёрнуто эта точка зрения высказана А. Илларионовым, который в результате достаточно поверхностного анализа китайской статистики в сопоставлении с аналогичными показателями российской статистики пришел к выводу о том, что «в 1979–1997 гг. в Китае проводились не постепенные (градуалистские), а либеральные экономические реформы». На этом основании был сделан вывод, что «опыт китайских реформ свидетельствует, что лишь предельно либеральная экономическая политика способна остановить возрастающее отставание России от своих соседей и других стран мира» (См.: А. Илларионов. *Секрет китайского экономического чуда // Вопросы экономики. 1998, № 4, с. 25–26*).

Однако внимательный анализ китайских статистических данных показывает, что в Китае в ходе реформы проводятся именно постепенные (градуалистские) экономические реформы под контролем государства. В вышеуказанной статье при сопоставительном анализе материалов китайской статистики, к сожалению, так и не были учтены как особенности национальной учётной статистической базы в КНР, так и суть основных мероприятий китайской реформы, главной целью которых является не либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны на базе всестороннего развития производства.

Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что **Китай в ходе экономической реформы не проводил «шоковую терапию» в виде либерализации цен и**

не осуществлял всеобщую приватизацию в виде продажи предприятий-монополистов частным лицам посредством продажи ценных бумаг на фондовых рынках. В области ценообразования с начала 80-х годов действовало три вида цен: 1) фиксированные государством директивные цены; 2) индикативные цены, которые могли отклоняться от установленных государством цен под воздействием спроса–предложения на рынке от 5 до 20%; 3) рыночные цены, которые устанавливались чисто под воздействием рынка. По мере развития реформы доля фиксированных государственных цен постепенно снижалась, а доля индикативных и рыночных цен постепенно увеличивалась. Прямой государственный контроль над ценами и директивные твёрдые цены на сырьё и основные материалы и тарифы на первых этапах реформы обеспечивали контроль за инфляционными процессами. Если до начала реформы в 60–70-е годы в государственном бюджете Китая даже не было предусмотрено специальной статьи «ценовые субсидии», то с 1978 г. — первого года реформы расходы по этой статье бюджета, предусматривавшие покрытие роста цен на зерновые, хлопок, растительное масло, мясо и общее сдерживание инфляции, возросли от 1,1 млрд. юаней в 1978 г. (1,0% всех расходов) до 104,2 млрд. юаней (6,6% всех расходов) в 2000 г. при значительном увеличении этой доли расходов в первые 10 лет реформы — 26,2 млрд. юаней (13,1%) в 1985 г. и их постепенном сокращении с начала до середины 90-х годов — 45,4 млрд. юаней (5,7%) в 1996 г. и сокращении этой доли в расходах госбюджета в начале XXI века — 99,8 млрд. ю (2,9% всех расходов госбюджета) в 2005 г. (См.: *Чжунго тунци няньцзянь — 1998 (Китайский статистический сборник — 1998)*. Пекин, ГСУ КНР, с. 275–276; *Чжунго тунци няньцзянь — 2006 (Китайский статистический сборник — 1998)*. Пекин, ГСУ КНР, с. 282–283).

В области приватизации Китай пошёл по пути постепенного создания диверсифицированной экономики с предприятиями различных форм собственности — от индивидуальных и частных предприятий до предприятий со 100% иностранного капитала. На первом этапе реформ в декабре 1978 г. Китай перешёл к системе семейного подряда в деревне, что позволило создать необходимое накопление капитала для развития негосударственных форм собственности, как в деревне, так и в городе. В конечном итоге создание многообразных форм собственности, как в деревне, так и в городе позволило к концу 80-х годов постепенно создать рынок средств производства, рынок недвижимости, рынок ценных бумаг и рынок рабочей силы. Все эти рынки постепенно сформировались в КНР к середине 90-х годов не в результате приватизации и распределения выпущенных государством ваучеров, а путем развития негосударственных секторов экономики. Только в 90-е годы государство в КНР стало создавать для управления государственных предприятий акционерные компании, в которых, как правило, контрольным пакетом акций владело государство через созданные центральными или местными органами власти предприятия либо фонды.

В 80-е годы XX в. государство уделяло достаточно много внимания развитию предприятий государственного сектора. Вплоть до середины 90-х годов происходил рост общей численности рабочих и служащих в государственном секторе — 74,5 млн. человек в 1978 г., 103 млн. человек в 1990 г. и 110 млн. человек в 1997 г. (См. табл. 11 ниже). Лишь с середины 90-х гг. началось сокращение численности занятых в государственном секторе, и только в 1998 г. на основании решений XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.) о реформе предприятий государственного сектора начались массовые увольнения избыточной рабочей силы с государственных промышленных предприятий. При этом следует отметить, что в результате увольнения избыточной рабочей силы с государ-

ственных предприятий доля занятых на предприятиях государственного сектора в ходе реформы заметно снизилась — с 78,3% общей численности всех рабочих и служащих в 1978 г. до 22,9% в 2005 г. и 14,4% в 2018 году. Однако при этом доля рабочих и служащих государственного сектора в общей численности экономически активного населения уменьшилась незначительно, и в начале XXI века этот показатель вышел на уровень 1957 года (табл. 12) и последующим снижением этого показателя благодаря уменьшению численности рабочих и служащих госсектора с середины 90-х гг., когда стали осуществляться решения XV съезда КПК 1997 г.

Таблица 12

**Динамика и структура занятых в государственном секторе КНР
(1957–2018 гг.)**

	1957	1978	1990	1994	1997	2000	2005	2010	2015	2018
Экономически активное население (млн. чел.)	238	401	647	675	698	721	747	761	774	776
Занятые в городах и поселках (всего) (млн. чел.)	32,1	95,1	170	186	208	231	284	347	404	425*
В том числе:										
занятые в государственном секторе (млн. чел.)	24,5	74,5	103	109	110	81	65	65	62	61*
Доля в общей численности занятых в городах и поселках (%)	76,3	78,3	60,5	58,6	52,9	35,1	22,9	18,7	15,3	14,4
Доля в экономически активном населении (%)	10,3	18,6	15,9	16,1	15,7	11,2	8,7	8,5	8,0	7,9

* Данные на 2017 год.

Источник: Чжунго тунци няньцзянь – 1998. с. 130–131; Чжунго тунци няньцзянь – 2006. с. 126–128; Чжунго тунци чжайяо – 2018. с. 36.

Таким образом, динамика занятости на предприятиях государственного сектора и изменение доли занятых на предприятиях государственного сектора в экономически активном населении страны за годы экономической реформы отнюдь не свидетельствуют о стремительной либерализации китайской экономики и быстром уходе государства из экономики страны. Данные ГСУ КНР о занятости говорят лишь о том, что на первом и втором этапе экономической реформы до середины 90-х годов численность рабочих и служащих государственного сектора продолжала расти, хотя её доля постепенно сокращалась. Лишь на третьем этапе реформы с середины 90-х годов началось абсолютное снижение занятых на предприятиях государственного сектора, но не за счёт изменения формы собственности предприятий, а за счёт массовых увольнений избыточной рабочей силы на них, что в настоящее время представляет одну из острейших социальных проблем современного Китая.

Другие статистические данные по китайской экономике в период реформ также не подтверждают вывод о быстрых темпах либерализации экономики КНР. В частности, анализ структуры валового внутреннего продукта (ВВП) по расходам с 1978 по 2018 г. показывает, что доля государственного потребления постоянно увеличивалась и в 2005 г. составила 26,8%, что на 5,4 процентных пункта выше по сравнению с 1978 г. (табл. 13). В дальнейшем по мере роста ВВП доля государственного потребления стала постепенно увеличиваться, и в 2018 г. составила 27,5% расходуемого валового внутреннего продукта.

Таблица 13

**Структура валового внутреннего продукта КНР по потреблению
(1978–2018) (%)**

	1978	1985	1990	1994	2000	2005	2010	2015	2018
Конечное потребление	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Личное потребление	78,6	78,3	78,2	74,7	74,5	73,2	73,4	73,3	72,5
Государственное потребление	21,4	21,7	21,8	25,3	25,5	26,8	26,6	26,7	27,5

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь – 2006, с. 69; Чжунго тунци чжайяо – 2019, с. 31–32.*

О постепенном характере китайских реформ свидетельствуют и статистические данные о характере инвестиций с 1980 по 2005 гг. За этот период удельный вес инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора заметно снизился — с 82,0% общего объема инвестиций в 1980 г. до 33,4% — в 2005 г. Однако в абсолютном исчислении общий объём инвестиций увеличился с 66,75 млрд. юаней в 1981 г. до 2966,7 млрд. юаней в 2005 г. (См.: *Чжунго тунци няньцзянь — 2006, с. 189*). Если при этом мы внимательно проанализируем структуру инвестиций в основные производственные фонды предприятий по формам собственности, то увидим, что на первом этапе реформ — до 1985 г. снижение удельного веса инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора шло за счёт предприятий коллективного и индивидуального секторов. С 1985 по 1990 гг. структура инвестиций в основные производственные фонды сохранялась почти без изменений. В 90-е гг. наряду с дальнейшим снижением доли инвестиций в государственный сектор также произошло значительное снижение доли инвестиций в индивидуальный сектор при определённом росте доле инвестиций в основные производственные фонды предприятий коллективного сектора (в основ-

ном волостно-поселковые предприятия в сельской местности) и предприятий прочих форм собственности, куда по китайской статистической учётной базе относятся смешанные и совместные предприятия с участием иностранного капитала, все виды акционерных предприятий, предприятия чисто иностранного капитала, в том числе зарубежных китайцев (хуацяо) из Гонконга, Тайваня и Макао. В дальнейшем происходило значительное снижение доли инвестиций в предприятия государственного сектора при количественном повышении общего объема инвестиций — 109 млрд. ю в 1995 г. и 296,7 млрд. ю в 2005 г. за счет роста доли инвестиций в предприятия прочих форм собственности и сохранения доли инвестиций в предприятия коллективного и индивидуального сектора. В дальнейшем доля инвестиций в предприятия государственного и коллективного сектора заметно сократилась за счет роста инвестиций в предприятия других форм собственности (частные, индивидуальные и смешанные предприятия (табл. 14).

Таблица 14

Инвестиции в основные производственные фонды по формам собственности (1980–2005) (%)

	1980	1990	1995	2000	2005	2015
Всего инвестиций	100	100	100	100	100	100
Государственный сектор	82,0	66,1	54,4	50,1	33,4	24,8
Коллективный сектор	5,0	11,7	16,4	14,6	13,5	2,8
Индивидуальный сектор	13,0	22,2	12,8	14,3	15,6	
Прочие сектора	-	-	16,4	21,0	37,5	

Источники: *Чжунго тунци няньцянь* – 1998, с. 186; *Чжунго тунци няньцянь* – 2006, с. 189.

Короче говоря, с одной стороны, в ходе экономической реформы в КНР произошло абсолютное увеличение инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора в 20 с лишним раз, с другой стороны, в 2000 г. по-прежнему удельный вес инвестиций в основные

производственные фонды предприятий государственного сектора превышал инвестиции в основные фонды предприятий всех остальных форм собственности, вместе взятых. Однако через несколько лет, несмотря на заметный прирост инвестиций в основные фонды предприятий государственного сектора, их доля заметно уменьшилась в пользу инвестиций в различного рода акционерные предприятия, особенно с участием иностранного капитала.

При этом следует обратить особое внимание на источники финансирования в основные производственные фонды. Ещё до начала реформ основным источником финансирования предприятий государственного сектора (более 50% всех инвестиций) являлись собственные фонды предприятий и остаток прибыли от хозяйственной деятельности предприятий после уплаты всех налогов и банковского процента за кредит, а для предприятий всех остальных форм собственности этот источник был и единственным. Во время реформы роль этого источника инвестиций заметно выросла. Если в 1981 г. доля собственных средств предприятий как источника инвестиций в основные производственные фонды составляла 55,4%, в 2000 г. — уже 67,7%, а к 2005 г. она выросла до 74,1%. В дальнейшем инвестиции в основные производственные фонды (ОПФ) за счет предприятий продолжали расти, однако их доля несколько сократилась, но вплоть до настоящего времени этот источник инвестиций в основные производственные фонды является основным в КНР. В частности, в 2017 г. его доля составила 65,3% общего объема инвестиций в ОПФ.

При этом происходило постоянное и заметное снижение доли инвестиций из государственного бюджета, что являлось отражением государственной политики в отношении предприятий всех форм собственности — «самим отвечать за прибыли и убытки» (*цзыфу инькуй*). При этом на первом этапе реформы до 1985 г. повышалась роль внутренних кредитов как источника финансирования развития предприятия, однако

с середины 80-х гг. до настоящего времени эта доля продолжала снижаться. Если в 2000 г. доля внутренних кредитов составляла примерно 20% всех инвестиций, то в настоящее время она сократилась до 10–11% всего объема инвестиций в основные производственные фонды. Доля иностранных инвестиций заметно выросла к середине 90-х гг. — с 3,6% в 1985 г. до 10,3% в 1997 г., причём основной прирост иностранных инвестиций начался лишь в 90-е гг. Но с начала XXI века стал стремительно падать как абсолютный объем иностранных инвестиций, так и доля в общем объеме инвестиций в основные производственные фонды предприятий. Она невелика и составляла всего 431 млрд. юаней или 0,33% всего объема инвестиций в 2017 г. (табл. 15).

Таблица 15

Инвестиции в основные производственные фонды по источникам финансирования (1981–2017) (млрд. ю / %)

	1981	1990	2000	2005	2010	2013	2017
1. Государственные инвестиции (млрд. ю / %)	<u>27,0</u> 28,1	<u>39,3</u> 8,7	<u>210,9</u> 6,4	<u>415,4</u> 4,4	<u>1301,2</u> 4,6	<u>2230,5</u> 4,5	<u>3874,2</u> 5,9
2. Внутренние кредиты (млрд. ю / %)	<u>12,2</u> 12,7	<u>88,5</u> 19,6	<u>672,7</u> 20,3	<u>1631,9</u> 17,3	<u>4402,1</u> 15,4	<u>5944,2</u> 10,1	<u>7243,5</u> 11,3
3. Иностранные инвестиции (млрд. ю / %)	<u>3,6</u> 3,8	<u>28,5</u> 6,3	<u>169,6</u> 5,1	<u>397,9</u> 4,2	<u>470,4</u> 1,6	<u>431,9</u> 0,9	<u>214,6</u> 0,33
4. Собственные средства предприятий и прочие (млрд. ю / %)	<u>53,3</u> 55,4	<u>295,4</u> 65,4	<u>2257,7</u> 68,2	<u>7013,9</u> 74,1	<u>1787,4</u> 62,6	<u>3342,8</u> 67,9	<u>4177,0</u> 65,3

Источники: *Чжунго тунци няньцзянь – 1998, с. 187; Чжунго тунци няньцзянь – 2006, с. 191; Чжунго тунци чжайяо – 2019, с. 79.*

В целом изменение структуры инвестиций в основные фонды предприятий государственного сектора во многом напоминает аналогичные показатели в целом по стране. Для госсектора собственные средства предприятия также являлись главным

источником финансирования. Но если в 1990 г. эта доля была ниже, чем у предприятий других форм собственности — всего 54,1% всех инвестиций, то в 1997 г. государственные предприятия уже сравнялись по этому показателю со средним показателем по стране — 67,0%. При этом на предприятиях госсектора в ходе реформы происходил постоянный рост прямых бюджетных инвестиций и внутренних кредитов в развитие основных производственных фондов, и доля этих источников инвестиций была выше, чем для предприятий других форм собственности. Например, в 1990 г. доля прямых бюджетных инвестиций составила 13,2% всех инвестиций (8,7% для предприятий всех форм собственности), а в 1997 г. — 4,7% (2,8% для предприятий всех форм собственности); доля внутренних кредитов на развитие предприятий госсектора в 1990 г. составила 23,6% (19,6% для предприятий всех форм собственности), а в 1997 г. — 23,0% (18,9% для предприятий всех форм собственности) (См.: *Чжунго тунцизи няньцзянь — 1998*, с. 190). Таким образом, хотя в условиях перехода большей части предприятий государственного сектора на самоокупаемость и самофинансирование в ходе реформы собственные фонды предприятий становились не просто основным, а главным источником финансирования, тем не менее, предприятия госсектора получали больше прямых инвестиций из государственного бюджета и имели больше возможностей для получения внутренних банковских кредитов.

Разумеется, по мере развития экономической реформы доля расходов государственного бюджета в ВВП сокращалась, однако не столь стремительно, как это представляется на основании данных об исполнении государственного бюджета в годы реформы. Для борьбы с бюджетным дефицитом с 1982 г. в Китае стали использовать так называемый «двойной бюджет»: регулярный государственный бюджет и бюджет капитального строительства. Основной целью «двойного бюджета» является выведение всех расходов по капитальному строительству за рамки регулярного госбюджета, и весь

излишек поступает в бюджет капитального строительства. Во избежание задержек платежей разрешено строительство только при наличии реальных источников финансирования, а в случае банковского кредитования под капитальное строительство запрещено кредитование под банковский процент выше инфляционного. Как показывает детальный анализ распределения бюджета капитального строительства, которым распоряжаются центральные и местные власти, за счёт этого бюджета также покрываются расходы на городское управление, оперативные и административные расходы.

До 1992 г. происходило постоянное увеличение объёма «второго бюджета», который вырос с 73,5 млрд. юаней (60% официального государственного бюджета) в 1982 г. до 385 млрд. юаней (110,6% официального бюджета) в 1992 г. Однако в 1994 г. в ходе налоговой реформы с целью привлечения дополнительных средств в центральный бюджет были разделены доходы центрального и местных бюджетов, что привело к уменьшению «бюджета капитального строительства», однако уже в 1996 г. он был восстановлен в прежнем объёме — 389,3 млрд. юаней, но он составлял всего 52,5% официального доходного бюджета (См.: *Чжунго тунцизи няньцзянь — 2006*, с. 298). Безусловно, доля расходной части как официального госбюджета, так и «двойного» бюджета в ВВП в ходе реформы снижается, однако не столь стремительно, как кажется на первый взгляд. Если в 1970 г. доля расходов госбюджета в ВВП составляла 28,8%, в 1978 году — 30,7%, то в 1985 г. — уже 22,2%, в 1990 г. — 16,5%, а в 1996 г. — 11,2%. Однако, если мы добавим показатели расходной части бюджета капитального строительства, то до налоговой реформы 1994 г. наблюдается не снижение доли расходов «двойного бюджета» в ВВП, а даже некоторый рост по сравнению с дореформенным периодом 70-х гг.: 39,1% в 1985 г., 31,0% в 1990 г., 27,5% в 1992 г. Лишь после изменения статистической учётной базы в 1994 г. (по данным 1993 г.) доля расходов госбюд-

жета в ВВП заметно снизилась до 16,5% в 1997 г., однако в начале XXI века выросла до 20,9% в 2005 г. (табл. 16).

Таблица 16

**Изменение удельного веса государственных расходов в ВВП
(1970 – 2005 гг.)**

	1978	1982	1985	1990	1992	1993	1994	1996	2000	2005
ВВП (млрд. юаней)	365	532	902	1867	2692	3533	4820	7118	9921	18308
Расходы гос- бюджета (млрд.юаней)	112	123	200	308	374	464	579	794	1589	3393
В % от ВВП	30,7	23,1	22,2	16,5	14,0	13,9	12,0	11,2	16,0	18,5
Дополнитель- ные расходы бюджета кап. строительства (млрд. юаней)	-	74	153	271	365	131	171	384	353	435
Расходы госбюджета с учётом бюджета кап. строитель- ства (млрд. юаней)	-	197	353	579	739	595	750	1178	1942	3828
В % от ВВП с учётом «бюджета кап. стр-ва»	-	37,0	39,1	31,0	27,5	16,8	15,6	16,5	19,6	20,9

Примечание: данные за 1993–1997 гг. по расходам государственного бюджета и бюджета капитального строительства несопоставимы с предыдущими годами из-за изменения статистической учетной базы после налоговой реформы 1994 г.

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь – 1998*, С. 55, 275, 276, 283; *Чжунго тунци няньцзянь – 2006*, с. 57, 281, 298, 299.

Нельзя подходить к статистическим данным по экономике Китая, абстрагируясь от китайской действительности, выражающейся прежде всего в огромной массе населения, которую необходимо обеспечить основными жизненными средствами. Всё это

находит своё отражение в статистической учётной базе, заметно отличающейся и от развитых стран Запада, и от России и стран СНГ и Восточной Европы. В Китае традиционно доля государственных расходов в ВВП всегда была невелика, как в 50–70-е годы, так и в период экономической реформы. По данным ГСУ КНР, доля расходов государственного бюджета в ВВП по основным показателям до начала реформы в 60–70-е годы мало чем отличается от аналогичных показателей 80–90-х годов. Но следует обратить особое внимание при анализе роли государственного регулирования в китайской экономике в ходе реформы на появление так называемого «двойного бюджета» — государственного бюджета и бюджета капитального строительства, формирование в государственном бюджете новой расходной статьи — «ценовые субсидии» для борьбы с инфляцией, на поддержание сравнительно высокого уровня расходов в фонд развития науки и техники, на развитие сельского хозяйства, на развитие фундаментальной науки, здравоохранения, образования и культуры и стимулирование инвестиций в основные и оборотные производственные фонды за счёт собственных средств предприятий. По-прежнему государственные предприятия, несмотря на сокращение численности занятых на них, являются стовым хребтом китайской экономики, по-прежнему значительная часть доходов государственного бюджета формируется за счёт государственного сектора, но по мере развития экономической реформы в Китае будут и дальше проводиться постепенные (градуалистские) преобразования на предприятиях государственного сектора, направленные на постепенный перевод их большей части на самофинансирование и самоокупаемость и высвобождение избыточной рабочей силы, на их превращение в предприятия акционерной формы собственности с контрольным пакетом акций у государства, на создание в стране системы крупных корпораций на базе предприятий государственной собственности.

Использование «двухколейной» системы цен в Китае в процессе перехода от плановой к рыночной экономике при

сохранении относительно высокой доли расходной части государственного бюджета в ВВП также во многом способствовало сохранению инфляционных процессов в стране под контролем. В самом деле, лишь в отдельные годы индексы потребительских, товарных и оптовых цен были выше уровня заработной платы и доходов населения.

Однако при этом по всей стране доля рыночных цен неуклонно увеличивалась, а доля устанавливаемых (*чжиллинсин*) государством и регулируемых (*чжидасин*) государством цен неуклонно сокращалась. В начале XXI века сохранялись устанавливаемые и регулируемые государством цены в основном в отраслях естественных монополий, таких как линии электропередач и распределение электроэнергии, местная телефонная связь и оптико-волоконная сеть, почтово-телеграфная сеть, система навигационного слежения и контроля в гражданской авиации, железнодорожная информационная сеть и сеть монорельсовых дорог, сеть водоснабжения и система газопроводов.

В декабре 2006 г. Государственный комитет по развитию реформы КНР принял решение о либерализации цен на каменный уголь с 2007 г. В соответствии с этим решением по всей стране отменялась действующая на протяжении нескольких десятков лет система закупочных совещаний по каменному углю, на которых устанавливались цены на каменный уголь в ходе переговоров между производителями угля и потребителями на тепловых электростанциях. С 1993 г. для установления цены на электроэнергию государство определяло цены на уголь для крупных государственных электростанций, что и формировало «двухколейную» систему цен — на уголь для крупных государственных электростанций («плановый» уголь) и уголь для других целей («рыночный» уголь). Ежегодно происходили закупочные совещания по каменному углю, по итогам которых увеличивался разрыв в ценах на «плановый» и «рыночный» уголь. Поэтому с 2007 г. система

действующих совещаний по закупкам угля была отменена, и вместо нее создается рынок угля, в основе которого будет Всекитайская фондовая угольная биржа с региональными фондовыми рынками в качестве дополнения к ней. Предполагается, что отпуск цен на каменный уголь позволит освободить цены на электроэнергию — на ее производство, доставку и распределение. Однако, по мнению китайских экспертов, данная мера должна быть согласована с либерализацией цен на транспортные услуги, от которых в значительной степени зависит цена за тонну угля, а транспортные компании монополизировали доставку угля в масштабах всей страны (Чжунго цзинцзи шибао, 30.12.2006).

Однако эти меры являются необходимыми для реализации поставленных на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) задач об ускорении формирования единого китайского рынка. Как было отмечено в материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.), укрепление целостности рынка представляет собой важную задачу в ходе строительства современной рыночной системы. Было признано необходимым всемерно способствовать усилению открытости рынка как вовне, так и по отношению к внутренним районам, предложено в короткие сроки освобождать цены на факторы производства, развивать такие современные формы обращения, как электронную торговлю, сети фирменных магазинов, весь цикл доставки и хранения грузов (обращение, распределение, складирование и доставка), способствовать развитию свободного обращения и полной конкуренции в масштабах всей страны для всех видов товаров и факторов производства. В документе особо отмечалась необходимость устранения различных положений по разделению рынков, препятствующих равной конкуренции, создающих административные барьеры и приводящих к бойкотированию товаров и услуг, произведенных не в данной местности, что должно привести к разрушению отраслевого монополизма и административ-

ного сепаратизма. В рамках принятого постановления было рекомендовано активно развивать структуру самостоятельных и в рамках законов и нормативов действующих специализированных рынков посреднических услуг, в соответствии с рыночными принципами упорядочить и развивать различные отраслевые и торговые союзы и прочие самостоятельные хозяйственные организации. Все эти меры, в конечном счете, должны привести к дальнейшему совершенствованию системы контроля за рынком, включающей исполнение административного права, отраслевого права, активизировать общественный контроль и привлечение масс к участию в контроле за хозяйственной деятельностью. В результате в масштабах страны будет действовать механизм контроля за качеством продукции, расширятся возможности пресечения противозаконных действий, связанных с производством поддельной и фальшивой продукции.

В сельской местности проблема формирования рынка приобрела первостепенное значение лишь с 1993 г. на третьем этапе реформы — этапе «социалистической рыночной экономики». В это время стали создаваться оптовые рынки, структура которых сформировалась лишь к концу 90-х гг. В основу этой структуры было положено огромное количество первичных сельских рынков на уровне уезда и ниже, на которых крестьяне-производители сами реализовывали свою продукцию, на них практически не было посредников, объем товарной продукции, предлагаемой каждым отдельным продавцом, был невелик. Второй уровень пирамиды составляли многочисленные оптовые рынки 2-й категории на уровне уездов, округов, провинций, и их товарооборот составлял примерно 30% всего розничного оборота страны. По сути дела, именно эти рынки формировали основу системы рыночной экономики в Китае. На верхнем уровне находились крупные оптовые рынки общегосударственного значения 1-й категории, которые обеспечивали закупку и сбыт основных видов сельско-

хозяйственной продукции — рынки зерна и растительного масла, овощей, мороженой продукции, сахара, фруктов, продукции водного промысла и специфических видов продукции (кожа, мех, шерсть, бамбук, чай и др.). Кроме того, в середине 90-х гг. в Китае стали создаваться фьючерсные оптовые рынки как по всем видам сельскохозяйственной продукции, например, в Шанхае, так и по отдельным видам сельскохозяйственной продукции — зерна в Чжэнчжоу (пров. Хэнань), каучука, кофе, пальмового масла в пров. Хайнань, сои в Далиане (пров. Ляонин). По мнению Л.Д. Бони, государственное регулирование на рынках сильнее на более высоких уровнях, на оптовых рынках уровня уезда и ниже присутствие государства практически незаметно (См.: *Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. М., Ин-тут Дальнего Востока РАН, 2003, с. 213–230*).

В конце 2006 г. в целях реализации курса на развитие всех видов рынков и учитывая «необходимость устранения различных положений по разделению рынков, препятствующих равной конкуренции, создающих административные барьеры и приводящих к бойкотированию товаров и услуг, произведенных не в данной местности» (См.: *Чжунгун Чжуньян гуаньюй ваньшань шэжуэйчжун шичан цзинци тичжи жогань вэньтиды цзюэдин (Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики). 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 года). Пекин, 2003, с. 19*) по инициативе Министерства коммерции КНР в городе Ю провинции Чжэцзян (300 км на юг от Шанхая) был создан самый большой в мире оптовый рынок мелких товаров. На этом рынке продаются 400 тыс. видов мелких товаров, закупки ведут представители более 100 стран мира, на экспорт отправляется более 1500 контейнеров в день, более 760 иностранных компаний открыли свои представительства. На основе деятельности этого рынка создана система индекса Ю, которая состоит из 23 отдель-

ных индексов, разделенных на три категории — индекс цен мелких товаров, индекс активности мелкотоварного рынка и индекс контроля. Они отражают изменения и тенденцию цен товаров рынка Иу, состояние рынка. Главные показатели индекса Иу — еженедельный индекс цен и ежемесячный индекс активности регулярно размещаются в Интернете на сайтах Министерства коммерции КНР, правительства города Иу и центральных СМИ Китая (См.: *Китай, 2006, №12 (14), с. 30–31*). Создание такого оптового рынка мелких товаров на общегосударственном уровне свидетельствует как о повышении открытости коммерческой информации не только для Китая, но и для мирового рынка, так и о выходе страны на новый этап развития рыночной экономики.

Развитие рынка капитала и прочих факторов производства с целью привлечения прямых инвестиций в экономику страны является одним из важнейших направлений китайской реформы. Для этого планируется создать многоуровневую систему рынка капитала и совершенствовать структуру рынка капитала. В этом плане китайское руководство предполагает развивать биржи ценных бумаг, создавать биржевые структуры для стимулирования венчурных инвестиций, а также специальные инновационные биржи, предназначенные для размещения акций высокотехнологичных предприятий. В настоящее время в КНР имеются только две фондовые биржи — в Шанхае и Шэньчжэне. Однако в будущем предполагается активно развивать фондовый рынок, совершенствуя порядок эмиссии ценных бумаг и акций, расширять масштабы эмиссии акций крупных компаний. Это должно будет способствовать развитию системы институциональных инвесторов, расширению каналов упорядоченного выхода капитала на рынок. В результате должен быть создан единый взаимосвязанный рынок ценных бумаг, должна будет совершенствоваться система заключения сделок и осуществления расчетов, постоянно развиваться рынок фьючерсных сделок.

В перспективе также предусматривается развитие рынков таких факторов производства как земля, технологии и рабочая сила, совершенствование сделок в области имущественных прав, активное развитие системы имущественного и личного страхования, а также перестрахования.

Важной составной частью развития рыночной экономики в КНР является дальнейшее развитие социального кредитования, которое представляет собой обязательное условие построения современной рыночной системы. Развитие кредитной системы должно основываться на строгих моральных принципах, имущественном праве и обеспечено пакетом принятых законодательных актов. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) отмечалась необходимость постепенно совершенствовать законодательство в данной области, которое должно обслуживать специфические направления хозяйственной деятельности, торговлю и специализированное обслуживание, способствовать ускорению создания системы кредитного обслуживания для предприятий и частных лиц. В настоящее время стала формироваться так называемая система социального кредита, которая обеспечивает дополнительные кредитные льготы более лояльным к власти гражданам. В перспективе предусматривается постепенно ориентировать рынок кредитных услуг на границу.

В результате принятых за последние годы мер по развитию рыночной инфраструктуры в экономике были сделаны заметные успехи в реформе системы ценообразования и инвестиционной политике. Одним из основных достижений китайской реформы стало расширение внутреннего спроса и оживление экономической активности, что помогло преодолеть последствия азиатского финансового кризиса и увеличить масштабы и емкость внутреннего рынка. В результате принятых мер в области ценообразования в годы 9-й и 10-й пятилеток (2001–2010 гг.) удалось добиться совершенствования механизма макроконтроля за совокупным уров-

нем цен и началось формирование рыночного механизма ценообразования. В дальнейшем начались мероприятия по углублению реформы ценообразования при необходимом контроле за общим уровнем цен и соблюдением справедливой конкуренции для сдерживания инфляционных тенденций. Об этом свидетельствуют низкие показатели роста всех видов цен — потребительских, товарных розничных, оптовых и других видов за период с 1998 г. по настоящее время. В годы 11-й и 12-й пятилеток вплоть до настоящего времени был обеспечен значительный рост инвестиций в основные производственные фонды, особенно в объекты инфраструктуры. Несмотря на резкий рост инвестиций в основные производственные фонды, в КНР удалось сохранить низкий рост цен и опережающий рост доходов населения. Таких результатов удалось добиться благодаря созданию рыночной инфраструктуры в экономике страны, в которой стали более полно проявляться действия рыночного механизма, формирующего основные приоритеты развития и обеспечивающего сочетание интересов государства, предприятия и отдельной личности.

4. ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА *СЯОКАН* («МАЛОГО БЛАГОДЕНСТВИЯ»)

Несмотря на сравнительно высокие темпы экономического развития страны — в 1953–1981 гг. валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 8,1%, национального дохода — 5,9% в год, валовой продукции промышленности — 10,8% в год, валовой продукции сельского хозяйства — 3,5% в год (См.: *Чжунго тунцизи няньцизянь — 1981, Пекин, 1982, с. 12*), жизненный уровень населения по-прежнему оставался крайне низким. В 1978 г. национальный доход на душу населения составлял всего 315 юаней, средний доход крестьян составлял всего 134 юаня на 1 человека в год

(примерно 65 долларов США на человека), а рабочих и служащих — 316 юаней (примерно 110 долларов США на человека). По-прежнему сохранялась карточная система почти на все основные виды потребительских товаров, начиная от зерна и кончая радиоприемниками и велосипедами. Верхом достатка считалось наличие в китайской семье так называемых «трех вертящихся и одного звучащего» (часы, велосипед, вентилятор и радиоприемник).

До начала экономической реформы в начале 80-х гг. более 250 млн. человек (более 25% населения страны) проживали за «линией бедности». В 80-е годы в городах еще действовала карточная система, строго ограничивающая потребление основных потребительских товаров — питание, одежда, обувь. Средняя зарплата рабочего и служащего составляла примерно 60 юаней в месяц. В деревне средний располагаемый доход составлял всего 138 юаней в год. Еще в 80-е годы в городах Китая на весь уличный квартал действовал один телефон с дежурным, один телевизор на одно огромное студенческое общежитие. По улицам городов ездило не только огромное количество велосипедов, но и повозок с запряженными осликами и лошадьми. Практически все население страны было одето в синие и зеленые хлопчатобумажные куртки и брюки, пошитые из выданной по талонам хлопчатобумажной ткани.

В начале 80-х гг. жизненный уровень населения Тайваня был намного выше, чем в КНР, хотя в начале 50-х гг. стартовые позиции были одинаковые. Китайскому руководству стало очевидно, что доказать преимущество социализма и решить проблему воссоединения с Тайванем можно будет только в том случае, если уровень жизни населения в КНР будет сопоставим с уровнем жизни на Тайване. Поэтому в Китае в конце XX века была выдвинута формула «строительство общества сяокан» (*цзяньчэн сяокан шэжуй*).

С 1979 года Дэн Сяопин в своих выступлениях неоднократно ставил цели достижения «большой китайской мечты»

«малого благоденствия», для реализации которой им выдвигались лозунги «семья малого благоденствия» (*сяоканчжи цзя*), «уровень малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*), «общество малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*), что позволит Китаю приблизиться к осуществлению «всеобщего единства» (*датун*). Для построения общества «всеобщей зажиточности» Дэн Сяопин выделил два этапа развития: 1978–2001 гг. под лозунгом «пусть богатеют передовые» и с 2002 г. под лозунгом «всеобщей зажиточности». То есть на первом этапе — до 2002 года предусматривался ускоренный рост благосостояния для той части населения, большая часть доходов которых являлась либо оплатой квалифицированного труда, либо различными видами предпринимательских доходов. На втором этапе — с 2002 года — планировалось перейти к другим формам распределения, таким как различные фонды социального страхования, пенсии, пособия, бесплатное образование и здравоохранение и другие формы распределения социальных льгот и дотаций для социально незащищенной части общества.

Для достижения цели построения «общества всеобщей зажиточности» к 2030 году в КНР была намечена **программа «модернизации с китайской спецификой»**, состоящей из четырех шагов: 1) 1978–1990 гг. — переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (*вэньбао шуйпин*); 2) 1990–2000 гг. — переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*); 3) 2000–2020 гг. — переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*); 4) 2020–2030 гг. — переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности» (*гунтун фуюй*). Как отмечалось в работе коллектива университета Цинхуа под руководством Ху Аньгана, «схему этого пути для Китая начертал Мао Цзэдун, проект составил Дэн Сяопин, и благодаря тому, что Китай следовал по этому пути, он из «большого

человека Восточной Азии» превратился в «гиганта Востока» (2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай — 2030: вперед к всеобщей зажиточности)), Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 14–15).

Судя по всему, истоками идеологической составляющей программ социально-экономического развития КНР до 2020 года и позднее до 2050 года являются идеи Конфуция об обществе «великого единения» (*датун*) и обществе «малого благоденствия» (*сяокан*). «Конфуцианство базируется на вертикальной составляющей архетипа *дао* как идеал гражданского общества, целью которого является построение общества «великого единения» (*датун*), а промежуточная ступень развития общества «великого единения» (*датун*) — общество «малого благоденствия» (*сяокан*).» (См.: *Духовная культура Китая. Энциклопедия. Гл. ред. М.Л. Титаренко*), Изд-во «Восточная литература», М., 2006. с. 23). Эта концепция устами Конфуция описывается в трактате «Лицзи» («Действенность ритуала») (IV–I в. до н. э.). (Примечание: *Сущность общества сяокан там была описана двумя фразами: «Цзинь дадао цзи инь. Тянь ся вэй цзя» (Там же, с. 244). Иными словами, общество достигает определенного уровня благосостояния, при котором все становятся как бы одной семьей. В настоящее время в большинстве работ перевод термина сяокан дается как «среднезажиточное общество». Однако этот перевод неверный, поскольку в нем искажен сам смысл двух основных иероглифов — «сяо» (маленький, мелкий, молодой, узкий) и «кан» (процветание, благополучие).*

Понятие *сяокан* пошло из сельской местности Северного Китая. В те годы в понятие *сяокан* (или «малое благоденствие») входило наличие у семьи «двадцати му земли и одной головы крупного рогатого скота, горячего кана для всех членов семьи — старых и малых». Наличие «двадцати

му земли и одной головы крупного рогатого скота» (*эрши му ди и тоу ню*), то есть таких земельных площадей и средств производства, обеспечивало крестьянским семьям гарантированный экономический доход, что отражало чаяния крестьян; «наличие горячего кана для старых и малых» (*лаопо хайцзы жэкантоу*) являлось фактором семейного счастья: жена, ребенок и теплое жилье (См.: *Жэнькоу яньцзю*, 2003, № 1. с. 3). На практике эту концепцию общества *сяокан* пытался использовать идеолог и вождь тайпинского восстания Хун Сюцюань в 1850–1864 годы. Однако на практике именно в ходе этого восстания «в стране началась смута», и со второй половины XIX века лидировавший в мире Китай, как по объему валового внутреннего продукта (ВВП), так и по душевому показателю стал к началу XX века одной из беднейших стран мира и «беднейшим человеком Азии».

На XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) в итоговом коммюнике было сделано заявление об учетверении показателя ВППиСХ в 4 раза в 2000 году по сравнению с 1980 годом, а также о сдерживании численности населения КНР на уровне 1,2 млрд. чел. до 2000 года. На практике **прогнозные показатели уже были превышены в 1994 году, как по объему ВППиСХ, так и по численности населения.**

В начале XXI века поставленная в 80-е гг. Дэн Сяопином задача «строительства общества «сяокан» (*цзяньчэн сяокан шэхуэй*) на XIV съезде КПК (осень 2002 года) была заменена на «всестороннее строительство общества «сяокан» (*цюаньмяньды цзяньчэн сяоканшэхуэй*), предусматривавшую увеличение производства ВВП на душу населения до 800–1000 долларов к концу XX века. К концу XX века китайское общество должно было перейти от уровня «обогреть и накормить» (*вэньбао*) к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*). Как отмечал в своей работе Я. Бергер, основываясь на китайских официальных партийных и государственных документах, «всестороннее строительство общества *сяокан*

предполагает не только существенное повышение жизненного уровня населения — до показателей стран со средними доходами или несколько более высоких, но увеличение образовательного ценза, ожидаемой продолжительности жизни, ликвидацию абсолютного обнищания, короче, все то, что связано со «среднезажиточным обществом» или «сяоканом» (См.: Я.М. Бергер. *Экономическая стратегия Китая*, М., ИДВ РАН, ИД «Форум», 2009, с. 4).

За 40 лет реформ произошли значительные изменения в доходах населения Китая. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов в стране как в городе — 490 юаней в 1980 году, 6999 юаней в 2000 году и 33288 юаней в 2018 году, так и в деревне — 138 юаней в 1978 году, 1917 юаней в 2000 году и 13062 юаня в 2018 году (*Чжунго тунци чжайяо — 2019*, с. 35). С другой стороны, постоянно увеличивается разрыв в доходах между бедными и богатыми. Уже в начале XXI века разрыв в доходах китайского населения стал стремительно расти. Как заявил заместитель руководителя Центра развития при Госсовете КНР Лу Чжицян на симпозиуме «День Китая» в рамках 35-го ежегодного совещания Азиатского Банка Развития (АБР), коэффициент Джини в доходах китайского населения стремительно вырос за годы реформ — 0,33 в 1980 г., 0,4 — в 1994 г. и 0,45 — в 2000 г. (См.: *Жэньминь жибао*, 12.05.2002).

При этом по материалам китайских обследований в конце XX века было очевидно, что уровень доходов населения зависит от района проживания, отрасли и формы собственности предприятия. В частности, в 1999 г. средний месячный доход в СЭЗ Шэньчжэнь составил 2084 юаня, в Хэфэе (пров. Аньхой) — 429 юаней, в Ханьчуане (пров. Хубэй) — 141 юань, в Чжэньнине (пров. Гуйчжоу) — 119 юаней. При этом большая часть населения имела доходы ниже среднего в своем месте проживания: Шэньчжэнь — 74,3% населения, Хэфэй — 58,9%, Ханьчуань — 65,3%, Чжэньнин — 75,1%. Кроме того, следует

отметить, что если в Шэньчжэне даже среднемесячные доходы низшего среднего класса — 879 юаней — были выше среднего дохода по КНР в городах — 562,5 юаня, то в Хэфэе среднемесячные доходы высшего среднего класса — 523 юаня не превышали показатель среднего дохода по КНР в городах. Еще хуже обстояло дело в уездных центрах и сельских уездах, судя по уездному центру Ханьчуань — 156 юаней и Чжэньнин — 104 юаня, среднемесячный доход для высшего среднего класса, что ниже показателя среднего дохода для китайских крестьян — 159,8 юаней в месяц (*Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая). Под ред. Лу Сюэи. Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2002, с. 11–14, 26).*

Еще более сильная социальная дифференциация в конце XX века наблюдалась при анализе ежемесячных доходов по различным 10 социальным группам — от 7666 юаней для управленческих работников и 7572 юаня для частных предпринимателей в Шэньчжэне до 85 юаней в месяц для крестьян, 130 юаней в месяц для работников сферы торговли и услуг и 134 юаней в месяц для безработных и не полностью занятых в Ханьчуане. Таким образом, разрыв между самыми богатыми и самими бедными слоями в китайском обществе по регионам достиг соотношения 1:59. Естественно, что в Китае еще в конце XX века с помощью различных поправок в Закон об индивидуальном подоходном налоге пытались добиться перераспределения личных доходов в пользу населения с более низкими доходами.

На 5-м Пленуме ЦК КПК (октябрь 2015 г.) было принято решение о том, что к 2020 г. Китай должен в 2 раза увеличить объем валового внутреннего продукта (ВВП) и показатели ВВП на душу населения по сравнению с 2010 годом. Была поставлена цель к 2020 г. «построить в Китае общество *сяокан* («малого благоденствия»)». Для реализации этой задачи были предложены индикативные показатели 13-го пятилет-

него плана (2016–2020 гг.), в соответствии с которыми ВВП на душу населения должен составить 60000 юаней (примерно 9230 ам. долл. по текущему курсу) в 2020 году. При этом на 5-м пленуме ЦК КПК была поставлена конкретная задача — ликвидировать к 2020 г. бедность в сельских районах, поднять жизненный уровень 70 млн. чел. над «линией бедности» и «вырвать» из бедности 592 «бедных сельских уезда».

Многим решение поставленных задач — построение общества *сяокан* и ликвидация бедности в стране к 2020 году — кажется нереальным, но успехи в повышении жизненного уровня населения с конца 70-х гг. показывают, что эти задачи вполне достижимы.

До введения первых поправок в «Закон об индивидуальном подоходном налоге» от 1980 г. еще с 1986 г. в КНР стали действовать «Временные правила КНР о подоходном налоге на индивидуальную промышленную и торговую деятельность в городах и сельской местности», согласно которым для них были установлены 10 разрядов налогообложения от 7 до 60% свыше необлагаемого налогового минимума, но годовой доход свыше 50 тыс. юаней облагался дополнительно. Разовое получение дохода облагалось налогом 20% (См.: *Шевель И. Реформирование личного подоходного налога в Китае // Проблемы Дальнего Востока, 2006, № 6, с. 51–59*).

.В настоящее время разрыв в доходах между различными категориями населения еще больше вырос как по месту проживания, так и по форме собственности предприятия, на котором занят трудящийся. В частности, по данным на 2017 год, средняя заработная плата занятых в городах и поселках Китая в среднем составила 74318 юаней в год, на государственных предприятиях — 81114 юаней, на коллективных предприятиях — 55243 юаня, на предприятиях всех остальных форм собственности (от чисто иностранных предприятий до частных и индивидуальных предприятий) — 71304 юаня (см. табл. 17 ниже).

Таблица 17

**Средняя заработная плата занятых на предприятиях городов
и поселков КНР в 1978–2018 гг. (в юанях)**

Год	В среднем	Государственные предприятия	Коллективные предприятия в городах и поселках	Предприятия других форм собственности
1978	615	644	506	
1980	762	803	623	
1984	974	1034	811	1048
1990	2140	2284	1681	2987
2000	9333	9441	6241	11238
2010	36539	38359	24010	35801
2018	82461	89474	60664	79532

Источник: *Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Китайский статистический справочник – 2019)*, Пекин, *Чжунго тунци чубаньшэ, 2019, с. 40.*

Средняя заработная плата рабочих и служащих в 2018 г. составила 82461 юань на 1 человека в год (или 6872 юаня в месяц). При этом заработная плата заметно отличается по формам собственности, отраслям народного хозяйства и регионам. Средний годовой распределяемый доход (*кэчжипэй шоуужу*) на жителей городов и поселков — 39250 юаней на душу населения в 2018 г. Среднедушевой чистый доход сельских жителей — 14617 юаней в год. Индекс Энгеля для городского и сельского населения (доля расходов на питание в совокупных доходах семьи) составляет соответственно 27,7% и 31,0%. В последние годы заметно выросли затраты семей на покупку предметов потребления длительного пользования (включая компьютеры и легковые автомашины), получение образования, покупку жилья и медицинское обслуживание (табл. 18).

Таблица 18

Основные показатели роста жизненного уровня населения Китая с 1990 по 2018 гг.

Основные показатели	1990	2000	2009	2018
Доходы на душу населения в городе (юани)	1510	6280	17175	39251
Доходы на душу населения в деревне (юани)	686	2253	5153	14617
Вклады на душу населения в банках (юани)	623	5076	19537	46330
Коэффициент Энгеля				
– в городе	54,2	39,4	36,5	27,7
– в деревне	58,8	49,1	41,0	30,1
Количество автомобилей на 100 человек в городе		0,5	10,89	41,0
Количество мотоциклов на 100 человек в деревне	0,89	21,94	56,64	57,4
Количество мобильных телефонов на 100 человек	0,002	6,77	56,27	249,1
Количество цветных телевизоров на 100 семей				
– в городе	59,0	116,6	135,7	121,3
– в деревне	4,7	48,7	108,9	116,6
Количество компьютеров на 100 семей				
– в городе		9,7	65,7	73,1
– в деревне		0,5	7,5	26,9

Источник: *Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 55, 58–59.*

Сохраняется высокий разрыв в доходах между богатыми и бедными. Если в 2013 г. доходы 20% населения высокодоходной группы превышали в 10,8 раз доходы 20% населения низкодоходной группы, то в 2018 г. — они превышали в 11 раз, для жителей городов доходы превышали в 5,8 раз в 2013 г. и в 5,9 раз в 2018 г., для сельских жителей — в 7,4 раза в 2013 г. и в 9,3 раза в 2018 г. (*Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 57*).

В Китае в XXI веке наблюдается поляризация общества, однако она пока еще не столь заметна, как в России, поскольку

ку государство оказывает заметное влияние как на межотраслевое и межрегиональное перераспределение капиталов, так и на перераспределение доходов в пользу тех социальных групп, которые потеряли от реформ — вытесненные с земли крестьяне и освобожденные с предприятий рабочие и служащие.

Для сдерживания дифференциации доходов в 2006 г. был повышен необлагаемый подоходным налогом порог с 800 юаней до 1600 юаней в месяц на человека (со 100 до 200 долларов). В 2005 г. в среднем на человека в сельской местности приходилось 29,7 кв. м жилой площади, в городах и поселках — 26,1 кв. м. Общий объем денежных сбережений у населения Китая составил 14105,1 млрд. юаней или 10685 юаней (примерно 1370 долл.) на 1 человека. В 2006 г. было охвачено системой социального страхования 186,5 млн. человек, в том числе 140,3 млн. рабочих и служащих и 46,2 млн. пенсионеров. Системой базового страхования от безработицы охвачено 111,9 млн. рабочих и служащих. Системой базового медицинского страхования охвачено 157,4 млн. человек. В КНР постоянно уменьшается число бедных. В конце 2006 г. численность бедного сельского населения составила 21,5 млн. человек (менее 693 юаней в год на человека), численность получающих гарантированный правительством прожиточный минимум (694–958 юаней в год) — 35,5 млн. человек.

Однако, как показывают результаты проводимых в Китае многочисленных социологических обследований, с 90-х годов по мере развития рыночных отношений происходило усиление социальной дифференциации. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов как в среднем по стране — 184 юаня в 1978 г. и 5434 юаня в 2005 г., так и в городе — 405 юаней в 1978 г. и 9278 юаней в 2005 г. и в деревне — 138 юаней в 1978 г. и 2608 юаней в 2005 г. С другой стороны, постоянно увеличивался разрыв в доходах между бедными и богатыми. Тем не менее, несмотря на усиливающуюся социальную дифференциацию в китайском обществе, жизненный уровень китайского населения в целом вырос, о

чем свидетельствует постоянное улучшение жилищной обеспеченности населения в стране — примерно 27 кв. м на человека в 2005 г. В дальнейшем происходил рост жизненного уровня населения Китая в городе и в деревне не только за счет роста номинальных доходов населения, но и за счет низких темпов инфляции — 2–3% годовых.

Дальнейшее расширение покупательной способности населения Китая связано с ростом покупательной способности сельских жителей. Этого можно добиться только путем дальнейшего расширения системы социального страхования на селе, распространения на сельское население таких же социальных льгот, как и для городского населения в сфере пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения. На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) в Отчетном докладе ЦК КПК Ху Цзиньтао отмечалось, что надо продолжать курс на полный охват всех слоев населения системой социального обеспечения: на реформу системы социального страхования на предприятиях и в учреждениях в городах; совершенствование базового медицинского обслуживания в городе и деревне; постепенное открытие пенсионных счетов для всех трудящихся; создание механизма льгот и дотаций и его постоянное регулирование в системе социального страхования по всей стране; улучшение системы социальной помощи в случае стихийных бедствий, укрепление фондов социальной помощи; с учетом старения населения обеспечить социальное обслуживание пожилых людей и защиту законных прав инвалидов. План социально-экономического развития КНР до 2015 года как раз и предусматривал развитие социальной сферы и большей доступности государственных услуг для сельских жителей.

При этом за годы 12-й и 13-й пятилеток в КНР (2011–2020 гг.) заметно вырос уровень социального страхования. По данным на 2019 год, 532,7 млн. человек в городе и деревне пользовались системой пенсионного обеспечения, из них 434,8 млн. человек в городах и поселках; 1354,4 млн. человек в городах и поселках пользовались базовой систе-

мой медицинского страхования, из которых 329,3 млн.чел. пользовались системой базового медицинского страхования как рабочие и служащие, а 1025,1 млн. человек как жители городов и поселков (*2019-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунцизи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*).

На 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) было утверждено решение 5-го пленума ЦК КПК (октябрь 2015 г.) о том, что к 2020 г. Китай должен в 2 раза увеличить объем валового внутреннего продукта (ВВП) и показатели ВВП на душу населения по сравнению с 2010 годом. Была поставлена цель к 2020 г. «построить в Китае общество *сяокан* («малого благоденствия»»). Для реализации этой задачи были предложены индикативные показатели 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.) в соответствии с которыми объем ВВП в КНР должен составить 80 трлн. юаней, а ВВП на душу населения составить примерно 60000 юаней (примерно 9230 ам. долл. по текущему курсу) в 2020 году, то есть увеличиться вдвое по сравнению с 2010 г. Для достижения этой цели также была поставлена конкретная задача — ликвидировать к 2020 г. бедность в сельских районах, поднять жизненный уровень 70 млн. человек над «линией бедности» и «вырвать» из бедности 592 «бедных сельских уезда».

В 2000 г. общество *сяокан* было уже построено в двух городах центрального подчинения — Пекине и Шанхае, а в 2010 г. — еще в 8 провинциях и автономных районах КНР — ГЦП Тяньцзинь, приморских провинциях Ляонин, Шаньдун, Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, а также двух внутренних провинциях Цзилинь и автономный район Внутренняя Монголия. Если проанализировать расчеты известного китайского ученого Ху Аньгана, то мы заметим, что китайский термин *сяокан* в значительной степени отражает основные показатели разработанного в ООН термина «индекс развития человеческого потенциала» (HDI — Human Development Index), который определяет уровень социально-экономиче-

ского развития страны. Согласно расчетам Ху Аньгана, показатель ИРЧП (или HDI) для различных китайских провинций заметно отличается. В частности, в 2000 г. в пяти провинциях КНР (Цинхай, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу и Тибет) уровень HDI был ниже 0,5 (низкий уровень), а в Пекине и Шанхае — уже между 0,7–0,8 (высокий уровень), и ВВП Шанхая на душу населения уже был сопоставим с ВВП Бразилии (см. табл. 19 ниже).

Таблица 19

**Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)*
по провинциям КНР (1982–2020 гг.)**

Год	Низкий уровень развития человека (ИРЧП < 0,5)	Средний уровень развития человека (ИРЧП – 0,5 – 0,7)	Высокий уровень развития человека (ИРЧП – 0,7 – 0,8)	Очень высокий уровень развития человека (ИРЧП > 0,8)
1982	все остальные территории Китая	Шанхай, Пекин, Тяньцзинь	Нет	Нет
1990	все остальные территории Китая	Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Ляонин, Гуандун, Цзянсу, Цзилинь, Чжэцзян, Хэйлунцзян	Нет	Нет
2000	Цинхай, Ганьсу, Юньнань, Тибет, Гуйчжоу	все остальные территории Китая	Шанхай, Пекин	Нет
2010	Нет	все остальные территории Китая	Ляонин, Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, Цзилинь, Шаньдун, Внутренняя Монголия	Шанхай, Пекин, Тяньцзинь
2020	Нет	Тибет	все остальные территории Китая	Шанхай, Пекин, Тяньцзинь

* В данном случае имеется в виду показатель ООН Human Development Index (HDI).

Источник: Ху Аньган. 2020 *Чжунго цюаньянь цзяньчэн сяокан шэжуй (2020 Китай всесторонне строит общество «малого благоденствия»)*, Пекин, Изд-во ун-та Цинхуа, 2012, с. 115.

В 2010 г. произошли заметные изменения как по показателю ВВП на душу населения (в большей части провинций он уже превысил 3000 долл. в год (или примерно 20000 юаней в год), заявленному еще в 2002 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао как нижний уровень «малого благоденствия»), так и по двум другим показателям. В частности, продолжительность образования населения КНР в подавляющем большинстве провинций составила 10–12 лет, а средняя ожидаемая продолжительность жизни 70–75 лет. Более того, по данным ГСУ КНР в 2015 г. средняя ожидаемая продолжительности жизни составила 76,3 года.

По двум другим показателям — средняя ожидаемая продолжительность жизни (менее 65 лет в Тибете и 75–80 лет в Пекине и Шанхае) и средняя продолжительность образования населения (менее 6 лет в Тибете и 10–12 лет для большинства провинций КНР) — в 2000 г. наблюдалась аналогичная ситуация (см. табл. 20, 21)

Таблица 20

**Основные показатели индекса развития
человеческого показателя в КНР (1982–2020 гг.)**

	1982	1990	2000	2010	2015	2020
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,456	0,534	0,620	0,703	0,727	0,760
Средняя ожидаемая продолжительности жизни (возраст)	65,7	68,6	71,4	74,8	76,0 (прогноз) 76,3 (факт)	77,0
Продолжительность образования (лет)	7,0	7,4	9,0	9,9	10,5	11,7

Источник: Ху Аньган. 2020 *Чжунго цюаньянь цзяньчэн сяокан шэжуй (2020 Китай всесторонне строит общество «малого благоденствия»)*, Пекин, Изд-во ун-та Цинхуа, 2012, с. 120–123.

Таблица 21

**Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)
по провинциям КНР по продолжительности
образования населения* (1982 – 2020 гг.)**

Год	Очень небольшой период образования населения (менее 6 лет)	Небольшой период образования населения (6 – 9 лет)	Сравнительно большой период образования населения (10 – 12 лет)	Очень большой период образования населения (свыше 12 лет)
1982	Тибет, Аньхой, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Цинхай, Ганьсу	все остальные территории Китая	Пекин	Нет
1990	Ганьсу, Юньнань, Цинхай, Тибет	все остальные территории Китая	Пекин	Нет
2000	Тибет	Шаньдун, Аньхой, Нинся, Чунцин, Чжэцзян, Сычуань, Ганьсу, Гуйчжоу, Юньнань, Цинхай	все остальные территории Китая	Нет
2010	Нет	Цинхай, Юньнань, Тибет	все остальные территории Китая	
2020	Нет	Тибет	все остальные территории Китая	Шанхай, Пекин, Шаньси, Ляонин, Синьцзян, Гуандун, Хайнань, Шэньси, Тяньцзинь,

* В данном случае речь идет о средней продолжительности обучения населения.

Источник: Ху Аньган. 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэжуй (2020 Китай всесторонне строит общество «малого благоденствия», Пекин, Изд-во ун-та Цинхуа, 2012, с. 116.

По предварительным прогнозам, в 2020 г. Китай уже должен построить общество «малого благоденствия», где по ИРЧП (или HDI) лишь показатель Тибета составит между 0,5–0,7 и по уровню душевого ВВП выйдет на уровень Ирана. Подавляющее большинство провинций по показателю ИРЧП выйдут на уровень 0,7–0,8, а три города центрального подчинения пре-

высят показатель 0,8, и по душевому ВВП Шанхай выйдет на уровень Великобритании, Пекин — на уровень Гонконга, а Тяньцзинь — Новой Зеландии. В большей части провинций показатель продолжительности образования составит 10–12 лет, а средняя ожидаемая продолжительность жизни — 75–80 лет (см. табл. 22 ниже).

Таблица 22

**Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)
по провинциям КНР по средней ожидаемой продолжительности
жизни населения (1982–2020 гг.)**

Год	менее 65 лет	65 – 70 лет	70 – 75 лет	75 – 80 лет	Свыше 80 лет
1982	все остальные террито- рии Китая	Хэбэй, Шаньси, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Гуйчжоу, Ганьсу, Хэнань, Шаньдун	Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Гуандун	Нет	Нет
1990	Гуйчжоу, Юньнань, Цинхай, Синьцзян, Тибет	все остальные территории Китая	Шанхай, Пе- кин, Тяньцзинь, Гуандун, Хэбэй, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Хэнань, Хайнань	Нет	Нет
2000	Тибет	Внутренняя Мон- голия, Цзянси, Гуйчжоу, Юнь- нань, Ганьсу, Цин- хай, Синьцзян,	все остальные тер- ритории Китая	Пекин, Шанхай	Нет
2010	Нет	Тибет	все остальные тер- ритории Китая	Хэбэй, Ляо- нин, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Хунань, Гуан- дун, Чунцин, Хубэй	Пекин, Шанхай, Тяньц- зинь
2020	Нет	Нет	Гуйчжоу, Ганьсу, Тибет, Синьцзян, Цинхай	Все осталь- ные террито- рии Китая	Пекин, Шанхай, Тяньц- зинь

Источник: Ху Аньган. 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэжуй (2020 Китай всесторонне строит общество «малого благоденствия», Пекин, Изд-во унта Цинхуа, 2012, с. 117.

В результате реформ к 2020 г. ИРЧП в Китае должен был вырасти с 0,456 в 1982 г. до 0,760 в 2020 г. при средней ожидаемой продолжительности жизни 77 лет и продолжительности обучения 11,7 лет. При этом по всем параметрам, включая ИРЧП, предполагалось, что будут лидировать Пекин — 0,895, Шанхай — 0,889 и Тяньцзинь — 0,861 при заметном отставании Тибета — 0,628, Юньнани и Цинхая — по 0,701 и Гуйчжоу — 0,70.

Судя по всему, эти прогнозы оказались близки к реальности, так как заметно вырос жизненный уровень населения КНР в годы 12-й (2011–2015 гг.) и 13-й (2016–2020 гг.) пятилеток. Если в 2010 г. доход на душу населения в городах составил 19109 юаней (3000 долл.), а в деревнях — 5919 юаней (970 долл.), то к 2018 г. эти показатели, как в городе, так и в деревне заметно выросли. В частности, в 2018 г. реальный располагаемый доход населения в целом составил 28228 юаней, городского населения — 39250 юаней, а сельского — 14617 юаней. В 2015 г. совокупный оборот розничных потребительских товаров составил 41,2 трлн. юаней (41,6% ВВП), а объем депозитов на счетах населения — 82,1 трлн. юаней (85,9% ВВП). Эти показатели свидетельствуют об огромной «подушке безопасности», которая образовалась у населения за годы проведения реформ. Однако и здесь у Китая имеются значительные резервы для расширения потребительского рынка. В структуре розничного товарооборота большая часть — 35,2 трлн. юаней (85,4%) приходится на город и всего лишь 6,0 трлн. юаней (14,6%) — на деревню, в то время как доля городского населения составляет 60,6% (Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао (*Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году*), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года) / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html).

. Особо следует остановиться на анализе показателей жизненного уровня населения Китая. В 2010 г. был в очередной раз пересмотрен показатель «линии бедности», который составил 2300 юаней (340 долл.) на человека в год или около 1 долл. в день. В то время такого проживающего ниже «линии бедности» населения насчитывалось 165,7 млн. человек (17,2% населения страны). Большую часть проживающих ниже «линии бедности» составляли крестьяне. Разрыв в доходах между жителями города и деревни составлял 1:3 в 2010 г., в то время как планировалось, что этот разрыв должен составить 1:2. Средний доход потребления составил 9965 юаней в год на человека, что выше прогнозируемого — 7400 юаней в год на человека, а показатель средней жилой площади на человека — 31,6 кв. м — более чем вдвое превысил прогнозируемый показатель — 14 кв. м на человека.

В дальнейшем, в 2018 г., многие показатели также заметно превысили прогнозируемые показатели. В частности, объем ВВП составил 90,0 трлн. юаней, что заметно превышает прогнозируемый объем ВВП на 2030 год, а ВВП на душу населения — 64644 юаней на человека — значительно выше прогнозируемого на 2030 год — 45000 юаней в год. Также уровень распределяемых доходов в 2018 г. — 28228 юаней — превысил прогнозируемый показатель на 2030 г. — 25000 юаней в год. Для борьбы с бедностью были внесены поправки в Закон о подоходном налоге в августе 2018 г., и в результате поправок при сохранении прогрессивных ставок подоходного налога необлагаемый налоговый минимум с начала 2019 г. составил 60000 юаней в год (или 5000 юаней в месяц), что затрагивает более $\frac{2}{3}$ населения страны.

31 августа 2018 года 5-я сессия Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва приняла постановление «О принятии в 7-й раз поправок в «Закон об индивидуальном подоходном налоге КНР». Документ был принят в год 40-летия экономических

реформ с учетом быстрого роста доходов населения и стремительно растущей социальной дифференциации в китайском обществе как по линии «город—деревня» так и по линии «приморские—внутренние районы». Принятые поправки в закон предусматривают дальнейший рост прогрессивного индивидуального подоходного налога с той части населения, доходы у которой значительно превышают доходы основной массы населения страны. В то же время значительно увеличился необлагаемый налогом минимум, и значительная часть населения КНР с доходами менее 60000 юаней в год (5000 юаней в месяц) была освобождена от уплаты подоходного налога.

По-прежнему сохраняется значительный разрыв в доходах на душу населения между городом и деревней. В частности, в 2017 г. средний располагаемый доход на душу населения в КНР составил 25794 юаня, в городе — 36396 юаней, зато в деревне — лишь 13432 юаня, то есть почти в три раза ниже, чем в городе. Как мы видим из таблицы 22, рост доходов городских жителей с 1978 по 2017 гг. шел значительно быстрее, чем сельских. Лишь с 2010 г. темпы роста доходов жителей деревни стали опережать темпы роста доходов городских жителей. Тем не менее, по-прежнему разрыв в доходах между ними составлял 1:2,7 в 2017 году, как в 1984 г. после взрывного роста доходов сельского населения в результате внедрения системы подворного подряда и появления дворов с доходами свыше 10000 юаней в год (*ваньюаньху*). За 40 лет реформ в среднем доходы жителей КНР выросли в 82,2 раза, в городах — в 59,3 раза, в деревне — в 100 раз. Однако по-прежнему разрыв в доходах между городскими и сельскими жителями довольно велик, и средние доходы городских жителей превышают доходы сельских жителей в 2,7 раза.

Таблица 23

Распределяемые доходы в городе и деревне КНР (юаней в год)

Год	Город	Деревня	В среднем	Разрыв между доходами в городе и деревне
1978	614	134	316	1:4,58
1984	974	355	608	1:2,74
2001	6859	2366	3608	1:2,89
2010	16546	4700	10522	1:3,5
2017	36396	13432	25974	1:2,7

Составлено по: *Чжунго тунци няньцзянь – 1981, Beijing, 1982; Statistical Yearbook of China, 1985, Beijing–Hong Kong; Чжунго тунци чжэяйяо – 2002, 2012, 2018, Beijing.*

Также сохраняется и заметный территориальный разрыв в доходах населения. Например, доходы жителей Пекина — 57230 юаней в год и Шанхая — 58988 юаней в год почти в 4 раза превосходят средний размер доходов населения в западных районах Китая: Тибет — 15457 юаней в год, Ганьсу — 16011 юаней в год, Гуйчжоу — 16704 юаня в год, как показано в таблице 24 ниже (*Чжунго тунци чжэяйяо — 2019, Пекин, 2019, с. 58–62*).

Таблица 24

Год	Шанхай	При- морские районы (Гуандун)	Северо- Восток (Цзилинь)	Цен- тральные районы (Хубэй)	Западные районы (Гуйчжоу)
1978	290	182	179	106	108
1984	785	425	487	392	261
2001 (город)	12883	10415	5340	5856	5452
2001 (деревня)	5871	3770	2182	2352	1411
2011 (город)	36230	26898	17997	18374	16495
2011 (деревня)	16054	9372	7510	6898	4145
2017 (город)	62596	40975	28319	33948	29080
2017 (деревня)	27825	15780	12950	13812	8869

Составлено по: *Statistical Yearbook of China, 1985, Beijing–Hong Kong, 1985, p.574; Zhongguo tongji zhayao – 2002, Beijing, c. 95, 100; 2002, Beijing, c. 111, 115; Beijing, 2018, c. 60, 62.*

В XXI веке активно велась борьба с бедностью. Была повыше-
на так называемая «линия бедности» — доходы до 2300 юаней
в год в 2010 г. В результате даже по новым критериям «линии
бедности» с 2010 до 2018 гг. было сокращено количество бедных
по критерию линии бедности — 2300 юаней в год на челове-
ка с 165,7 млн.чел. до 30,46 млн. чел. (*Чжунго тунци чжай-
яо — 2019, Пекин, 2019, с. 66*). По китайским данным, с бедностью
покончили в 2011 г. в Шанхае, в 2013 г. — в городах центрально-
ного подчинения Пекине и Тяньцзине, в 2015 г. — в примор-
ских провинциях Чжэцзян и Цзянсу, в 2016 г. — в занимающей
1-е место по объему ВРП провинции Гуандун. Однако при этом
в пяти провинциях и одном автономном районе КНР общая
численность проживающего ниже «линии бедности» населения
в 2018 г. превышала 1 млн. человек: Гуйчжоу — 1,73 млн. чел.,
Юньнань — 1,79 млн. чел., Хэнань — 1,68 млн. чел., Гуанси-
Чжуанский автономный район — 1,4 млн. чел., Хунань —

1,05 млн. чел., Ганьсу — 1,21 млн. чел. (*Чжунго тунци чжай-яо — 2019, Пекин, 2019, с. 67*).

Таким образом, социальная дифференциация между различными районами Китая росла до начала 10-х гг. XXI века. Затем за счет повышения темпов роста доходов сельского населения по сравнению с городским и борьбой с бедностью удалось сдержать рост дифференциации по доходам между городскими и сельскими жителями и между богатыми приморскими районами и бедными внутренними районами.

С середины 80-х гг. прошлого века правительство КНР начало проводить в жизнь специальные программы: «Семилетний план избавления от бедности 80 млн. человек (1994–2000 гг.)», «Программу развития китайской деревни и избавления ее от бедности (2001–2010 гг.)», которая была продлена на 2011–2020 гг.

Ликвидация бедности предполагает политические установки и меры по развитию бедных сельских районов, а именно:

1) при распределении финансовой поддержки делать упор на бедные регионы, ставить их на приоритетное место;

2) наращивать усилия по борьбе с нищетой.

Эти усилия включали в себя следующие меры:

– поддержку сельского хозяйства промышленностью;
– поддержку деревни городом;
– проведение в жизнь курса «больше давать, меньше брать, позволять больше свободы»;

– отмену сельскохозяйственного налога, который существовал в Китае более 2600 лет, а также отмену налогов на животноводство и на специфические продукты сельского и лесного хозяйства;

– дотации крестьянам на выращивание зерновых культур, применение элитных семян, покупку сельхозтехники;

- возведение инфраструктурных объектов (обеспечение питьевой водой и электроэнергией, прокладка дорог), выработка болотного газа, обновление ветхого жилья;
- развитие лесного туризма и лесной экономики;
- льготы с целью роста образования сельского населения (освобождение учеников из бедных семей от оплаты учебников и других расходов; пособия на проживание учащимся школ интернатов);
- направление научно-технических бригад из ВУЗов и НИИ; популяризация аграрной техники;
- при формировании сельской кооперативной системы медобслуживания нового типа и сельской системы страхования по старости нового типа при финансировании из центра оказывалась большая поддержка именно отсталым уездам в западных и центральных районах страны.

Все эти меры позволили увеличить доходы крестьян, и по установленным в 2010 г. критериям бедности за чертой бедности проживало 26,88 млн. чел. (всего 2,8% населения). По новым критериям в 2010 г. уже 165,7 млн. человек (7,2% населения) считались бедными и жили на доходы 2300 юаней в год (376 долл.), а в 2014 г. этот показатель снизился до 70,17 млн. человек (чуть более 5% населения страны), а в 2019 г. — до 5,51 млн. человек (0,7% населения страны) (*Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*) / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html).

С 2009 г. в экспериментальном порядке стала действовать система социального страхования по старости нового типа. В июле 2011 г. она охватила 60% сельской местности страны, сюда вошли 493 наиболее бедных уезда. Денежные средства для такого страхования аккумулировались из личных взносов, субсидий от коллективного хозяйства и дотаций от пра-

вительства, выплата производилась за счет основного фонда пенсий и пенсий из личных банковских счетов. Для центральных и западных районов страны основной пенсионный фонд, размер которого определялся центральным правительством, формировался полностью на основе дотаций центра, а для восточных районов страны — на 50%.

Как мы видим, для регулирования цен в 12-й и 13-й пятилетках в КНР используются как экономические, так и законодательные рычаги, а также и прямые административные меры для регулирования и контроля цен. В целом пока в стране сохраняется социальная стабильность, которая определяется быстрым ростом производства, устойчивостью финансовой системы за счет больших объемов банковских депозитов и малой зависимостью китайской экономики от внешнего рынка. Более того, в годы 12-й и 13-й пятилеток предусматривается дальнейший отход от ориентации на экспорт продукции и переход к расширению внутреннего рынка и росту внутреннего спроса. Нетрудно предположить, что постоянный рост доходов огромного населения страны вполне может обеспечить определенную независимость экономики КНР от конъюнктурных колебаний мирового рынка. Для сельской местности Министерством труда КНР и Китайской народной страховой компанией была разработана система страхования по старости, которая дает возможность каждому собственными средствами обеспечить себе пенсионные выплаты. Все граждане в возрасте с 18 до 60 лет, проживающие в сельской местности, независимо от характера работы могут участвовать в пенсионном страховании. В формировании местных пенсионных фондов вместе с гражданами в соответствии с экономическими условиями могут принимать участие и местные правительства, но доля взносов граждан должна быть не менее 50%. Суммы взносов могут составлять от 2 до 20 юаней за один месяц, которые можно вносить ежемесячно или ежеквартально. Право на получение пенсии наступает

при условии внесения пенсионных взносов в течение необходимого срока с 60 лет для мужчин и женщин и действует до случая смерти. Сельское пенсионное страхование организовано правительством КНР и базируется на принципе добровольности. Оно направлено на работников сельских предприятий и других сельских жителей.

Следует отметить, что пока еще отсутствуют фундаментальные законы о социальном обеспечении, и действие пенсионной системы основано на временных правилах, постановлениях и решениях (их всего более 100), в основном местного законодательства.

В августе 2014 г. для борьбы с бедностью пять министерств и ведомств КНР — Комитет по развитию и реформам, Министерство финансов, Руководящая группа Госсовета КНР по борьбе с бедностью, Министерство здравоохранения и планирования семьи и Государственное управление традиционной китайской медициной приняли совместный документ, в котором были приняты установки для работы в беднейших сельских районах, которые предусматривают равный доступ к здравоохранению и основным медицинским услугам, повышение стандартов медицинского обслуживания и обеспечение низкого уровня рождаемости.

В конце ноября 2015 г. было рассмотрено и утверждено «Решение о полной победе над бедностью». В этом документе было заявлено, что к 2020 г. государство окажет помощь особо нуждающимся 70 млн. сельским жителям для повышения их жизненного уровня. Об этом было заявлено в октябре 2015 г. на Глобальном форуме развития и сокращения бедности. Одним из путей решения проблемы бедности были названы финансовая политика и услуги для бедных крестьян, которым необходимо предоставлять льготные кредиты для развития бизнеса. Еще одной мерой для ликвидации бедности в китайской деревне было названо повышение уровня образования сельских

жителей с помощью развития сети бесплатного профессионально-технического образования для сельских жителей.

Для повышения уровня жизни населения и развития потребительского рынка 5-й пленум ЦК КПК (октябрь 2015 г.) принял решение о принятии ряда мер, связанных с ростом минимальной заработной платы и уровня социального страхования. К таким мерам относятся: 1) выделение дополнительных субсидий для крестьян и создание системы компенсаций для крестьян в зернопроизводящих районах; 2) рост минимальной заработной платы; 3) изменение пенсионной системы и последовательное увеличение минимальной пенсии с 700 юаней в месяц в 2004 г. до 2082 юаней в месяц (примерно 20000 рублей в месяц в 2015 г.); 4) изменение механизма финансовой поддержки и рост субсидий для семей с низкими доходами и людей с ограниченными возможностями; 5) повышение границы «линии бедности» до 2300 юаней в год в 2011 году (на 92% выше уровня установленной в 2008 г. «линии бедности»). В результате принятых мер в годы 12-й пятилетки доля доходов населения в ВВП повысилась с 46,9% в 2010 г. до 48% в 2014 году. Кроме того, правительство КНР заключило с 22 провинциями соглашения о социальных гарантиях, что также должно помочь решить проблему бедности. Все меры по борьбе с бедностью в Китае преследуют одну цель — добиться двукратного увеличения доходов населения к 2020 г. по сравнению с 2010 г.

В целом 5-й пленум ЦК КПК предложил своего рода «дорожную карту» построения китайского общества *сяокан* к 2020 г. и наметил основные экономические показатели на 2020 г. — валовой внутренний продукт (ВВП), ВВП на душу населения, основные показатели среднегодовых темпов прироста ВВП. Программы по ликвидации бедности являются важным дополнением к решениям КПК и правительства КНР и служат уменьшению социальной дифференциации, которые последовательно проводятся в жизнь в КНР с сере-

дины 80-х гг. прошлого века и приносят свои плоды, вносят свой вклад в построение «общества малого благоденствия».

Заметная дифференциация в доходах среди населения по социальному положению, месту проживания, характеру труда и формам собственности предприятия привели к тому, что в Китае на протяжении почти 40 лет с момента принятия «Закона КНР об индивидуальном подоходном налоге» в 1980 году высшим законодательным органом КНР — ВСНП — в этот закон семь раз вносились различные поправки, связанные как со значительными изменениями в размерах доходов, так и изменениями в характере труда. Первые поправки в «Закон об индивидуальном подоходном налоге» были сделаны только в конце 1993 года — через 13 лет после принятия закона. До этого на протяжении 10 с лишним лет действовали старые ставки подоходного налога, которые не было смысла пересматривать из-за низкой разницы доходов между предпринимателями и работниками. В 80-е гг. выигравшими от реформ оказались крестьяне, первыми перешедшие на систему подворного подряда. В результате этого перехода многие крестьянские семьи перешли в категорию зажиточных, а некоторые из них стали «дворами-десятитысячниками» (*ваньюаньху*), которые смогли покупать себе грузовики, трактора и комбайны для сельскохозяйственных работ.

Однако таких семейств в 80-е гг. было немного. В городе численность занятых в частном и индивидуальном секторе была не очень велика. В частности, по данным на 1990 г. общая численность занятых на «смешанных предприятиях» (*ляншинцие*) составляла всего 96 тыс. чел., на частных предприятиях (*сыинцие*) — 57 тыс. чел., на индивидуальных предприятиях (*гэти*), где разрешалось нанимать не более двух помощников и пяти учеников — всего 6,14 млн. чел. при общей численности экономически активного населения 647,5 млн. чел. (См. подробнее: *Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР, ИДВ РАН, 2003, с. 228–241*). Доходы индиви-

дуальных и частных предпринимателей в городе и деревне были ненамного выше, чем у квалифицированных рабочих на государственных предприятиях — 100–150 юаней в месяц.

Поэтому в течение первых 25 лет реформ поправки в Закон об индивидуальном подоходном налоге вносились только два раза — в 1993 и в 1999 гг. Причем первые поправки были внесены только в начале 90-х гг. после визита Дэн Сяопина на юг в 1992 г., когда в Китае задумались о проведении полномасштабных реформ в финансовой и банковской сферах и в системе труда и зарплаты, а также быстрыми темпами стали создаваться предприятия негосударственных форм собственности — частные, индивидуальные, с ограниченной ответственностью, акционерные, смешанные и чисто иностранные предприятия. На предприятиях новых форм собственности доходы стали расти быстрее, чем на предприятиях традиционных для Китая форм собственности — государственных и коллективных. В частности, в 1999 г. средняя заработная плата на всех предприятиях негосударственных форм собственности составляла 10142 юаня, в то время как на предприятиях госсектора — 8443 юаня в год, а коллективного сектора — всего 5758 юаней в год (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 39*). С началом проведения широкомасштабной налоговой реформы в 1994 г. в КНР произошел переход к новой системе налогообложения и был введен единый личный подоходный налог для всех социальных слоев и групп при необлагаемом подоходным налогом минимуме доходов 800 юаней в месяц.

В дальнейшем, по мере роста доходов занятых на предприятиях всех форм собственности — в 2017 г. по сравнению с 2000 г. в 8 раз для всех рабочих и служащих и занятых в государственном секторе, в 9 раз — для занятых в коллективном секторе и в 6 раз — для занятых на предприятиях прочих форм собственности, Постоянный комитет ВСНП регулярно вносил изменения в Закон об индивидуальном подоходном

налоге — всего пять раз за 17 лет — в октябре 2005 г., в июне 2007 г., в декабре 2007 г., в июне 2011 г. и в августе 2018 года. За годы реформы несколько раз изменялся необлагаемый подоходным налогом минимум доходов — 400–600 юаней в месяц в 1987 г., 800 юаней — в 1994 г., 1600 юаней — в 2006 г. и, наконец, 5000 юаней — в 2018 году. Такое повышение необлагаемого налогом минимума доходов в значительной степени свидетельствовало о существенном повышении жизненного уровня населения страны за годы реформ.

Следует отметить, что в Китае согласно поправкам в Закон об индивидуальном подоходном налоге от 31 августа 2018 г. сумма необлагаемого налогом доходов оказалась достаточно высока — 60000 юаней в год (примерно 600000 рублей) или 5000 юаней в месяц. По данным китайской статистики, средняя заработная плата в 2017 г. на предприятиях превысила показатель 60000 юаней в год, но значительная часть рабочих и служащих в соответствии со ставками прогрессивного подоходного налога платили не более 3% совокупного годового дохода. Более того, при анализе распределяемых доходов населения на 2017 г. можно видеть, что лишь у 20% населения Китая доходы превышают необлагаемый налоговый минимум — 64934 юаня в год, у 20% городского населения — 77097 юаней в год. Среди сельского населения в верхнем пентиле (20%) годовой доход составил всего 31299 юаней (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 55*). По регионам средний доход населения лишь в двух городах центрального подчинения — Пекине и Шанхае, по сферам занятости — лишь в банковской сфере, информатике, науке и технике, образовании, на транспорте и в сфере связи средний доход превышал 60 тыс. юаней в год. Таким образом, в настоящее время после принятия новых поправок в Закон об индивидуальном подоходном налоге большая часть населения Китая по-прежнему не охвачена системой налогообложения. Система прогрессивного налогообложения в Китае в основном

распространяется на лиц с высоким уровнем дохода, включая иностранцев, куда в основном входят предприниматели, служащие с высоким окладом и лица свободных профессий, получающие гонорары. В целом система прогрессивного налогообложения позволяет в какой-то мере выравнивать доходы населения и регионов — от богатых к бедным и способствовать сохранению социальной справедливости в обществе.

В настоящее время выдвинутый руководством КНР курс на всемерное расширение внутреннего спроса в значительной степени связан с возможностями реализации задач, поставленных на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.). Относительно низкий уровень доходов населения Китая и недостаточно развитая система социального обеспечения, особенно в сельской местности, приводят к тому, что население привыкло ограничивать свои расходы, и доля сбережений населения в объеме ВВП в настоящее время крайне высока — около 71,5% (в среднем 46330 юаней на человека). Расширение внутреннего рынка при ограничении экспортных возможностей в условиях кризиса возможно только на пути роста доходов населения и увеличения доли потребления в национальном доходе страны.

Отдельный пункт в Отчетном докладе ЦК КПК XIX съезду КПК (октябрь 2017 г.) был посвящен проблемам повышения жизненного уровня населения страны. Было выделено семь основных направлений для решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедностью; 5) развитие системы общественного здравоохранения; 6) обеспечение равного доступа населению к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения (Подробнее см.: *Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы (XIX съезд КПК: Сборник материалов)*, Пекин, 2017, с. 24–27).

Однако в 2018 г. вновь наметился рост всех видов цен, как потребительских, так и отпускных цен предприятий, хотя инфляция в 2018 г составляла всего 2,1%. Особенно быстрыми темпами росли цены на услуги здравоохранения и жилье. В стране было принято решение о проведении «сдержанной монетарной политики» вместо «относительно свободной», которая реализовывалась в рамках антикризисных мер 2009–2010 гг. Были приняты меры по ограничению кредитования путем повышения банковских учетных ставок в 2011 г. и дважды — ставок резервирования Народным Банком Китая. Также были приняты меры по ограничению цен на жилье путем установления налога на дополнительную площадь, запрета на приобретение более двух квартир и повышения норм выплат первого взноса до 60% общей стоимости жилья при покупке второй квартиры и повышения ставок по ипотечному кредиту.

В результате принятых за последние годы мер по развитию рыночной инфраструктуры в экономике были сделаны заметные успехи в реформе системы ценообразования и инвестиционной политике. Несмотря на резкий рост инвестиций в основные производственные фонды, в КНР удалось сохранить относительно низкий рост цен и опережающий рост доходов населения. Таких результатов удалось добиться благодаря созданию рыночной инфраструктуры в экономике страны, в которой стали более полно проявляться действия рыночного механизма, формирующего основные приоритеты развития и обеспечивающего сочетание интересов государства, предприятия и отдельной личности. За 40 лет реформ был достигнут значительный рост жизненного уровня как сельского, так и городского населения, который выражается не только в росте денежных доходов, но и в качественном росте жизненного уровня, связанном со снижением коэффициента Энгеля (доля расходов на питание), увеличением количества транспортных средств, телевизоров, компьютеров,

ростом вкладов в банках, расширением доступа населения к газоснабжению и водопроводу.

В этой связи представляет большой интерес развитие территориальной структуры китайской экономики до 2020 года. Вплоть до 2010 года значительную часть ВВП Китая давали восточные приморские районы и три города центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Однако после того, как в начале XXI века была запущена экономическая программа развития западных районов Китая, а затем — и программа развития старой промышленной базы Северо-Востока Китая, в региональной структуре ВВП стали происходить изменения, связанные со значительным уменьшением доли восточных районов при сохранении их доминирования в формировании ВВП и незначительным уменьшением доли трех провинций Северо-Востока и шести центральных провинций при заметном росте доли западных районов Китая.

При этом в 2000 г., несмотря на сверхвысокие темпы роста ВВП в 90-е гг., по-прежнему китайские административные единицы по своим показателям валового регионального продукта (ВРП) представляли собой «союз беднейших стран «третьего мира», так как объем ВРП подавляющего большинства китайских провинций и автономных районов не превышал 100 млн. долларов. Серьезных экономических результатов в 2000 г. — от 100 до 500 млн. долл. — достигли лишь три приморские провинции — Гуандун (на уровне ВВП Греции), Шаньдун (на уровне ВВП Египта) и Цзянсу (на уровне ВВП Португалии). Заметных успехов достигли также три города центрального подчинения — Пекин (на уровне ВВП Кувейта), Шанхай (на уровне ВВП Чехии) и Тяньцзинь (на уровне ВВП Люксембурга).

В нулевые годы XXI века китайская экономика сохраняла устойчивые темпы экономического роста, и по итогам 2009 года провинции и автономные районы по своим показателям ВРП уже превратились из «союза беднейших стран

«третьего мира» в «союз лидирующих развивающихся стран» с показателем ВРП в большинстве провинций от 100 до 500 млн. долл. в год. При этом вышел вперед Гуандун, ВРП которого превысил показатель 500 млн. долл. и оказался равен ВВП Турции, а ВРП Шанхая уже оказался равен ВВП Ирландии, ВРП Пекина — Сингапура, а ВРП Тяньцзиня — всего Казахстана.

К 2015 г. Китай совершил еще более впечатляющий рывок в экономике. При этом особенно больших успехов добилась Внутренняя Монголия за счет развития добывающей промышленности и сельского хозяйства и Сычуань с ГЦП Чунцином за счет поддержки центра и развития предприятий обрабатывающей промышленности. В целом следует отметить, что в настоящее время стала давать плоды программа развития западных районов Китая, которые в новых условиях растущих потребностей страны в энергоресурсах смогли заметно нарастить свой экономический потенциал.

Все эти изменения в территориальной структуре экономики Китая заметно отразились и на показателях душевого ВВП по регионам и провинциям. В 2000 г. практически все административные единицы КНР, за исключением ГЦП Шанхая, имели душевой показатель ниже 3000 долл. По этому показателю душевого ВВП Китай находился в ряду беднейших стран Азии и Африки. В частности, беднейшая провинция Китая — Гуйчжоу — по этому показателю могла конкурировать только с Бангладеш, центральные провинции Хэнань и Хунань — с Камеруном, экономически развитая провинция Ляонин на Северо-Востоке — с Марокко, и даже экономически наиболее развитая провинция Гуандун — с Болгарией. Лишь Шанхай по душевому ВВП находился на уровне Бразилии.

Через 10 лет по душевому показателю ВВП ситуация изменилась к лучшему. Однако по-прежнему в 2009 г. по этому показателю КНР занимала 99-е место в мире после Албании

с показателем 25188 юаней (3704 долл.). При этом по индексу развития человеческого потенциала Китай уже занимал более высокое — 77-е место за счет лучших показателей образования населения в возрасте старше 15 лет и более высоких показателей средней ожидаемой продолжительности жизни. Тем не менее, по душевому показателю ВВП Китай вырвался из группы бедных стран и вошел в категорию стран с доходами «ниже средних», так как показатель душевого ВВП превысил 3000 долл.

В дальнейшем Китай совершил еще более впечатляющий рывок по увеличению доходов ВВП на душу населения. В 2015 г. душевой доход в КНР составил 49351 юань (или 7934 долл.). При этом в восточных приморских районах Китая этот показатель составил 76369 юаней в год (12278 долл.), и по этому показателю приморские восточные районы Китая вошли в категорию «среднего уровня». Следует отметить, что за эти годы заметно сократился разрыв по душевому ВВП между показателями в среднем по КНР и бедными западными и центральными районами с 2,9 раз до 1,2 раза (Подробнее см.: *КНР: экономика регионов. Отв. ред. А.В. Островский. М., ИДВ РАН, МБА, 2015, с. 650–651*).

Проведенный анализ позволил нам с учетом уже имеющихся прогнозов экономического развития дать предварительные оценки развития региональной экономики Китая. При сохраняющихся тенденциях развития четырех экономических регионов Китая произойдет сокращение разрыва между регионами и увеличение доли западных регионов за счет развития добывающей и энергетической промышленности, которые будут обеспечивать развитие обрабатывающей промышленности восточных приморских регионов. В 2020 г. Китай станет страной, в которой часть провинций по объему ВВП будут сопоставимы с ведущими развитыми странами, а часть провинций — с развивающимися странами выше среднего уровня.

К этому времени большая часть территории восточных приморских районов будет производить ВВП свыше 8 трлн. юаней (свыше 1 трлн. долл.) в год. По объему ВВП Хэбэй будет сопоставима с Республикой Корея, Шаньдун — с Канадой, Чжэцзян — с Австралией, Гуандун — с Испанией, а Цзянсу — с годовым показателем ВВП России в 2020 г.

По душевому ВВП в 2020 г. в Китае будут по-прежнему выделяться три города центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь — свыше 180 тыс. юаней (30 тыс. долл.) на 1 человека. При этом подавляющее большинство территорий страны по показателю ВВП на душу населения войдет в зону душевого ВВП от 60 до 180 тыс. юаней (10–30 тыс. долл.) на человека, и, судя по всему, Китай построит общество «малого благоденствия» к 2020 г. почти по всей стране за исключением 3–4 провинций и автономных районов с самыми низкими ВВП на душу населения — Тибет, Ганьсу, Юньнань и Гуйчжоу. По душевым показателям ВВП Пекин можно будет сравнивать с Гонконгом, Шанхай — с Великобританией, а Тяньцзинь — с Новой Зеландией (См.: *Там же*, с. 655–656). Не исключено, что к 2020 году на всех территориях Китая, включая отсталые регионы, где проживают национальные меньшинства, может быть построено общество *сяокан* («малого благоденствия»).

Однако, несмотря на все вышесказанное, перед Китаем и далее будут стоять острые проблемы социально-экономического развития. По-прежнему необходимо решать три основные проблемы — огромная численность населения, относительная нехватка энергоресурсов и экологическая проблема. По оценкам ряда демографов, в годы 12-й пятилетки доля экономически активного населения начнет постепенно снижаться, и Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе

и в сельском хозяйстве, то есть перейти от экстенсивных форм развития производства к интенсивным. Китай должен был совершить переход к развитию инновационной экономики за годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) и получил возможность решить проблему обеспечения большого числа пенсионеров и относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий.

В социально-экономической сфере Китай добился заметных успехов. Уже большая часть населения — 59,5% — превратились в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 годом — первым годом реформы, но и с 2000 годом — началом XXI века. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах в конце 2018 года — примерно 4000 юаней в месяц (6871 юань или около 68000 рублей) Китай обогнал Россию (примерно 45 тыс. рублей в месяц). Большая часть китайского населения, не только городского, но и сельского, охвачена различными системами социального страхования: пенсионного обеспечения, различными формами медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. Таким образом, Китай успешно реализует свою модель экономической реформы.

В настоящее время успехи китайской экономики за 40 лет реформ показывают жизнеспособность китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, связанной с большой ролью государственного регулирования и значительным объемом инвестиционных программ для развития страны.

Можно много и долго обсуждать китайские реформы, спорить о том, это китайское чудо или китайский тупик, но, несомненно, одно — за 40 лет значительно вырос жизненный уровень населения страны. В конце 2019 г. показатель ВВП составил 99,1 трлн. юаней (примерно 14,6 трлн. долл.), а ВВП на душу населения — 84461 юань (примерно 10425 долл.), и

Китай по этому показателю догнал Россию. По средней заработной плате в городах (по текущему курсу юаня к рублю) Китай уже и опередил Россию — 7038 юаней в месяц (примерно 71000 рублей) в Китае против 45000 рублей в месяц в России.

Особенно заметно вырос жизненный уровень населения КНР в годы 12-й и 13-й пятилеток (2011–2019 гг.). В частности, в 2010 г. доход на душу населения в городах составил 19109 юаней (3000 долл.), а в деревнях — 5919 юаней (970 долл.). Однако к 2019 г. эти показатели, как в городе, так и в деревне заметно выросли. В частности, в 2019 г. доход на душу населения составил 30733 юаня (прирост 8,9% по сравнению с предыдущим годом), реальный прирост среднедушевых доходов городского населения составил 7,9% (с учетом роста цен — 5,0%), а сельского — 9,6% (с учетом роста цен — 6,2%) (*Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжэнь тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*) / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html.. Китай еще в 90-е годы ушел от карточной системы, средний показатель жилой площади на человека составляет 32,9 кв. м в городе и 37,1 кв. м в деревне, больше чем в Гонконге. В конечном счете, Китай имеет все шансы построить общество *сяокан* («малого благоденствия») если не к 100-летию образования КПК из-за внезапно возникшего нового фактора — распространение коронавируса, что заметно сдержало развитие экономики страны в 1-м квартале 2020 года, то в период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.).

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

1. РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КНР

По мере роста производительных сил и комплексной государственной мощи Китая, повышения жизненного уровня населения и усиления роли международного влияния КНР на мировой арене все более важным фактором успехов экономической реформы и построения общества «малого благоденствия» (*сяокан*) становится развитие науки и техники. В годы 12-й пятилетки и 13-й пятилетки (2011–2019 гг.) доля экономически активного населения начала постепенно снижаться, и Китай был вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества неквалифицированной, занятой физическим трудом избыточной рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве. В результате в последнее десятилетие Китай начал постепенно совершать переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики. Только в этом случае Китай в будущем сможет решить проблему избыточного населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет), относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий.

В XXI веке было отмечено быстрое и стабильное развитие экономики, что выражалось не только в высоких темпах роста ВВП, промышленности и сельского хозяйства, но и в новых достижениях науки и техники. Был осуществлен запуск человека в космос и под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 5300 метров в Марианской впадине в Тихом океане. За этот период был создан самый быстродействующий суперкомпьютер в мире «Тяньхэ» («Млечный путь») и построена сеть высокоскоростных железных дорог, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная системы «Бэйдоу» («Северная Медведица»), космический корабль сфотографировал обратную сторону Луны, в сфере информационных технологий запущена система G5, налажено производство электромобилей и роботов, а также прошел летные испытания истребитель пятого поколения J-20.

По мнению руководства КНР, подъем Китая обеспечивается за счет подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум показателям — **удельному весу расходов на образование в ВВП и расходов на научно-исследовательскую деятельность в объеме производства**. На наш взгляд, именно эти меры позволят Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение вперед экономики страны.

В отличие от прежних планов социально-экономического развития Китая индикативные показатели 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) на 2015 год включали в себя показатели развития науки, техники и образования. В этом разделе было четыре базовых показателя — доля населения с уровнем 1-й ступени средней школы (9 классов), доля детей, посещающих полные средние школы (12 классов), доля расходов на НИОКР в объеме ВВП — 2,2%, и количество изобретений и патентов — 3,3 на 10000 человек. Кроме того, в список индикатив-

ных показателей социально-экономического развития КНР входили и такие, как доля возобновляемых энергоресурсов в объеме потребления первичных энергоресурсов — 11,4%, сокращение выбросов загрязняющих веществ — 8–10% в год, прирост численности населения — менее 7,2‰ в год, средняя ожидаемая продолжительность жизни — 74,5 лет (*См.: Гоцзя цзи гэдицзюй гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань «шиэрэу» гуйхуа ганъяо (Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке). Ред. Государственный Комитет развития и реформ КНР. Пекин, Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 2011).*

После «культурной революции» в 80-е гг. XX века в ЦК КПК было принято четыре основных документа, определяющих стратегические перспективы развития науки и техники:

- 1) «Решение о реформе в области науки и техники» в 1985 г.;
- 2) «Решение об ускорении научно-технического прогресса» в 1995 г.;
- 3) «Решение об усилении научно-технических инноваций, о развитии новых и высоких технологий, о создании отраслей промышленности» в 1999 г.;
- 4) «Решение о реализации программы развития науки и техники, укреплении собственного инновационного потенциала» в 2006 г.

Однако еще до принятия «Решения ЦК КПК о реформе в области науки и техники» в 1985 г. уже в первые годы реформ (6-й пятилетний план 1981–1985 гг.) Государственный комитет по науке и технике КНР принял два документа, определяющих основные направления развития науки и техники на много лет вперед — «Государственный план прорыва в области науки и техники» в 1982 году и «Государственный план создания ключевых лабораторий» в 1984 году. В рамках первого плана предполагалось развивать основные направления научных исследований для традиционных отраслей

промышленности и определять главные направления исследований. В ходе реализации этого плана были определены такие приоритетные направления исследований для китайской науки и техники, как сельское хозяйство, биотехнологии и информатика. В рамках второго плана предусматривалось оказание поддержки и создание соответствующих условий для развития комплексных лабораторий по линии «научно-исследовательский институт – университет – предприятие» (Подробнее см.: *Чжунго чуаньсинь чжэньцэ яньцзю баогао (Доклад об инновационной политике в Китае)*. Отв. ред. Ма Яо, Пекин, 2011, с. 345).

Однако решающее влияние на развитие науки и техники в КНР оказала следующая, 7-я пятилетка (1986–1990 гг.). В эти годы было принято пять различных программ развития науки и техники в КНР, из которых реализация, по меньшей мере, двух программ оказала решающее влияние на развитие науки и техники в настоящее время. Большое влияние на развитие науки и техники оказала принятая в 1986 г. **«программа 863»**. В ней были поставлены задачи формирования инновационного потенциала Китая в сфере высоких технологий и повышении конкурентоспособности страны на мировой арене в этой сфере. Было намечено 19 приоритетных тем исследования для всесторонней поддержки как путем выделения централизованных средств из государственного бюджета, так и из различных фондов. Эти ключевые направления исследований включали в себя информационные технологии, биотехнологии, сельское хозяйство, технологии получения сырьевых ресурсов и энергоресурсов, новые материалы, передовое машиностроение и автоматика.

Не менее важное значение для будущего развития науки в Китае имела принятая в 1988 г. **«программа Факел»**, которая предусматривала поддержку создания зон развития новых и высоких технологий и центров инновационных услуг. Было намечено создать к 2005 году 53 зоны развития

новых и высоких технологий и 534 центра инновационных услуг, которые в КНР стали называться «предприятия-инкубаторь» (*жунхуацзи*) и выполняли функции предприятий, создающих высокотехнологичный продукт на базе имеющихся научно-технических разработок в лабораториях вузов и НИИ наподобие так называемых «почтовых ящиков» в СССР. Надо отметить, что практически все такого рода «инкубаторь» в настоящее время находятся на территории зон развития новых и высоких технологий и имеют строго отраслевую специализацию. Именно центры инновационных услуг в зонах развития новых и высоких технологий и являлись своего рода связующим звеном между научными лабораториями и малыми и средними предприятиями, которые могут производить продукцию новых и высоких технологий.

В эти годы (1986–1990 гг.) было принято еще три важных документа, которые оказали серьезное влияние на развитие науки и техники в КНР. В 1986 г. была принята **программа «Искра»**, в рамках которой предусматривалось внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство и китайскую деревню на развитие аграрно-промышленного комплекса в сельской местности и ее постепенная урбанизация. Для реализации программы «Искра» в 2005 г. большая часть средств составляли собственные средства предприятий — 70%, остальная часть средств приходилась на банковские кредиты — 26,6% и финансирование из госбюджета — 3,4% (См.: *Чжунго чуаньсинь чжэньцэ яньцзю баогао (Доклад об инновационной политике в Китае). Отв. ред. Ма Яо, Пекин, 2011, с. 345).*

Принятые в годы 7-й пятилетки (1986–1990 гг.) две другие программы — «Государственная программа создания новых ключевых видов продукции» (принята в 1988 г.) и «Программа внедрения результатов ключевых научных исследований» (принята в 1990 г.) были связаны с разработкой новых видов продукции новых и высоких технологий и с внедрением но-

вейших достижений развития науки и техники в традиционные отрасли промышленности.

Однако основные документы, определяющие стратегические направления развития науки и техники КНР в XXI веке, были приняты в период 9-й пятилетки (1996–2000 гг.). Безусловно, важнейшим из принятых в эти годы документов в области развития науки и техники, стала принятая Государственным комитетом по развитию науки и техники КНР «**Программа 973**» в 1997 г. Эта программа определила основные направления развития науки и техники Китая на много лет вперед. В ней были выделены такие сферы как сельское хозяйство, энергоресурсы, информатика, охрана окружающей среды, народонаселение и его здоровье, новые материалы и ряд других сфер. В соответствии с «Программой 973» в этих отраслях науки и техники должны были осуществляться комплексные исследования, которые стали важным фактором развития новых и высоких технологий в XXI веке. Для этих отраслей науки и техники в первую очередь было необходимо готовить кадры, обладающие высоким инновационным потенциалом, привлекать обратно в страну отправившихся на учебу за рубеж студентов, в этих сферах развивать международное сотрудничество и международный обмен. В 1999 г. было принято еще три программы развития науки и техники, связанные с развитием отраслей новых и высоких технологий. В рамках этих программ был создан инновационный фонд развития малых и средних предприятий в области науки и техники, фонд развития научно-исследовательских тем в системе Академии наук Китая и программа действий по торговле инновациями в области науки и техники. Этим фондам предоставлялись различные налоговые и финансовые льготы и выделялись значительные суммы денег на проведение научно-исследовательских работ (НИР). В частности, на каждую тему НИР в системе Академии наук Китая было выделено от 500 тыс. до 2 млн. юаней (примерно от 2,5 до

10 млн. рублей), а патентная деятельность была возложена на Министерство коммерции и Государственный комитет по науке и технике КНР.

В годы 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) в основном занимались реализацией намеченных в конце XX века программ развития науки и техники. Государственная политика в этой области была в большой степени посвящена предоставлению налоговых и финансовых льгот всем структурам, занимающимся инновационной деятельностью. Такие льготы по вычетам из различных видов налогообложения получили занимающиеся инновациями предприятия на свои расходы по разработке продукта, заработной плате, импорту новых и высоких технологий из-за рубежа. В частности, в отношении такой продукции, как компьютерные платы и программное обеспечение, был установлен льготный период, в ходе которого вообще не взимались налоги. Правительствам всех уровней было предписано оказывать финансовую и прочую поддержку инновационным предприятиям.

С начала XXI века в Китае особое внимание стало уделяться развитию нанотехнологий. В 2001 г. шесть академиков АН Китая, специалисты, добившиеся определенных успехов в исследованиях нанотехнологий, подписали открытое письмо, в котором содержался призыв к правительству незамедлительно разработать государственную стратегию и план развития нанотехнологий, и принять активное участие в международной конкуренции в исследованиях в области нанотехнологий, выделить на эти цели соответствующие ассигнования. Руководство Китая приняло решение об активной поддержке развития нанотехнологий, и включило исследовательскую работу в сфере нанотехнологий в список отраслей приоритетного финансирования. В 10-м пятилетнем плане социально-экономического развития Китая (2001–2005 гг.) в качестве важной задачи научно-технического прогресса и новаторства было выдвинуто обеспечение сдвигов в области новых материалов

и нанотехнологий, которые имеют стратегическое значение для китайской науки и народного хозяйства, было выделено на становление нанонауки 300 млн. долл. Были разработаны планы развития этой отрасли науки на ближайший, среднесрочный и долгосрочный периоды.

В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) были выделены основные направления развития науки и техники в области новых и высоких технологий: компьютерные платы и программное обеспечение, технология нового поколения информационных сетей, передовые ЭВМ, биофармацевтика, гражданская авиация, использование спутников и новые материалы. В этот период проводилась большая работа по подготовке программ развития науки и техники на последующие 15 лет, в основу которых было заложено создание собственной инновационной базы как основное направление развития государственной стратегии в области науки и техники.

В эти годы в Китае стали составлять перспективную программу развития науки и инноваций. Разработка прогноза развития науки и техники в КНР началась летом 2007 года. В середине 2009 года Академия Наук Китая выпустила серию докладов по теме «Инновация 2050: научно-техническая революция и будущее Китая», в которых была изложена «дорожная карта» научно-технического развития Китая до 2050 года. В августе 2007 г. президент АОН Китая Лу Юнсян сделал заявление по этому вопросу: «Стратегические исследования требуют прогнозирования ситуации в мире, Китае и науке и технике к 2050 году, и нам следует изучать перспективы экономики, общества, национальной безопасности, экологической ситуации, науки и техники, особенно в таких научных дисциплинах как энергетика, ресурсы, население, здоровье, информатика, безопасность, экология, космос и океан» (См.: *Science and Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences. Editor-in-Chief Lu Yongxiang, Science Press Beijing*

and Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010, p. xiii). Конкретный план технологического развития — «дорожная карта» определяет основные стратегические этапы научно-технического развития, основные задачи и пути достижения в три этапа: к 2020, к 2030 и к 2050 гг.

«Дорожной картой» предусматривается создание в Китае восьми основных экономических и социальных инфраструктур и стратегических систем при поддержке научно-технических инноваций, а именно:

- система устойчивого развития энергетики и ресурсов;
- система передовых материалов и их экологического производства;
- повсеместная система информационных сетей;
- система экологического сельского хозяйства и биологической промышленности;
- система охраны здоровья;
- система экологического развития и охраны окружающей среды;
- система по расширению освоения воздушного и морского пространства;
- система государственной и общественной безопасности.

Для достижения поставленных целей были сформулированы организационные принципы решения поставленных «Дорожной картой» задач развития науки и техники в КНР до 2050 года. Для решения поставленных задач были намечены пять направлений научных исследований: 1) исследование стратегий по основным направлениям развития науки и техники; 2) специальные исследования по восьми основным направлениям социально-экономического развития Китая; 3) специальные исследовательские группы по различным дисциплинам; 4) междисциплинарные исследовательские группы, работу которых должно координировать бюро стратегического планирования; 5) профессиональные исследовательские группы.

Работавшие более года над этой «дорожной картой» свыше 300 экспертов пришли к выводу, что современный мир стоит на пороге технологического прорыва и новой научно-технической революции, которая произойдет в ближайшие 10–20 лет.

В то же время, «дорожная карта» указывает на необходимость решения 22 технических вопросов стратегического характера, которые влияют на процесс модернизации Китая. В число этих вопросов входит экологическое производство высококачественного базового сырья, план разведки полезных ископаемых Китая на глубину до 4 км, ядерные энергетические системы нового типа, план по расширению потенциала морей, исследования темной материи и темной энергии, искусственная жизнь и синтетическая биология, нанотехнологии, научное исследование космоса, создание серии спутников и т. д.

Академия наук Китая (АНК) планировала к 2010 г. создать 10 инновационных исследовательских баз в важнейших отраслях. Инновационные базы будут охватывать сферы информатики и энергетики, нанотехнологии, медицину и фармацевтику, современное сельское хозяйство, экологические технологии, океанологию и др. Программа создания инновационных исследовательских баз разработана в октябре 2005 г., а ее реализация началась в 2006 г.

В середине 2010 г. проходил 15-й съезд академиков АНК, где обсуждалась Программа работы академии на период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.), и 10-й съезд Инженерной Академии Китая (ИАК) (Президент ИАК — Сюй Куанди). съезды проводятся раз в два года, аналогичным образом избираются и новые академики. На съезде был заслушан и рассмотрен отчетный доклад президиума академии и обсуждены проекты в сфере разработки стратегии развития инженерных наук Китая и формирования кадрового состава ИАК на средне- и долгосрочную перспективу. Во время собрания

прошел ряд научных конференций, а также вручение свидетельств новоизбранным членам академий и академикам-иностранцам. До 40% членов Академии наук и Инженерной академии Китая работают в вузах.

В январе 2011 г. Академия наук Китая утвердила план развития на ближайшее десятилетие. Документ, получивший название «Инновации–2020», задает вектор разработок и исследований для научных институтов Китая, а также ставит ряд стратегически важных целей на среднесрочную перспективу.

После многочисленных обсуждений учеными и экспертами Академия наук Китая отобрала восемь наиболее актуальных исследовательских проектов. Среди них — разработки в сфере освоения космоса, изучения стволовых клеток и восстановительной медицины, а также эксплуатации экологически чистых источников энергии. Академия наук Китая также обсуждает, какие еще проекты стоит включить в приоритетный список. Все эти проекты лежат в фундаментальных плоскостях. Их реализация в течение ближайшего десятилетия может привести к зарождению новых промышленных сфер и революции в старых.

Академия наук Китая учредила Центр математических и междисциплинарных наук, задача которого — найти сугубо теоретическим моделям практическое применение. Законы математики будут внедряться в основные шесть дисциплин, а том числе биомедицину, электроэнергетику и защиту окружающей среды, финансовое и инженерное дело. Так был составлен график, который отражает прогноз урожайности в масштабе всего Китая, и погрешность в прогнозах не превысила и пяти процентов.

Руководство АН Китая считает, что важность этих шести дисциплин нельзя переоценить. Академия наук Китая намерена сосредоточиться на решении самых основных и важных проблем прикладной науки. Междисциплинарный подход

поможет заложить теоретическую базу для объединения математики с этими практическими дисциплинами.

Утверждение плана научного развития «Инновации – 2020» отражает амбиции КНР по развитию высокотехнологичных сфер промышленности. Реализация этих научных планов позволит Китаю стать одним из лидеров в этой области.

Восемь основных направлений развития науки в КНР до 2050 года:

- 1) Развитие энергоресурсов;
- 2) Новые материалы и «умное» производство;
- 3) Развитие информационной сети;
- 4) Сельское хозяйство и биотехнологии;
- 5) Народонаселение и здравоохранение;
- 6) Развитие системы охраны окружающей среды;
- 7) Исследование космоса и океана;
- 8) Технологии, обеспечивающие безопасность страны и общества.

В рамках восьми основных направлений выделены 22 основные инициативы в области развития науки и технологий для модернизации Китая.

1) Шесть инициатив стратегической важности для повышения конкурентоспособности Китая на мировой арене:

1. Новые принципы и технологии информационной сети «Post-IP» и их тестирование;
2. «Зеленое» производство высококачественного сырья и материалов;
3. Технология переработки отходов после использования ресурсов;
4. Информационные производственные системы;
5. Использование высокоскоростных компьютеров (10 в 18-й степени операций в секунду);
6. Молекулярное конструирование наследственности животных и растений.

2) Семь инициатив стратегической важности для устойчивого развития Китая:

1. Программа исследования подземных пластов вглубь на 4000 метров;
2. Новая система возобновляемых энергетических ресурсов;
3. Глубокая генерация геотермальной энергии;
4. Атомная энергия;
5. Планы по расширению производства морепродуктов;
6. Стволовые клетки и регенерационная медицина;
7. Ранняя диагностика и системное вмешательство при основных хронических заболеваниях.

3) Две инициативы стратегической важности для национальной и общественной безопасности Китая:

1. Сеть для понимания ситуации в космическом пространстве;
2. Системы социального контроля и параллельного управления.

4) Четыре основные научные инициативы для вероятных прорывов в сфере преобразований:

1. Исследование темной материи и темной энергии («черная дыра»);
2. Управление структурой материи;
3. Искусственная жизнь и синтетическая биология;
4. Механизм фотосинтеза.

5) Три выявленных инициативы междисциплинарных и глубинных исследований:

1. Нанотехнологии;
2. Космические исследования и исследования со спутников;
3. Математика и комплексные системы.

3) Пять инноваций в области науки и техники с китайскими характеристиками:

1) Опирайтесь на усилия внутри страны и эффективно интегрироваться с глобальными инновационными ресурсами вместе с политикой открытости;

2) Поиск и развитие талантов через инновации через принцип «человек — основа всего»;

3) Сочетать первичную роль рынка и правительственное макрорегулирование, исходя из китайской специфики;

4) Гарантировать разделение труда и сотрудничество среди участников национальной инновационной системы при углублении реформ;

5) Продвижение инноваций через управление инновациями на основе единого планирования.

В настоящее время развитие науки и техники в КНР осуществляется в соответствии с принятыми в годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) тремя основными документами правительства КНР по развитию науки и техники: 1) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» (2006 год); 2) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования реформ и развития образования в 2010–2020 гг.» (2010 год); 3) «Государственная долгосрочная и среднесрочная программа планирования развития талантов на 2006–2020 гг.» (2010 г.). В случае реализации этих трех общегосударственных программ к 2020 году Китай должен войти в ряды стран с экономикой инновационного типа.

В «Государственной программе долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» указывалось, что необходимо укреплять собственную инновационную базу, снижать зависимость от иностранных достижений в области науки и техники, развивать новые отрасли на основе развития науки и техники, выйти на лидирующие позиции в мире по количеству полученных патентов на изобретения и по количеству опубликованных научных работ и статей. В этом документе для укрепления

собственной инновационной базы предусматривалось снижение зависимости от импорта зарубежных технологий, усиление работы по получению прав на интеллектуальную собственность, создавать собственные технологические стандарты, поддерживать работу предприятий на мировом рынке по установлению мировых технологических стандартов. При этом **было выделено три основных направления развития науки и техники в КНР — энергоресурсы, водные ресурсы и охрана окружающей среды**, так как недостаточное развитие этих трех сфер в значительной степени сдерживает темпы социально-экономического развития страны. В конечном счете, в данной программе было намечено 11 важнейших сфер социально-экономического развития страны, 16 основных тем в области науки и техники и 8 основных технологических сфер из 27 передовых мировых технологий (См.: *Чжунго чуаньсинь чжэньцэ яньцзю баогао (Доклад об инновационной политике в Китае). Отв. ред. Ма Яо, Пекин, 2011, с. 350).*

В июне 2017 г. Министерство науки и техники КНР совместно с тремя ведомствами выпустило «Специальный план по национальным фундаментальным исследованиям в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)», в котором отмечалось, что «Китай будет по-прежнему оказывать стабильную поддержку фундаментальным исследованиям, создавать основу будущего научно-технического развития Китая, реализовывать ряд крупных научно-технических проектов в области фундаментальных исследований, в том числе **квантовой связи и квантового компьютера, науки о мозге и исследований в области церебровологии**».

Было определено 16 проектов, воплощающих основные тенденции научно-технического развития, которые касаются информатики, биологии и других стратегических отраслей. В каждый из проектов были инвестированы десятки миллиардов юаней и сконцентрированы силы ведущих научно-исследовательских институтов для реализации этих проектов.

Была создана Канцелярия по государственным важным специальным научно-техническим проектам, которая разрабатывает методы реализации этих проектов, утверждает планы их реализации, выдвигает политические установки и рекомендации, контролирует реализацию проектов, разрешает важные проблемы, организует оценку и приемку. Как отметил министр науки и техники КНР Вань Ган, «важные специальные научно-технические проекты позволяют решать серьезные актуальные вопросы, возникающие в ходе социально-экономического развития и являются необходимыми мероприятиями для осуществления государственных стратегических целей» (См.: *Китай*, 2018, № 3, с. 30).

На 2030 год Китай запланировал 15 важных государственных научно-технических проектов. Особое внимание уделяется развитию проектов в сфере квантовой связи, квантового компьютера, науки о мозге и церебрологическим исследованиям. Эти проекты должны быть тесно связаны друг с другом в сферах, сосредоточенных в пяти областях — электроника и информатика, передовое производство; энергоресурсы и окружающая среда; биология и здоровье; моря и океаны; небесное пространство. Как отметил профессор университета Цинхуа Ху Аньган, «Программа 2006» символизирует вступление Китая в эпоху научно-технических инноваций 1.0, а новая «Программа 2016» означает продвижение вперед в эпоху научно-технических инноваций 2.0» (См.: *Китай*, 2018, № 3, с. 30).

3 января 2018 г. на первом постоянном собрании Госсовета КНР была подчеркнута необходимость усиления поддержки фундаментальных исследований и повышения инновационного потенциала. Помимо государства, отдельные крупные фирмы и предприятия также стали уделять внимание и увеличивать инвестиции в фундаментальные исследования. В частности, в октябре корпорация «Алибаба» официально объявила о создании исследовательской академии DAMO («Discovery, Adventure, Momentum, Outlook»), чтобы заниматься исследованиями в области фундаментальных наук

и прорывных инноваций. Корпорация «Алибаба» планирует в течение следующих трех лет инвестировать более 100 млрд. юаней (1 трлн. рублей по текущему валютному курсу) в научные исследования и разработки (См.: *Китай, 2018, № 3, с. 25*).

По китайским оценкам, с учетом оценок ЮНЕСКО и Мирового Банка, предполагается, что по итогам реализации трех программ развития науки и техники к 2030 г. общее количество получивших высшее образование достигнет 300 млн. чел., численность специалистов достигнет 120 млн. человек, общая численность занятых в сфере НИОКР будет ежегодно увеличиваться на 4 млн. чел., ученых и инженеров — на 3,5 млн. чел. в год. По оценкам исследовательской группы университета Цинхуа под руководством профессора Ху Аньгана, доля занятых в НИОКР достигнет 35% общемирового показателя, по уровню научно-технического потенциала — 30% мирового показателя, а по количеству и доле научных публикаций (25%), подаваемых патентных заявок (30%), капиталовложений в НИОКР (25%) и экспорту продукции новых и высоких технологий (30%) Китай выйдет на первое место в мире (см. табл. 1–5 ниже).

Таблица 1

**Удельный вес научно-технических работников
в общей численности научно-технических работников в мире
(1995–2030 гг.) (%)**

Страна	1995	2000	2007	2020	2030
КНР	10,2	10,1	19,7	30,0	35,0
США	18,3	18,4	19,8	15,0	12,0
ЕС	19,6	15,8	20,1	15,0	15,0
Япония	18,4	15,2	14,6	10,0	8,0
Россия	10,5	7,3	6,5	5,0	5,0

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цин-

хуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 91).

Таблица 2

Удельный вес научных публикаций в общей численности научных публикаций в мире (1980–2030 гг.) (%)

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	0,2	1,3	3,7	10,9	18,0	25,0
США	39,7	34,9	28,6	29,0	24,0	20,0
ЕС	32,2	29,6	34,2	36,5	30,0	24,0
Япония	7,2	7,6	9,6	6,7	5,0	4,0
Россия	5,7	6,2	3,3	2,6	2,0	2,0

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 94).

Таблица 3

Удельный вес подаваемых патентных заявок в общей численности подаваемых патентных заявок в мире (1980–2030 гг.) (%)

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	-	0,9	3,1	18,2	25,0	35,0
США	12,4	13,4	20,0	21,7	15,0	12,0
ЕС	19,8	12,5	14,4	10,5	10,0	9,0
Япония	33,1	49,2	46,6	30,9	22,0	17,0
Россия	33,0	16,7	2,8	2,6	2,0	2,0

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 95).

Таблица 4

Удельный вес расходов на НИОКР в общем объеме мировых расходов (1981 – 2030 гг.) (%)

Страна	1981	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	1,3	1,7	2,9	12,1	18,0	25,0
США	26,6	36,1	29,4	29,8	25,0	20,0
ЕС	24,8	35,0	21,5	23,6	20,0	20,0
Япония	8,6	15,7	10,7	11,8	9,0	7,0
Россия	8,6	6,8	1,3	1,9	1,5	1,5

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 96).

Таблица 5

Удельный вес экспорта продукции высоких технологий в общем объеме мирового экспорта (1980 – 2030 гг.) (%)

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	0,03	0,6	3,7	19,7	25,0	30,0
США	26,1	22,0	19,6	13,4	10,0	8,0
ЕС	24,7	20,2	16,1	13,1	10,0	8,0
Япония	15,2	15,0	11,5	6,4	5,0	4,0
Россия	3,3	0,3	0,4	0,3	1,0	1,0

Источник: «2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа». Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син, Пекин, Изд-во Китайского Народного университета, 2011, с. 97).

За годы реформ КНР уже достигла значимых экономических успехов. В 2011 г. по объему ВВП Китай вышел на второе место в мире, обогнав Японию и в настоящее время занимает 2-е место в мире по объему ВВП по текущему валютному курсу и 1-е место в мире по паритету покупательной способности. Уже в начале 10-х гг. XX века обрабатывающая промышленность КНР заняла 3-е место в мире после США и Японии, по объему производства электронной информации — 2-е место в мире после США, производство большей части промышленной продукции составило

свыше 50% мирового объема производства, а производство бытовых товаров повседневного пользования — свыше 30% мирового объема производства (См.: *Гуанмин жибао*, 10.06.2010). Такие заметные результаты социально-экономического развития КНР были в большой степени достигнуты при резком повышении роли науки и техники в стране.

За 40 лет реформ — с 1978 по 2018 гг. — резко увеличилась численность студентов, выпускников вузов и аспирантов, то есть значительно увеличилась база для подготовки работников высшей квалификации в области науки и техники. Если в 1978 г. в КНР насчитывалось всего 856 тыс. студентов, 165 тыс. выпускников вузов и 10,7 тыс. аспирантов, то в 2018 г. было 28,310 млн. студентов, 7,533 млн. выпускников вузов и 2,731 млн. аспирантов (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности высших учебных заведений, профессорско-преподавательского состава и обучающихся в них студентов в КНР (1978–2018 гг.)

	1978	1990	2000	2011	2018
Высшие учебные заведения (кол-во)	598	1075	1041	2409	2663
К-во преподавателей (млн. чел.)	0,206	0,395	0,463	1,393	1,673
Набор студентов в год (млн. чел.)	0,402	0,609	2,206	6,815	7,910
Общая численность студентов (млн. чел.)	0,856	2,063	5,561	24,848	28,310
Общая численность выпускников (млн. чел.)	0,165	0,614	0,950	6,082	7,533
Общая численность аспирантов (тыс. чел.)	10,9	93,0	301,2	1645,8	2731,3

Источники: *Чжунго тунци няньцзянь — 2006 (Китайский статистический ежегодник — 2006)*, Пекин, 2006, с. 777–780; *Чжунго тунци чжайяо — 2012 (Китайский статистический справочник — 2012)*, Пекин, 2012, с. 164–166; *Чжунго тунци чжайяо — 2019 (Китайский статистический справочник — 2019)*, Пекин, 2019, с. 173–178.

Также значительно выросла численность китайских студентов, обучающихся за рубежом. В 1978 г. было всего 860 обучающихся за рубежом студентов, в то время как в 2001 г. насчитывалось 83973 обучающихся за рубежом студента, в 2011 г. — 339700 студентов, а в 2018 г. — 662100 студентов. При этом постоянно происходил рост доли студентов, возвращающихся на родину из-за рубежа. Если в 2001 г. всего насчитывалось 12243 студента, которые вернулись из-за рубежа после обучения (14,6% всех китайских студентов за рубежом), в 2010 г. — уже 186200 студентов (56,8% всех китайских студентов за рубежом), а в 2018 г. — 519400 студентов (78,4%), и на этом уровне (78–79% китайских студентов за рубежом) этот показатель стабилизировался с 2013 года (см. табл. 7 ниже).

Таблица 7

Динамика численности обучающихся за рубежом студентов из КНР (1978–2011 гг.)

Год	Численность обучающихся за рубежом студентов (кол-во)	Численность вернувшихся из-за рубежа студентов (кол-во)	Доля вернувшихся из-за рубежа студентов (%)
1978	860	248	28,8
1980	2124	162	7,6
1985	4888	1424	29,1
1990	2950	1593	54,0
1991	2900	2069	71,3
1992	6540	3611	55,2
1993	10742	5128	47,7
1994	19071	4230	22,2
1995	20381	5750	28,2
1996	20905	6570	31,4
1997	22410	7130	31,8
1998	17622	7379	41,9
1999	23769	7748	32,6
2000	38989	9121	23,4

Таблица 7 (продолжение)

Год	Численность обучающихся за рубежом студентов (кол-во)	Численность вернувшихся из-за рубежа студентов (кол-во)	Доля вернувшихся из-за рубежа студентов (%)
2001	83973	12243	14,6
2002	125179	17945	14,3
2003	117307	20152	17,2
2004	114682	24726	21,6
2005	118515	34987	29,5
2006	134000	42000	31,3
2007	144000	44000	30,6
2008	179800	69300	38,5
2009	229300	108300	47,2
2010	284700	134800	47,4
2011	339700	186200	54,8
2012	399600	272900	68,3
2013	413900	353500	85,4
2014	459800	364800	79,3
2015	523700	409100	78,1
2016	544500	432500	79,4
2017	608400	480900	79,0
2018	662100	519400	78,4

Источники: *Чжунго тунци няньцзянь – 2007 (Китайский статистический ежегодник – 2007), Пекин, 2008, с. 780; Чжунго тунци чжайяо – 2011 (Китайский статистический справочник – 2012), Пекин, 2012, с. 166; Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Китайский статистический справочник – 2019), Пекин, 2019, с. 178.*

Все эти цифры нашли свое отражение в резком росте числа принятых и одобренных патентных заявок. В частности, если в 1990 г. по всей КНР было всего лишь 41469 патентных заявок, из которых 22588 одобренных, в 2010 г. насчитывалось 1222286 принятых патентных заявок, из которых было 814825 одобренных, а в 2018 г. — 4323100 принятых и 2447500 одобренных заявок

(Чжунго тунцизи чжайяо — 2019 (Китайский статистический справочник — 2019), Пекин, 2019, с. 172).

Также за последние 20 лет резко возрос объем затрат на развитие НИОКР — с 34,9 млрд. юаней (0,57% ВВП) в 1995 г. до 861,0 млрд. юаней (1,83% ВВП) в 2011 г. и 2173,7 млрд. юаней (2,19% ВВП) в 2019 г. *(Чжунго тунцизи чжайяо — 2019 (Китайский статистический справочник — 2019), Пекин, 2019, с. 172).* Тем не менее, этот показатель уступает контрольным цифрам доли расходов на НИОКР в ВВП — 2,2%. За этот же период значительно выросло количество зарегистрированных результатов в области науки и техники, в том числе использованных результатов, что привело к резкому увеличению оборота патентов на рынке. Также заметно повысилось качество научного обслуживания, о чем можно судить по увеличившемуся количеству станций по прогнозированию морей и океанов, мониторингу землетрясений, росту количества метеостанций и выпущенному объему информации для них, а также изданному количеству карт.

В XXI веке практически во всех государственных документах Китая, посвященных развитию науки и техники, важное место стала занимать проблема развития **нанотехнологий**. Еще в конце XX века в годы 9-й пятилетки с учетом быстрого развития нанотехнологий за рубежом проблема развития нанотехнологий в Китае была определена как стратегически важная и поставлена как одна из основных в программу развития науки и техники на 10-ю пятилетку (2001–2005 гг.). На сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в июле 2001 г. была выдвинута «Государственная программа развития нанотехнологий (2001–2010 гг.)». В этой программе предусматривалась совместная деятельность различных организаций КНР — Министерства науки и техники, Государственного комитета по раз-

виту и реформам, Государственного фонда развития естественных наук, Академии наук Китая, Министерства образования и других государственных структур, в целях развития связанных с нанотехнологиями таких отраслей науки и техники, как новые материалы, информатика, энергоресурсы, биофармацевтика и приборостроение. В 2006 г. в принятой Госсоветом КНР «Государственной программе долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» большое место было уделено нанотехнологиям, как «одной из сфер, дающей надежду на «всеохватывающее развитие», и была создана программа исследований в области нанотехнологий (См.: *Хэ Дяньнун. Цайляо юй гунчэн линъюй инъюн нами цзишу яньцзю баогао (2010–2020 гг.) (Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материаловедении и инженерной сфере (2010–2020 гг.), Пекин, 2009, с. 7).*

В 2006 г. в сфере нанотехнологий было запланировано 13 научных проектов, в 2007 г. — 16, в 2008 г. — 12. В то же время в начале XXI века в рамках ранее намеченных программ «Факел», «Государственная поддержка науки и техники», «Программа 863», «Программа 973» и по утвержденным программам исследований по линии Государственного фонда развития естественных наук КНР было реализовано большое количество проектов в сфере нанотехнологий как в рамках научных исследований, так и внедрения научных достижений в практику. За эти годы в стране появилось свыше 700 высокотехнологичных компаний, которые занимались внедрением научных достижений в сфере нанотехнологий в производство. На эти цели было выделено свыше 6 млрд. юаней (примерно 30 млрд. рублей), в этой сфере было занято несколько десятков тысяч человек.

В сфере науки и техники Китай в основном занимался копированием лучших зарубежных научно-технических разработок

и был в состоянии адаптировать их применительно к уровню развития производства в стране. Однако далеко не во всех областях науки и техники китайские научно-технические работники были в состоянии изобрести что-то принципиально новое. Это было признано в проводившемся Академией инженерных наук Китая исследовании по проблемам подготовки инженерно-технических кадров в сфере инноваций, которое продолжалось в течение двух лет — в 2008 и 2009 годах. В ходе проведенного исследования ученые Академии инженерных наук Китая выявили пять основных причин, которые определяют низкий уровень инженерно-технических кадров, занимающихся инновациями. К ним относятся такие как общая нехватка ИТР в инновационной сфере, слабая взаимосвязь между подготовкой кадров и участием в практических исследованиях, при подготовке диплома выпускники вузов из-за недостатка практики принимают простые конструкторские решения, при обучении в вузах студенты не получают необходимой подготовки в инновационной сфере и отсутствует связь между производством, обучением и практикой студентов (*Гуаньмин жибао*, 10.06.2010). Такое положение дел при подготовке инженерно-технических работников, в конечном счете, и приводит к такому положению, когда китайские инженеры и техники в основном занимаются копированием, а не изобретением принципиально новых технологий, и находятся в стороне от инновационных процессов. Поэтому для изменения данной ситуации и развития инновационной экономики в Китае было принято решение, направленное на подготовку качественно новых кадров инженерно-технических работников.

За последние годы АН Китая стала настоящим «мозговым центром» (*сысянку*) развития страны, который ведет 54 консультационных проекта и стратегических исследования, по которым уже завершено 34 консультационных доклада и сделано 31 пред-

ложение для Госсовета КНР и соответствующих ведомств. Как отметил в 2010 г. президент Академии инженерных наук Китая Сюй Куанди, свыше 85% академиков занимаются ключевыми темами для страны, «находятся на «первой линии» науки и техники, многие из них за свою работу получили государственные премии в области науки и техники, за последние 3 года у 36,9% академиков Академии инженерных наук Китая были одобрены патентные заявки на изобретения». Большая часть академиков находится в возрасте от 50 до 60 лет, а средний возраст академиков Академии инженерных наук составил 56,2 года (См.: *Жэньминь жибао*, 08.06.2010).

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что уровень производительных сил Китая пока остается невысоким, и наблюдается дисбаланс в структуре производства, по-прежнему сохраняется неравномерность развития регионов. Все это связывается с сохранением экстенсивной модели экономического развития Китая и обострением противоречий между развитием индустриализации и урбанизации, усиливаются противоречия между потребностями растущего населения страны в энергоресурсах и экологическими проблемами, которые стоят на пути устойчивого экономического развития. Хотя Китай и добился успехов в области науки и техники, однако собственный инновационный потенциал остается недостаточным, роль науки и техники в развитии экономики пока еще остается невысокой, по-прежнему сохраняется зависимость от импорта, в том числе продукции новых и высоких технологий. По мнению руководства КНР, необходимо повышать собственный инновационный потенциал для того, чтобы разрешить вышеуказанные противоречия и ускорить переход от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста.

В Китае считают необходимым существенно повысить положение и влияние национальной фундаментальной науки в международном научном сообществе. Дополнительно выделяются средства на улучшение условий труда ученых и исследователей, на приглашение и привлечение лучших зарубежных научных кадров, закупки самого современного научного оборудования. Все это нацелено на то, чтобы китайские ученые смогли в целом ряде научных дисциплин достигнуть успехов, соответствующих передовому международному уровню.

За последние годы в результате быстрого развития фундаментальных наук в КНР довольно активно развивалась инновационная экономика в ряде отраслей науки и техники. Среди наиболее быстро развивающихся отраслей науки и техники и на их базе — развитие новых и высоких технологий следует выделить такие области, как биотехнологии, информационные технологии, нанотехнологии и наноматериалы, атомная энергетика, авиационные технологии, космические технологии, ракетная техника и возобновляемые источники энергии.

Новые и высокие технологии, инновации, знания рассматриваются в КНР как главный источник экономического роста и как инструмент индустриализации нового типа. Пока успех инновационного развития зависит не только от исследований и разработок в научных центрах и на китайских предприятиях. Превращение Китая в технологическую державу во многом находится в зависимости от его участия в международном сотрудничестве. Очень значимыми являются интерактивные отношения с транснациональными компаниями. Для достижения баланса собственных интересов две стороны выстраивают систему взаимовыгодных отношений. Рассматривая китайский рынок высокотехнологичной продукции как перспективный и высокодоходный, транснациональные компании стремятся как

можно больше расширить своё присутствие в Китае, имея в виду максимально возможную долю китайского рынка высокотехнологичной продукции. Китай, применяя тактику привлечения и ограничений, осуществляет заимствование технологий и продвигает развитие высокотехнологического сектора. Одновременно разрабатываются целенаправленные меры, сочетающие элементы государственного и рыночного регулирования, концентрируются финансовые, научно-технические, материальные средства и кадры на развитии и внедрении собственных инноваций.

Для скорейшего внедрения новейших достижений науки и техники в КНР действуют зоны развития новых и высоких технологий, являющиеся по своему характеру современными научно-технологическими комплексами, которые способны воспринимать основные открытия, превращать их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство. **Зоны развития новых и высоких технологий** (ЗРВТ, National hi-tech industrial development zone, NIDZ, *гоцзяцзи гаосинь цзишу чань кайфацуюй*) являются особой формой научно-технического сотрудничества вузов, научно-исследовательских учреждений, малых инновационных компаний, консультационных фирм, обслуживающих организаций, местной администрации и крупных промышленных предприятий. Их деятельность способствует превращению науки в производительную силу.

Во многих крупных городах Китая вузы, академические и отраслевые НИИ расположены рядом друг с другом в каком-то определенном месте города. В этих районах или рядом с ними стали размещаться создаваемые высокотехнологичные компании, для которых научные центры и университеты предоставляют молодых специалистов.

Для китайских научно-технических работников и инженеров зоны развития высоких технологий явились своего рода «особыми экономическими зонами», которые привлекали их на выгодных условиях в особую сферу, находящуюся на пересечении деятельности научно-исследовательских, конструкторских организаций, вузов, промышленности.

При создании зон развития высоких технологий преследуется главная цель — сформировать на территории регионов современный научно-технологический комплекс, способный воспринимать основные открытия, превращать их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство.

Ведущую роль в создании зон развития высоких технологий в КНР играют Министерство науки и технологий (ранее Государственный комитет по науке и технике) и АН Китая. Их работа направлена на обеспечение благоприятных условий для развития науки и техники, проведения фундаментальных и прикладных исследований, интернационализацию достижений, подготовку научно-технических кадров и менеджеров в области научно-технической деятельности, обеспечение технической поддержки научным центрам и коммерциализацию результатов научных исследований через зоны развития высоких технологий, научно-технологические парки и инкубационно-инновационные центры.

Общегосударственная научно-техническая программа «Факел», принятая в 1988 г., была направлена на обеспечение коммерциализации научных разработок, техническую модернизацию традиционных отраслей промышленности и создание в КНР группы новых отраслей высоких технологий в таких областях, как микроэлектроника, оптоэлектроника, энергосберегающие

технологии, биоинженерия, биомедицина, авиакосмические технологии, материаловедение, создание новых материалов и т. д.

В соответствии с ходом научно-технического прогресса в мире, направления развития промышленности новых и высоких технологий пересматриваются и дополняются. В 2005 г. по инициативе Министерства информатики КНР в Китае были выделены в особую категорию 11 зон государственного уровня по производству продукции программного обеспечения. Основным условием вхождения предприятия в эту зону является доля доходов от продаж и экспорта продукции программного обеспечения, которая должна превышать 70%.

Первая зона развития высоких технологий в Китае (известная как Шэньчжэньский научно-промышленный парк) была создана в июле 1985 г. в экономической зоне Шэньчжэнь Академией наук Китая и правительством г. Шэньчжэнь. В мае 1988 года состоялось официальное открытие экспериментального района развития высоких технологий в Пекине. Подобные районы появились и в других крупных городах. В таблице 13 перечислены зоны развития высоких технологий КНР в хронологическом порядке по мере их создания.

В этих районах действует особый преференциальный режим для зарегистрированных компаний, работающих в области высоких технологий и новой техники, разрешено предоставлять налоговые льготы иностранным инвесторам, специализирующимся в сфере высоких технологий. Налоговые льготы подобны предоставляемым в СЭЗ, но предоставление этих льгот входит в компетенцию Министерства науки и технологий КНР, а не местных властей.

Создание и функционирование зон развития высоких технологий определяется такими нормативными документами, как «Порядок и процедура предоставления статуса предприятий

новых и высоких технологий в зонах развития высоких технологий», «Временное положение о некоторых направлениях политики в зонах развития высоких технологий», «Положение о налогообложении в зонах развития высоких технологий» и др.

Как правило, районы развития высоких технологий КНР проходили в своем развитии три этапа:

1) «промышленная зона»; главная цель этого этапа — создание благоприятной среды и законченной инфраструктуры для привлечения и удержания крупных предпринимателей и транснациональных компаний для формирования сбалансированного контингента, который в будущем мог бы репрезентативно представить деятельность зоны; деятельность характеризовалась притоком технологий;

2) «технологически ориентированная промышленная зона»; на этом этапе формируется система взаимоотношений с ведущими отечественными научно-исследовательскими организациями и зарубежными научными парками;

3) «исследовательский парк»; этот этап представляет более высокую ступень развития предыдущего этапа, деятельность зоны характеризуется большим объемом рыночно-ориентированных прикладных исследований, главный признак третьего этапа — разработка и реализация новых технологий.

В последнее время во все большем количестве в зонах развития высоких технологий Китая стали организовывать научно-технологические парки (*national high tech parks*, *кэсюэ цзишунь юаньцуй*) в которых сосредоточен основной интеллектуальный потенциал зоны развития высоких технологий и так называемые «инкубаторы высокотехнологичных компаний» — объекты для размещения малых начинающих инновационных фирм. Это вызвано тем, что существенно изменившиеся темпы смены старых технологий на новые потребовали внедрения наиболее эффек-

тивных форм организации инновационного процесса при высшей интеграции науки, производства и сбыта. Значимость технологического лидерства приобрела большое значение в борьбе за достижение высокой конкурентоспособности создаваемой продукции, лучших возможностей для экспорта. Способность воспринимать инновации (нововведения) и правильно организовывать инновационный процесс (превращение идеи в реализуемый на рынке товар) становится доминирующим условием развития предприятий высоких технологий.

Структура современного китайского научно-технологического парка, одной из главных задач которого является трансфер технологий, включает три основных блока: научное ядро, периферийные подразделения и система связей, обеспечивающих целостность всей структуры.

Ядро, задача которого разрабатывать высокие технологии, состоит обычно из 4-х элементов: исследовательская зона (университет или группа научно-исследовательских центров), организующая разработку передовых технологий и связанные с ней малые предприятия; базы данных технической информации и выставочный комплекс; учебный центр и центр передачи технологий, где специалисты овладевают новыми технологиями; бизнес-инкубатор. Периферия ядра строится из трех крупных блоков: жилая зона и обслуживающие ее предприятия и службы; зона рыночной инфраструктуры, требующаяся для организации бизнеса; производственная зона.

Технопарк обычно включает в себя такие структуры как правление, дирекция, экспертный совет, бухгалтерия, бизнес-школа, консалтинговые, инжиниринговые, лизинговые и страховые компании; сервисный центр, имеющий в распоряжении отель и апартаменты, рестораны, группу переводчиков, оргтехнику и средства связи.

Доходы научно-технологических парков формируются из прямого финансирования учредителями, оплаты оказанных

клиентам услуг, арендной платы, полученной от клиентов, прочих доходов от собственности (гостиниц, предприятий питания, конференц-залов и т. п.), а также косвенного государственного финансирования в виде льгот по налогам и арендной плате.

Зоны высоких технологий и научно-технологические парки Китая развиваются на основе сочетаний политики предпринимательства и государственного регулирования. Например, Пекинский экспериментальный район развития высоких технологий Чжунгуаньцунь, является центральным в КНР звеном проведения исследований в области естественных наук и высоких технологий, в настоящее время Чжунгуаньцунь включает научный парк, состоящий из 25 научно-исследовательских институтов АН Китая и более 50 ведущих государственных лабораторий; центр по подготовке специалистов с докторской и пост-докторской степенью, зону «инкубации» высокотехнологичных предприятий, парк электронной техники и зону разработки программного обеспечения. Значительную часть кадров лабораторий в зонах развития новых и высоких технологий составляют возвратившиеся из-за рубежа китайские ученые, защитившие там дипломы, диссертации и некоторое время работавшие в научных лабораториях и специализированных фирмах США, европейских стран, Австралии и Японии.

Таблица 8

Основные зоны развития высоких технологий КНР

1. Шэньчжэнь, пров. Гуандун	2. Чжунгуаньцунь, Пекин	3. Гуанчжоу, пров. Гуандун
4. Чжанцзя, Шанхай	5. Сиань, пров. Шэньси	6. Харбин, пров. Хэйлунцзян
7. Гуйлинь, Гуанси-Чжуанский АР	8. Чжухай, пров. Гуандун	9. Сямэнь-Хоцзю, пров. Фуцзянь
10. Чэнду пров. Сычуань	11. Чунцин	12. Мянъян, пров. Сычуань

Таблица 8 (продолжение)

13. Куньмин, пров. Юньнань	14. Чжучжоу, пров. Хунань	15. Чанша, пров. Хунань
16. Урумчи, Синьцзян-Уйгурский АР	17. Баотоу, АР Внутренняя Монголия	18. Дацин, пров. Хэйлуцзян
19. Цзилинь, пров. Цзилинь	20. Чанчунь, пров.Цзилинь	21. Шэньян, пров. Ляонин
22. Аньшань, пров. Ляонин	23. Далянь, пров. Ляонин	24. Тяньцзинь
25. Шицзячжуан, пров. Хэбэй	26. Баодин, пров. Хэбэй	27. Тайюань, пров. Шаньси
28. Цзинань, пров. Цзинань	29. Вэйхай, пров. Шаньдун	30. Вэйфан, пров. Шаньдун
31. Цзыбо, пров. Шаньдун	32. Циндао, пров. Шаньдун	33. Чжэнчжоу, пров. Хэнань
34. Лоян, пров. Хэнань	35. Янлин, пров. Шэньси	36. Баоцзи, пров Шэньси
37. Ухань, Дунху, пров. Хубэй	38.Сянфань, пров. Хубэй	39. Хэфэй, пров. Аньхой
40. Нанкин, пров. Цзянсу	41. Сучжоу, пров. Цзянсу	42. Уси, пров. Цзянсу
43. Чанчжоу, пров.Цзянсу	44. Ханчжоу, пров.Чжэцзян	45. Наньчан, пров. Цзянси
46. Фучжоу, пров.Фуцзянь	47. Фошань, пров. Гуандун	48. Чжуншань, пров.Гуандун
49. Хайкоу, пров. Хайнань	50. Гуйян, пров. Гуйчжоу	51. Наньнин, Гуанси-Чжуанский АР
52. Хуэйчжоу Чжункай, пров. Гуандун	53. Ланьчжоу, пров. Ганьсу	54. Сянтань, пров.Хунань
55. Нинбо, пров. Чжэцзян	56. Тайчжоу, пров. Чжэцзян	

В 2001 г. в Китае были созданы первые 22 научно-технологических парка государственного уровня при вузах. Они прошли утверждение Министерства науки и техники и Министерства просвещения КНР. Открытие научно-технических парков при вузах направлено на содействие внедрению научно-технических разработок в производство, развитию высокотехнологичных предприятий и подготовке специалистов. Средние темпы развития научно-технических предприятий, созданных вузами, составляют около 15% в год.

К настоящему времени существующие зоны развития высоких технологий КНР располагают развитой современной производственной базой, инфраструктурным обеспечением, значительным научно-техническим потенциалом и комплексной системой коммерциализации научных результатов. Они вступили в период стабильного функционирования и стали эффективным механизмом реструктуризации промышленности страны и одной из основных форм развития высоких технологий. Следуя за мировыми тенденциями, Китай продемонстрировал заметную эффективность в трансформации научно-технических достижений в реальную производимую продукцию, пользующуюся спросом на рынке. Мировой опыт, который активно использует Китай, показывает, что подобные структуры явились катализаторами передовых научно-технологических идей, обеспечили подпитку экономики инновациями и могут эффективно решать такие проблемы как безработица, утечка мозгов, структурная перестройка экономики регионов и развитие социальной инфраструктуры.

ЗРНВТ стали активно развиваться в КНР с середины 90-х гг. благодаря быстрому развитию в них большого количества высокотехнологичных предприятий. За 15 лет — с 1995 по 2010 гг. — в ЗРНВТ увеличилось количество предприятий почти в 4 раза, а численность занятых в них выросла с 0,991 млн. чел. до 8,590 млн. чел. В результате валовая продукция промышленности в ЗРНВТ увеличилась со 140,2 млрд. юаней в 1995 г. до 7575 млрд. юаней. Это привело к стремительному росту доли промышленной продукции в ЗРНВТ с 2,3% объема ВВП Китая в 1995 г. до 7,5% в 2000 г. и 19,0% в 2010 г. При этом постоянно происходило увеличение объемов экспорта произведенной в ЗРНВТ высокотехнологичной продукции. Если в 1995 г. экспорт высокотехнологичной продукции из ЗРНВТ составлял всего 2,930 млрд. долл. (1,5% объема экспорта КНР), в 2000 г. — 18,580 млрд. долл. (7,5%), в 2005 г. — 111,65 млрд. долл. (14,7%), то в 2010 г. уже 247,3 млрд. долл. или 15,7% объема китайского экспорта (см. табл. 9).

Таблица 9

Основные экономические показатели высокотехнологичных предприятий в зонах развития новых и высоких технологий КНР

	1995	2000	2005	2010
Количество предприятий	12980	20796	41990	51764
Количество занятых (млн. чел.)	0,991	2,509	5,212	8,590
Валовая промышленная продукция (млрд. юаней)	140,2	794,2	2895,8	7575,0
В % от объема ВВП	2,3	8,0	15,7	19,0
Экспорт высокотехнологичной продукции (млрд. долл.)	2,930	18,580	111,65	247,63
В % от объема экспорта	1,5	7,5	14,7	15,7

Источники: *Чжунго хоцзюй тунци няньцзянь – 2011 (Статистический ежегодник Китая по плану «Факел – 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 3; Чжунго тунци чжайяо – 2011 (Китайский статистический справочник – 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 65, 20.*

Таким образом, благодаря созданию зон развития новых и высоких технологий, где была решена не только проблема получения новейших научных достижений, но и их внедрения в практику и создания новых видов высокотехнологичной продукции, значительная часть которой экспортировалась за рубеж, за 15 лет Китай из технологически отсталой страны превратился в одного из мировых лидеров в сфере производства высокотехнологичной продукции.

В основном высокотехнологичные предприятия сконцентрированы в таких отраслях промышленности как производство электронного оборудования и средств передачи информации, фармацевтической промышленности и производстве медицинского оборудования и инструментов измерения. Также много высокотехнологичных предприятий сконцентрировано в авиакосмической отрасли и производстве компьютеров и офисного оборудования. Однако наиболее высокая концентрация занятых наблюдается на предприятиях авиакосмической отрасли и по производству компьютеров. Примерно

такие же показатели по отраслям по обороту предприятий и экспорту, как показано в табл. 10 ниже.

Таблица 10

**Отраслевая структура высокотехнологичных предприятий
КНР в 2000 – 2014 гг.**

Отрасли	2000	2005	2011	2015
Всего предприятий	9835	17527	21682	27939
Фармацевтическая				
Количество предприятий	3533	4971	5926	7108
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	1,045	1,234	1,786	2,159
Доходы предприятий (млрд. юаней)	168	402	1448	2335
Экспорт (млрд. юаней)	19,0	43,9	103,0	131,2
Авиакосмическая				
Количество предприятий	176	167	224	338
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	0,457	0,305	0,350	0,366
Доходы предприятий (млрд. юаней)	38	78	193	303
Экспорт (млрд. юаней)	3,12	7,78	27,5	40,5
Электронное оборудование и средства передачи информации				
Количество предприятий	3996	7781	10220	13973
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	1,739	3,467	6,357	7,734
Доходы предприятий (млрд. юаней)	587	1665	4321	6758
Экспорт (млрд. юаней)	215,8	941,0	2224,0	3148,7
Производство компьютеров и офисного оборудования				
Количество предприятий	506	1267	1313	1629
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	0,247	1,011	1,945	1,842
Доходы предприятий (млрд. юаней)	161	1072	2116	2350
Экспорт (млрд. юаней)	91,1	719,5	1588,0	1615,5
Производство медицинского оборудования и инструментов измерения				
Количество предприятий	1624	3341	3999	4891

Таблица 10 (продолжение)

Отрасли	2000	2005	2011	2015
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	0,435	0,616	1,031	1,148
Доходы предприятия (млрд. юаней)	51	175	674	991
Экспорт (млрд. юаней)	10,6	51,4	117,5	140,6

Источник: 2015 *Чжунго гаоцзишу чанье тунци няньцзянь (2015 Китайский статистический ежегодник высокотехнологичных отраслей)*. Пекин: ГСУ КНР, 2015, с. 4–9.

Большая часть ЗРНВТ и высокотехнологичных предприятий в Китае находится в трех городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и приморских районах Китая, где имеются НИИ и вузы, обладающие высококвалифицированными кадрами и первоклассным оборудованием. Как показано в таблице 10, большая часть предприятий в ЗРНВТ было расположено в Пекине — 15720, Тяньцзине — 3463, Гуанчжоу — 1929, Ухане — 2468 и Сиане — 2129. Пекину принадлежит и лидерство по общей численности занятых на предприятиях ЗРНВТ — 1158,1 тыс. чел., за ним по этому показателю идут Шанхай, Гуанчжоу и Ухань. Пекину также принадлежит лидерство и по объему производимой в ЗРНВТ валовой продукции промышленности — 498,8 млрд. юаней, однако по этому показателю ведущие позиции вслед за Пекином занимают отнюдь не ЗРНВТ с большим количеством занятых или количеством предприятий, а наиболее известные высокотехнологичные ЗРНВТ Шанхая — 337,2 млрд. юаней, Шэньчжэня — 302,1 млрд. юаней и Уси — 302,0 млрд. юаней. Более того, по объему экспорта высокотехнологичного продукта из ЗРНВТ Шанхай — 23,9 млрд. долл. опережает Пекин — 22,7 млрд. долл., Сучжоу — 20,8 млрд. долл., Гуанчжоу — 20,4 млрд. долл. и Уси — 16,5 млрд. долл. (см. табл. 11 ниже).

Таблица 11

**Основные зоны развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ)
в КНР в 2010 году**

ЗРНВТ	Количество предприятий	Численность занятых (тыс. чел.)	Объем ВВП (млрд. юаней)	Объем экспорта (млрд долл.)
Всего	51764	8590,1	7575,0	247,6
Пекин, Чжунгуаньцунь	15720	1158,0	498,8	22,7
Шанхай	1108	330,5	337,2	23,9
Сучжоу (Цзянсу)	1018	227,0	207,5	20,8
Тяньцзинь	3463	285,6	184,5	4,8
Далянь (Ляонин)	1934	197,2	122,1	6,2
Чанчунь (Цзилинь)	884	121,6	273,2	0,5
Гуанчжоу (Гуандун)	1929	334,6	268,9	20,4
Шэньчжэнь (Гуандун)	505	298,5	302,1	15,0
Чэнду (Сычуань)	1420	260,6	268,3	8,0
Сиань (Шэньси)	2129	246,2	253,0	4,9
Ханчжоу (Чжэцзян)	1686	224,9	110,9	4,1
Ухань (Хубэй)	2468	328,8	250,9	3,8
Чанчжоу (Цзянсу)	1115	157,9	147,8	4,4
Уси (Цзянсу)	1021	281,1	302,0	16,5
Фошань (Гуандун)	452	179,9	195,0	8,2
Чжухай (Гуандун)	454	198,8	141,1	10,0
Сямынь (Фуцзянь)	320	111,6	130,2	11,5
Хуэйчжоу (Гуандун)	182	116,7	77,4	8,4
Чжуншань (Гуандун)	388	76,9	109,9	7,1

Источники: *Чжунго хоуцзюй тунцзи няньцзянь – 2011 (Статистический ежегодник Китая по плану «Факел – 2011»)*. Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 4–5.

Более того, из приведенной таблицы 10 о ситуации в основных ЗРНВТ Китая в 2010 г. видно, что подавляющее большинство предприятий, высококвалифицированной рабочей силы, объемов производства и экспорта производимой продукции приходилось на приморские районы Китая и города центрального подчинения. Таким образом, в настоящее время научные разработки и производство большей части высокотехнологичной про-

дукции в целом приходится на Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и три экономически наиболее развитые провинции Китая — Цзянсу, Чжэцзян и Гуандун.

По формам собственности предприятий в ЗРНВТ большая часть приходится на частные предприятия и предприятия с ограниченной ответственностью, по численности занятых на них — на компании с ограниченной ответственностью, чисто иностранные предприятия и акционерные компании, но по объему ВВП — большая часть производства приходится на чисто иностранные предприятия и компании с ограниченной ответственностью. Однако по объему экспорта больше его половины — 60,3% — приходится на чисто иностранные предприятия. Как мы видим, в сфере производства высокотехнологичной продукции роль государства невелика. По численности предприятий — 1406 из 51706 его удельный вес составляет всего 2,7% общей численности, по численности занятых — 734,3 тыс. чел. из 8,590 млн. чел. — всего 8,5% , по объему ВВП — 807,7 млрд. юаней из 7575 млрд. юаней — всего 10,7% и наконец, доля экспорта высокотехнологичной продукции с государственных предприятий в ЗРНВТ составляет ничтожно малую величину — всего 3,3% (см. табл. 12 ниже).

Таблица 12

Основные экономические показатели предприятий в ЗРНВТ по формам собственности в 2010 г.

Формы собственности	Кол-во	Численность занятых (тыс. чел.)	Объем ВВП (млрд. юаней)	Объем экспорта (млрд. долл.)
Всего	51764	8590	7575,0	247,6
Государственные	1406	734,3	807,7	8,2
Коллективные	499	116,3	123,1	1,4
Кооперативные	470	25,0	11,5	0,09
Совместные	72	12,2	3,9	0,02

Таблица 12 (продолжение)

Формы собственности	Кол-во	Численность занятых (тыс. чел.)	Объем ВВП (млрд. юаней)	Объем экспорта (млрд. долл.)
Компании с ограниченной ответственностью	18501	2546,5	1936,2	28,7
Акционерные компании	1953	1366,0	1208,7	20,7
Частные	20231	1006,8	534,7	7,0
Предприятия с участием капитала из Гонконга, Тайваня и Макао	2560	836,6	621,7	32,2
Чисто иностранные	5940	1933,4	2314,8	149,3

Источник: *Чжунго хоуцзюй тунцзи няньцзянь – 2011 (Статистический ежегодник Китая по плану «Факел – 2011»)*. Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 7.

По ведомственной принадлежности большая часть предприятий в ЗРНВТ — 25933 из 51764 не принадлежит никаким ведомствам, однако большую часть структур составляют предприятия и структуры, непосредственно подчиненные администрации ЗРНВТ. Такая же ситуация наблюдается и с численностью занятых, где большая часть сконцентрирована на предприятиях или организациях, не имеющих ведомственной принадлежности. Эти же структуры обеспечивали и основные показатели производства высокотехнологичной продукции и ее экспорт за рубеж (см. табл. 13 ниже).

Таблица 13

Основные экономические показатели предприятий в ЗРНВТ по ведомственной принадлежности в 2010 г.

Ведомственная принадлежность	Кол-во	Численность занятых (тыс. чел.)	Объем ВВП (млрд. юаней)	Объем экспорта (млрд. долл.)
Всего	51764	8590	7575,0	247,6
Академия наук Китая	275	61,7	71,9	1,5
НИИ министерств и ведомств	406	97,4	49,5	0,57

Таблица 13 (продолжение)

Ведомственная принадлежность	Кол-во	Численность занятых (тыс. чел.)	Объем ВВП (млрд. юаней)	Объем экспорта (млрд. долл.)
Местные НИИ	210	18,5	9,0	0,15
Университеты	302	34,4	11,1	0,06
Предприятия	5868	2488,3	2638,1	76,0
Правительственные структуры	1820	964,9	1092,4	17,7
Непосредственно подчиненные администрации ЗРНВТ	4678	828,6	755,1	30,7
НОАК	25	9,4	3,6	0,03
Без ведомственной принадлежности	25933	2273,3	1470,2	63,7

Источник: *Чжунго хоцзюй тунцзи няньцзянь – 2011 (Статистический ежегодник Китая по плану «Факел – 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 9.*

В последние годы Китай выходит в лидеры **нанотехнологий** во многом в результате быстрого прогресса зон развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ), где наиболее эффективно осуществляется внедрение научных достижений в практику и создание высокотехнологичного продукта. На осуществлении важнейших инновационных программ в области нанотехнологий сосредоточились ведущие интеллектуальные силы 11 научно-исследовательских организаций по разработке и применению соответствующих технологий.

В различных странах мира активно ведется работа по стандартизации нанотехнологий. С 2001 года Министерство науки и технологий КНР также реализует проект разработки стандартов нанотехнологий и наноматериалов. В КНР был создан государственный орган по разработке стандартов в области нанотехнологий, что стало очередным шагом страны по стимулированию развития этой отрасли. Национальный комитет по стандартизации в области нанотехнологии начал работу в июне 2006 г., его возглавил вице-президент АН Китая Бай Чуньли, который некоторое время назад возглавил

Академию наук Китая вместо Лу Юнсяна. Новый орган занимается координацией работы правительственных структур и исследовательских институтов с тем, чтобы ускорить разработку терминологии, системы измерений и производственных норм в международных стандартах в области нанотехнологий. Китай, стремящийся выйти на передовые позиции в этой нарождающейся отрасли и сделать свой вклад в определение ее будущего развития, принял семь стандартов в области нанотехнологий и сообщил, что это первая в мире серия национальных нанотехнологических стандартов.

В настоящий момент по ряду разработок в сфере нанотехнологий Китай приблизился или достиг передового мирового уровня. Китайские ученые получили научные результаты, и опубликовали статьи в известных научных изданиях, которые признаны и цитируются ведущими учеными в этой области. Восемь НИИ и вузов Китая вошли в число 50 крупнейших мировых научно-исследовательских учреждений, занимающихся исследованиями и разработкой нанотехнологий.

Прототип самого маленького в мире наногенератора, способного преобразовывать механическую энергию в электрическую, в 2006 г. создали китайские ученые, работающие в Институте технологии в штате Джорджия (США). Коэффициент полезного действия составляет от 17 до 30%. Такого рода наногенераторы могут работать от движения человеческих мышц и найти применение в биомедицине — в микроскопических устройствах, имплантируемых в организм пациента. На основе данного принципа можно создать генераторы и более крупного размера для прикладного использования в других сферах. Научную статью об открытии группы китайских ученых, поместил авторитетный журнал «Сайенс».

По результативности научных исследований в области нанотехнологий и наноматериалов, оцениваемой по общепринятым в мире индикаторам — по количеству публикаций и по количеству зарегистрированных патентов, в 2005–2007 гг. Китай вышел на третье место в мире после США и стран ЕС. Оценка проводилась по исследованиям в области нано-

порошков, нанокompозитов, нанопленок, наноэлектроники, наноструктур, нанофотоники и спинтроники, био- и наносенсоров и датчиков, наноманипуляторов и наноинструментов, нанометрологии.

Программы «Нанотех» выполняются в большинстве НИИ АН Китая, вузовских НИИ, а также в лабораториях многих промышленных предприятий. Основную роль в области наноисследований и нанообразования играют АН Китая (Chinese Academy of Sciences), Национальный центр нанонауки и нанотехнологий (National Center for Nanoscience and Nanotechnology); НИИ Химии АН Китая (Institute of Chemistry Chinese Academy of Science); НИИ Физики АН Китая (Institute of Physics, Chinese Academy of Science); НИИ Технологий АН Китая (Institute of Process Engineering, Chinese Academy of Science). Во многом благодаря деятельности этих организаций Китай имеет мощный научно-промышленный потенциал. Наиболее крупные программы в Китае посвящены в основном решению проблем материаловедения, в результате которых разработаны и изучены свойства мало-размерных наноструктур, квантовой криптографии и квантовой оптики. Однако, сведений о реальных собственных разработках в данной области и их производственном освоении пока нет.

В КНР наиболее бурное развитие получили пять сфер развития нанотехнологий: 1) передача информации; 2) биофармацевтика; 3) энергоресурсы; 4) охрана окружающей среды; 5) функциональные материалы. Во всех этих сферах нанотехнологий Китай уверенно входит в тройку ведущих стран мира как по количеству патентных заявок, так и по количеству научных публикаций. В частности, по количеству патентных заявок по нанотехнологии Китай занимает 4-е место в области передачи информации, 1-е место в области биофармацевтики и охраны окружающей среды, 2-е место в области функциональных материалов и 3-е место в области энергоре-

сурсов. По количеству публикаций в сфере нанотехнологий Китай занимает 1-е место в области охраны окружающей среды и 2-е место в области передачи информации, биофармацевтики, энергоресурсов и функциональных материалов.

Передача информации. В сфере нанотехнологий большое развитие получили научные исследования таких тем НИР как полупроводники из наноматериалов, солнечные батареи, материалы из мышьяковистого галлия, кристаллические экраны, оптоволокно и оптоволоконные материалы и т. д.

Биофармацевтика. Все достижения в этой сфере связаны с созданием металлосодержащих наноматериалов, магнетических наноматериалов, деталей из наноматериалов для использования в биофармацевтике, а также в разработке технологии использования наноматериалов и деталей из наночастиц в медицинских приборах и лечении болезней с помощью биомассы и биочастиц.

Энергоресурсы. Достижения в сфере нанотехнологий используются при производстве воспроизводимых источников энергии (ВИЭ) для повышения высокочувствительности с помощью нанокристаллов TiO_2 солнечных батарей, тепловых батарей, наноматериалов для электрических зарядов и высокоэффективных водородных накопителей. В настоящее время ведутся работы по созданию электромобиля.

Охрана окружающей среды. Исследования в сфере охраны окружающей среды проводятся по таким направлениям как очистка от вредных воздушных примесей, очистка загрязненной воды, контроль над звуковым пространством, очистка от твердых отходов производства, измерение степени загрязненности окружающей среды, противодействие магнитным излучениям.

Создание функциональных материалов из наночастиц. В этой сфере Китай достиг наибольших успехов в создании силиконовых полупроводников, изделий из различных

титановых кислот. В результате исследований в этой области были созданы различные виды нанопорошка, использование которого в значительной степени снижает себестоимость производимых материалов. Кроме того, важное значение имеют полученные результаты в области упаковки, хранения и транспортировки нанопорошка.

В сфере нанотехнологий в области передачи информации Китай добился заметных успехов, особенно в сфере практической реализации достижений нанотехнологий на массовый рынок — производство мобильных телефонов, мини-компьютеров, айпадов, айфонов и прочих разных высокотехнологичных продуктов, как для фирм, так и индивидуальных клиентов. Однако здесь Китай значительно уступал США и Японии как по количеству патентов, так и опубликованных работ по теме. В частности, за 1998–2008 гг. на США приходилось 2723 патентные заявки (32,3% общего количества заявок), на Японию — 2612 заявки (31,0%), в то время как на Китай только 1028 заявок или всего 12,2% (меньше чем у Республики Корея — 1060 заявок или 12,6%), как показано в табл. 14 ниже.

Таблица 14

Количество патентных заявок по нанотехнологиям в области передачи информации по странам в 1998–2008 гг.

Страна	Количество патентных заявок	Удельный вес от общего количества
США	2723	32,3%
Япония	2612	31,0
Республика Корея	1060	12,6
КНР	1028	12,2
Тайвань	235	2,8
Германия	204	2,4
Европейская патентная организация	171	2,0
Франция	169	2,0
Великобритания	113	1,3
Россия	54	0,6

Источник: Цайляо юй гунчэн линюй инюн нами цзишу яньцзю баогао (2010–2020) (Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материалах и инженерной сфере (2010–2020)). Подготовлено по проекту № E0724503 Государственного фонда естественных наук. Пекин, Кэсюэ чубаньшэ, 2009, с. 25

Также Китай заметно уступал США по количеству публикаций по нанотехнологиям в области передачи информации — в 1998–2007 гг. более 15 тыс. публикаций (около 16% всех публикаций в мире по данной теме) против 25 тыс. публикаций в США (более четверти всех публикаций), как показано в табл. 15.

Таблица 15

Количество публикаций по нанотехнологиям в области передачи информации по странам в 1998–2008 гг.

Страна	Количество работ	Удельный вес от общего количества
США	>25000	>26%
КНР	>15000	>16
Япония	12000	>13
Германия	<10000	>10
Франция	>6500	<7
Республика Корея	>5000	>5
Великобритания	<5000	<5
Россия	>4000	>4
Италия	3800	<4
Индия	3700	<4
Всего	95197	100

Источник: Цайляо юй гунчэн линюй инюн нами цзишу яньцзю баогао (2010–2020) (Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материалах и инженерной сфере (2010–2020)). Подготовлено по проекту № E0724503 Государственного фонда естественных наук. Пекин, Кэсюэ чубаньшэ, 2009, с. 39.

Как мы видим, в конце нулевых годов Китай по показателю общего количества публикаций незначительно опережал такие страны как Япония и Германия, но уже значительно опережает страны второго эшелона — Францию, Республику Корея, Великобританию, Россию, Италию и Индию.

В области передачи информации, как и в других сферах, большая часть патентных заявок принадлежит странам и территориям Восточной Азии — Япония, Республика Корея, Тайвань.

Детальный анализ статистических данных по развитию нанотехнологии в мире показывает, что Китай наряду с США, Японией и Республикой Корея имеет наиболее высокие показатели в области нанотехнологий как по количеству заявленных патентов, так и по общему количеству публикаций. Обращают на себя внимание и высокие показатели Российской Академии наук по общему количеству публикаций практически во всех сферах (второе или третье место) за исключением производства материалов в сфере энергоресурсов, уступая в этом только Академии наук Китая. Однако Китай существенно опережает Россию и другие страны мира по количеству патентных заявок. Особенно высокие показатели в этой сфере наблюдаются у Пекинского университета Цинхуа, частной фирмы Янг и Ко в сфере биофармацевтики и функциональных материалов, китайско-тайваньской акционерной компании «Хунхай» по производству продукции точного машиностроения, акционерной компании «Хунфуцзинь» в Шэньчжэне по производству продукции точного машиностроения в сфере создания новых функциональных материалов и передачи информации.

Следует также отметить, что к числу ведущих учебных заведений КНР, имеющих серьезные достижения в сфере нанотехнологий, помимо Пекинского университета Цинхуа, также относятся Нанькайский университет в Тяньцзине, Нанкинский университет, Фуданьский университет в Шан-

хае, Чжэцзянский университет в Ханчжоу и Шанхайский университет Цзяотун.

В годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) доля экономически активного населения начала заметно снижаться, и Китай был вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве. Только в этом случае в Китае можно будет решить проблему избыточного населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет) и относительной нехватки природных ресурсов, в частности, энергоресурсов — нефти, природного газа, каменного угля, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий.

Кроме того, в XXI веке в Китае большое внимание стали уделять развитию нано технологий и информационных технологий, и по охвату Интернетом Китай уже занимает лидирующие позиции в мире. В области интернетизации страны Китай идет вперед семимильными шагами. Если в 2000 г. доля Китая в мировом производстве компьютеров составила всего 19,2%, то в 2005 г. — уже 83,5%. В настоящее время в Китае произошел взрыв в области информатизации населения. Там насчитывается свыше 900 млн. интернет-пользователей, в китайском Facebook — около 700 млн. подписчиков. В Китае действует ряд крупнейших в мире Интернет-компаний (такие как Tencent, Alibaba, Amazon, Facebook, Alipay и др.), которые лидируют в мире по основным показателям. Объем капитализации лишь одной компании Tencent (Тэнсюнь) составил в феврале 2018 г. свыше 32,4 млрд. долл. Все эти достижения в сфере информационных технологий состоялись в последние 10 лет. Таким образом, очевидно, что при такой инфраструктуре связи и телекоммуникаций за 20 лет к 2030 гг. КНР вполне может стать информационным иннова-

ционным государством, построить самую крупную в мире информационную инфраструктуру и обеспечить самую высокую в мире доступность населения к Интернету.

К 2030 г. Китай по объему затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и доля затрат на НИОКР в ВВП страны достигнет 3%, а в объеме мировых затрат составит 25%. К этому моменту Китай также будет держать 1-е место в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции. На основе проведения исследования основных аспектов инновационной деятельности в КНР, в таких сферах как энергетика и информационные технологии становится очевидно, что влияние инноваций на социально-экономическое развитие, образование, культуру, повышение уровня и качества жизни населения страны, включая решение проблем нехватки энергоресурсов и охраны окружающей среды растет с каждым годом.

2. КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ

За годы экономической реформы, особенно за последние 20 лет КНР после вступления в ВТО в ноябре 2001 г., добилась впечатляющих успехов в экономике. Темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) за 40 лет с 1979 по 2018 гг. составили в среднем 9,4% в год. Среднегодовые темпы прироста ВВП в сопоставимых ценах за годы реформ в 1991–2018 гг. составили 9,6%, что оказалось значительно выше среднегодовых темпов развития мировой экономики — 3,6–3,8% за эти годы, а после вступления КНР в ВТО в 2001–2018 гг. они остались на уровне 9,6% в год (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 27*). В этот период опережающими темпами по сравнению со среднемировыми происходил рост промышленности — 9,6% в год, капитального строитель-

ства — 10,4% в год, оптовой и розничной торговли — 11,0% в год. В результате в 2018 г. объем валовой промышленной продукции составил 30,5 трлн. юаней, в капитальном строительстве — 6,18 трлн. юаней, в оптовой и розничной торговле — 8,4 трлн. юаней. Таким образом, объем ВВП в 2018 г. достиг примерно 5,0 трлн. долл. (в пересчете по официальному валютному курсу 6,8 юаней за 1 долл.).

Перед Китаем после вступления в ВТО возникла заманчивая возможность заметно увеличить экспорт продукции за рубеж, что и было сделано. Если проанализировать динамику экспортной квоты в ВВП, то мы увидим, что в начале XXI века происходил ее стремительный рост. Если в 2001 г. она составляла 20%, то в 2007 г. перед мировым финансовым кризисом она составила 36,3%, а доля объема внешней торговли КНР в ВВП вообще составила 66,5% в 2006 году. После мирового финансового кризиса Китай стал уходить от сильной зависимости от внешней торговли, и экспортная квота в 2018–2019 гг. вновь сократилась до 18% как в 1996–1997 годы. Таким образом, говорить в настоящее время о сильной зависимости китайской экономики от внешней торговли не приходится, так как за последнее десятилетие Китай заметно увеличил свое производство на внутренний рынок с целью построения общества *сяокан* и сокращения экономического разрыва между городскими и сельскими жителями и между приморскими и внутренними районами. Поэтому в настоящее время угрозы США закрыть свой рынок для китайской продукции вряд ли нанесут серьезный ущерб китайской экономике, поскольку Китай стал активно развивать свой внутренний рынок (который, между прочим, составляет 1,4 млрд. чел.), хотя возможные санкции могут нанести серьезный удар по китайскому банковскому сектору, работающему, в том числе, и на американском рынке.

В КНР в результате создания предприятий различных форм собственности расширялась сфера занятости. Замет-

но выросла численность городского населения. В 2019 г. из 1,4 млрд. человек общая численность городского населения составила 848,4 млн. чел. (60,6% населения), в то время как в 1978 г. доля городского населения составляла всего 18,2%, а к 2000 г. увеличилась до 36,2% (См.: *Чжунго тунцизи чжай-яо — 2019, Пекин, 2019, с. 27*). При этом значительная часть сельского населения стала переходить на работу в города. Общая численность занятого населения в 2019 г. составила 774,7 млн. чел., в том числе общая численность занятых в городах и поселках — 442,5 млн. чел. При этом резко увеличилась численность проживавших вне места прописки свыше шести месяцев сельских мигрантов, которая составила 290,8 млн. чел., из которых 174,3 млн. чел. работали вне сферы сельского хозяйства за пределами своего уезда, а 116,5 млн. чел. на предприятиях вне сферы сельского хозяйства на территории своего уезда, но не в сельской местности (См.: *2019-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжухэй фачжань тунцизи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*).

Серьезной проблемой становится структурная безработица, связанная с изменением возрастной структуры населения и увеличением доли населения в пожилых возрастах в результате проводимой с начала 70-х гг. демографической политики (ограничения рождаемости — не более одного ребенка в семье). Было создано большое количество новых рабочих мест в приморских районах и городах центрального подчинения в результате огромного притока иностранных инвестиций в нулевые годы после вступления Китая в ВТО (60–70 млрд. долл. в год, а в 2008–2009 гг. — по 90 млрд. долл. в год). Также в результате реализации руководством КНР программы развития западных районов Китая в западных районах страны в результате реализации крупных инвестиционных проектов по развитию отсталой инфраструктуры (например, строительство железной дороги на Тибет, ГЭС «Санься» на реке Янцзы

или ЛЭП из провинции Сычуань в южные районы Китая) набиралось большое количество квалифицированной рабочей силы не только из приморских районов, но и из центральных районов страны. В результате, с одной стороны, на многих предприятиях приморских и западных районов наблюдается нехватка рабочей силы, с другой стороны, происходил постоянный отток избыточной рабочей силы из деревни, которая в силу низкого уровня образования и квалификации не могла найти себе работу. Тем не менее, по данным ГСУ КНР в XXI веке зарегистрированная безработица в городах составляла 4,0–4,3% и увеличилась с 6,81 млн. чел. в 2001 г. до 9,74 млн. чел. в 2019 г. (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 37*). Однако, по оценкам, общая численность незанятого в производстве сельского населения в этот период уже превышала 150 млн. чел., что и нашло свое выражение в огромном количестве сельских мигрантов или так называемых «рабочих-крестьян» (*нунминьгун*). В настоящее время с учетом сложившейся возрастной структуры населения КНР в результате проведения с 70-х гг. демографической политики, направленной на создание однодетной семьи, уже наблюдается нехватка рабочей силы в приморских районах при ее избытке в сельской местности. В этих условиях единственный путь решения проблемы занятости — создание несельскохозяйственных предприятий в малых городах и перемещение трудоизбыточного населения страны из деревни в город.

Общий уровень цен после определенного периода дефляции в 1998–2002 гг. рос довольно медленно и достиг максимальных показателей в 2008 г., когда общий уровень потребительских цен в 2008 г. — год Олимпиады в Пекине повысился по сравнению с 2007 г. на 5,9%, в том числе, на зерно — на 7,0%, на масличные и жиры — на 25%, мясо и птицу — на 21,7%, продукцию водного промысла — на 14,5%. В то же время розничные цены на товары повысились на 5,9%, отпускные заводские цены на промышленную продук-

цию — на 6,9%, закупочные цены на сырье и топливо — на 10,5%, на сельскохозяйственную продукцию — на 14,1%, цены на жилье в 70 крупных и средних городах — на 5,4%, в то время как цены на инвестиционные ресурсы выросли на 8,9%, на мебель и бытовые приборы — на 1,2%, а также на услуги здравоохранения — на 2,2%, на транспортные услуги — на 2,2%. Одновременно они снизились на одежду на 1,7% (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2010, Пекин, 2010, с. 91–94*). Однако на следующий год цены начали снижаться в условиях мирового финансового кризиса. В целом цены по всему Китаю в среднем снизились на 0,7%, но в то же время произошел рост цен на овощи — на 13,6%, зерно — на 5,6%, услуги на коммунальное обслуживание и ремонт жилья — на 5,2%, сахар — на 2,5%, аренду жилья — на 1,6% (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2010, Пекин, 2010, с. 93*). Однако, несмотря на кризис в условиях перехода к рынку и увеличения потребностей страны в топливно-энергетических ресурсах, основной рост цен происходил либо на те товары, которые импортируются из-за рубежа и на которые будут расти мировые цены — нефть, оборудование, древесина, либо на услуги, связанные с воспитанием, подготовкой и состоянием здоровья рабочей силы — образование, здравоохранение, наука, а также на жилье в связи с ростом жизненного уровня значительной части населения Китая.

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. инфляция в КНР была невысокой в результате быстрого роста производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и заметного увеличения инвестиций в основные производственные фонды предприятий за счет самофинансирования. В частности, в 10-е гг. XXI века самые высокие показатели инфляции наблюдались в 2011 году. Рост потребительских цен для населения составил 5,4%, на продукцию сельского хозяйства — 11,3%, 16,5% — для цен на продукцию от производителей, 9,1% — оптовых закупочных

цен на промышленные товары, 6,0% — отпускных цен предприятий. В дальнейшем рост цен был невысоким и варьировался в пределах 1,4%–2,6% в год для потребительских цен, 0,1%–2,0% — для розничных цен, от отрицательного показателя — 3,5% до 3,4% — для цен на продукцию сельского хозяйства, от –5,2% до 6,3% — для цен на средства производства, от –5,2% до 6,3% — для цен на продукцию от производителей. Самая низкая инфляция наблюдалась в 2015 г. — 1,4% самой высокой она оказалась в 2012–2013 гг. — 2,6% (См.: *Чжунго туңци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 42*). В 2019 г. рост потребительских цен был невысок и составил всего 2,9% в год, а отпускные цены на промышленную продукцию вообще снизились на 0,3% (См.: *2019-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань туңци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*). Однако при этом рост цен на сельскохозяйственную продукцию резко увеличился и составил 14,5% в год по данным на декабрь 2019 года в результате резкого подорожания свинины из-за эпидемии свиного ящура.

За последние 40 лет при постоянном росте ВВП во всех отраслях экономики — первая сфера (сельское хозяйство), вторая сфера (промышленность и капитальное строительство) и третья сфера (транспорт, торговля, финансы, услуги и др.), более быстрыми темпами происходил рост ВВП в промышленности и капитальном строительстве, а также в «третьей сфере» — примерно по 10–12% в год за последние 10 лет. В результате самый большой вклад в ВВП приходился на долю промышленности и капитального строительства — 42,0% в 2006 г., а в 2019 г. он снизился до 33,9%. С начала 80-х гг. происходил постоянный заметный рост удельного веса произведенной продукции во «второй сфере» при сокращении ее доли в сельском хозяйстве и некотором росте доли «третьей сфере», как показано в табл. 16 ниже.

Таблица 16.

**Динамика и удельный вес отраслей народного хозяйства
в создании ВВП КНР в 1978–2018 гг.**

Отрасли народного хозяйства	1978		1991		2001		2010		2018	
	млрд. ю	%								
Валовой внутренний продукт	367,9	100	2206	100	11086	100	42212	100	90031	100
1-я сфера (сельское хозяйство)	101,9	27,7	528,9	24,0	1550	14,0	3843	9,3	6473	7,2
2-я сфера	175,5	47,7	913,0	41,5	4951	44,8	19163	46,5	36600	40,7
в том числе: промышлен- ность	162,2	44,1	814,8	37,0	4385	39,6	16513	40,1	30516	33,9
капиталь- ное строи- тельство	13,8	3,8	101,8	4,6	595	5,4	2726	6,6	6181	6,9
3-я сфера	90,5	24,6	758,7	34,5	4570	41,2	18206	44,2	46957	52,2
транспорт, связь, складское хозяйство	18,2	4,9	142,0	6,5	687,1	6,2	1878	4,6	4055	4,5
оптовая и розничная торговля	24,2	6,6	183,5	8,3	911,9	8,2	3590	8,7	8420	9,4

Источник: Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 22–24.

В то же время заметно сократилась доля занятых в сельском хозяйстве от общей численности занятых — с 59,7% в 1991 г. до 50,0% в 2001 г., 38,1% в 2009 г. и 26,1% в 2018 году при заметном увеличении доли занятых в промышленности и капитальном строительстве — с 21,4% в 1991 г. и 22,3% в 2001 г. до 27,8% в 2009 г. и 27,6% в 2018 году. При этом в 2014 г. общая численность занятых в промышленности и капитальном строительстве стала больше, чем в сельском хозяйстве. В течение всего 40-летнего периода реформ значительно росла как численность, так и доля занятых в третьей сфере с 48,9 млн. чел. в 1978 г. до 359,4 млн. чел. в 2018 г., а в 2011 г. общая численность занятых в третьей сфере стала больше, чем в сфере сельского хозяйства. Соответственно, неуклонно росла доля занятых — с 18,9% в 1991 г. до 27,7% в 2001 г., 34,1% в 2009 г. и 46,4% в 2018 году (см. табл. 17 ниже).

Таблица 17

**Динамика и структура занятости по трем сферам
народного хозяйства КНР в 1978–2018 гг.**

Отрасли народ- ного хозяйства	1978		1991		2001		2009		2018	
	млн. чел.	%								
Всего	401,5	100	654,9	100	703,2	100	780,0	100	775,9	100
1-я сфера	283,2	70,5	391,0	59,7	365,1	50,0	297,1	38,1	202,6	26,1
2-я сфера	69,5	17,3	140,2	21,4	162,8	22,3	216,8	27,8	213,9	27,6
3-я сфера	48,9	12,2	123,8	18,9	202,3	27,7	266,0	34,1	359,4	46,4

Примечание: 1-я сфера — занятые во всех отраслях сельского хозяйства; 2-я сфера — в капитальном строительстве и промышленности; 3-я сфера — транспорт, связь, финансы, торговля, услуги, образование, здравоохранение и другие.

Источник: *Чжунго тунцзи чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 36.*

В рамках программы экономического развития на 1996–2050 гг. была поставлена цель достигнуть следующих конкретных показателей социально-экономического развития на первых двух этапах развития народного хозяйства. Первый этап — в течение 15 лет (1996–2010 гг.), и затем второй этап в течение 20 лет (2011–2030 гг.). Для реализации намеченной программы на первом этапе темпы прироста ВВП должны были составлять 8–9% в год в первый период до 2011 г. и на втором этапе — 6–7% в год до 2020 года. При этом на первом этапе показатель ВВП должен был составить 20 трлн. юаней, ВВП на душу населения — 14000 юаней в год, рост инвестиций — на уровне 30% в год. На втором этапе с 2011 до 2030 гг. показатель ВВП должен был составить 70 трлн. юаней, ВВП на душу населения — 45000 юаней в год, рост инвестиций — на уровне 26–28% в год. На первом этапе (1996–2011 гг.) по структуре ВВП предполагалось выйти на соотношение между первой (сельское хозяйство), второй (промышленность и капитальное строительство) и третьей сферой (торговля, услуги, финансы и прочие отрасли) как 11:49:40, а по структуре занятости — 34:32:34 при увеличении доли городского населения до 50%. На втором этапе (2011–2030 гг.) соотношение показателей ВВП между тремя сферами должно составить 8:42:50, доля производства высокотехнологичной продукции — свыше 30%, доля городского населения — более 65% населения (1996–2050-*нянь. Чжунго цзинци шэжунэй фацжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — концепция пути к модернизации). Под ред. Ли Чэнсюня. Пекин, 1997, с. 36–39).* В дальнейшем доля занятых в сельском хозяйстве должна была сокращаться до 30% в 2020 г. и в перспективе до 20–25% общей численности занятых в связи с неизбежным ростом производительности труда в сельском хозяйстве, и трудоизбыточное население будет перемещаться в несельскохозяйственные отрасли, в первую очередь, в «третью сферу» — торговлю, услуги, финансы, торговлю недвижимостью, образование, здравоохранение, науку.

Как мы видим из таблицы выше, отраслевая структура народного хозяйства КНР за 30 лет реформ подверглась значительным изменениям. При сравнении структуры народного хозяйства КНР в начале реформ в 1978 г. и через 30 лет в 2009 г. можно сказать, что в объеме ВВП заметно сократилась доля 1-й сферы (сельское хозяйство) и всей второй сферы. Несмотря на стабильный рост валовой продукции сельского хозяйства, доля первой сферы постоянно снижалась — с 28,2% объема ВВП в 1978 году до 10,6% объема ВВП в 2009 году. Доля второй сферы (промышленность, капитальное строительство) в целом уменьшилась на 1,1 процентный пункт, однако это произошло за счет соответствующего сокращения доли промышленности в первые 10 лет реформ при ее последующем росте и сохранении на уровне 40–42% ВВП. При этом происходил рост доли капитального строительства с 1978 по 1988 гг. с последующим падением в конце 80–90-х гг. и быстрым ростом до 1993–1994 гг. Однако в конце 90-х гг. конца XX века и в начале XXI века доля капитального строительства вновь снизилась до 5,4% ВВП, но в условиях мирового финансового кризиса за 2008–2009 гг. в результате выделения больших сумм из госбюджета и банковских кредитов на развитие инфраструктуры показатель доли капитального строительства в ВВП составил уже 6,7%. При этом на протяжении 40 лет реформ происходил неуклонный рост ВВП в третьей сфере (транспорт, связь, складское хозяйство, оптовая и розничная торговля и др.). Это повлекло за собой и соответствующие изменения в структуре народного хозяйства при создании валового внутреннего продукта КНР — с 23,9% в 1978 г. до 33,7% в 1991 г., 40,5% в 2001 г. и 42,6% в 2009 г. По-прежнему сокращается доля первой сферы (отрасли сельского хозяйства), несмотря на увеличение темпов прироста валовой продукции сельского хозяйства с 2% до 5% в год. При этом также должны сократиться темпы прироста валовой продукции промышленности и увеличиться — капитального строительства.

За 40 лет реформ экономическая мощь Китая резко возросла, причем по большей части не за счет развития так называемой «третьей сферы» — транспорта, сферы услуг, финансов, торговли недвижимостью и др., а за счет «второй сферы» — промышленности и капитального строительства. Хотя общее число промышленных предприятий за 40 лет выросло незначительно, но заметно увеличилась численность занятых на промышленных предприятиях — с 50 млн. человек в 1978 г. до 177,8 млн. человек в 2015 году, выросла стоимость основных производственных фондов на них — в 462 раза, в 188 раз — стоимость валовой промышленной продукции. Все это материально выражается в достигнутых объемах производства натуральной продукции — от хлопчатобумажной ткани до электроэнергии и стали, как показано в табл. 18.

Таблица 18.

Производственные мощности и объем промышленного производства основных видов продукции КНР В 1978–2018 гг.

	1978	1984	1990	2000	2008	2015	2017	2018
1. Общее число промышленных предприятий (тыс.)	348	437	504	163	426	383	373	378
2. Численность занятых в промышленности (млн. чел.)	50,09	63,38	76,63	89,24	194,8	177,8
3. Стоимость валовой продукции промышленности (млрд. юаней)	162,2	281,6	690,5	4026,0	13809,6	23605,6	27832,8	30516,0

Источники: *Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь – 1981)*, с. 7,8; *Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо – 1986)*, с. 4, 12; *Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь – 1987)*, с. 221, 33, 115, 22–26; *Чжунго тунци няньцзянь – 1997*, с. 26,27,39,412; *Чжунго тунци няньцзянь – 2001*, с. 24–25, 114; *Statistical Yearbook of China – 1985*, pp.13, 19, 306, 213, 305; *China Statistical Yearbook – 1988*, pp. 15, 16, 124, 269, 23, 34; *Китайский статистический ежегодник (Чжунго тун-*

узи няньцзянь – 2008), с. 485; *Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо – 2009)*, с. 10, 136–137; *Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь – 2016)*, с. 103–105, 429; *Китайский статистический справочник (Чжунго тунци чжайяо – 2019)*, с. 23, 121.

В первые два десятилетия Китай быстро смог перестроиться в сфере реального производства и обеспечить выпуск необходимой стране продукции в новых условиях глобализации. В эти годы стремительно росло количество высокотехнологичных предприятий, на которых не только увеличивалось число занятых, но и заметно вырос объем экспортной продукции. Сравнительный анализ статистических данных по высокотехнологичным предприятиям и предприятиям обрабатывающей промышленности показывает, что за период с 2000 по 2014 гг. количество высокотехнологичных предприятий выросло в 2,8 раза, количество обычных предприятий обрабатывающей промышленности — в 1,87 раз. В то же время численность занятых на высокотехнологичных предприятиях выросла в 3,38 раз, а на предприятиях обрабатывающей промышленности — в 1,88 раз, объем экспорта высокотехнологичных предприятий вырос в 14,9 раза, а предприятий обрабатывающей промышленности — всего в 8,3 раза, как показано в таблице 19 ниже. При этом по состоянию на 2014 год средняя численность занятых на высокотехнологичных предприятиях было вполнину выше, чем на обычных обрабатывающих предприятиях — 474 человека на высокотехнологичном предприятии против 245 человек на обычном.

Таблица 19

Высокотехнологичные предприятия и предприятия обрабатывающей промышленности в КНР в 2000 – 2014 гг.

	2000	2005	2011	2014
Высокотехнологичные предприятия				
Количество предприятий	9835	17527	21682	27939
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	3,92	6,63	11,47	13,25
Доходы предприятия (млрд. юаней)	1005,0	3391,6	8752,7	12736,8
Экспорт (млрд. юаней)	339,6	1763,6	4060,0	5076,5
Предприятия обрабатывающей промышленности				
Количество предприятий	148279	251499	301489	352365
Среднегодовая численность занятых (млн. чел.)	46,06	59,35	80,54	86,47
Доходы предприятия (млрд. юаней)	7169,8	21384,4	72926,4	97823,0
Экспорт (млрд. юаней)	1419,3	4708,2	9927,4	11811,9

Источник: 2015 *Чжунго гаоцзишу чанье тунцзи няньцзыань (2015 Китайский статистический ежегодник высокотехнологичных отраслей)*. Пекин: ГСУ КНР, 2015, с. 3.

Важным фактором развития китайской экономики является урегулирование производственной структуры, что постепенно уменьшает ее различия с другими странами. Еще в 90-е годы XX в. произошли значительные изменения в структуре ВВП Китая, выражающиеся в увеличении доли третьей сферы, сокращении доли первой сферы и сохранении на прежнем уровне второй

сферы. Однако, при сравнении отраслевой структуры ВВП как с развитыми, так и с развивающимися странами, легко обнаружить, что доля первой и второй сферы в КНР намного выше, чем во многих странах мира. Таким образом, у Китая обнаруживаются значительные резервы экономического развития при заметном повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве и создании большого количества рабочих мест в третьей сфере, и прежде всего в сфере услуг, которая является наиболее трудоемкой. На наш взгляд, именно здесь, в создании дополнительных рабочих мест и увеличении занятости населения в третьей сфере в ходе реформы крупных предприятий государственного сектора и неизбежном сокращении численности занятых на них, скрыты дополнительные резервы развития китайской экономики в XXI веке.

Как показала практика китайских реформ, именно от возможностей трудоустройства избыточной рабочей силы в промышленности, капитальном строительстве, на транспорте, в торговле, сфере услуг и прочих отраслях непроизводственной сферы будут зависеть перспективы социально-экономического развития страны. На сегодняшний день основным недостатком и в то же время основным преимуществом китайской экономики является масса избыточной дешевой рабочей силы по сравнению с другими странами мира. Это является как огромным преимуществом для предприятий легкой и текстильной промышленности, которые благодаря дешевизне рабочей силы из года в год наращивают экспорт своей продукции за рубеж, так и источником притяжения для иностранных инвестиций на территорию КНР. В результате привлечения иностранных инвестиций в стране создавались совместные предприятия на основе самых современных технологий в различных отраслях, продукция которых является конкурентоспособной как внутри страны, так и за рубежом. Однако, следует отметить, что по мере роста заработной платы на китайских предприятиях рабочая сила в Китае уже не является столь дешевой, а по мере увеличения доли квалифицированного труда — и подавно. Как отмечалось в

ежеквартальном деловом журнале «Вестник Китая», «ВВП на душу населения Китая достиг уровня Южной Кореи и Тайваня середины 1980-х годов — поворотной точки процесса их модернизации, после прохождения которой дешевый труд больше не является конкурентным преимуществом на мировом рынке» (На эту тему подробнее см.: *А. Зотин. Дорожающий Китай // Вестник Китая, 2010, № 2(6), с. 60–68*). Однако рост заработной платы на промышленных предприятиях Китая не означает вывода иностранного капитала за рубеж. Существует ряд препятствий, которые сдерживают иностранный капитал от переноса своих предприятий в страны мира с более дешевой рабочей силой. На сегодняшний день совместные предприятия на территории Китая производят вполне конкурентоспособную продукцию, которая экспортируется по всему миру. Вывод предприятий с китайской территории — весьма дорогостоящее удовольствие, поскольку иностранному инвестору необходимо искать территорию для предприятия поблизости от сырьевого рынка, с наличием достаточного количества предприятий-контрагентов, которые будут поставлять качественные комплектующие и с относительно дешевой, но квалифицированной рабочей силой, которая будет производить продукцию такого же качества, как в Китае. Хотя Китай постепенно будет терять свое конкурентное преимущество по низкой доле затрат на оплату труда рабочей силы на территории страны, но другие преимущества сохраняются. На наш взгляд, вряд ли в обозримом будущем следует ожидать большого оттока иностранных инвестиций из страны и массового размещения производств на территории стран Юго-Восточной Азии и Южной Азии, Африки и Латинской Америки.

При этом следует отметить, что абсолютно несостоятельными выглядят утверждения некоторых западных экономистов об «излишней зависимости китайской экономики от иностранных капиталовложений и рынков сбыта, а половина торгового оборота зависит от иностранных инвестиций» (См.: *Уолдрон А. США, Китай, Россия: проблемы стратегическо-*

го партнерства // *Проблемы Дальнего Востока*, 2002, № 6, с. 37). Например, как показывают данные китайского экономического справочника «Чжунго тунци чжайяо — 2018», в 2017 г. объем иностранных инвестиций в основные производственные фонды составил 214,6 млрд. юаней (0,33% общего объема инвестиций в основные производственные фонды, что намного ниже показателя 2008 г. — всего 3,1% и 2009 г. — 2,0% (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2010*, с. 51; *Чжунго тунци чжайяо — 2018*, с. 79).

Таким образом, зависимость китайской экономики от иностранных инвестиций невелика, а если предположить, что в последнее десятилетие отток капиталов за рубеж составляет те же 100–120 млрд. долл. в год, что и приток иностранных капиталов, то роль иностранных инвестиций в формировании высоких темпов экономического роста становится еще более незначительной. Как представляется, дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая в значительно большей мере зависят от различных внутренних, а не внешних социально-экономических факторов.

Промышленность. Промышленное производство в КНР в последние годы росло опережающими темпами — в среднем на 10,6% в год в 1979–2018 гг. Особенно быстрыми темпами происходил рост ВВП в промышленности в годы 8-й пятилетки (1991–1995 гг.) — 17,7% в год, хотя и в 1996–2000 гг. темпы роста были довольно высокими и составляли 10,2% в год. Особенно быстро рос объем добавленной стоимости в промышленности в 2006–2008 гг. В 2006 г. объем добавленной стоимости в промышленности составил 9035,1 млрд. юаней и вырос по сравнению с 2005 г. на 12,5%, а в 2008 г. составил 13,0 трлн. юаней по сравнению с 11,05 трлн. юаней в 2007 г. (*Чжунго тунци чжайяо — 2010*, Пекин, 2010, с. 20). Высокие темпы роста промышленного производства сохранялись и в XXI веке. В 2001–2018 гг. среднегодовые темпы прироста промышленного производства составляли 9,6% в год. Наиболее быстро росло производство продукции в экспортноориен-

тированных отраслях (легкая, пищевая, текстильная промышленность, машиностроение и электроника), в отраслях высоких технологий, а также в производстве потребительских товаров длительного пользования (легковые автомашины, компьютеры, мобильные телефоны, цветные телевизоры, бытовые холодильники). Ситуация в топливно-энергетических отраслях промышленности обеспечивает сохранение высоких темпов роста в других отраслях промышленности. Производство электроэнергии в 2009 г. составило 3714,7 млрд. кВт·ч., добыча угля — 2,97 млрд. т, нефти — 189,5 млн. т, как показано в табл. 20.

Таблица 20.

**Основные показатели развития промышленности КНР
в 1978–2019 гг.**

	1978	1990	2000	2009	2015	2019
Ткани (млрд. м)	11,03	18,88	27,7	74,0	89,3	87,8
Электроэнергия (млрд. кВт·ч.)	256,6	753,9	1355,6	3714,7	5814,6	7503,4
Уголь (млн. т)	618,0	1080	1364	2973	3747	3850
Нефть (млн. т)	104,05	142,1	163,0	189,5	214,6	191,0
Сталь (млн. т)	22,08	51,53	131,46	696,26	1034,7	1204,8
Цемент (млн. т)	65,24	308,2	597,0	1650	2359	2350
Химические удобрения (млн. т)	8,69	18,80	31,86	66,0	74,3	57,3
Автомобили (млн.)	0,149	0,514	2,07	13,79	24,5	25,5
из них: легковые (млн.)	-	0,035	0,607	7,49	11,6	10,2
Цветные телевизоры (млн.)	0,038	10,33	39,36	99,0	157,7	189,9
Мобильные телефоны (млн.)	-	-	52,48	619,2	1812,6	1701,0
Компьютеры (млн.)	-	0,082	6,72	182,2	314,2	341,6

Источник: *Чжунго тунци чжайяо – 2010, Пекин, 2010, с. 139–141; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 124–129; 2019-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года.*

Анализ статистических данных натуральных показателей промышленного производства КНР за последние годы показы-

вает, что при нынешнем состоянии потребительского рынка уже достигнуто его почти полное насыщение практически по всем параметрам, за исключением производства топливно-энергетических ресурсов. Производство нефти сокращается, многие угольные шахты закрываются, налицо перепроизводство как химических удобрений, стали, так и автомобилей, цветных телевизоров, мобильных телефонов, тканей. Не случайно показатели натурального производства этих видов продукции в 2019 г. оказались ниже, чем в 2015–2017 гг. Внутренний китайский рынок уже не может «переварить» всю произведенную продукцию. В настоящее время для Китая имеется альтернатива — дальше расширять экспорт, оказываясь в зависимости от конъюнктуры мирового рынка и политической ситуации, или расширять внутренний рынок за счет повышения доходов сельских жителей и жителей внутренних районов страны, особенно западных провинций.

При сохранении курса на расширение экспорта и сохранении темпов роста экспорта (в среднем по 30% в год после вступления КНР в ВТО) по-прежнему наиболее быстрыми темпами будет происходить рост промышленной продукции в экспортоориентированных отраслях — легкой, пищевой и текстильной промышленности, машиностроении и электронике, включая легковые автомобили и станки с числовым и программным управлением, а также продукции новых и высоких технологий, где на первый план выходит продукция информационных технологий, которая в настоящее время по стоимости составляет 80% всего объема произведенной продукции новых и высоких технологий. Развитие топливно-энергетических отраслей столь же высокими темпами будет затруднительно ввиду ограниченной природно-ресурсной базы на территории Китая и отставания геологоразведки от темпов экономического развития страны в целом, что повлечет за собой необходимость либо еще более интенсивно развивать угольную промышленность, либо ориентироваться на импорт нефти и газа из-за рубежа.

Сельское хозяйство. Посевные площади под зерновые и хлопков в 2009 г. составили соответственно 109,0 млн. га и 4,95 млн. га, под масличные — 13,65 млн. га. В 2018 г. общая площадь под зерновые выросла до 117,9 млн. га в связи с необходимостью наращивать производство для обеспечения насущных потребностей населения. За 40 лет реформ в результате внедрения системы подворного подряда общий сбор зерновых существенно вырос с 304,8 млн. тонн в 1978 г. до 462,2 млн. тонн в 2000 г. В начале 90-х гг. в результате роста производительности труда в сельском хозяйстве Китай отказался от продовольственных талонов (*лянпяо*) в городах. В 2012 г. Китай впервые преодолел планку сбора урожая в 600 млн. т, а в 2018 г. общий сбор зерновых (рис, пшеница, кукуруза) составил 661,6 млн. т. (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 109*)

Главной зерновой культурой в Китае является рис, в южных районах страны урожай собирается трижды в год (летний урожай, ранний рис и осенний урожай). Важными отраслями сельского хозяйства являются животноводство и рыболовство. Китай занимает первое место в мире по производству мяса, яиц, меда, продуктов пчеловодства, коконов шелкопряда, общему поголовью домашнего скота, птицы. Быстрыми темпами растет поголовье крупного рогатого скота и овец, более медленными темпами — поголовье свиней. Объем производства мяса составил 86,2 млн. т в 2018 г. (см. табл. 21 ниже). К концу 9-й пятилетки (1996–2000 гг.) доля земледелия в ВВП сельского хозяйства стала уступать совокупной доле животноводства, водных промыслов и лесоводства, и такая ситуация сохраняется вплоть до настоящего времени.

Таблица 21

**Основные показатели развития сельского хозяйства КНР
в 1978 – 2018 гг.**

	1978	1985	1990	2000	2009	2014	2018
Зерновые (млн. т)	304,8	379,1	446,2	462,2	530,8	639,7	657,9
Масличные (млн. т)	5,2	15,8	16,1	29,5	31,5	33,7	34,3
Хлопок (млн. т)	2,2	4,1	4,5	4,4	6,4	6,3	6,1
Сахар (млн. т)	23,8	60,4	72,1	76,3	117,5	120,9	119,4
Табак (млн. т)	1,24	2,42	2,63	2,55	2,96	2,85	2,24
Чайный лист (тыс. т)	268	432	540	683	1351	2277	2610
Фрукты (млн. т)	6,57	11,64	18,74	62,25	190,9	233,0	256,9
Мясо (млн. т)				61,2	77,1	88,2	86,2
Продукты водного промысла (млн. т)	4,65	7,05	14,3	37,0	51,2	60,0	64,6

Источник: *Чжунго тунци чжайяо – 2010, Пекин, 2010, с. 125–127; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 109–114.*

Дальнейшие перспективы развития сельского хозяйства Китая всецело зависят от производства зерновых, динамика которых в большей степени связана с погодными и природными условиями, и в меньшей степени зависит от объема инвестиций в отрасль. Об этом свидетельствует и динамика развития сельскохозяйственной отрасли в последние годы, когда темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства в основном были связаны с урожаем зерновых. Однако в случае снижения темпов роста сельского хозяйства Китай не сможет решить поставленную задачу построения общества *сяокан* (малого благоденствия) на 2020 год из-за возникающих трудностей в обеспечении растущего населения продовольствием и сырьем для пищевой и текстильной промышленности.

За годы реформы произошли радикальные изменения в структуре народного хозяйства КНР. Если в 1978 году Китай можно было с большой натяжкой назвать аграрно-индустриальной страной, то затем произошли сдвиги в сторо-

ну значительного увеличения объемов капитального строительства, а также значительное расширение «третьей сферы» практически во всех отраслях. По сути дела, эти изменения привели к оттоку избыточного населения как из деревни в города, так и из сферы сельского хозяйства в несельскохозяйственную сферу в сельской местности. В результате этого многие уездные центры и поселки из-за созданного в них большого количества предприятий несельскохозяйственной сферы в различных отраслях экономики постепенно перешли из категории сельских поселений в города, а жители — из категории сельского в городское население. Другой важной характерной чертой индустриализации и модернизации КНР в ходе реформы стал заметный рост отраслей третьей сферы, что отражает общемировую тенденцию экономического развития — вначале развитие сельского хозяйства, затем промышленности, и только после этого — третьей сферы. Китай за годы реформы в кратчайшие сроки осуществил индустриализацию и совершил модернизацию в экономике, которая в полной мере проявилась в значительном повышении удельного веса занятых в третьей сфере. На наш взгляд, в настоящее время именно третья сфера и капитальное строительство, а не промышленность оказались той самой сферой занятости, в которой будет трудоустроиваться избыточное население КНР до 2020 года. После 2020 года в связи с проводимой в течение длительного времени политики одной-двух детей в Китае образуется относительная нехватка рабочей силы, как в настоящее время и в большинстве стран Восточной Азии. Это будет способствовать стимулированию роста производительности труда, внедрению интенсивного, а не экстенсивного способа экономического роста, что должно привести к дальнейшей модернизации китайского общества в целом по мере развития экономической реформы. Однако, как показывают экономические итоги последнего десятилетия, в стране резко обострилась топливно-энергетическая проблема. Производство нефти в последние годы не только не растет, но и сокращается, и Китай для всех нефтедобываю-

щих стран стал одним из основных рынков сбыта своей продукции. Кроме того, за последние годы Китай был вынужден наращивать импорт природного газа и даже каменного угля, что было трудно предположить десятилетие назад. Поэтому дальнейшее поступательное экономическое развитие страны в значительной степени будет зависеть от возможностей Китая решить проблему нехватки топливно-энергетических ресурсов в ближайшее десятилетие.

3. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА — ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ В ТЕКУЩЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ

Китай в настоящее время относится к числу крупнейших в мире потребителей энергетических ресурсов. По данным ГСУ КНР на конец 2018 года, общий объем производства энергии в Китае составлял 3,77 млрд. т условного топлива (т.у.т.) (в пересчете на уголь), а потребления — 4,64 млрд. т.у.т. (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 74–75*). По этому показателю КНР занимает второе место в мире после США и ее доля составляет свыше 10% мирового потребления первичной энергии. Еще в годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) Китай взял курс на экономию энергии, и предполагалось в течение пяти лет снизить удельную энергоемкость на 20% на единицу продукции. Однако, по экспертным оценкам, Китай должен был увеличить инвестиции в два раза — до 50–70 млрд. долл. в год.

В январе 2009 г. Министерство государственных земельных ресурсов КНР опубликовало «Всекитайский план развития минеральных ресурсов (2008–2015)». Согласно этому прогнозу, с 2008 по 2020 гг. общий спрос на нефть в Китае составит 6 млрд. тонн, а в 2020 г. спрос на нефть достигнет 500 млн. тонн. Как отметил в своем выступлении заместитель руководителя отдела планирования Министерства го-

сударственных земельных ресурсов КНР Цзюй Цзяньхуа, в 2010 г. общий объем разведанных запасов нефти достигнет 3–3,5 млрд. тонн, в 2015 г. годовой объем производства нефти достигнет 200 с лишним млн. тонн, а Китай будет постоянно импортировать до 50% от общего потребления нефти (См.: http://russian.china.org.cn/business/txt/2009-01/12/content_17095343.htm). В то же время по данным ГСУ КНР на конец 2009 г., объем разведанных запасов каменного угля составил 318,9 млрд. т, однако нефти — всего 2,949 млрд. т, а газа — 3,7 трлн. куб. м (См.: *Чжунго тунци няньцзянь — 2010 (Китайский статистический ежегодник — 2010), Пекин, 2010, с. 410*).

Однако уже в начале XXI века потребление нефти в КНР заметно опережало ее производство, а потребление каменного угля и природного газа было ниже объемов производства. Но такое положение в условиях темпов прироста ВВП свыше 9% в год не могло сохраняться вечно, и в последние годы потребность Китая в энергоносителях стала возрастать. Уже с 1995 г. Китай стал чистым нетто-импортером нефти, а с 2011 г. — и нетто-импортером природного газа. Как показано в таблицах 22 и 23 ниже, доля производства в потреблении нефти уже с 1995 г. стала превышать долю производства, а в 2018 г. этот разрыв стал максимальным. Если доля производства нефти в балансе производства энергоносителей составляла 7,2%, то в балансе потребления — уже 18,9%. В результате импорт нефти составил свыше 500 млн. тонн нефти в 2019 г. при годовом производстве 191 млн. тонн. Иными словами, импорт нефти в Китай обеспечивает свыше 70% потребления нефти в стране. Лишь несколько лет назад сложилась аналогичная ситуация и с обеспечением экономики страны природным газом. В 2018 г. доля производства природного газа в балансе производства энергоносителей составляла 5,5%, а в балансе потребления — 7,8%. Лишь с 2012 г. Китай начал импортировать природный газ, объем импорта все увеличивался, и в 2018 г. он уже составил 90 млн. тонн (*2019-нянь гоминь цзинцизи хэ шэхуэй фачжань тунцизи баогао (Статистический доклад*

социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года).

Таблица 22

Структура производства энергоносителей в Китае (1957–2018 гг.)

Год	Пр-во энергии (млн. т. у. т.)	Уголь (%)	Нефть (%)	Природный газ (%)	ГЭС, АЭС, энергия ветра
1957	98,67	94,9	2,1	0,1	2,9
1965	188,24	88,0	8,6	0,8	2,6
1978	627,7	70,3	23,7	2,9	3,1
1980	637,35	69,4	23,8	3,0	3,8
1985	855,46	72,8	20,9	2,0	4,3
1991	1048,44	74,1	19,3	2,0	4,8
1995	1290,34	75,3	16,6	1,9	6,2
2000	1385,70	72,9	16,8	2,6	7,7
2005	2290,37	77,4	11,3	2,9	8,4
2010	3121,25	76,2	9,3	4,1	10,4
2011	3401,78	77,8	8,5	4,1	11,2
2012	3510,41	76,2	8,5	4,1	11,2
2013	3587,84	75,4	8,4	4,4	11,8
2014	3618,66	73,6	8,4	4,7	13,3
2015	3614,76	72,2	8,5	4,8	14,5
2016	3460,37	69,8	8,2	5,2	16,8
2017	3585,00	69,6	7,6	5,4	17,4
2018	3770,00	69,3	7,2	5,5	18,0

Примечание: показатели производства энергоносителей даны в тоннах условного топлива в соответствии с пересчитанным эквивалентом по углю на базе среднего показателя потребления угля на электростанциях по каждому году.

Источники: Чжунго тунци няньцзянь–1997 (*Китайский статистический ежегодник – 1997*), ГСУ КНР, Пекин, 1997, с. 215; Чжунго няньюань тунци няньцзянь – 2004 (*Китайский энергетический статистический ежегодник – 2004*), Пекин, 2005, с. 33; Чжунго тунци няньцзянь – 2006 (*Китайский статистический*

ежегодник – 2006), ГСУ КНР, Пекин, 2006, с. 261); Чжунго тунци няньцзянь – 2007 (Китайский статистический ежегодник – 2007), Пекин, 2007, с. 261; Чжунго тунци чжайяо – 2009 (Китайский статистический справочник – 2009), Пекин, 2009, с. 145; Чжунго тунци няньцзянь – 2010 (Китайский статистический ежегодник – 2010), Пекин, 2010, с. 269; Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Китайский статистический справочник – 2019), Пекин, 2019, с. 74.

Таблица 23

Структура потребления энергоносителей в Китае (1957–2018 гг.)

Год	Пр-во энергии (млн. т. у. т.)	Уголь (%)	Нефть (%)	Природный газ (%)	ГЭС, АЭС, энергия ветра
1957	96,44	92,3	4,6	0,1	3,0
1965	189,01	86,5	10,3	0,9	3,2
1978	571,44	70,7	22,7	3,2	3,4
1980	602,75	72,2	20,7	3,1	4,0
1985	766,82	75,8	17,1	2,2	4,9
1991	1037,83	76,1	17,1	2,0	4,8
1995	1311,76	74,6	17,5	1,8	6,1
2000	1469,64	68,5	22,0	2,2	7,3
2005	2613,69	72,4	17,5	2,7	7,4
2010	3606,48	69,2	17,4	4,0	9,4
2011	3870,43	70,2	16,8	4,6	8,4
2012	4021,38	68,5	17,0	4,8	9,7
2013	4169,13	67,4	17,1	5,3	10,2
2014	4258,06	65,6	17,4	5,7	11,3
2015	4299,05	63,7	18,3	5,9	12,1
2016	4358,19	62,0	18,5	6,2	13,3
2017	4485,00	60,4	18,8	7,0	13,8
2018	4640,00	59,0	18,9	7,8	14,3

Примечание: показатели производства энергоносителей даны в тоннах условного топлива в соответствии с пересчитанным эквивалентом по углю на базе среднего показателя потребления угля на электростанциях по каждому году.

Источники: Чжунго тунци няньцзянь – 1997 (Китайский статистический ежегодник – 1997), ГСУКНР, Пекин, 1997, с. 215; Чжунго няньюань тунци няньцзянь – 2004 (Китайский энергетический статистический ежегодник – 2004), Пекин, 2005, с. 97;

Чжунго тунци няньцзянь – 2006 (Китайский статистический ежегодник – 2006), ГСУ КНР, Пекин, 2006, с. 261; Чжунго тунци чжайяо – 2007 (Китайский статистический ежегодник – 2007), Пекин, 2007, с. 261; Чжунго тунци чжайяо – 2009 (Китайский статистический справочник – 2009), Пекин, 2009, с. 145; Чжунго тунци няньцзянь – 2010 (Китайский статистический ежегодник – 2010), ГСУ КНР, Пекин, 2010, с. 269; Чжунго тунци няньцзянь – 2010 (Китайский статистический ежегодник – 2010), Пекин, 2010, с. 259; Чжунго тунци чжайяо – 2014 (Китайский статистический справочник – 2014), Пекин, 2014, с. 72; Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Китайский статистический справочник – 2019), Пекин, 2019, с. 75.

Доля запасов каменного угля в КНР составляет 12% мировых запасов, и по этому показателю Китай занимает 3-е место в мире. Доля водных ресурсов — 30% мировых запасов, и по этому показателю Китай занимает 1-е место в мире благодаря тому, что по территории Китая протекает много полноводных рек — Янцзы, Хуанхэ, Меконг, Салуин, Брахмапутра (Цангпо) и другие. Запасы нефти и природного газа также достаточно велики, и заметно превышают объем разведанных запасов. По разведанным запасам нефти Китай находится на 6-м месте в мире, а природного газа — на 16-м месте.

Также следует обратить внимание и на низкое качество энергоносителей. Более чем в 95% запасов нефти содержится высокий процент парафина, нефть легко твердеет при низкой температуре, что затрудняет ее транспортировку и переработку. Большая часть каменного угля практически не поддается переработке для производства кокса, в высокое содержание метана в более чем 40% каменноугольных шахт создает повышенную опасность для шахтеров под землей при добыче угля.

Хотя запасы энергоносителей в стране достаточно велики, при расчете на душу населения Китай заметно отстает от других стран мира. В частности, по разведанным запасам каменного угля в Китае приходится всего 147 тонн на душу населения, что составляет всего 41,4% среднемирового уровня, по запасам нефти — 2,9 тонн (всего 11% среднемирового уровня), по запасам природного газа — всего 4% среднемирового уровня (Подробнее см.: *Цюаньцю нэнюань да цизюй (Положение в мировой энергетике). Авторы концепции Лу*

Чжунвэй, Тао Цзянь. Гл. ред. Чэнь Фэнпин, Чжао Хунту, Изд-во «Шинш», 2005, с. 298–300).

Таблица 24

**Запасы основных видов энергоносителей по провинциям КНР
в 2015 г.**

Провинции КНР	Уголь (млрд. т)	Нефть (млн. т)	Природный газ (млрд. куб. м)
КНР	244,0	3496,1	5194,0
Пекин	0,390		
Шаньси	92,1		41,9
Внутренняя Мон-голия	49,3	82,1	814,9
Шаньдун	7,76	311,2	34,2
Хэнань	8,6	46,3	9,92
Хэбэй	4,25	264,2	7,2
Ляонин	2,68	150,5	15,0
Хэйлунцзян	6,16	440,5	131,8
Цзилинь	0,98	178,0	68,5
Гуйчжоу	10,17		0,6
Шэньси	12,66	384,5	758,7
Сычуань	5,38	6,5	1265,4
Синьцзян	15,87	601,1	1020,2
Цинхай	1,25	79,6	139,6
Тяньцзинь	0,3	30,0	27,4
Ганьсу	3,25	241,1	27,2
Цзянсу	1,05	29,1	2,32
Хубэй	0,32	12,4	4,74
Аньхуэй	8,4	2,5	0,03
Шанхай			
Цзянси	0,34		
Чжэцзян	0,04		

Таблица 24 (продолжение)

Провинции КНР	Уголь (млрд. т)	Нефть (млн. т)	Природный газ (млрд. куб. м)
Фуцзянь	0,41		
Хунань	0,66		
Гуандун	0,02	0,14	0,05
Гуанси	0,09	1,29	0,14
Хайнань	0,12	3,27	0,31
Чунцин	1,76	2,67	264,1
Юньнань	5,96	0,12	0,05
Тибет	0,01		
Нинся	3,74	23,7	2,73
На океаническом шельфе		605,3	510,3

Составлено по: *Чжунго тунци няньцзянь – 2016 (Китайский статистический ежегодник – 2016). Пекин: ГСУ КНР, 2016, с. 234.*

Таблица 25

Распределение разведанных запасов энергоносителей по экономическим регионам Китая (%)

Регион	Доля запасов природных ресурсов			
	Всего	Каменный уголь	Водные ресурсы	Нефть и природный газ
Север	43,9	64	1,8	14,4
Северо-Восток	3,8	3,1	1,8	48,3
Восток	6	6,5	4,4	18,2
Центр и Юг	5,6	3,7	9,5	2,5
Юго-Запад	28,6	10,7	70	2,5
Северо-Запад	12,1	12	12,5	14,1

Источник: *Чжунго нэюань байцзишу (Белая книга по энергоносителям), Пекин, 1997, с. 124.*

При этом большая часть запасов угля была сконцентрирована на севере Китая — в Шаньси и Внутренней Монголии (57,9% всех угольных запасов КНР), запасов нефти — на Северо-Востоке Китая в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин (22,0%) и на Северо-Западе — в Синьцзяне и провинции Шэньси (28,2%), на океаническом шельфе (17,3%), запасов природного газа — в западных районах Китая (провинции Сычуань, Шэньси, Цинхай, Синьцзян, Чунцин и Внутренняя Монголия) — всего 80,8% всех запасов природного газа в Китае и на океаническом шельфе — 9,8% (См. таблицу 24 и 25 выше).

Структура запасов энергоносителей с большим удельным весом каменного угля определяет преимущественное развитие угольной промышленности в КНР, что влечет за собой повышенное потребление каменного угля и высокий уровень загрязнения окружающей среды. Это создает и определенные сложности при переходе на другие виды энергоносителей из-за наличия больших запасов каменного угля на территории Китая и более низкой себестоимости его производства. Тем не менее, с 70-х гг. после открытия Дацинского нефтяного месторождения в пров. Хэйлунцзян, а затем и месторождения Шэнли в пров. Шаньдун происходило повышение доли нефти в потреблении энергоресурсов.

По показателям нетто-экспорта и нетто-импорта к потреблению Китай находится в намного лучшей позиции, чем Япония, Индия и страны Европы, которые испытывают дефицит всех видов энергоносителей. Даже страны Ближнего и Среднего Востока, хотя и имеют положительное сальдо по соотношению потребления таких энергоносителей, как нефть и природный газ, имеют отрицательный баланс по каменному углю. Однако нетрудно увидеть, что при повышении жизненного уровня населения Китая, росте автомобилизации и урбанизации страны проблема дефицита энергоресурсов в стране сильно обострится. Таким образом, исходя из тенденций современного экономического развития, в XXI веке пе-

ред Китаем в полный рост встает вопрос обеспечения спроса на энергоносители. Учитывая то, что в настоящее время Китай в основном испытывает нехватку нефти, то основными направлениями импорта нефти для Китая в будущем могут быть три основных региона — Ближний и Средний Восток, Центральная Азия (Каспийский регион) и Россия.

Сырая нефть является одной из важных составляющих энергетического баланса страны, и с каждым годом ее доля возрастает. Если в 50-е годы считалось, что Китай беден нефтью, и его доля в производстве энергоносителей не превышала 2%, то в дальнейшем — в 60–80-е гг. — эта доля постепенно росла и достигла 23,8% в 1980 г. Однако в дальнейшем в связи с быстрым ростом энергопотребления в ходе экономической реформы темпы нефтеразведки и нефтедобычи стали заметно отставать от потребностей страны в сырой нефти и нефтепродуктах.

В результате в настоящее время каменный уголь до сих пор занимает ведущее место в Китае как в балансе энергопроизводства (69,3%), так и энергопотребления (60%), как показано в таблицах 22 и 23 выше. При сравнении показателей этих таблиц видно, что в настоящее время в структуре энергопотребления доля сырой нефти и природного газа выше, чем в структуре производства. По всем другим позициям ситуация остается благоприятной для Китая, так как производство остальных видов энергоносителей превышает потребление. Однако для поддержания высоких темпов экономического роста необходимо сохранять соответствие темпов роста ВВП и росту производства энергоносителей, поэтому Китай вынужден импортировать сырую нефть и природный газ в больших объемах.

Из-за того, что потребление нефти заметно превышает производство, начиная с 1992 года энергобаланс в КНР стал отрицательным, и потребление стало заметно превышать производство. В дальнейшем дефицит энергоносителей про-

должал расти, и в 2005 г. он уже составил 172,5 млн. т. у. т., а в 2018 г. — 870 млн. т. у. т. Еще в ходе экономической реформы в 80-е годы наметилось заметное отставание производства нефтепродуктов от потребностей экономического развития страны. Хотя объем производства сырой нефти постоянно рос, тем не менее, рост производства нефти не обеспечивал растущие потребности страны в энергоресурсах. Поэтому для решения энергетической проблемы руководство КНР было вынуждено дополнительно увеличивать производство угля и одновременно наращивать импорт нефти. В 80-е годы экспорт нефти значительно превышал ее импорт, но в 90-е годы экспорт нефти стал сокращаться, а импорт нефти резко увеличиваться. В 2000 г. общий объем импорта нефти уже составил примерно 97,5 млн. т (59,8% годового производства сырой нефти), в 2005 г. — 171,6 млн. т (примерно 94,6%), а в 2009 г. — свыше 200 млн. т, а в 2019 г. превысил 500 млн. т.

Как мы видим, к концу XX столетия дефицит энергоресурсов в Китае составлял свыше 20 млн. тонн условного топлива (т. у. т.), а в 2008 г. — 45 млн. тонн условного топлива, это прежде всего связано с нехваткой нефти. В 90-е гг. одной из основных проблем для развития народного хозяйства стал дефицит энергоресурсов в стране. По данным баланса энергопотребления в КНР, главной причиной дефицита энергоресурсов стала нехватка продуктов нефтепереработки, таких как бензин, керосин, дизельное топливо, мазут. Темпы производства продуктов нефтепереработки низкие и заметно отстают от потребностей в потреблении нефти. Разрыв между потребностями развивающегося быстрыми темпами народного хозяйства КНР в нефтепродуктах и возможностями их производства увеличивается с каждым годом (Подробнее о проблемах развития топливно-энергетической отрасли в КНР см.: *Основные отрасли и сферы экономики современной Китая (в 2-х книгах). Книга 1. Отв. ред. А.В. Островский, М., ИДВ РАН, 2012, с. 128–178). Рост жизненного уровня*

населения. Как показывает мировая практика, по мере роста жизненного уровня населения происходит стремительный рост потребления энергоносителей. В 2003 г. в КНР на одного человека в среднем приходилось 1,3 тонн условного топлива или 1479 кВт·часов электроэнергии, или 219 кг нефти, а более чем в 20 китайских провинциях возник дефицит электроэнергии. Американский ученый С. Андерсон провел анализ взаимосвязи трех факторов — качества жизни населения, стоимости валового внутреннего продукта и энергоресурсов по пяти сферам: 1) экономика; 2) общество; 3) просвещение, здравоохранение и образование; 4) окружающая среда; 5) государственная безопасность. Как показали результаты исследования качества жизни населения 50 стран и территорий, при повышении показателя ВВП на душу населения свыше 1000 ам. долл. между затратами электроэнергии на душу населения и качеством жизни наблюдается прямая связь. Например, в 1977 г. когда Республика Корея превысила показатель ВВП на душу населения 1000 ам. долл., показатель потребления электроэнергии на душу населения составлял всего 627 кВт·ч, а в 1987 г. — уже 1525 кВт·ч. (Подробнее см.: *Цюаньцю нэнюань ды циюэюй (Положение в мировой энергетике). Авторы концепции Лу Чжунвэй, Тао Цзянь. Гл. ред. Чэнь Фэнъин, Чжао Хунту, Изд-во «Шиши», 2005, с. 298–300*). В КНР при достижении показателя ВВП на душу населения 1000 ам. долл. по всей стране начались перебои с электроснабжением. По прогнозам, при достижении в 2020 г. китайской экономикой показателя валового внутреннего продукта свыше 3000 ам. долл. на душу населения потребление энергоносителей в Китае должно было вырасти в 2 раза, а фактически в 2019 г. показатель ВВП на душу населения уже превысил 10000 ам. долл.

Растущая автомобилизация. Особенно серьезным вопросом является рост автомобилизации в стране. В 2003 г. Китай по этому показателю опередил Францию и занимал 4-е место по объему производства автомобилей и 3-е место по количеству используемых автомобилей. Еще в 1994 г. доля личных автомоби-

лей в КНР составляла только 21% всего автомобильного парка страны, а в 2003 г. выросла до 50%, то есть за 10 лет количество личных автомобилей выросло в 6 раз, а доля потребления нефтепродуктов этими автомобилями составила свыше $\frac{1}{5}$ всего потребления нефтепродуктов в стране. По прогнозам Центра развития Госсовета КНР, в 2010 г. в стране ездили по дорогам страны свыше 14,66 млн. личных автомобилей, а в 2020 г. будет 72 млн. личных автомобилей (*Жэньминь жибао*, 16.01.2004). Однако в дальнейшем фактическая общая численность зарегистрированных автомобилей в КНР существенно превысила прогнозные показатели. По данным на 2018 год, было произведено 27,8 млн. автомобилей, а общее количество стоящих на учете в полиции составило 205,7 млн. личных автомобилей (примерно один автомобиль на 7 человек, включая детей, а с учетом грузовых автомобилей и пассажирских автобусов — 232,3 млн. автомобилей). К этому следует добавить еще и 136975 судов, использующих двигатели внутреннего сгорания (См.: *Чжунго тунци чжайяо* — 2019, Пекин, 2019, с. 142–143). Соответственно, за этот период резко возрос спрос на бензин и дизельное топливо.

Урбанизация страны. Еще одной острой проблемой, оказывающей прямое воздействие на рост потребления энергоносителей, является быстрая урбанизация Китая. В настоящее время ежегодно свыше 18 млн. человек в год уходят из деревни в город и становятся городским жителями. В 2020 г. доля городских жителей составила 60,6% общей численности населения страны. К этому времени общая жилая площадь в КНР должна составить 68,6 млрд. кв. м, из которых общая жилая площадь в городах — 26,1 млрд. кв. м. Однако на практике эти цифры были превышены, так как стремительно развивалось жилищное строительство и в 10-е гг. XXI века ежегодно сдавалось в эксплуатацию по 7–8 млрд. кв. м, из которых на жилье приходилось 5,0–5,6 млрд. кв. м (См.: *Чжунго тунци чжайяо* — 2019, Пекин, 2019, с. 87). Стремительный рост капитального и дорожного строительства неминуемо привел к росту потребления энерго-

носителей. В 2018 г. доля общего спроса на энергоносители для отраслей промышленности составила 65,7% общего спроса, а объем потребления энергоресурсов на транспорте и связи вырос в 4 раза и составил 421 млн. т. у. т. (9,4%), а домашнее потребление — в 5 раз и составило 576,2 млн. т. у. т. (12,8%) (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 76*).

Таким образом, исходя из тенденций современного экономического развития, в XXI веке перед Китаем в полный мере стоит вопрос обеспечения спроса на энергоносители. В 1990 г. Китай обеспечивал себя энергоносителями на 104%, однако в 1998 г. — лишь на 98%, а в 2000 г. — на 97%. Этот уровень энергообеспечения был выше, чем в США — 73%, Индии — 84%, Бразилии — 78%, и намного выше, чем в таких экономически развитых странах как Япония — 20% и Республика Корея — 17%. В то же время он заметно ниже, чем в странах, являющихся основными производителями энергоносителей, таких как Россия — 157%, Норвегия — 878%, Саудовская Аравия — 473%, Нигерия — 219%, Венесуэла — 381%, Аргентина — 132%. В 2000 г. потребление энергоносителей на душу населения составляло всего 0,9 тонн условного топлива, в то время как в США этот показатель составлял 8,35 т. у. т., Канаде — 8,16 т. у. т., Саудовской Аравии — 5,08 т. у. т., России — 4,22 т. у. т., Японии — 4,12 т. у. т. Однако этот показатель в Китае намного выше, чем у развивающихся стран, таких как Индонезия — 0,69 т. у. т. на душу населения, Филиппины — 0,56 т. у. т., Индия — 0,49 т. у. т., Алжир — 0,73 т. у. т., Нигерия — 0,71 т. у. т. (Рассчитано по: *2010-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунцизи баогао (Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2011 года*, а также по: В.В. Бушув, А.И. Громов. *Глобальная энергетическая безопасность: евразийский аспект / Шестая Международная конференция АЕС-2008 «Энергетическая кооперация в Азии: прогнозы и реальность», Иркутск, Россия, 2008, с. 18*).

Основной целью энергетического развития Китая до 2020 г. было удвоение производства энергоресурсов для того, чтобы обеспечить выполнение задачи увеличения ВВП в 4 раза к 2020 г. по сравнению с 2000 годом. В этом случае потребность в энергоресурсах на 2020 г. составляет 3,0 млрд. т. у. т. (в пересчете на каменный уголь) и 2,1 млрд. т. у. т. на 2010 г. При этом доля каменного угля в потреблении энергоресурсов не должна превышать 60% общего объема потребления, чтобы уменьшить зависимость страны от импорта сырой нефти.

Государственный план развития энергоресурсов Китая был впервые обнародован в 2004 г. В нем впервые была поставлена задача экономии энергоресурсов. Это было связано с низкой долей использования энергоресурсов — всего 32%, что на 10% ниже, чем в развитых странах мира. В рамках государственного плана развития энергоресурсов энергосбережение и сокращение энергозатрат в новых условиях должны будут способствовать быстрому экономическому развитию страны. Для достижения этой цели были намечены следующие показатели: к 2010 г. снижение энергозатрат на 10000 юаней ВВП до 2,25 т. у. т. с 2,68 т. у. т. в 2002 г. и затем до 1,54 т. у. т. к 2020 г. Таким образом, предполагается, что к 2010 г. Китай сможет обеспечить экономию энергоресурсов в размере 400 млн. т. у. т., 1,4 млрд. т. у. т. к 2020 г., что эквивалентно снижению выбросов в воздух 21 млн. т. двуокиси серы (См.: *Zhang Jianping. Chinese Perceptions of Energy Security and the Strategy for the Future of Northeast Asia // Erina Report, Sept. 2007, vol.77, p. 3*).

В 90-е гг. одной из основных проблем для развития народного хозяйства стал дефицит энергоресурсов в стране. По данным баланса энергопотребления в КНР, главной причиной дефицита энергоресурсов стала нехватка продуктов нефтепереработки, таких как бензин, керосин, дизельное топливо, мазут. Темпы производства продуктов нефтепереработки низкие и заметно отстают от потребностей в нефтепродуктах.

Разрыв между потребностями развивающегося быстрыми темпами народного хозяйства КНР в нефтепродуктах и возможностями их производства увеличивается с каждым годом.

Как мы видим, к концу XX столетия дефицит энергоресурсов в Китае составлял свыше 20 млн. тонн условного топлива (т. у. т.), а в 2008 г. — 45 млн. тонн условного топлива, это, прежде всего, связано с нехваткой нефти. Однако в последние годы Китай резко увеличил финансирование развития возобновляемых источников энергии — ветровая, солнечная, приливы, гидротермальные источники, биотопливо, атомная энергия, и **это привело к значительному увеличению доли возобновляемых источников энергии в объеме производства.** В результате Китай обогнал по этому показателю мирового лидера — Германию.

В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) при запланированных темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП) на уровне 7% в год (а фактически он составил около 10% в год) прирост потребления энергоресурсов при коэффициенте эластичности между приростом ВВП и потреблением первичных энергоресурсов на уровне 0,5 составил не менее 3,5% в год. При объеме фактического потребления нефти 224 млн. т в 2000 г. и более 400 млн. т в 2011 г. нетрудно подсчитать, что в 2020 г. для удовлетворения потребностей КНР в нефти необходимо было иметь не менее 500 млн. т, что значительно превышает потенциальные возможности производства нефти в стране. На практике оказалось, что в 2019 г. для обеспечения потребностей страны в сырой нефти потребовалось не менее 700 млн. т в год при сохраняющихся объемах производства 190–210 млн. т нефти в год, и в 2019 г. потребовался импорт свыше 500 млн. т нефти для обеспечения высоких темпов экономического роста. Такая же проблема возникла и с обеспечением страны природным газом. Несмотря на то, что в 2019 г. в КНР добыча природного газа составила 160 млрд. куб. м, объем добычи не удовлетворял растущие

потребности китайской экономики. Поэтому Китай активно закупал трубопроводный газ, в основном с газового месторождения Южный Иолотан в Туркменистане. В последние годы выяснилось, что Китай зависит не только от импорта нефти, но и также от импорта природного газа и даже отдельных сортов каменного угля для производства кокса, несмотря на рост добычи природного газа. Однако, начиная в 10-х гг. XXI века по ряду различных причин стала снижаться добыча каменного угля — с 2013 года и нефти — с 2015 года. В то же время Китай продолжает активно наращивать добычу природного газа, как показано в таблице 26 ниже.

Таблица 26

Динамика производства энергоресурсов в КНР в 1978–2018 гг.

Год	Каменный уголь (млн. тонн)	Нефть (млн. тонн)	Природный газ (млрд. куб. м)
1978	618	104,0	13,73
1980	620	105,9	14,27
1985	872	124,9	12,93
1991	1090	141,0	16,07
1995	1361	150,0	17,95
2000	1384	163,0	27,20
2005	2365	181,4	49,32
2006	2570	184,8	58,55
2007	2760	186,3	69,24
2008	2903	190,4	80,30
2009	3115	189,5	85,27
2010	3428	203,0	95,79
2011	3764	202,9	105,34
2012	3945	207,5	110,61
2013	3974	209,9	120,86
2014	3874	211,4	130,16

Таблица 26 (продолжение)

Год	Каменный уголь (млн. тонн)	Нефть (млн. тонн)	Природный газ (млрд. куб. м)
2015	3747	214,6	134,61
2016	3411	199,7	136,87
2017	3524	191,5	148,03
2018	3683	189,1	160,27
2019	3850	191,0	176,17

Источник: *Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 124; 2019-нянь го-минь цзинцизи хэ шэжунэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года.*

Для КНР существуют три пути решения энергетической проблемы: 1) разведка, разработка и эксплуатация имеющихся нефтяных и газовых месторождений в западной части страны; 2) частичная замена нефти на каменный уголь, природный газ и гидроэлектроэнергию в энергобалансе страны, а также на различные возобновляемые источники энергии, включая атомную энергию; 3) увеличение импорта нефти, природного газа и каменного угля из-за рубежа. В последнее время в Китае возникли новые возможности для решения энергетической проблемы, связанные с развитием добычи сланцевого газа.

Разработка и эксплуатация имеющихся нефтяных и газовых месторождений в западной части страны. К ним относятся Таримский бассейн и пустыня Такла-Макан (СУАР), среднее течение реки Хуанхэ (провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйский АР), Цайдамская впадина (провинция Цинхай), провинция Сычуань и район ГЦП Чунцина. Это приведет к увеличению резервов энергоресурсов в стране, с помощью которых можно будет как регулировать цены на китайском внутреннем рынке энергоносителей, так и обеспечивать необходимый баланс потребления нефти в масштабах всей страны.

В начале XXI века в Китае был впервые поставлен вопрос о необходимости создания резервных мощностей для хранения энергоносителей, как это делается в ряде стран мира на случай кризисов, в частности, в США, Японии, Бразилии, Индии, ЮАР. С 2004 г. в КНР стали создавать четыре резервные базы сырой нефти в основных районах потребления — в трех провинциях: Чжэцзян (г. Нинбо, район Чжэньхай и г. Чжоушань в уезде Дайшань), Шаньдун (г. Циндао, район Хуандао) и Ляонин (г. Далянь, район Синьган). Позднее была введена в строй еще одна резервная база сырой нефти на одном из месторождений нефти в уезде Шаньшань в СУАР (См.: *China Daily, July, 19, 2007*).

В самом Китае ситуация с обеспечением энергоресурсами стала меняться после завершения строительства основного газопровода Запад–Восток (Тарим–Шанхай) и начала строительства второй линии газопровода Цзинбянь–Пекин от месторождения Чанцин в провинции Шэньси на границе с автономным районом Внутренняя Монголия. В настоящее время основной инфраструктурный проект в газовой промышленности Китая завершен. Вступил в эксплуатацию газопровод Восток–Запад от газоконденсатного месторождения Луньшань в Таримской впадине (Синьцзян-Уйгурский автономный район) до Шанхая, где находится основной рынок потребления газа в стране. Трасса прошла по маршруту Луньшань–Курля–Шаншань–Хами(все — СУАР)–Ляоюань–Ланьчжоу (оба — Ганьсу)–Цзинбянь (Шэньси) и далее через Чжэнчжоу (Хэнань) и Нанкин (Цзянсу) в провинции Восточного Китая и до Шанхая. Протяженность этой трассы составила 4167 км, ее пропускная способность — 12 млрд. куб. м в год.

Первое время после ввода этой трассы в эксплуатацию многие эксперты считали, что ее пропускная способность намного выше, чем возможности газовых месторождений на Северо-Западе Китая по заполнению трубы. Однако практика

показала, что проблемы не с запасами природного газа, а с растущими потребностями восточных районов Китая в природном газе и относительно низкой пропускной способностью трассы. В этих условиях на сессии ВСНП в марте 2008 г. было принято решение не только о строительстве параллельного газопровода по трассе Запад–Восток (*сици дуншу*), но и о строительстве новой трассы газопровода из Синьцзяна. Новая трасса прошла через газоносные районы провинции Сычуань в одну из наиболее экономически развитых провинций — Гуандун, хронически страдающую от нехватки энергоресурсов, несмотря на бурный рост добычи нефти на шельфе Южно-Китайского моря.

Несмотря на то, что в Китае ведется добыча на новых месторождениях природного газа, сделаны огромные инвестиции для строительства газопроводов в экономически развитые районы с высокой потребностью во всех видах энергоресурсов на восточное и южное побережье Китая в Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун, тем не менее, годовой добычи нефти около 200 млн. тонн в год и природного газа свыше 150 млрд. куб. м все равно по-прежнему не хватает. Поэтому рассматриваются различные проекты по частичной замене природного газа и нефти на различные виды энергоресурсов, в том числе воспроизводимые энергоресурсы. Не случайно в 10-е годы XXI века происходит стремительный рост этой доли энергоресурсов в производстве и потреблении. В частности, в 2018 г. их доля в производстве энергоресурсов составила 18,0%, а в потреблении — 14,3%, и по этим показателям Китай вырвался на лидирующие позиции в мире (см. табл. 22, 23 выше).

Частичная замена нефти на каменный уголь, природный газ и гидроэлектроэнергию в энергобалансе страны. Это связано с тем, что Китай располагает огромными прогнозируемыми запасами угля и природного газа, а также гидроресурсов в западных районах страны — реки Янцзы, Хуанхэ и других. В де-

кабре 2006 г. Государственный комитет по развитию реформы КНР принял решение о либерализации цен на каменный уголь с 2007 года, был создан рынок угля, в основе которого стала действовать Всекитайская фондовая угольная биржа с региональными фондовыми рынками в качестве дополнения к ней.

Однако в КНР в последние годы значительно расширилось потребление новых видов энергии, таких как атомная энергия и воспроизводимых видов энергии, таких как ветровая и солнечная энергия, а также малые ГЭС, гидротермальная энергия, энергия морских приливов и отливов и другие. По плану развития энергоресурсов Госсовета КНР объем производства воспроизводимых видов энергоресурсов должен был составить 13,0 млн. т. у. т. в 2005 г., а его доля — составлять 0,7% общего объема производства энергоресурсов, в 2010 г. — 25 млн. т. у. т. (или 1,25%), в 2015 г. — 43 млн. т. у. т. (или 2%) (См.: *Чжунго нэнъюань кэчисиюй фачжэань чжэаньлюэ. Чжэуаньти яньцзю (Стратегия устойчивого развития китайских энергоресурсов. Специальные исследования). (Strategic Research Report on China's Sustainable Energy Development). Отв. ред. Пэн Шэнху, Цянь Юйфэнь, Бу Синь. Пекин, Изд-во «Кэсюэ», www.sciencep.com, 2006, с. 89).*

В целом следует считать Китай страной с богатыми воспроизводимыми энергоресурсами, с помощью которых можно удовлетворить потребности страны в них при эффективном использовании. Однако использование воспроизводимых энергоресурсов распределено неравномерно по территории Китая в зависимости от местных условий. В одних провинциях более выгодно использовать солнечную энергию, в других — ветровую, а в ряде провинций — биоресурсы или геотермальные ресурсы, а также энергию морей и океанов. Однако возможности использования воспроизводимых энергоресурсов в будущем в значительной степени связаны с развитием инновационной экономики и научно-технического прогресса в стране, созданием зон развития новых и высоких

технологий и увеличением государственных расходов на развитие науки и техники.

Добыча и разработка сланцевого газа в КНР. Летом 2012 г. Министерство земельных ресурсов Китая опубликовало доклад о научно-техническом развитии нефтяных ресурсов за рубежом в 2012 году. Согласно приведенным в докладе данным о наличии ресурсов сланцевого газа в КНР, его запасы составляют 36,1 трлн. куб. м (примерно 20% мировых запасов), и по этому показателю Китай занимает 1-е место в мире. В этом же докладе отмечалось, что к 2020 г. добыча газа из сланцевых пород стремительно будет расти, и годовой объем производства составит 100 млрд. куб. м, что примерно равно годовому объему добычи природного газа в КНР на 2011 год.

Запасы сланцевого газа распределены равномерно по всей территории Китая, и в марте 2012 г. был обнародован план развития добычи сланцевого газа на 2011–2015 гг. По данному плану предполагалось разведать 600 млрд. куб. м сланцевых пород и 200 млрд. куб. м технически доступных ресурсов сланцевого газа. В результате объем производства сланцевого газа в 2015 г. достиг 6,5 млрд. куб. м, что составляло менее 5% годового объема добычи природного газа (См.: *Китай, 2012, № 9. с. 38–39*).

Наиболее активно велись разработки сланцевого газа в провинции Хунань (Центральный Китай), который богат водными ресурсами. По состоянию на апрель 2012 г. было пробурено 63 скважины по добыче сланцевого газа, из которых на 30 скважинах было налажено производство, и ежедневная добыча составляла от 20 до 100 тыс. кубометров. В ходе разработки месторождений выявились основные проблемы производства сланцевого газа в Китае: 1) опасность загрязнения подземных вод; 2) высокий риск проседания почвы; 3) большие затраты водных ресурсов при бурении; 4) большие затраты на сохранение экологического баланса. В начале 10-х гг. в КНР были выделены большие средства на развитие техно-

логий добычи сланцевого газа, направленных на снижение себестоимости его добычи и производства. Однако в дальнейшем в Китае сочли нецелесообразным дальше развивать добычу сланцевого газа в силу огромных затрат и небольшой доли в объеме добычи природного газа. К тому же китайские геологи стали открывать одно газовое месторождение за другим — в провинциях Шэньси, Сычуань, автономный район Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Увеличение импорта нефти и природного газа из-за рубежа. В настоящее время большая часть нефти по импорту поступает из различных стран мира. В 2004 г. первое место по объему экспорта нефти в КНР занимала Саудовская Аравия — 17,24 млн. т, далее следовал Оман — 16,34 млн. т, за ним Ангола — 16,2 млн. т, Иран — 13,2 млн. т и Россия — 10,77 млн. т. Через пять лет — в 2009 г. Саудовская Аравия оставалась на 1-м месте — 43,7 млн. т, но на второе место переместилась Ангола — 33,5 млн. т, вытеснив на 3-е место Иран — 24,0 млн. т. Россия вышла на 4-е место — 16,0 млн. т, а Судан вышел на 5-е место — 12,7 млн. т, оттеснив Оман на 5-е место — 12,0 млн. т. (Подробнее см: *Чжунго нэнюань кэчисюй фачжань чжаньлюэ. Чжуаньти яньцзю (Стратегия устойчивого развития китайских энергоресурсов. Специальные исследования). (Strategic Research Report on China's Sustainable Energy Development). Отв. ред. Пэн Шэнху, Цянь Юйфэнь, Бу Синь. Пекин, Изд-во «Кэсюэ», www.sciencerp.com, 2006, с. 25–26; 2006 Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае — 2006). Ред. Цуй Миньсюань, Пекин, Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007, с. 170–171; Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае — 2008). Ред. Цуй Миньсюань, Пекин, Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009, с. 178; China Energy Statistics Data — Oil, Gas, Electricity, Coal // Z:/ New CABs/V6/China/Full.html).*

Однако по сравнению с 1998 г. в структуре китайского импорта нефти произошли заметные изменения. Если в 1998 г. основными импортерами нефти в КНР были Иран, Йемен и Индонезия, то в 2001 г. — остался Иран, но подключились Саудовская Аравия и Оман, а в 2004 г. — к этой группе трех стран — основных импортеров нефти в КНР добавились Ангола и Россия, а также Судан, Венесуэла и Казахстан, которые заметно увеличили объемы поставок. **При этом в структуре импорта нефти ведущую роль продолжал играть Ближний Восток — 61% в 1998 г., 45,4% в 2004 г. и 50% в 2009 г. В то же время резко выросло место Африки в импорте нефти в Китай — с 8,0% в 1998 г. до 30% в 2009 г. — в основном за счет Анголы, Судана и Ливии.** Доля стран Азии и Австралии постепенно снижалась с 20,0% в 1998 г. до 11,4% в 2004 г. и до 5% в 2009 г. за счет резкого снижения импорта нефти из Индонезии и Малайзии. В то же время произошел заметный рост доли импорта нефти из стран Европы и Западного полушария за счет роста импорта в КНР российской и венесуэльской нефти. Если в 1998 г. эта доля составляла всего 0,5% всего импорта, то в 2004 г. — 8,8%, а в 2009 г. — уже 17% (См.: *Там же*).

По оценкам RAND Corporation, идеальная стратегия в области импорта нефти Китаем представлена как импорт из стран Ближнего Востока, России и Центральной Азии в равных долях. Импорт нефти из стран Африки и Латинской Америки в этом исследовании не рассматривался. По данным Министерства коммерции КНР, три крупнейшие китайские нефтяные компании — CNPC или КННК (Китайская национальная нефтяная компания), Sinopec или Синопек (Китайская нефтехимическая компания) и CNOOC или КНООК (Китайская компания по добыче нефти и газа на морском шельфе) участвуют в разработке 65 крупных проектов по добыче нефти и газа в более чем 30 странах мира, инвестировали свыше 7 млрд. ам. долл. для того, чтобы полу-

чить 60 млн. т нефти в качестве дивидендов по акциям (См.: *Zhang Jianping. Chinese Perceptions of Energy Security and the Strategy for the Future of Northeast Asia // Erina Report, Sept. 2007, vol. 77, p. 6.*)

В последние годы Китай начал активно развивать импорт природного газа. В частности, в 2006 г. КННК выиграла тендер на разработку и добычу природного газа на месторождении Южный Иолотан (Туркменистан), и с 2009 г. вступил в эксплуатацию газопровод из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан в Китай (объем поставок природного газа в КНР — 60 млрд. куб. м в год), Китай принимает активное участие в разработке газовых месторождений в Тургайской степи (Казахстан), был построен газопровод из Мьянмы в Китай мощностью до 12 млрд. куб. м в год и активно осуществляет закупки сжиженного газа из Австралии и Катара. В мае 2014 г. было подписано соглашение между КННК и «Газпромом» о поставках природного газа с Чаяндинского месторождения в Восточной Сибири в Китай с 2019 года в объеме 30 млрд. куб. м в год. Завершается строительство газопровода через Пакистан из порта Гвадар по трассе действующего Каракорумского шоссе через Гилгит и Хунджеерабский перевал до Кашгара, где ведутся активные геологоразведочные работы по оценке газоносных пластов месторождения Курля–Куча в пустыне Такла-Макан.

В настоящее время в Китай по импорту поступает как трубопроводный газ — в основном из Туркменистана (до 30 млрд. куб. м в год), а также из Мьянмы, Узбекистана и Казахстана (не более 3 млрд. куб. м из каждой страны). Кроме того, несмотря на дороговизну сжиженного природного газа (СПГ), Китай импортирует его из разных стран мира. Большая часть СПГ поступает из Катара — 9,2 млрд. куб. м в год, Австралии — 5,2 млрд. куб. м в год и Малайзии — 4,1 млрд. куб. м в год. Кроме того, СПГ в Китай также поступает из Индонезии, Йемена и небольшими партиями с газо-

вых месторождений других стран мира (См.: <https://yandex.ru/images/search?text=import%20натурального%20газа%20в%20%20Китай...>).

В настоящее время Китай активно ориентируется на восполнение сырой нефти путем импорта из разных стран мира. По данным компании ВР, в 2018 г. Китай импортировал нефть из следующих стран: Россия — 71,6 млн. т, Саудовская Аравия — 56,7 млн. т, Ирак — 45 млн. т, Кувейт — 23,2 млн. т, США — 12,3 млн. т и ОАЭ — 12,2 млн. т (См.: <https://yandex.ru/images/search?text=import%20нефти%20в%20%20Китай...>). Как мы видим, по сравнению с 2011 годом произошли заметные изменения в структуре основных импортеров нефти в КНР. После введения в эксплуатацию нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан до порта Казьмино и ответвления через Сковородино на Дацин Россия вышла на 1-е место по объему импорта нефти в Китай, и за счет этого два года назад стоимостной объем экспорта стал превышать объем китайского импорта в Россию. В десятке ведущих импортеров нефти потеряли свои позиции африканские страны — Ангола и Судан, а также Казахстан и Венесуэла.

Таблица 27

Ведущие страны-импортеры нефти в КНР в 2011 году

Страны-импортеры	Импорт нефти (млн. тонн)	Удельный вес (%)
1. Саудовская Аравия	50,28	19,8
2. Ангола	31,15	12,3
3. Иран	27,76	10,9
4. Россия	19,72	7,8
5. Оман	18,15	7,2
6. Ирак	13,77	5,4
7. Судан	12,99	5,1
8. Венесуэла	11,52	4,5
9. Казахстан	11,21	4,4
10. Кувейт	9,54	3,8
Всего 10 стран	206,09	81,2
Импорт нефти (всего)	253,78	100
Производство нефти	203,65	

Таким образом, Китай стремится активно использовать импорт энергоресурсов для восполнения дефицита и обеспечения необходимого объема производства энергоресурсов для развития экономики. При этом в последние годы доля импорта продолжает расти, и в настоящее время Китай постарается воспользоваться ситуацией с падением мировых цен на нефть для восполнения своих запасов.

Воспроизводимые энергоресурсы. В КНР в последние годы значительно расширилось потребление новых видов энергии, таких как атомная энергия и воспроизводимых видов энергии, таких как ветровая и солнечная энергия, а также малые ГЭС, гидротермальная энергия, энергия морских приливов и отливов и другие. Согласно принятой в 1995 г. тремя ведомствами — Госпланом КНР, Государственным комитетом по науке и

технике КНР и Государственным комитетом по экономике и торговле КНР программе развития новых и воспроизводимых видов, их доля в структуре энергоресурсов должна была заметно увеличиться к 2010 г. В 1997 г. был принят «Закон КНР об экономии энергоресурсов», в котором провозглашалась на 2015 год стратегия «опоры на электростанции на каменном угле при усилении разведки запасов нефти и природного газа». При этом подчеркивалась необходимость «исходя из местных условий (*иньди чжиу*) развивать малые гидроэлектростанции, энергию ветра, солнца, гидротермальную энергию и энергию биоресурсов» (См.: *Чжунго нэнюань кэчисюй фачжань чжаньлюэ. Чжуаньти яньцзю (Стратегия устойчивого развития китайских энергоресурсов. Специальные исследования). Strategic Research Report on China's Sustainable Energy Development*) / отв. ред. Пэн Шэнху, Цянь Юйфэнь, Бу Синь. Пекин, 2006. www.sciencep.com, с. 88).

По данным на конец 2002 г., общая мощность малых ГЭС составляла 28,5 млрд. кВт; общая площадь солнечных батарей составляла 40 млн кв. м (40% мирового показателя); насчитывалось более 10 млн. малых домашних станций и 1900 больших и средних размеров станций на основе болотного газа (метана) в качестве энергоресурса; ветровых станций суммарной мощностью 0,468 млрд. кВт в основном мощностью по 200–300 ватт каждая ветровая станция. Однако доля воспроизводимых видов энергоресурсов (без ГЭС и АЭС) в общем объеме производства КНР в начале XXI века оставалась невелика — всего 0,76% в 2000 г. и 0,79% в 2002 г. (*Там же*, с. 88–89).

По плану развития энергоресурсов Госсовета КНР объем производства воспроизводимых видов энергоресурсов должен был составить 13,0 млн. т у.т. в 2005 г., а его доля — составлять 0,7% общего объема производства энергоресурсов, в 2010 г. — 25 млн. т у.т. (или 1,25%), в 2015 г. — 43 млн. т у.т. (или 2%) (*Там же*, с. 89).

В 2007 г. КНР вышел на первое место в мире по объему использованных воспроизводимых энергоресурсов. Инвестиции в воспроизводимые энергоресурсы, исключая крупные ГЭС, выросли по сравнению с 2006 г. на 91% и составили 10,8 млрд. долларов США. В 2007 г. КНР по общему объему инвестиций во все объекты, воспроизводящие энергоресурсы, вышел на 2-е место в мире после Германии и планирует выйти в 2009 г. на первое место в мире по объему инвестиций в эти объекты (*Жэньминь жибао*, 08.09.2008).

Такое внимание руководства КНР к воспроизводимым энергоресурсам усилилось как в результате быстрого роста цен на традиционные энергоносители — нефть, природный газ, с одной стороны, так и, с другой стороны, из-за трудностей с доставкой традиционных энергоносителей морским путем через Молуккский пролив при увеличении доли зависимости страны от импорта нефти на 50% в 2010 г. и на 60–70% в 2020 году. В этой ситуации правительством КНР была поставлена задача увеличить в потреблении энергоресурсов долю воспроизводимых энергоресурсов до 10% в 2010 г. и до 15% в 2020 г., включая энергию ГЭС и АЭС (*Жэньминь жибао*, 08.09.2008).

В настоящее время использование ветровой энергии приняло широкие масштабы в климатически благоприятных для этого северных районах Китая — Внутренняя Монголия, Синьцзян, Хэйлунцзян, Ганьсу, а солнечной энергии — во Внутренней Монголии, Таримской впадине, Тибетском нагорье, на севере Синьцзяна, на западе Северо-Востока, в районе Шэньси–Ганьсу–Нинся, а также в нижнем течении рек Хуанхэ и Янцзы и южных провинциях Гуандун, Юньнань, Фуцзянь, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе (См.: *2006 Чжунго нэньюань фачжань баогао... с. 019*).

Всего можно выделить шесть основных видов используемых в Китае воспроизводимых нетрадиционных видов энергии: 1) малые гидроэлектростанции; 2) солнечная энергия;

3) ветровая энергия; 4) биоресурсы; 5) геотермальная энергия; 6) энергия морских приливов и отливов.

Малые гидроэлектростанции. В настоящее время малые ГЭС используются более чем в 1500 уездах Китая. Большая часть малых ГЭС находится в бедных и горных районах провинций Центрального и Южного Китая с большим количеством горных рек. Их средняя годовая мощность — около 1 млн. квт. час. на одну ГЭС. Доля суммарной мощности турбин малых ГЭС составляла 31% мощности всех ГЭС в Китае, а доля производимой на них электроэнергии — 36%. Энергия малых ГЭС покрывает примерно 40% всей территории КНР и обеспечивает электричеством $\frac{1}{3}$ всех уездов страны и свыше 300 млн. человек. Предполагалось, что к 2020 г. мощность малых ГЭС составит 50–55 млрд. кВт. и они будут производить 160–170 млрд. кВт.ч. электроэнергии (См.: *2006 Чжунго нэнюань фачжань баогао... с. 074–075*). Однако при этом в Китае продолжают уделять внимание и строительству крупных ГЭС. В 2008 г. завершилась пробная эксплуатация последнего энергоблока на ГЭС «Санься» на реке Янцзы и крупнейшая в мире ГЭС «Санься» была сдана в эксплуатацию.

Солнечная энергия. В Китае обширная площадь территорий с большим количеством солнечных дней. Всего на территорию КНР приходится ежегодно солнечного излучения 586 тыс. джоулей на 1 кв. см. Много солнечного излучения приходится на Тибет, Цинхай, Синьцзян, северную часть Внутренней Монголии, пров. Шаньси, северо-западную часть пров. Шэньси, провинции Хэбэй, Шаньдун, Ляонин, западную часть пров. Цзилинь, центральную и юго-западную часть пров. Юньнань, юго-восточную часть пров. Гуандун, юго-восточную часть пров. Фуцзянь, восточную и западную часть острова Хайнань. Особенно большой объем солнечного излучения приходится на высокогорье Тибет–Цинхай на высоте свыше 4000 метров над уровнем моря. Всего в КНР выделено пять зон, в которых возможно использовать солнечные

батареи: 1) самые богатые солнечной энергией районы Китая (всего 2800–3000 часов солнечного света, 669–836 тыс. джоулей энергии 1 на кв. см в год), такие как Ганьсу, север Нинся, запад Тибета и провинции Цинхай, а также юго-восток Синьцзяна; 2) менее богатые солнечной энергией регионы (3000–3200 часов солнечного света, 585–669 тыс. джоулей энергии на 1 кв. см в год), такие как Внутренняя Монголия, юг Нинся, центральная часть Ганьсу, восточная часть провинции Цинхай и Тибета, юг Синьцзяна, северо-запад пров. Хэбэй и север пров. Шаньси; 3) регионы 3-й категории с умеренными возможностями воспроизводства солнечной энергии (2000–3000 часов солнечного света в год, 502–585 тыс. джоулей энергии на 1 кв. см в год), к которым относится большая часть страны, такие как провинции Шаньдун, Хэнань, восточная часть провинции Хэбэй, провинции Шаньси, Цзилинь, Ляонин, Юньнань, север Синьцзяна, восток Ганьсу, провинция Гуандун, юг провинции Фуцзянь, провинция Цзянсу и север провинции Аньхуэй; 4) регионы 4-й категории с ограниченными возможностями воспроизводства солнечной энергии (1400–2000 часов солнечного света, 418–502 тыс. джоулей энергии на 1 кв. см в год), куда входят такие районы, как провинции Хунань, Хубэй, Гуанси-Чжуанский автономный район, Цзянси, Чжэцзян, север пров. Фуцзянь, а также северные районы провинции Гуандун, южная часть провинций Шаньси, Цзянсу, Аньхуэй и провинция Хэйлунцзян; 5) бедные солнечной энергией районы (1000–1400 часов солнечного света, 330–418 тыс. джоулей энергии на 1 кв. см в год), такие как провинции Сычуань и Гуйчжоу.

Судя по всему, солнечная энергия будет одним из важных видов энергоресурсов в КНР в будущем, о чем свидетельствует ввод в эксплуатацию в 2008 году первого в стране здания с использованием систем утилизации солнечной энергии. Как нам представляется, такие здания будут строиться в зонах 1–3 категорий до 500 тыс. джоулей энергии на 1 кв. см в год и в этих районах должно быть не менее 2000 часов солнечного

света в год. В настоящее время такие станции с большим количеством солнечных батарей находятся в различных частях Китая. Особенно много их расположено в районах с большим количеством солнечных дней в году, таких как Синьцзян.

Ветровая энергия. По использованию ветровой энергии Китай можно разделить на две зоны. Приморская зона в Восточном Китае — провинции Чжэцзян и Фуцзянь, где постоянно дует ветер с океана, а также два полуострова — Шаньдун и Ляодун. В этих зонах можно получить ветровой энергии до 200 ватт на 1 кв. метр, а в прибрежных районах на восточном побережье — до 500 ватт на 1 кв. метр. Другая территориальная зона в Китае, где можно использовать энергию ветра — это север и северо-запад Китая, куда относятся провинция Ганьсу, автономные районы Синьцзян и Внутренняя Монголия — 200–300 ватт на 1 кв. метр, а в отдельных районах — Джунгарские ворота и Алашанькоу в Синьцзяне или коридор Хэси в провинции Ганьсу — до 500 ватт на 1 кв. метр. Именно провинция Ганьсу и СУАР, где не только строится большое количество ветровых станций, но и производится для них оборудование, станут важной базой развития ветровой энергии (Подробнее см.: *Елена Баженова, Андрей Островский. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути, М., МБА, 2016, с. 27–29*). Во всех других районах Китая использовать ветровую энергию не имеет смысла, так как ветровой энергии можно получить не более 100 ватт на 1 кв. метр (См.: *2006 Чжунго нэнъюань фачжань баогао... с. 075–076*). Однако в последнее время многие в Китае стали скептически относиться к ветровым станциям из-за высокой себестоимости ветровой энергии по сравнению с солнечной.

Энергия из биоресурсов. Это традиционный вид энергоресурсов, издавна использующийся в Китае. К ним относятся стебли растений, хворост, экскременты домашнего скота и птицы, мусор, промышленные и водные отходы и другие. По статистике, из 700 млн. тонн условного топлива, которое может быть воспро-

изведено из биоресурсов, 350 млн. т. у. т. (или свыше 50%) приходится на отходы растениеводства. Если 40% этих отходов перерабатывается на корм скоту, химические удобрения или сырье для промышленного производства, то около 60% — примерно 210 млн. т. у. т. — может быть использовано в качестве энергоресурсов. Хворост может быть использован в качестве горючего, однако, не более 40% остатков древесины могут быть использованы в этом качестве — примерно 30 млн. т. у. т. Также может быть использована большая часть экскрементов от домашнего скота и птицы, за исключением небольшой их части, которая идет в качестве химических удобрений — всего примерно 60 млн. т. у. т. в год, немалая часть промышленных отходов — около 80% (70 млн. т. у. т. в год) и бытовые отходы — 80 млн. т. у. т. в год. Таким образом, по оценкам китайских ученых можно использовать в качестве возобновляемых энергоресурсов биоресурсы, которые составят примерно 450 млн. т в пересчете на условное топливо (См.: *Чжунго нэнъюань кэчисюй фачжань чжэньлюэ...*, с. 97).

Геотермальные ресурсы. Китай — страна, богатая геотермальными ресурсами, всего насчитывается свыше 3200 геотермальных источников, которые в течение года производят в пересчете на условное топливо 3560 млн. т. у. т. Большая часть геотермальных ресурсов находится в отдаленных районах КНР — Тибет, Юньнань. В экономически развитых районах Китая геотермальные ресурсы имеются в районах городов центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, а также в провинциях Хэбэй, Гуандун, Фуцзянь, Хайнань и Гуанси. При этом большая часть геотермальных источников — более 80% — имеют температуру менее 100 градусов по Цельсию, что позволяет их использовать в народном хозяйстве напрямую, без дополнительной обработки.

Энергия морей и океанов. К основным видам энергии морей и океанов относятся такие виды, как энергия прилива и отлива, энергия волн, энергия приливных течений, энергия раз-

ности температур морской воды и энергия разности по степени солености моря. Однако в настоящее время в Китае в основном используют энергию приливов и отливов, морских волн и приливных течений. В мире самые крупные приливы достигают 13–15 метров, но в Китае — не более 8 метров (в Ханчжоуском заливе). В настоящее время в КНР действуют 424 станции общей мощностью 22 млн. кВт, использующие энергию приливов и отливов. Также в стране имеются станции, использующие энергию приливных течений и волн. Однако все они расположены в приморских районах КНР. Более того, лишь три приморские провинции — Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян — считаются перспективными для строительства подобных станций, еще три приморские провинции — Ляонин, Шаньдун, Хайнань — считаются сравнительно богатыми такими видами энергоресурсов.

Атомная энергия. В последнее время в КНР стали уделять большое внимание строительству атомных электростанций. Об этом свидетельствует подписание нового контракта с российской стороной на строительство второй очереди Тяньваньской АЭС на севере провинции Цзянсу, несмотря на регулярно возникавшие проблемы с реализацией контракта на строительство 1-й очереди Тяньваньской АЭС. В 2009 г. в рамках плана по увеличению внутреннего спроса и выделения антикризисного пакета средств на сумму 4 трлн. юаней было начато строительство первого гигантского объекта АЭС Фуцин третьего поколения в провинции Фуцзянь. Кроме того, была построена первая в Китае АЭС Шидао в провинции Шаньдун с высокотемпературными газовыми реакторами, ведется строительство крупнейшей в Китае АЭС Янцзян. Также в Китае активно развиваются отрасли среднего машиностроения, о чем свидетельствует завершение строительства первого в Китае ядерного электрического парогенератора мощностью 1 млн. кВт·часов и первого ядерного энергетического энергоблока из г. Дэян провинции Сычуань (Подробнее см.: http://russian.china.org.cn/business/txt2009-01/06/content_17064486.htm). Следует также отметить, что Китай

добился заметных успехов в производстве атомных реакторов «Хуалун», которые он уже начал экспортировать за рубеж.

В целом следует считать Китай страной с богатыми воспроизводимыми энергоресурсами, с помощью которых можно удовлетворить потребности страны в них при эффективном использовании. Однако использование воспроизводимых энергоресурсов распределено неравномерно по территории Китая в зависимости от местных условий. В одних провинциях более выгодно использовать солнечную энергию, в других ветровую, а в ряде провинций — биоресурсы или геотермальные ресурсы, а также энергию морей и океанов.

Еще на 1-й сессии ВСНП 11 созыва (март 2008 г.) в докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, основной причиной возникающих трудностей в экономике являются завышенные темпы роста ВВП в результате избыточных инвестиций в отрасли вне сферы сельского хозяйства и их постоянное снижение в сельское хозяйство, избыточное потребление энергии и развитие загрязняющих производств на территории Китая.

В 2006 г. была принята программа экономии энергоресурсов — о необходимости сокращения до 2010 г. на 20% потребления энергоресурсов на единицу производимого ВВП. По замыслам китайского руководства, это должно привести к снижению потребления энергоресурсов — с 2,68 млрд. т.у.т. в 2002 г. до 2,25 млрд. т.у.т. в 2010 г. и до 1,54 млрд. т.у.т. в 2020 г. На практике с 2006 г. должно было сокращаться потребление энергоресурсов на 4% в год. Однако в 2006 г. не произошло никакого сокращения в потреблении энергоносителей, в 2007 г. — этот показатель составил всего 1,32% вместо 4% за год. В результате только за 7 месяцев 2007 г. выбросы двуокиси серы составили 12,634 млн. т, углекислого газа — 6,913 млн. т. Для сравнения в 2002 г. выбросы двуокиси серы составили 19,27 млн. т, в 2006 г. — 25,89 млн. т (из них 85% приходится на промышленные выбросы). В дальнейшем ситуация мало изменилась. В 2015 г. выбро-

сы двуокиси углерода составляли 22,24 млн. т, а двуокиси серы — 18,59 млн. тонн. Также сохранялся большой объем выбросов твердых промышленных отходов промышленности — 1988,07 млн. тонн (*Чжунго тунцизи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 73*).

Вплоть до настоящего времени основной проблемой китайской экономики является экстенсивный характер ее развития. Удельные затраты на единицу ВВП в Китае в 8–10 раз выше, чем в промышленно развитых странах мира. Удельные выбросы загрязняющих веществ в расчете на единицу ВВП в ней в 30 раз выше, чем в промышленно развитых странах. По-прежнему большая часть энергопотребления приходится на каменный уголь — примерно 60% объема энергопотребления. Но сжигание каменного угля в Китае обеспечивает выбросы 70% сажи, 60% двуокиси серы, 60% окислов азота и 85% двуокиси углерода (*Shi Dan. China's Energy Policy: Past and Present // China Economist, July, 2007, p. 63*). Последние два вида загрязнения воздуха являются основной причиной «кислотных дождей», которые проходят не только в КНР, но и распространяются дальше — на территорию Корейского полуострова и Японские острова. Около 70% двуокиси серы дают такие отрасли промышленности, как энергетика, черная и цветная металлургия, промышленность стройматериалов, нефтепереработка, химическая промышленность. 93,1% установленной мощности теплоэлектростанций (ТЭС) приходится на ТЭС, работающие на каменном угле. Все это оказывает негативное влияние на развитие экологической ситуации в Китае по трем основным средам: вода, воздух, земля.

Более того, выяснилось, что значительная часть привлеченного в страну иностранного капитала направляется в отрасли с высокими затратами ресурсов и серьезно загрязняющие окружающую среду. В частности, как отмечалось в докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 1-й сессии ВСНП 11 созыва (март 2008 г.), в 1995 г. доля иностранных

инвестиций в такого рода предприятия составляла всего 30%, а в 2005 г. — уже 84,2%, в то время как в природоохранные отрасли поступило менее 0,2% иностранных инвестиций. Поэтому для решения проблем энергосбережения и охраны окружающей среды в КНР за последние 5 лет было ликвидировано 46,59 млн. т отсталых мощностей по производству чугуна, 37,47 млн. т — по производству стали, 87 млн. т — по производству цемента и закрыты малые ТЭС суммарной мощностью 21,57 млн. кВт и 2 тыс. мелких угольных шахт, а также задействованы 10 приоритетных энергосберегающих программ, в частности, для очистки угольных шахт от избыточных выбросов двуокиси серы, борьбы с загрязнением главных водоемов страны — рек Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ, озер Тайху, Чаоху, Дунтинху, охраны лесов и борьба с песчаными бурями в зоне Пекина и Тяньцзиня.

В целом для решения энергетической проблемы Китай должен работать по трем основным направлениям: 1) охрана окружающей среды; 2) энергетическая безопасность; 3) повышение эффективности использования энергоресурсов. По мере роста экономической мощи страны происходит увеличение потребления энергоресурсов, особенно каменного угля. Это оказывает серьезное влияние на окружающую среду — воздух, воду и землю, которые подвергаются загрязнению. Китайские топливно-энергетические станции (ТЭС) на угле потребляют примерно половину произведенного в стране угля и 40% воды для промышленных нужд. Они дают более половины выбросов в воздух двуокиси серы, 33% выбросов промышленных отходов, 22% выбросов всех отходов и 70% всей сажи и копоти, а доля Китая в загрязнении окружающей среды от использования каменного угля составляет 13% общемировых выбросов двуокиси азота (*Shi Dan. China's Energy Policy: Past and Present // China Economist, July, 2007, p. 64; 2007 Чжунго нэнъюань фачжэнь баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае — 2007). Ред. Ван Цзячэн, Чжао*

Чжилинь, Пекин, Изд-во «Шуйли шуйдянь», 2007, с. 14). Поэтому одним из главных путей решения экологической проблемы является сокращение потребления угля в качестве топлива для ТЭС, использование новой технологии очистки каменного угля, а также разработка новой технологии печей полного цикла сжигания угля.

Примерно 40% продукции угольной промышленности Китая добывается на шахтах, в которых не обеспечена безопасность рабочей силы. Особенно плохо обстоит дело с безопасностью труда на мелких шахтах. По некоторым оценкам, на угольных шахтах с суммарной годовой добычей 400 млн. тонн (примерно 18% годового объема добычи угля в КНР) необходимо совершенствовать систему безопасности труда, на шахтах с суммарной годовой добычей 150 млн. тонн (6,8%) — невозможно провести работу по совершенствованию системы безопасности труда, а шахты с суммарной годовой добычей 200 млн. тонн (9,0%) следует немедленно закрыть по причинам несоблюдения условий техники безопасности.

Хотя за годы реформ происходило повышение эффективности использования энергоресурсов в экономике Китая, тем не менее, потребление энергоносителей в последние 10 лет росло более быстрыми темпами, чем рост валового внутреннего продукта (ВВП). Как показали расчеты китайских ученых, если потребление энергоносителей в стране будет столь же расточительным, то оставшихся запасов угля хватит на 114,5 лет, нефти — только на 20,1 года, а природного газа — на 49,3 года. При этом отмечалось, что при таком избыточном потреблении энергоносителей к 2020 г. в Китае могут возникнуть проблемы и с имеющимся в избытке каменным углем, в стране образуется дефицит, по различным оценкам, в объеме от 125 до 600 млрд. тонн, и для решения этого вопроса потребуются инвестиции в объеме не менее 40 млрд. юаней (*Shi Dan, Ibid., p. 65*).

Такой рост потребления энергоносителей связан со значительным увеличением объемов производства энергозатратной продукции промышленности — сталь, цемент, глинозем. Кроме того, расходы энергоносителей в китайской промышленности намного выше среднемировых показателей, в среднем на 40%, и в 2,3 раза выше на единицу произведенной продукции (См.: *2007 Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае — 2007)*. Ред. Ван Цзячэн, Чжао Чжилинь, Пекин, Изд-во «Шуйли шуйдянь», 2007, с. 14). Таким образом, очевидно, что значительные резервы для решения энергетической проблемы в КНР кроются в экономии энергоресурсов и повышении эффективности их использования.

На наш взгляд, Китай вполне может обойтись текущими запасами энергоносителей на территории страны с учетом огромных запасов каменного угля и других энергоносителей, а также сланцевого газа, с учетом программы экономии энергоресурсов 2006 года, развития воспроизводимых источников энергии для обеспечения высоких темпов развития экономики. К тому же Китай имеет сложившиеся к настоящему времени источники импорта нефти с Ближнего Востока, России, стран Центральной Азии и Латинской Америки и природного газа из Центральной Азии и Мьянмы. В этой связи становится очевидным, что Китай в целом будет обладать необходимыми источниками энергии для обеспечения высоких темпов экономического роста. Вместе с тем, следует отметить, что высокие темпы роста ВВП Китая для построения общества «малого благоденствия» потребуют дополнительного прироста производства энергоресурсов, который может покрываться не только за счет импорта нефти, но и природного газа и каменного угля. Для решения двух проблем — относительной нехватки энергоресурсов и загрязнения окружающей среды — важное значение будет иметь программа энергосбережения, а также развитие возобновляемых источников энергии — энергии ве-

тра, солнца, использование биотехнологий при переработке отходов, а также энергии морских приливов и отливов. В настоящее время Китай уделяет большое внимание всем этим проблемам и надеется, что это поможет в будущем решить проблему нехватки энергоресурсов для обеспечения необходимых темпов социально-экономического развития страны.

4. РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

На протяжении всего существования КНР основной проблемой экономики было неравномерное развитие регионов — быстрый рост приморских районов и замедленное развитие внутренних районов. Нельзя сказать, что китайское руководство не понимало этой проблемы. В 50-е годы и в период «культурной революции» центральное правительство выделяло намного больше инвестиций на развитие внутренних районов Китая, что сохраняло определенный статус-кво по уровню экономического развития между регионами. Сохранялся разрыв между восточными приморскими районами и западными внутренними районами. Однако в 80-е годы XX века с начала проведения экономической реформы разрыв между приморскими и внутренними районами страны стал расти в силу того, что в новых условиях перехода к рынку у приморских районов оказалось больше возможностей для самостоятельного развития. Они смогли лучше использовать имеющуюся экономическую базу и возможности для расширения внешнеэкономических связей и привлечения иностранного капитала.

С 1978 года Китай стал проводить экономическую реформу, в ходе которой региональная политика стала осуществляться на основе имеющихся возможностей социально-экономического развития отдельных регионов, их экономического потенциала. В этих условиях одностороннее преимущество

получили провинции с высоким социально-экономическим уровнем, обладающие хорошими экспортными возможностями и связями с китайской диаспорой за рубежом. Таким образом, проводимый руководством КНР курс реформ и открытости на начальном этапе реформ предоставил приоритетные условия для развития приморских районов Китая. В приморских районах стали создаваться зоны (или «полюса роста»), которые по темпам социально-экономического роста заметно опережали другие районы. Судя по всему, предполагалось, что в дальнейшем «точки роста» потянут за собой развитие прилегающих территорий, в дальнейшем опережающий социально-экономический прогресс в полюсах роста потянет за собой, как на буксире, экономику прилегающих территорий приморских районов, а затем и распространятся на прилегающие к приморским территориям центральные районы Китая.

Для реализации этой стратегии с 1980 г. Китай создал четыре специальные экономические зоны (далее СЭЗ) Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямынь в провинции Фуцзянь, как первые «полюса роста». Эти зоны были созданы на основе приоритетного развития территорий на первом этапе за счет дополнительных инвестиций из центрального бюджета для создания необходимой инфраструктуры в СЭЗах. В дальнейшем эти территории развивались уже за счет привлечения иностранных инвестиций в них благодаря имеющимся более выгодным местным условиям. К ним относятся более высокий уровень социально-экономического развития территорий по сравнению с другими, близость к территориям, где проживает китайская диаспора (Гонконг, Макао, Тайвань), лучшее транспортное сообщение с внешним миром, более высокий уровень квалификации рабочей силы, более тесные связи с китайской диаспорой за рубежом и др.

В 1984 г. зона для привлечения иностранных инвестиций и более быстрого развития территории по сравнению с

остальной частью страны была расширена. Было решено открыть для иностранных инвестиций еще 14 приморских городов, в том числе Тяньцзинь и Шанхай. После этого была создана еще одна — отделенная от провинции Гуандун самая крупная в КНР специальная экономическая зона Хайнань, которая стала самостоятельной провинцией. Затем была расширена открытая зона в приморской полосе, в результате чего были образованы открытые приморские зоны — дельта Чжуцзян в провинции Гуандун, дельта Янцзы — Шанхай, юг Цзянсу и север Чжэцзяна, дельта Цюаньчжанся на юге провинции Фуцзянь, Шаньдунский полуостров и Ляодунский полуостров. Однако далеко не все эти территории получили одинаково быстрое социально-экономическое развитие, равно как и не все СЭЗ развивались одинаково быстро. Если территории дельты рек Чжуцзян и Янцзы развивались сравнительно быстро, то другие территории стали заметно отставать в развитии. Среди СЭЗ наиболее быстрыми темпами развивался Шэньчжэнь, в то время как Чжухай и Сямынь развивались более медленно, а СЭЗ Шаньтоу и провинция Хайнань почти стояла на месте по сравнению с СЭЗ Шэньчжэнь.

В 1990 г. с целью стимулирования развития Шанхая и дельты Янцзы была создана в Шанхае зона Пудун, и Шанхай стал своего рода «головой дракона», а его «хвостом» — юг Цзянсу и север Чжэцзяна. В результате вдоль Янцзы была создана открытая экономическая зона во главе с зоной Пудун, которая стала своего рода «сердцевиной» открытой приморской зоны. Всего в 14 открытых приморских городов с середины 80-х годов входили почти все морские порты на территории Китая — Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян, Бэйхай. Они в основном опирались на промышленность, привлекали иностранный капитал и поступление валюты от экспорта и добывались высокого экономического эффекта в своем развитии.

С целью повышения внешней открытости и привлечения иностранного капитала с 1990 г. в некоторых открытых приморских городах были созданы специальные «зоны гарантированных налогов» (*баошуйцзюй*). Эти районы представляют собой особые небольшие зоны наподобие «свободных портов» за границей, носящие функции торговых портов, в которых проводится обработка товаров на экспорт (типа зон экспортной переработки) и осуществляются внешнеторговые функции. В них проводится особая политика налогообложения и особые методы управления. Всего действовало 15 таких «зон гарантированных налогов» — Вайгаоцяо в Шанхае, в Тяньцзине, три зоны в Шэньчжэне — Шаньтоуцзяо, Футянь и Яньтяньган, Гуанчжоу, Чжухай, Чжанцзяган, Хайкоу, Циндао, Нинбо, Фучжоу, Сяньюй в Сямыне и Шаньтоу.

В ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК была официально выдвинута «стратегия координированного развития» региональной экономики. В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) были предложены следующие программные установки для реализации «стратегии координированного развития» региональной экономики: 1) поддерживать продвижение программы развития западных районов; 2) возрождать старую промышленную базу на Северо-Востоке; 3) способствовать возвышению центральных районов; 4) поощрять генеральную стратегию развития передовых зон в приморских районах (См.: Сяо Цзиньчэн. *«Шилюдэ» илай цзюйюй сетяо фачжаньды цинкуан юй вэйлайды чжэньцэ цзяньи (Ситуация координированного развития регионов после XVI съезда КПК и предложения о будущей политике) / Чжунго цзюйюй цзиньцзи фачжань баогао (2007–2008) (Доклад о развитии региональной экономики в Китае (2007–2008). Пекин, Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008, с. 42–43).*

В целом для развития приморских районов был выбран курс на «поощрение ускоренного развития восточных районов», проведение модернизации в тех местах, где имеются

условия для создания «точек роста». Признавалось, что вся территория восточных районов является лидером для других территорий страны. Основными преимуществами восточных районов являются благоприятные условия и созданные инновации в территориальном развитии регионов с начала реформы, которые последовательно продвигались в приморских районах. Как отмечали китайские ученые-экономисты, для приморских регионов в ходе реформы проявились такие преимущества по сравнению с другими территориями, как оптимизация отраслевой структуры производства, рост научно-технических инноваций, успешное преодоление нехватки ресурсов. В результате во многих провинциях приморских районов активно развивались отрасли новых и высоких технологий, ориентированные на экспорт отрасли, современные отрасли в сфере услуг, в результате чего многие провинции смогли успешно принимать участие в конкуренции на мировом рынке и заметно повысить уровень социально-экономического развития (Подробнее см.: *Сунь Цзювэнь. Чжунго фачжаньчжунды дицзюй вэньти: цзунти чжаньлюэ юй цюй-юй гуйхуа (Вопросы развития регионов Китая: генеральная стратегия и региональные программы) / Чжунго цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2007–2008) (Доклад о развитии региональной экономики в Китае (2007–2008). Пекин, Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008, с. 58).*

Однако в начале XXI века такой разрыв в уровне экономического развития между внутренними и приморскими регионами стал угрожать экономической и социальной стабильности страны. Китайскому руководству стало ясно, что возникшие социальные и экономические противоречия между богатыми приморскими и бедными внутренними районами наносят серьезный удар по социальному и политическому единству китайского общества и ставят под угрозу выполнение выдвинутого Дэн Сяопином плана построения «общества малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*). Поэтому в начале XXI века была выдвинута программа «развития западных районов Китая» (*сибу да кайфа*), а затем в 2005 году — про-

грамма восстановления старой промышленной базы Северо-Востока, и в 2006 г. — программа развития центральных районов Китая. Предполагалось, что в результате реализации этих программ можно будет сократить разрыв в уровне экономического развития регионов и к 2020 году — решить задачу построения общества *сяожан* во всех без исключения регионах Китая.

Как показывают итоги социально-экономического развития за 2018 год, восточный регион занимает лидирующее положение практически по всем показателям по сравнению с другими тремя регионами — внутренними районами, западными районами и Северо-Востоком. В частности, объем ВВП 10 провинций и городов центрального подчинения составляет более половины объема ВВП страны — 48,1 трлн. юаней (52,6%). Объем ВВП 6 провинций Центрального Китая и всех западных территорий примерно одинаков — 19,3 трлн. юаней (21,1%) и 18,4 трлн. юаней (20,1%) соответственно. Последнее место по объему ВРП занимает Северо-Восток КНР, куда, по данным китайских статистических сборников, входят три провинции без восточной части АРВМ. Объем ВРП Северо-Востока составил 5,7 трлн. юаней (6,2% объема ВВП Китая) (*Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 14–15*).

Восточные приморские районы лидировали также в 2018 г. по доле прибыли крупных (так называемых «сверхлимитных» предприятий (*гуймо ишан гунъе цие*) — 57,4% промышленного производства страны, объему капитального строительства — 53,4%, совокупному потребительскому розничному товарообороту — 51,4%. Но особое место восточные регионы занимают во внешнеэкономических связях Китая. На восточные регионы приходится 81,7% всего объема внешней торговли, 81,0% экспорта и 82,5% импорта.

Внутренние районы играют большую роль в производстве сельскохозяйственной продукции, особенно масличных культур, — 42,6% объема производства страны. В свою очередь,

на Северо-Восток приходится значительная доля производства зерновых — 20,3%. Западные районы обеспечивают для страны львиную долю в производстве хлопка — 84,6%, значительную часть производства масличных — 32,3% и зерновых — 25,7%, электроэнергии — 33,1%, нефти — 32,7% и цемента — 21,5% (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 14–15*).

Средний показатель ВВП на душу населения по всему Китаю в 2018 г. составлял 64644 юаней (более 9794 долл.) и находится в пороговом значении для категории стран с уровнем дохода выше среднего по классификации Всемирного банка (от 3595 до 11115 долл.) При этом максимальный уровень ВВП на душу населения в 2018 г. составлял 140211 юаней (21244 долл.) в г. Тяньцзинь, а минимальный — 31336 юаней в провинции Ганьсу (около 4748 долл.) (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 30*), что уже превышает категории регионов с уровнем дохода ниже среднего по классификации Всемирного банка (от 906 до 3595 долл.) (См.: *Сайт группы Всемирного банка* <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/PROJECTSRUS/0,,contentMDK:22045557~pagePK:41367~piPK:51533~theSitePK:3319376,00.html#mid>).

Для приморских районов Китая можно выделить три зоны развития или «полюса роста» — зона дельты реки Янцзы, зона дельты реки Чжуцзян и зона кольца Бохайского залива, которые с начала реформ выполняли функции лидеров и тянули за собой сначала прилегающие территории, а затем и всю страну.

В годы экономических реформ основные преимущества рыночной экономики получили приморские районы, в которых себестоимость производства продукции оказалась ниже, инвестиций удавалось привлечь намного больше, внешнеторговые связи оказались более тесными из-за близости к морским портам. В результате доля ВВП приморских районов в объ-

еме ВВП Китая в 2000 г. выросла — почти на 7 процентных пунктов по сравнению с 1978 г., как показано в таблице 28.

Таблица 28

**Удельный вес ВРП регионов в объеме ВВП Китая
в 1978–2018 гг. (%)**

Районы	1978	1980	1990	2000	2010	2018
Восточные	50,6	50,2	51,5	57,3	53,0	52,6
Центральные	29,3	29,8	28,3	25,6	19,7	21,1
Западные	20,1	20,0	20,2	17,1	18,7	20,1
Северо-Восток					8,6	6,2

Источник: *Чжунго чжунчанци фачжэньды чжунъяо вэньти, 2006–2020 (Важные вопросы долгосрочного и среднесрочного развития Китая, 2006–2020). Гл. ред. Ван Мэнкуй, Пекин, Чжунго фачжэнь чубаньшиэ, 2005, с. 216; Чжунго тунци чжайяо – 2011, Пекин, 2011, с. 16–17; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 14–15.*

Как мы видим, с 1978 г. доля ВРП приморских районов Китая увеличилась с 50,6% до 51,5% в 1990 г. и 57,3% в 2003 г. Затем она снизилась в XXI веке до 52,6% в 2018 г., хотя по-прежнему составляла половину ВВП страны, как и до начала реформы в 1978 году. Аналогичное положение наблюдалось и по душевым показателям ВВП по регионам страны в начале XXI века. В частности, в начале XXI века в 2001 г. ВРП на душу населения в приморских городах центрального подчинения — Пекине — 25300 юаней, Шанхае — 37382 юаня, Тяньцзине — 19986 юаней был не только намного больше, чем в среднем по стране, но и по приморским районам. Лишь пять приморских провинций — Чжэцзян, Гуандун, Цзянсу, Шаньдун и Ляонин — имели показатель ВРП на душу населения от 10000 до 14000 юаней в год (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2002 (Китайский статистический справочник — 2002), Пекин, 2002, с. 22*). Особенно большой разрыв в ВВП на душу населения наблюдался по линии «Запад–Восток» между богатым Шанхаем (37382 юаня) и беднейшей в КНР провинцией Гуйчжоу (2865 юаней) — примерно в 13 раз.

В XXI веке практически не произошло серьезных изменений в структуре социально-экономического развития Китая. Практически по всем экономическим показателям наблюдалось доминирование приморских районов, хотя по ряду показателей доля приморских районов в общих показателях КНР несколько снизилась. Как показано в таблице 29 ниже, несколько снизилась доля ВВП приморских районов в общем объеме ВВП, а также почти все натуральные показатели промышленной и сельскохозяйственной продукции. Практически не изменилась доля приморских провинций во внешне-торговых показателях Китая. По-прежнему на приморские районы приходилось свыше 80% объема внешнеторговых операций. Почти неизменной сохранялась доля приморских районов во внутреннем розничном товарообороте (свыше 50% внутреннего рынка КНР) и в объеме капитального строительства (тоже свыше 50%). Однако за этот период существенно увеличилась их доля в производстве автомобилей и незначительно — в производстве нефти и стали, но существенно снизилась доля в производстве компьютеров за счет стремительного роста их производства в новых центрах — ГЦП Чунцин, провинциях Сычуань, Хубэй и Аньхой (см. табл. 29).

Таблица 29

**Основные социально-экономические показатели развития
приморских районов КНР (2000–2018 гг.)**

Показатель	2000		2018	
	Приморские районы КНР*	В % от показателя по всей КНР	Приморские районы КНР*	В % от показателя по всей КНР
Валовой внутренний продукт (млрд. юаней)	5082,3	56,8	48009,5	52,6
Первая сфера	584,2	41,1	2200,4	34,0
Вторая сфера	2501,1	55,0	19645,0	52,2
Третья сфера	1996,1	67,2	26254,2	55,4
Сельское хозяйство				
Зерно (млн. тонн)	139,7	30,2	154,7	23,5
Хлопок (млн. тонн)	1,25	28,4	0,503	8,2
Растительное масло (млн. тонн)	9,26	31,3	6,85	20,0
Промышленность				
Цемент	292,1	48,9	776,6	35,2
Нефть (млн. тонн)	55,6	34,1	74,4	39,3
Электроэнергия (кВт·ч)	638,5	47,1	2699,6	38,0
Сталь (млн. тонн)	59,8	46,5	656,7	59,4
Автомобили (млн. ед.)	0,728	35,2	13,65	49,1
Компьютеры (млн. ед.)	6,016	89,5	143,5	46,7
Строительство				
Объем капитального строительства (млрд. юаней)	634,6	54,0	12564,0	53,4
Внутренняя торговля				
Объем розничного товарооборота (млрд. юаней)	1858,2	54,4	19386,5	51,4
Внешняя торговля				
Объем внешней торговли (млрд. долл.)	410,1	86,5	24926,6	81,7
Экспорт (млрд. долл.)	213,9	85,8	13303,8	81,0
Импорт (млрд. долл.)	196,2	87,2	11622,9	82,5

Примечание: * В приморские районы КНР входят 7 провинций – Хэбэй, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Хайнань и 3 города центрального подчинения – Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Три свободные экономические зоны – Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу входят в провинцию Гуандун, а свободная экономическая зона Сямынь – в провинцию Фуцзянь.

Составлено по: Чжунго тунци чжайяо – 2001, Пекин, 2001; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019.

Как мы видим, в основном все преимущества перехода к рыночной экономике и возможности выхода на мировой рынок в ходе реформ получили предприятия приморских районов, которые имели больше возможностей для экспорта и импорта и для привлечения иностранных инвестиций и создания разного рода совместных предприятий и предприятий с чисто иностранным капиталом. В настоящее время они и сохранили все свои преимущества по сравнению с другими регионами КНР — центральными, западными и Северо-Востоком.

Таблица 30

Основные показатели валового регионального продукта приморских районов КНР

Провинция, город центрального подчинения	Валовой региональный продукт (млрд. юаней)		Темпы прироста ВРП в 2018 г. (%)	Валовой региональный продукт на душу населения (юаней)		Темпы прироста ВРП в 2018 г. (%)
	2000	2018	По сравнению с предыдущим годом	2000	2018	По сравнению с предыдущим годом
Пекин	246,1	3032,0	6,6	17807	140211	7,1
Тяньцзянь	163,9	1881,0	3,6	16374	120711	3,7
Хэбэй	507,6	3601,3	6,6	7527	47772	6,0
Шанхай	455,1	3268,0	6,6	27186	134982	6,5
Цзянсу	858,5	9259,5	6,7	11542	115168	6,3
Чжэцзян	602,4	5619,7	7,1	12880	98643	5,7

Таблица 30 (продолжение)

Провинция, город центрального подчинения	Валовой региональ- ный продукт (млрд. юаней)		Темпы прироста ВРП в 2018 г. (%)	Валовой региональный продукт на душу населе- ния (юаней)		Темпы при- роста ВРП в 2018 г. (%)
	2000	2018	По срав- нению с преды- дущим годом	2000	2018	По сравне- нию с пре- дыдущим годом
Фуцзянь	392,0	3580,4	8,3	11293	91197	7,4
Шаньдун	854,2	7647,0	6,4	9409	76267	5,9
Гуандун	950,6	9727,8	6,8	11000	86412	5,1
Хайнань	51,8	483,2	5,8	6582	51955	4,8

Составлено по: *Чжунго тунци чжайяо – 2001, Пекин, 2001; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 30.*

Однако и на этом фоне вполне можно выделить своего рода «точки роста» в приморских районах КНР, которые будут на протяжении многих лет флагманами развития экономики страны. В 2000 г. по объему ВРП первые три места занимали Гуандун, Цзянсу и Шаньдун, а по показателю ВРП на душу населения — три ГЦП — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Однако в XXI веке расстановка сил в приморских районах по показателю ВРП практически не изменилась, за исключением увеличившегося отрыва находящейся на 2-м месте провинции Цзянсу от занимающей 3-е место провинции Шаньдун. Тем не менее, по показателю душевого ВВП ситуация в приморских районах существенно изменилась. В 2000 г. среди ГЦП с большим отрывом лидировал Шанхай — 27186 юаней в год, за ним шли Пекин — 17807 юаней и Тяньцзинь — 16374 юаня. В 2018 г. на первое место вышел Пекин с показателем ВРП на душу населения — 140211 юаней, на втором месте остался Шанхай — 134982 юаней, и на третьем месте остался Тяньцзинь — 120711 юаня. Эти показатели душе-

вого ВВП трех городов центрального подчинения в 2 и более раз выше среднего показателя ВВП на душу населения в стране.

Представляет интерес и рейтинг приморских провинций по показателю ВВП на душу населения. В 2000 г. четыре приморские провинции — Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян и Фуцзянь — имели примерно одинаковые показатели ВВП на душу населения — от 11000 юаней до 12800 юаней. Однако в 2018 г. ситуация по этому показателю заметно изменилась. Произошел значительный отрыв провинции Цзянсу (115168 юаней) от Чжэцзяна (98643 юаня), а Чжэцзян (98643 юаня) оказалась впереди двух других приморских провинций — Гуандун (86412 юаней) и Фуцзянь (91187 юаней) и заметно обогнала Шаньдун — 72267 юаня. Как мы видим, душевые показатели ВВП в этих провинциях намного выше среднего показателя по стране в 2018 году.

Уровень урбанизации в приморских районах был запланирован заметно выше, чем в среднем по КНР. В 2018 г. в большинстве приморских провинций урбанизация превышала как плановые показатели — 47%, так и средний показатель по стране — 59,6%. Наиболее низкие показатели урбанизации в 2018 году оказались в провинции Хэбэй — 56,4% и Хайнань — 59,0%, что оказалось ниже среднего показателя в КНР — 59,58%. В то же время для провинций Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу был характерен самый высокий в стране уровень урбанизации: в Цзянсу — 69,6%, Чжэцзяне — 68,9%, в Гуандуне — 70,7%. В двух других приморских провинциях — Фуцзянь и Шаньдун — доля городского населения также оказалась выше среднего по стране, но заметно ниже средних показателей трех лидирующих по объему ВВП провинций — Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян (*Чжунго тунцзи чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 21*)

В этой связи представляет большой интерес развитие территориальной структуры китайской экономики. Вплоть до 2010 года значительную часть ВВП Китая давали восточные

приморские районы и три города центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Однако после того, как в начале XXI века была запущена экономическая программа развития западных районов Китая, а затем — программа развития старой промышленной базы Северо-Востока Китая и программа развития центральных районов Китая, в региональной структуре ВВП стали происходить изменения, связанные с уменьшением доли восточных районов при сохранении их доминирования в формировании ВВП и значительном уменьшении доли трех провинций Северо-Востока и шести центральных провинций при заметном росте доли западных районов Китая, как показано в табл. 31.

Таблица 31

**Изменения в структуре ВРП экономических районов КНР
в 2000–2018 гг.**

Экономические регионы	2000 г.		2009 г.		2018 г.	
	трлн. ю	%	трлн. ю	%	трлн. ю	%
Всего по КНР	8,9	100	33,5	100	90,0	100
Восток	5,1	57,0	19,5	58,0	48,1	52,6
Центр	2,0	22,1	7,0	20,9	19,3	21,1
Северо-Восток	0,97	10,9	3,0	9,1	5,7	6,2
Запад	0,89	10,0	4,0	12,0	18,4	20,1

Рассчитано по: *Чжунго тунци чжайяо – 2004, Пекин, 2004, с. 23; Чжунго тунци чжайяо – 2010, Пекин, 2010, с. 27; Чжунго тунци чжайяо – 2014, Пекин, 2014, с. 13–14; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 14–15.*

По итогам статистического анализа развития 10 провинций и ГЦП в приморских районах Китая с 2000 по 2018 гг. следует выделить три ГЦП — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь и три провинции — Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян, которые в настоящее время располагают наиболее значительным экономическим потенциалом.

Разрыв в уровнях доходов между регионами приводит к обострению социальных противоречий и повышению степени социальной напряженности. Отстающие по уровню социально-экономического развития районы требуют дополнительного финансирования и ресурсов, бедное население не имеет доступа к образованию и минимальным социальным благам, что тормозит экономический рост Китая.

С целью укрепления политического единства страны, поддержания ее целостности, повышения уровня экономического развития, выравнивания уровней благосостояния населения правительство Китая вынуждено проводить региональную политику, выявляя конкурентные преимущества каждого района и не допуская возникновения социальных конфликтов и экономических проблем.

В настоящее время высокие темпы развития Китая обеспечиваются только несколькими регионами — центрами экономического роста, некогда выделенными в экономические районы: это провинция Гуандун с дельтой р. Чжуцзян, Пекин-Тяньцзиньская агломерация и Бохайский залив, а также регион дельты р. Янцзы. По данным за 2018 г., только два региона (Пекин-Тяньцзинь и дельта р. Янцзы) обеспечили 53,4% ВВП всего Китая соответственно (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 16*). А если сюда добавить находящуюся в дельте реки Чжуцзян провинцию Гуандун, доля ВРП которой в ВВП Китая составляет свыше 10%, то доля трех лидирующих регионов Китая составит уже 64% ВВП или почти две трети. Остальные, внутренние, удаленные от побережья регионы по уровню развития значительно уступают этим трем экономическим зонам.

Для разработки 12-го пятилетнего плана на 2011–2015 гг., который уже не носил характер директивного, была дана команда местным властям всех административно-территориальных единиц о необходимости подготовить программы социально-экономического развития территорий на основе

результатов, достигнутых в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.). В январе-феврале 2011 года все местные собрания народных представителей (СНП), включая СНП крупных городов с населением свыше 1 млн. человек, приняли программы развития территорий, в которых, в отличие от программ развития на 2006–2010 гг., были учтены все замечания и предложения руководства страны о необходимости усиления социальных аспектов развития территорий, разработаны экологические нормативы развития производства и сделан серьезный упор на развитие научно-технических инноваций. Все эти предложения суммировались на уровне Госсовета КНР, и в марте 2011 г. программа социально-экономического развития КНР на 2011–2015 гг. после обсуждения на 4-й сессии ВСНП была принята к исполнению.

В июле 2010 г. в Пекине состоялось Всекитайское рабочее совещание по проблемам развития западных районов Китая, на котором были подведены итоги 10-летнего развития западных районов и намечены мероприятия по их развитию на ближайшее десятилетие. За годы экономических реформ основные преимущества рыночной экономики получили приморские районы, в которых себестоимость производства продукции оказалось ниже, инвестиций удавалось привлечь намного больше, внешнеторговые связи оказались более тесными из-за близости к морским портам. В результате доля ВВП западных районов в объеме ВВП Китая в 2000 г. заметно снизилась по сравнению с 1978 годом. Программой развития западных районов Китая в начале XXI века охватывались следующие территории — провинции Шэньси, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Цинхай, город Чунцин и пять автономных районов — Нинся, Синьцзян и Тибет, Гуанси и Внутренняя Монголия.

В XXI веке за время осуществления программы развития западных районов (курс — *сибу да кайфа*) выявились основные «полюса роста» или своего рода кластеры, с помощью

которых и будет развиваться вся территория западных районов, включающая в себя 12 провинций. За период действия экономической программы развития западных районов следует выделить провинции Сычуань и Шэньси, ГЦП Чунцин и АРВМ, которые в настоящее время располагают наиболее значительным экономическим потенциалом и им оказывается наибольшая помощь со стороны центра. На наш взгляд, опережающее развитие западных районов может быть только при условии создания необходимой инфраструктуры экономики и формировании своего рода «полюсов роста», которыми могут стать ГЦП Чунцин, Сычуань, Шэньси и АРВМ.

Основной проблемой развития западных территорий в годы проведения реформы была нехватка инвестиций в экономическое развитие территорий, прежде всего в развитие инфраструктуры и добывающей промышленности. В октябре 2000 г. Госсовет КНР принял первый документ о развитии западных районов под названием «Уведомление Госсовета КНР о реализации мер по развитию западных районов» (Документ № 33 за 2000 год). В состоявшем из пяти частей документе были сформулированы конкретные мероприятия, направленные на развитие западных районов, в частности, такие как создание специальных фондов, определение приоритетных объектов капитального строительства, выделение на эти цели специальных средств из центрального бюджета, предоставление налоговых льгот, поддержка банковскими кредитами, регулирование цен, привлечение иностранных инвестиций, развитие внешней торговли и другие меры (См.: Лю Шицин, Ло Ван, Жэнь Чжицзюнь и др. *Сибу дакайфа цзыцзинь чжаньлюэ яньцзю баогао (Исследовательский доклад об инвестиционной стратегии в развитии западных районов), Пекин, Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2005, с. 2*). В августе 2001 г. Канцелярия по развитию западных районов Госсовета КНР совместно с министерствами и ведомствами приняла документ «Мнение о реализации мер по развитию западных рай-

онов» (Документ № 73 за 2001 год), содержание которого на $\frac{2}{3}$ было перенесено из предыдущего документа.

В июле 2002 г. Госсовет КНР в своих указаниях о реализации программы развития западных районов в годы 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) обратил особое внимание на необходимость реализации ранее изданных постановлений Госсовета КНР — № 33 от 2000 года и № 73 от 2001 года. В ноябре 2002 г. в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК был намечен ряд конкретных мер по развитию западных районов Китая, в частности, государственная поддержка в западных районах инвестиционных проектов, инвестиционные и налоговые льготы для регионов, расширение каналов финансовых поступлений для реализации инвестиционных проектов.

В марте 2004 г. был опубликован документ Госсовета КНР «Некоторое мнение Госсовета о стимулировании развития западных районов» (Документ № 6 от 2004 г.), в котором говорилось о «расширении каналов для создания фондов, что является важной гарантией для развития западных районов», и указывалось на необходимость использования таких финансовых инструментов центрального правительства, как государственный долг и другие фонды поддержки программы развития западных районов» (См.: Там же, с. 3). Такая же позиция Госсовета КНР по вопросам развития западных районов была подтверждена на Всекитайском центральном рабочем совещании по национальным вопросам в 2005 году.

По прогнозам китайских ученых, в Китае будет построено общество «всеобщей зажиточности» (*фуюй шэжуэй*) тогда, когда будет преодолено неравенство в экономическом развитии регионов, между жителями города и деревни, все жители страны получат равный доступ к общественным услугам, показатели развития ИРЧП по стране будут расти, повысится доступность для населения льгот по социальному обеспечению.

Одним из основных вопросов развития современного Китая является одновременный рост жизненного уровня в городе и деревне. Для решения этого вопроса в Китае необходимо одновременно выполнить две задачи — уничтожить бедность в деревне и повысить жизненный уровень сельского населения до уровня городского при одновременном росте доходов в городе и деревне, а также преодолеть разрыв в жизненном уровне населения приморских районов и внутренних районов Китая.

В КНР считают, что должно происходить сокращение в разрывах доходов на душу населения по регионам Китая. Фактически до начала реформ экономическое неравенство между регионами было очень велико, и эта ситуация называлась «одна страна — четыре мира». Если в 1980 г. разрыв в коэффициентах ВВП на душу населения между богатыми и бедными регионами составлял 0,90, в 1990 г. благодаря переходу на систему семейного подряда он резко снизился до 0,60. Однако, в 2000 г. он вновь увеличился до 0,70 в результате реализации лозунга «пусть богатеют передовые» (в данном случае — город), а в 2010 г. разрыв между городом и деревней вновь снизился до 0,56 в ходе стимулирования деревни и отмены сельскохозяйственного налога в 2007 году. В конечном счете, по мнению коллектива ученых университета Цинхуа под руководством Ху Аньгана, в 2020 г. этот разрыв должен снизиться до 0,40, а в 2030 г. — до 0,37. И если не считать трех городов центрального подчинения — Пекина, Шанхая и Тяньцзиня, то этот разрыв должен стать еще меньше (См.: *2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай — 2030: вперед к всеобщей зажиточности)*. Ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин, 2011, с.136).

По их мнению, к 2030 г. шесть провинций по объему ВВП на душу населения вплотную приблизятся к США, а семь — обойдут США. Еще в 2010 г. ни одна провинция, автономный район и город центрального подчинения не догнали

США по показателю ВВП на душу населения, а в 2020 г. три города центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь уже перегонят США по этому показателю, а в 2030 г. к ним добавятся еще Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун и автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) (См.: *Там же*, с. 138).

Как показано в этой работе китайских ученых под руководством Ху Аньгана, в 2010 г. по ИРЧП для Китая — 0,663 — некоторые провинции и города центрального подчинения, в основном приморские районы — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Ляонин, Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, Цзилинь, Шаньдун и АРВМ, уже превзошли средний показатель по КНР и вышли на уровень общества со средним уровнем развития. В 2020 г. все приморские провинции должны выйти на показатель общества со средним уровнем развития, а в 2030 г. почти 30% населения страны будут проживать в обществе с высоким уровнем развития — три города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь), четыре приморские провинции (Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян и Гуандун) и две внутренние — Цзилинь и АРВМ, и лишь 6,3% в обществе со средним уровнем развития — Тибет, Юньнань и Гуйчжоу.

Такая постановка вопроса о развитии западных районов в XXI веке возникла не случайно. В 50–70-е годы в условиях плановой экономики из центрального бюджета выделялись определенные средства на развитие западных районов Китая, и разрыв по уровню социально-экономического развития между приморскими и внутренними районами если не уменьшался, то, по крайней мере, и не увеличивался. Однако за годы экономических реформ основные преимущества рыночной экономики получили приморские районы, в которых себестоимость производства продукции оказалось ниже, инвестиций удавалось привлечь намного больше, внешнеторговые связи оказались более тесными из-за близости к морским портам.

Как мы видим, с 1978 г. доля ВРП западных районов Китая уменьшилась с 20,1% до 17,1% в 2000 г. и 16,9% в 2003 г., но затем программа развития западных районов дала свои плоды, и их доля в ВВП Китая выросла до 20%. Такое положение в значительной степени было связано с резким ростом производства в добывающей промышленности. Аналогичное положение наблюдалось и по душевым показателям ВВП по регионам страны в начале XXI века. Если в 2003 г. ВРП на душу населения в восточных районах составлял 16306 юаней, то в западных — всего 6217 юаней (или в 2,6 раз меньше, чем в восточных районах). В дальнейшем этот разрыв в доходах между жителями приморских районов и западных районов Китая стал постепенно сокращаться. В частности, в 2003 г. ВВП на душу населения в Шанхае составлял 46718 юаней, то в Гуйчжоу — всего 3603 юаня, то есть разрыв был более чем в 13 раз. В то же время в 2018 г. ВВП на душу населения в Шанхае был 134982 юаня, то в самой бедной провинции Ганьсу — 31336 юаней, то есть разрыв уже составил всего 4,3 раза (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2009 (Китайский статистический справочник — 2009), Пекин, 2009, с. 111; Чжунго тунцизи чжайяо — 2019 (Китайский статистический справочник — 2019), Пекин, 2019, с. 30).*

Такая ситуация по-прежнему негативно влияла на развитие социальной обстановки в западных районах Китая. В результате борьбы с бедностью с 2012 по 2018 гг. общая численность бедных в сельской местности сократилась с 98,99 млн. чел. до 16,6 млн. чел. при сохранении границы «бедности» менее 2300 юаней на человека в год. При этом в 2018 г. значительная часть из 16,6 млн. бедного населения КНР приходится на западные районы — 9,2 млн. чел. (55,4%) См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019 (Китайский статистический справочник — 2019), Пекин, 2019, с. 67).* Из тех детей, которые не посещают школу, большая часть детей — из западных районов, в западных районах слабая

инфраструктура — не хватает скоростных автомагистралей, линий электропередач, не везде можно слушать радио и смотреть телевизор, имеются районы, которые не телефонизированы и недоступна мобильная телефонная связь. Поэтому ликвидировать бедность в западных районах можно только при развитии там индустриализации и урбанизации, при скорейшем приобщении жителей западных районов к благам цивилизации.

Однако модель развития китайской экономики, в основе которой лежит освоение западными районами природных ресурсов, а восточными районами — производства и переработки продукции, создает на длительный период ситуацию, при которой разрыв в уровне социально-экономического развития между западными и восточными регионами будет продолжать увеличиваться. До тех пор, пока природные ресурсы из западных районов будут обеспечивать экономические потребности других районов Китая, западные районы так и не смогут воспользоваться своим преимуществом в получении более дешевой энергии для развития обрабатывающей промышленности на собственной основе. Большая часть продукции в эти регионы будет идти из восточных районов по более высоким ценам по сравнению с теми видами продукции, которые производятся на месте. Наиболее характерным примером этого является ситуация в Тибете, где введение в эксплуатацию железной дороги Голмуд—Лхаса дало больше возможностей для поставок продукции из приморских районов. Однако отсутствие мало-мальски развитой местной промышленности ведет к резкому росту цен практически на все виды товаров в оптовой и розничной торговле, что негативно влияет на повышение жизненного уровня проживающего там населения.

Однако следует отметить, что главным вопросом программы развития западных районов Китая должна быть охрана окружающей среды и создание ресурсосберегающих условий

для развития производства. Для достижения этой цели главными являются такие меры, как запрет на вырубку лесов, обеспечение населения зерном в обмен на выращивание лесов, восстановление пастбищных угодий и регулирование ирригационных работ в верховьях крупнейших рек Китая — Янцзы, Хуанхэ, Цангпо (Брахмапутра), Нуцзян (Салуин) и Ланьцаньцзян (Меконг), а также противодействие осушению рек в бассейне реки Тарим. Следует отметить, что экологические проблемы, связанные с осушением рек в Таримской впадине, оказывают негативное влияние и на экологическую ситуацию в Западной Сибири, где быстрыми темпами идет обмеление Иртыша, истоки которого находятся на территории Синьцзяна.

Самым сложным вопросом в программе развития западных районов Китая является сочетание плана и рынка. Иными словами, в ходе реализации программы развития западных районов Китая руководству страны предстоит ответить на вопрос, в какой степени можно будет решить проблему сочетания плановой и рыночной экономики и определить степень вмешательства государства в экономическое развитие западных районов Китая. За годы существования КНР действовало три программы развития западных районов. Первая программа действовала в годы 1-й пятилетки (1953–1957 гг.) с помощью СССР при значительных инвестициях не только из государственного бюджета КНР, но и при финансовой, материальной и кадровой помощи из СССР. Вторая программа развития западных районов под названием «создание третьей линии» действовала в 60–70-е годы. В рамках этой программы были потрачены значительные бюджетные средства для создания в западных районах «третьей линии», которая обозначала развитие там оборонной промышленности, отраслей тяжелой промышленности и транспортного машиностроения. Таким образом, еще в 60–70-е годы была заложена

основа для создания современной промышленности в западных районах Китая.

В 1999 г. начала действовать третья программа развития западных районов, которая отличалась от двух предыдущих программ тем, что реализовывалась не в условиях плановой экономики под руководством правительства и прямой финансовой поддержке из центра, как первые две программы. Она должна реализовываться на основе рыночной экономики, в которой рынок размещает ресурсы таким образом, что производственная база создается в западных районах постепенно, в отдельных анклавах, таких как Чунцин, Сиань или зона свободной торговли Жуйли на границе с Мьянмой, а не сразу по всей территории. Такая же ситуация наблюдалась в приморских районах Китая в 80-е годы, когда в приморских районах рыночная экономика в основном развивалась в различных анклавах, таких как свободные экономические зоны Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь, а в остальных районах по-прежнему в приоритете была плановая экономика, включая экономически наиболее развитые зоны юга Цзянсу, округа Вэньчжоу в провинции Чжэцзян и дельты реки Чжунцзян в провинции Гуандун. Только после поездки Дэн Сяопина на юг Китая весной 1992 года рыночная экономика в полном объеме стала развиваться в остальных провинциях приморской зоны, где в качестве образца была взята модель развития Шэньчжэня. Поэтому в нынешних условиях главной проблемой развития западных районов является одновременный рост прямых инвестиций в экономику региона из центрального бюджета и создание новых источников финансирования проектов при развитии рынка. Большое количество инфраструктурных проектов, таких как выращивание леса, развитие 9-летнего образования, восстановление травяного покрова и борьба с опустыниванием, требуют больших бюджетных средств, в то время как многие другие проекты могут быть реализованы с привлечением инвестиций как

внутри страны, так и из-за рубежа в разных формах, включая выпуск акций и облигаций.

В целом западные районы Китая имеют ряд характерных черт, которые накладывают свой отпечаток на экономические условия развития региона в целом и создают значительные трудности для преодоления разрыва между Востоком и Западом. К этим характерным чертам относятся следующие: 1) значительные пространства (свыше 70% территории Китая); 2) низкая плотность населения; 3) зона проживания большей части национальных меньшинств; 4) большая протяженность границы (примерно 90% всей пограничной линии страны); 5) богатство природными ресурсами — энергоресурсами, редкоземельными и цветными металлами; 6) сосредоточение истоков всех крупных рек Китая; 7) неразвитая региональная инфраструктура; 8) уровень образования ниже, чем в среднем по стране; 9) низкий показатель ВВП на душу населения. В этих условиях выполнение программы развития западных районов Китая должно способствовать достижению основных социальных целей, в число которых входит сокращение разрыва уровня развития между приморскими восточными районами и внутренними западными районами, повышение жизненного уровня проживающего там населения и построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэжуэй*) в западных районах Китая.

В этих условиях в западных районах создаются экономические анклавные зоны, в которых даются различные преференции для инвесторов, желающих вложить средства в развитие западных районов Китая. Такого рода зоны развития (или «точки роста») западных районов Китая были созданы в процессе реализации пяти крупных инфраструктурных проектов за счет средств центрального бюджета. Все крупные инфраструктурные проекты в западных районах по своим целям и задачам можно разделить на три категории: 1) крупные проекты для развития инфраструктуры в масштабах всей стра-

ны; 2) инфраструктурные проекты для развития западных районов; 3) социальные проекты для повышения жизненного уровня населения западных районов. Очевидно, что без реализации крупных инфраструктурных проектов в западных районах, обеспечивающих основные задачи социально-экономического развития в масштабах всей страны, вряд ли можно будет полноценно реализовать проекты в рамках поставленных задач второй и третьей категории. Всего следует выделить пять основных инфраструктурных проектов, которые стали реализовываться с 2000 года: 1) охрана окружающей среды; 2) транспортировка газа по маршруту Запад–Восток; 3) передача электроэнергии по маршруту Запад–Восток; 4) переброска водных ресурсов с Юга на Север; 5) железная дорога Цинхай–Тибет.

За годы осуществления программы развития западных районов выявились основные «полюса роста» или своего рода кластеры, с помощью которых и будет развиваться вся территория западных районов, включающая в себя 12 провинций. По итогам проведенного статистического анализа развития 12 провинций западного Китая с 2000 по 2013 г. за период действия экономической программы развития западных районов следует выделить провинции Сычуань и Шэньси, город центрального подчинения Чунцин и автономный район Внутренняя Монголия. Все они в настоящее время располагают наиболее значительным экономическим потенциалом, и им оказывается наибольшая помощь центра. В то же время следует обратить внимание на приграничную территорию Синьцзян, которая получила быстрое развитие после того, как Си Цзиньпин объявил в сентябре 2013 г. о начале развертывания инициативы «Один пояс — один путь», важной составной частью которой стал «Экономический пояс Шелкового пути». Синьцзян стал основным торговым и экономическим центром реализации этой инициативы. За последние пять лет в развитие инфраструктуры Синьцзяна вложены

огромные средства, что нашло свое отражение в социально-экономическом развитии этой территории. В настоящее время Синьцзян в силу своего местоположения в центре Азии обладает наиболее высоким потенциалом для развития внешнеэкономических связей.

Руководство КНР предусматривает дальнейшее развитие западных районов Китая с целью сокращения разрыва между развитыми приморскими зонами и отсталыми центральными и западными районами как по доле ВВП, так и по ВВП на душу населения. В 2010 г. соотношение ВВП восточных, центральных и западных районов составило 60,5 : 26,5 : 13,1 соответственно, в 2018 г. — 52,6 : 27,3 : 20,1, а к 2050 г. должно измениться таким образом, чтобы уменьшилась доля восточных районов при повышении доли центральных и западных — 46,5 : 34,6 : 18,9 (См.: *1996–2050 нянь Чжунго цзинцзи шэжуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — переход к структуре модернизации). Гл. ред. Ли Чэнсюнь. Пекин, 1997, с. 551*). Однако на практике программа развития западных районов дала свои плоды, и уже в 2018 г. доля ВРП западных районов Китая превысила прогноз конца 90-х гг. XX века.

Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении показателей душевого ВВП между восточными, центральными и западными районами Китая. Если в 2010 г. было соотношение показателей ВРП на душу населения между восточными — 22455 юаней в год, центральными — 11063 юаня и западными районами — 8306 юаней как 1:0,49:0,36, то к 2050 г. предполагается при абсолютном увеличении показателей ВРП на душу населения до 140430 юаней в год в восточных районах, 112868 юаней в центральных и 87983 юаня в западных сократить разрыв по ВРП на душу населения между ними до 1:0,80:0,63 (См.: *1996–2050 нянь Чжунго цзинцзи шэжуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуа*

ды гоусян (1996–2050 гг. *Стратегия социально-экономического развития Китая — переход к структуре модернизации*). Гл. ред. Ли Чэнсюнь. Пекин, 1997, с. 553). Однако если исходить из уже достигнутых показателей, то следует отметить, что в приморских районах Пекин и Шанхай уже достигли показателей 2050 года, и в значительной части провинций и автономных районов, судя по всему, также удастся достичь этих показателей. Однако для достижения этих целей требуется не только повышать расходы центрального бюджета на развитие западных районов, но и стимулировать восточные районы оказывать им помощь, используя рычаги рыночной экономики. На наш взгляд, опережающее развитие западных районов может быть только при условии создания необходимой инфраструктуры экономики и формировании своего рода «полюсов роста», которыми могут стать ГЦП Чунцин, Сычуань, Шэньси и АРВМ.

Анализ результатов социально-экономического развития регионов Китая в XXI веке после перехода страны от директивного к индикативному планированию по всем показателям показал, что и в новых условиях после принятия различных региональных планов развития территорий лидером остаются приморские районы, которые должны будут тянуть за собой все остальные территории. Принятые руководством КНР новые нормативы для определения уровня социально-экономического развития страны с упором не на показатели валового внутреннего продукта, а на такие показатели социального развития, как уровень урбанизации, рост доходов городского и сельского населения, уровень образования в регионах, уровень инновационного развития, показали не только сохраняющийся отрыв приморских районов от остальных территорий, но и большие трудности, возникающие у других территорий при попытках ликвидировать этот разрыв.

Тем не менее, проведенный предварительный анализ региональной экономики Китая по четырем зонам — примор-

ские районы, Северо-Восток, внутренние районы и западные районы, позволил не только определить лидирующие территории, но и выявить «точки роста» в других регионах страны. Безусловно, в приморских районах лидерами остаются три зоны городской агломерации — Пекин-Тяньцзинь, дельта реки Янцзы и дельта реки Чжуцзян, что предопределяет лидерство находящихся в этих зонах трех городов центрального подчинения — Пекин, Тяньцзинь и Шанхай и трех провинций Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу. Это подтверждается всеми социально-экономическими показателями за последние 10 лет и, что очень важно, сохраняется их лидирующее положение в развитии науки и техники в Китае.

На Северо-Востоке, безусловно, следует выделить провинцию Ляонин, которая имеет выход к морю. Это во многом определяет ее преимущество по всем экономическим показателям, включая уровень развития науки и техники, перед соседними провинциями Северо-Востока — Хэйлунцзян и Цзилинь, несмотря на имеющуюся мощную старую промышленную базу, заложенную еще во времена японской оккупации в 30–40-е годы и позднее в годы 1-й пятилетки в 50-е годы XX века.

Во внутренних районах Китая из шести провинций необходимо выделить провинцию Хубэй со столицей Ухань как «точку роста» экономики центральных районов и мощный транспортный узел в центре страны на реке Янцзы, который играет решающую роль в развитии экономики страны. По всем экономическим, социальным и инновационным показателям эта провинция является лидирующей в центральном регионе, и по некоторым показателям она выглядит на уровне двух провинций Северо-Востока — Хэйлунцзян и Цзилинь, и опережает в своем развитии две отстающие провинции приморских районов — Хэбэй и Хайнань.

В западных районах страны по темпам экономического роста в последние годы лидировала Внутренняя Монголия

за счет развития добычи энергоресурсов. Однако в последние годы лидирующие функции у Внутренней Монголии готовы забрать две провинции — Сычуань и Шэньси, ГЦП Чунцин и, возможно, Синьцзян. Но если Сычуань и Чунцин в качестве «точки роста» готовы обеспечивать свой рост за счет бурного социально-экономического развития городских агломераций столицы Сычуани — Чэнду и Чунцина. Быстрый рост Шэньси во многом обусловлен не только быстрым развитием добычи природного газа на новых месторождениях, но и стремительным ростом инновационного развития в регионе, связанным с такими факторами, как наука и техника, образование и высокая доля расходов на НИОКР во всей провинции в целом и в столице провинции — Сиане в частности, а Синьцзяна связан с реализацией инициативы «Один пояс — один путь».

В целом дальнейшее успешное социально-экономическое развитие Китая во многом будет зависеть от того, насколько успешно будут увеличивать свой потенциал «точки роста» во всех четырех регионах Китая и насколько быстро они смогут по подтянуть к себе весь регион, а приморский регион — все остальные регионы страны.

Таким образом, благодаря изменениям в региональной политике Китая в начале XXI века произошли определенные сдвиги в структуре производства ВВП за счет более быстрого развития западных районов по сравнению с другими территориями. В конечном счете, постепенно сокращается разрыв в уровне экономического развития между регионами. Однако по-прежнему в экономике Китая сохраняется лидирующее положение восточных приморских районов, затем идет индустриально развитый Северо-Восток, за ним — центральные внутренние районы, являющиеся своего рода буфером и передаточным звеном между передовыми восточными приморскими и отстающими западными внутренними районами. По-прежнему самым слабым звеном китайской экономики

являются западные внутренние районы, однако, благодаря богатым природным ресурсам, особенно энергоресурсам, и большим инвестициям центрального правительства в развитие инфраструктуры региона и помощи из развитых приморских районов в различных формах, внутренние районы постепенно наращивают темпы экономического роста и сокращают отставание от передовых провинций. Не исключено, что к 2020 году на всех территориях Китая, включая отсталые регионы, где проживают национальные меньшинства, будет построено общество *сяокан* («малого благоденствия»).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. МЕСТО И РОЛЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЭКОНОМИКЕ КНР В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ

С конца 1978 г. в Китае начал проводиться курс открытости внешнему миру (*кайфан чжэнцэ*), экономическое строительство вступило в новый исторический этап перехода к рыночной экономике. По мере перехода экономики от модели плановой экономики с ее высокоцентрализованной системой управления к модели социалистической рыночной экономики последовательно проводилась реформа внешней торговли.

Сложившаяся до 1978 г. система внешней торговли Китая состояла из шести основных компонентов: 1) план; 2) бюджетное финансирование; 3) административно-управленческий механизм; 4) специфика ценообразования; 5) система распределения; 6) валютное регулирование и валютный контроль.

Важнейшим средством контроля за внешней торговлей в КНР являлась система лицензирования экспорта и импорта, разрешительный режим для экспорта и импорта товаров, а также протекционистские тарифы, контроль за перевозками грузов, выявление и пресечение контрабанды. При этом практически не использовались меры тарифного регулирования, поскольку главное внимание в условиях торгового протекционизма руководство КНР уделяло административному воздействию. Административно-управленческая деятельность осуществлялась по поручению Госсовета КНР Мини-

стерством внешней торговли и другими ведомствами, уполномоченными для этого.

Характерным элементом системы внешней торговли Китая являлось искусственное ценообразование на импортируемые товары и условно установленные внутренние цены на экспортные грузы и услуги, которые в том и в другом случае существенно отличались от мировых. В этой связи уровень мировых цен играл лишь роль вспомогательного критерия оценки эффективности внешней торговли, не влияя на потоки товаров и услуг и на выбор регионов торговли.

Высокой централизацией отличались валютная система Китая и валютный контроль во внешней торговле. В этой связи вся получаемая внешнеторговыми компаниями и другими организациями валюта сдавалась государству, а такие операции, как международные расчеты, переводы, валютные займы, торговля в иностранной валюте и другие, производились Банком Китая — специальным валютным банком, уполномоченным государством. Валютные средства отраслевым подразделениям, провинциям, городам, регионам и внешне-торговым организациям, необходимые им для закупки импортных товаров, выделялись в централизованном порядке Госпланом КНР и Минфином на основе плана расходования инвалютных средств на нужды импорта, в том числе согласно утвержденным планам импорта и экспорта на текущий период. Ни одно предприятие, занимающееся внешнеэкономической деятельностью, не располагало собственными валютными средствами — как реальными, так и находящимися на балансе, что оказывало сильное сдерживающее влияние при принятии и реализации коммерческих решений.

Такая система внешней торговли, основанная на административном управлении со стороны государственных органов, привела к разрыву между внутренним и внешним рынками, которые были искусственно отделены друг от друга. Как и в СССР, существовал большой разрыв в ценах на одинаковую

продукцию на внутреннем и внешнем рынке. К концу 70-х гг. это привело к тому, что со временем производить продукцию на экспорт стало невыгодно, структура внешней торговли оказалась нерациональной, происходило сокрытие коммерческой информации в интересах государственных внешне-торговых компаний, а сами внешнеторговые компании становились неконкурентоспособными на мировом рынке.

Все это вызвало необходимость начать реформу в системе внешней торговли КНР с конца 70-х гг. с тем, чтобы она соответствовала как провозглашенному лозунгу «открытости внешнему миру», так и переходу вместе со всей системой управления народным хозяйством к новой модели рыночной экономики. Китайские ученые выделяют четыре этапа реформ в системе внешней торговли КНР: 1) передача ограниченных прав на хозяйственное самоуправление субъектам внешнеэкономической деятельности (1979–1987 гг.); 2) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на систему производственной ответственности (1987–1993 гг.); 3) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на принципы работы, соответствующие требованиям рыночной экономики и международным правилам торговли (1994–2001 гг.); 4) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на требования ВТО после вступления Китая в эту организацию (2001 — настоящее время) (См.: *Жу Ши хоу Чжунвай цзинмао гуаньси синь бяньхуа (Новые изменения в торгово-экономических связях Китая с зарубежными странами после вступления в ВТО). Гл. ред. Цуй Жимин. Пекин, 2002, с. 69–70).*

На первом этапе были продолжены мероприятия в сфере управления внешней торговлей, направленные на передачу прав местным или отраслевым внешнеторговым компаниям. Первые эксперименты в этом плане начались в 1985 г. в южных провинциях Гуандун и Фуцзянь, в которых уже действовали созданные в начале 1979 г. четыре особые экономи-

ческие зоны — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь, и которые более активно, чем другие провинции, были вовлечены во внешнеторговые операции. В ходе реформы филиалы многих генеральных компаний получили право ведения экспортно-импортных операций по некоторым группам товаров. Во всех провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах и городах, стоящих отдельной строкой в планах, а также особых экономических зонах были созданы собственные внешнеторговые компании. Во многих отраслях промышленности, в том числе в металлургической, цветных металлов, угольной, электронной, судостроительной, нефтехимической, были учреждены специализированные экспортно-импортные компании. В этот период систему управления на основе директивных планов сменила система сочетания директивных и индикативных планов с рыночным регулированием, плановая номенклатура товаров сократилась с 3000 до 100 наименований, были отменены плановые закупки и плановое распределение товаров. Однако эта реформа так и не дошла до основного участника внешнеэкономической деятельности — непосредственного товаропроизводителя, которым являлось предприятие, производившее экспортную продукцию. Они по-прежнему не имели никаких прав во внешнеторговой деятельности, по-прежнему были вынуждены передавать свои функции по продаже своей продукции на внешнем рынке уполномоченной специализированной внешнеторговой компании. Уже на этом этапе произошел заметный рост объема внешней торговли — с 35,5 млрд. долл. до 69,6 млрд. долл. (в 2,5 раза), доля объема внешней торговли в ВВП составила 22,9% (См.: *Чжунго туниззи чжайяо — 2011 (Статистический справочник Китая — 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011, с. 65; табл. 32 ниже*). Но следует отметить, что на первом этапе большая часть объема внешней торговли КНР росла не за счет экспорта, а за счет импорта. Экспортная квота в 1985 г. составила всего 9%, так как основной объем ки-

тайского экспорта составляла продукция сельского хозяйства, текстильной и легкой промышленности, которая по стоимости заметно ниже, чем продукция обрабатывающих отраслей.

На втором этапе реформы в 1987 г. Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли (далее МВЭСиВТ) в экспериментальном порядке перевело специализированные внешнеторговые компании на систему подряда, а с февраля 1988 г. система подряда была распространена на всю систему внешней торговли. В 1988–1990 гг. на первом этапе внедрения подрядной системы для всех субъектов ВЭД было установлено три показателя — экспортная валютная выручка, объем перечисленной валютной прибыли и экономическая эффективность, которые не менялись в течение трех лет. Для этого потребовалось изменить систему валютного регулирования, ввести систему возврата налога за производство экспортной продукции и ускорить переход к мерам рыночного регулирования во внешней торговле. В 1991–1993 гг. начался новый этап внедрения подрядной системы, основной целью которой стало создание системы ответственности за прибыли и убытки на предприятиях внешней торговли. В ходе этого этапа было отменено государственное субсидирование экспорта, шел полный переход внешнеторговых предприятий на систему производственной ответственности с сохранением у предприятия части валютной прибыли, переход к системе подряда внешнеторговых предприятий по трем показателям — объему экспорта, валютным доходам от экспорта и объему поступлений валютных доходов от экспорта в центральный бюджет. Все эти меры значительно активизировали внешнюю торговлю Китая. С 1987 по 1994 гг. значительно вырос объем внешней торговли — с 82,7 млрд. долл. до 236,6 млрд. долл. (в 2,9 раза), что привело к значительному росту доли объема внешней торговли в валовом внутреннем продукте с 25,6% до 38,7%; также произошло и значительное увеличение экспортной квоты за эти годы с 12% до 20,5%.

С одной стороны, на втором этапе были заметные успехи, связанные с повышением конкурентоспособности предприятий. Однако, с другой стороны, местные власти часто вмешивались в работу предприятий и компаний, имеющих валютные поступления, и новые условия подряда создавали неравные условия конкуренции между предприятиями и компаниями.

С 1994 г. начался третий этап реформы внешней торговли, направленный на сближение китайского и международного законодательства в этой сфере. Для этого в рамках нового этапа экономической реформы, провозглашенного на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1994 г.), в сфере внешнеторговой деятельности стали проводиться следующие мероприятия: 1) отменены два вида денег — «переводного» юаня (*вайхуэйби*) для внешнего рынка и «народного» юаня (*жэньминьби*) для внутреннего рынка и осуществлен переход к единой валюте — «народный» юань в масштабах всей страны; 2) снижен общий уровень импортных таможенных пошлин; 3) усовершенствована система возврата налога на добавленную стоимость (НДС) для предприятий, производивших экспортную продукцию; 4) введена новая система банковского кредитования экспортеров; 5) введен в действие «Закон КНР о внешнеэкономической деятельности»; 6) постепенно сокращалась сфера квотирования и лицензирования импорта. В результате предпринятых мер предприятия стали постепенно становиться главным субъектом в системе управления внешнеэкономическими связями и рыночной конкуренции. В этот период стремительно увеличилась доля внешней торговли в объеме ВВП. Как следствие, на третьем этапе реформы внешней торговли с 1994 по 2001 гг. объем внешней торговли вырос в 1,8 раза, доля внешней торговли в объеме ВВП осталась на уровне 38%, а экспортная квота — на уровне 20%. В целом за период реформ с 1978 по 2001 гг. более чем в 25 раз вырос объем внешней торговли — с 20,64 млрд. долл. в 1978 г. до 509,7 млрд. долл. в 2001 г. Сле-

дует отметить особенно высокую динамику роста внешней торговли на третьем этапе реформ — с 236,6 млрд. долл. в 1994 г. до 509,77 млрд. долл. в 2001 г. при сохранении достигнутой к середине 90-х гг. XX века экспортной квоты в 20% ВВП (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели внешнеторговой зависимости китайской экономики (1978–2019 гг.)

Год	ВВП (млрд. ю)	Оборот (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)	Экспорт (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)	Импорт (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)
1978	364,52	35,5	9,74	16,76	4,60	18,74	5,14
1980	454,56	57,00	12,54	27,12	5,97	29,88	6,57
1985	901,60	206,67	22,92	80,89	8,97	125,78	13,95
1990	1866,78	556,01	29,78	298,58	16,00	257,43	13,78
1991	2178,15	722,58	33,17	382,71	17,57	339,87	15,60
1992	2692,35	911,96	33,87	467,63	17,37	444,33	16,50
1993	3533,39	1127,10	31,90	528,48	14,96	598,62	16,94
1994	4810,85	2038,19	42,36	1042,18	21,66	996,01	20,70
1995	6079,37	2349,99	38,66	1245,18	20,48	1104,81	18,18
1996	7117,66	2413,38	33,90	1257,64	17,67	1155,74	16,23
1997	7897,30	2696,72	34,10	1516,07	19,20	1180,65	14,90
1998	8440,23	2684,97	31,81	1522,36	18,04	1162,61	13,77
1999	8967,71	2989,62	33,34	1615,98	18,02	1373,64	15,32
2000	9921,46	3927,32	39,58	2063,44	20,80	1863,88	18,78
2001	10965,52	4218,36	38,47	2202,44	20,09	2015,92	18,38
2002	12032,27	5137,82	42,70	2694,79	22,40	2443,03	20,30
2003	13582,28	7050,15	51,90	3628,79	26,72	3419,56	25,18
2004	15987,83	9555,81	59,77	4910,33	30,71	4643,58	29,06
2005	18321,75	11692,18	63,81	6264,81	34,19	5427,37	29,62
2006	21192,35	14097,15	66,52	7759,46	36,61	6337,69	29,91
2007	25730,56	16674,02	64,80	9345,56	36,32	7328,46	28,48

Таблица 1 (продолжение)

Год	ВВП (млрд. ю)	Оборот (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)	Экспорт (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)	Импорт (млрд. ю)	Его доля в ВВП (%)
2008	31404,50	17992,15	57,29	10039,49	31,96	7952,65	25,33
2009	34090,30	15063,07	44,18	8201,78	24,06	6861,29	20,12
2010	40151	20172	50,2	10702	26,65	9470	23,55
2011	47310	23640	50,0	12324	26,0	11316	24,0
2012	51932	24416	47,0	12936	24,9	11480	22,1
2013	56884	25821	45,4	13715	24,1	12106	21,3
2014	63646	26433	41,6	14391	22,6	12042	19,0
2015	67671	24574	36,3	14126	20,8	10448	15,5
2016	74412	24339	32,7	13846	18,6	10493	14,1
2017	82075	27792	33,9	15332	18,6	12460	15,3
2018	90031	30505	33,9	16418	18,2	14087	15,7
2019	99087	31545	31,8	17230	17,4	14315	14,4

Составлено по: 1) Чжунго тунци няньцзянь – 2007 (Статистический ежегодник Китая – 2007). Пекин: ГСУ КНР, 2007, с. 57, с. 724;

2) 2004 Чжунго дуйвай цзинци тунци няньцзянь (Китайский внешнеэкономический статистический ежегодник – 2004), Пекин, 2005, с. 18;

3) Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия, М., ИДВ РАН, Изд-во «Буква», 1998, с. 281;

4) 2010-нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2010 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2011 года;

5) Чжунго тунци чжайяо – 2013 (Статистический справочник Китая – 2013). Пекин: ГСУ КНР, 2013, с. 62;

6) Чжунго тунци чжайяо – 2019 (Статистический справочник Китая – 2019). Пекин: ГСУ КНР, 2019, с. 92.

При этом в соответствии с ориентацией на экспорт, начиная с 90-х гг., в динамике внешней торговли КНР наблюдается значительное превышение экспорта над импортом. Особенно важную роль в реализации китайской внешнеторговой стратегии расширения экспорта сыграли мероприятия третьего этапа реформы

с 1994 г. Если до 1994 г. происходил одновременный рост как экспорта, так и импорта, то со второй половины 90-х гг. темпы прироста объема экспорта уже значительно превосходили темпы прироста объема импорта.

На четвертом этапе реформ с 2001 г. после вступления КНР в ВТО происходило преобразование деятельности субъектов ВЭД в соответствии с требованиями ВТО. Однако деятельность китайского руководства по вступлению КНР во Всемирную Торговую Организацию (ранее до 1993 г. она называлась «Генеральное соглашение по таможене и тарифам» — или сокращенно ГАТТ) началась еще в середине 80-х гг. К тому моменту в китайском руководстве окончательно пришли к выводу, что для интегрирования китайской экономики в систему мирохозяйственных связей и увеличения возможностей расширения экспорта необходимо, чтобы ее хозяйственная система, в частности, система внешней торговли, была приведена в соответствие с международными нормами и правилами. Поэтому 10 июня 1986 г. Правительство КНР официально обратилось в ГАТТ с просьбой о восстановлении места Китая в этой организации как одного из учредителей. В феврале 1987 г. в ГАТТ был направлен «Меморандум о внешнеторговом режиме в Китае» (Меморандум о режиме ВТ Китая). После этого в ГАТТ, которое в 1993 г. было переименовано в ВТО, была создана рабочая группа по вступлению Китая в ВТО, которая рассмотрела и оценила режим внешней торговли КНР. Цель этого мероприятия состояла в том, чтобы проанализировать все аспекты внешней торговли Китая, выявить те моменты, которые частично или полностью не совпадают с соответствующими положениями ВТО, и тем самым побудить к ускорению реформы системы внешней торговли Китая и всей его экономики в целом, чтобы все это соответствовало основным требованиям ВТО.

Рабочая группа ГАТТ/ВТО по оценке режима системы внешней торговли КНР действовала более 10 лет. За это время было проведено огромное количество переговоров, в ходе

которых китайская сторона оговорила в свою пользу большие уступки со стороны ВТО, аргументируя это как своим статусом развивающейся страны, так и огромными сложностями, связанными с переходом от плановой к рыночной экономике. В результате Китаю удалось добиться значительных уступок по ряду вопросов, получить все необходимые рекомендации и согласования и в ноябре 2001 г. в Дохе (Катар) КНР вместе с Тайванем стала членом ВТО.

Важным аспектом социально-экономического развития китайской экономики в начале XXI века стал провозглашенный на сессии ВСНП в 2000 г. в сфере внешнеэкономических связей курс «выход вовне» или «выход за ворота» (*изоучуцзюй*). Это означало резкое увеличение экспорта с 266,1 млрд. долл. в 2001 г. до 1430,7 млрд. долл. в 2008 г. (рост в 4,55 раза) и 2487,4 млрд. долл. (рост в 7,8 раза) в 2018 г. по сравнению с 2001 годом — годом вступления Китая в ВТО.

Таким образом, на практике получилось, что стремительный рост производства внутри страны во многом способствовал наращиванию экспорта китайской продукции и вывел страну на одно из первых мест в мире по объему экспорта. Китай из-за более низкой себестоимости промышленной продукции в различных отраслях промышленности в силу климатических факторов, более низкой стоимости рабочей силы, а также более льготного инвестиционного режима по сравнению со многими странами мира постепенно становился «мировым производственным цехом».

Принципиально важным внешним фактором, во многом определяющим перспективы социально-экономического развития страны, является вступление КНР в ВТО в ноябре 2001 г., что влечет за собой постепенное снятие таможенных барьеров и ограничений для зарубежных партнеров при импорте их продукции в Китай. Пять лет, прошедших после вступления КНР в ВТО, показали, что основным результатом вступления страны в ВТО явился резкий рост объема внеш-

ней торговли — с 510 млрд. долл. в 2001 г. до 1760 млрд. долл. в 2006 г. и 4159,0 млрд. долл. в 2013 г. и 4623 млрд. долл. в 2018 г (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019 (Статистический справочник Китая — 2019)*. Пекин: ГСУ КНР, 2019, с. 92). По этому показателю Китай занял 2-е место в мире, уступая лишь США. К этому следует добавить и дальнейшее увеличение объема иностранных инвестиций — с 46,9 млрд. долл. в 2001 г. до 63 млрд. долл. в 2005 г. и объема валютных резервов страны — с 212,2 млрд. долл. в 2001 г. до более 1000 млрд. долл. в 2006 г.

Хотелось бы отметить, что рост объема внешней торговли хорошо коррелирует с ростом объема иностранных инвестиций. Чем больше иностранных инвестиций поступает в Китай из какой-либо страны, тем больший наблюдается объем внешней торговли с этой страной. По данным на 2006 г. наибольший объем внешней торговли Китая был достигнут со странами ЕС — 272,3 млрд. долл., США — 262,7 млрд. долл., Японией — 207,3 млрд. долл., Гонконгом — 166,2 млрд. долл., странами АСЕАН — 160,8 млрд. долл. и Республикой Корея — 134,3 млрд. долл. На этом фоне объем российско-китайской внешней торговли выглядит очень скромно — 33,4 млрд. долл. — на уровне Нидерландов, Малайзии и Сингапура и, судя по объему прямых инвестиций с обеих сторон — не более 200–300 млн. долл. в год — доля России в объеме внешней торговли КНР с каждым годом будет снижаться (*Чжунго тунцизи няньцзянь — 2006*, с. 740–743; *Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинцизи хэ шэ-хуэй фачжань тунцизи гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г., <http://www.stats.gov.cn>)*. Как мы видим, Китаю удастся не только осуществлять более тесную интеграцию в мировую экономику, но и уже в первые годы после вступления в ВТО получать определенные преимущества

для развития экономики страны в результате ее вхождения в открытую мировую торговую систему.

Аналогичная ситуация сохраняется и в настоящее время. В 2018 г. объем внешней торговли КНР составил 4623 млрд. долл. при росте прямых инвестиций в экономику страны — 135 млрд. долл. В дальнейшем в нулевые — десятые годы XXI века сохранялась прямая зависимость объема внешней торговли и особенно экспорта от объема прямых инвестиций. В результате мирового финансового кризиса 2008 года снизился объем инвестиций, что привело и к падению объема внешней торговли в 2009 г. из-за падения объема экспорта и импорта. Аналогичная ситуация наблюдалась и в результате мирового финансового кризиса 2014 года. И в этом случае наблюдалось снижение объема внешней торговли в 2015–2016 гг. по этой же причине.

Основной причиной, в свое время еще в конце XX века побудившей Китай вступать в ВТО, стала большая доля торгового оборота КНР со странами-членами ВТО — около 90%. Поэтому было необходимо, чтобы такая международная торгово-экономическая организация как ВТО, могла регулировать отношения Китая с другими странами, способствовала установлению взаимовыгодных недискриминационных экономических и торговых связей. Можно выделить два главных позитивных момента для Китая при вступлении в ВТО: 1) КНР получает право голоса на международной арене в экономических вопросах; 2) стимулируется дальнейшее развитие рыночных реформ в стране. Судя по всему, при принятии китайским руководством стратегического решения о вступлении Китая в ВТО эти два фактора перевесили все остальные соображения.

По мнению китайских экспертов, вступление страны в ВТО имело следующие положительные моменты для экономики и жизни населения Китая: расширение экспорта; увеличение импорта; приток иностранных инвестиций; разви-

тие производства в стране; уход от дискриминационных мер США в американо-китайской торговле; рост занятости внутри страны; интеграция в мировую экономику; расширение объемов услуг.

В то же время обращалось внимание и на отрицательные моменты, которые предполагались для Китая после вступления в ВТО. К ним относится, в первую очередь, необходимость взять на себя различного рода обязательства, связанные с отказом от протекционистских мер в отношении производимой в Китае продукции, неконкурентоспособной с зарубежными аналогами. К ним относились такие обязательства, как снижение таможенных пошлин; ликвидация части внетарифных барьеров; увеличение транспарентности (прозрачности) торговли; открытость сферы различных услуг; необходимость защиты интеллектуальной собственности; снятие ограничений на иностранные инвестиции.

Кроме того, после вступления в ВТО Китай должен был принять на себя ряд ограничений по экспорту своей продукции в другие страны-участницы ВТО на весь период перехода своей торгово-экономической системы в соответствие с правилами ВТО, то есть отказаться от дотирования производства экспортной продукции. Это, безусловно, должно было оказывать негативное влияние на экспорт и сдерживать его объемы, особенно в первые годы после вступления в ВТО.

Однако практика показала, что Китай не зря в течение многих лет боролся на переговорах за более выгодные условия при вступлении в ВТО. Многие эксперты предрекали, что после вступления КНР в ВТО ряд отраслей окажется в очень сложном положении из-за того, что на мировом рынке цены на товары и услуги значительно ниже, чем в КНР, и после отмены протекционистских мер по защите внутреннего рынка продукция этих отраслей вряд ли сможет выдержать конкуренцию. К таким отраслям были отнесены автомобильная промышленность, фармацевтическая промышленность,

производство сельскохозяйственной продукции (зерновые, мясо, овощи и др.), финансы и страхование.

Вместе с тем, в Китае были обнаружены отрасли, которые будут иметь односторонние преимущества и вполне способны вытянуть за собой, как локомотив, всю экономику. К таким отраслям относились текстильная и швейная промышленность и производство бытовой электротехники, себестоимость производства продукции в которых была намного ниже среднемировых показателей из-за низкой органической структуры производства в них, большого удельного веса ручного труда и низкого уровня заработной платы.

Но внешнеторговая практика в 2002–2006 гг. показала, что многие отрасли промышленности, такие как автомобильная и фармацевтическая, начали развиваться еще более быстрыми темпами в новых условиях. Другие отрасли, такие как текстильная, швейная, производство бытовой техники, стали развиваться еще более высокими темпами и заполнили своей продукцией рынки многих стран мира и особенно США, у которых начал стремительно расти дефицит в торговле с Китаем, составивший 144,3 млрд. долл. в 2006 г. и 261,4 млрд. долл. в 2015 г. (*Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжань тунцзи гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г., <http://www.stats.gov.cn>; Чжунго тунцзи няньцзянь — 2016 (Статистический ежегодник Китая — 2016). Пекин: ГСУ КНР, 2016, с. 363).*

В целом по большей части товарных позиций себестоимость производимой продукции в КНР (как, впрочем, и на Тайване) выше, чем во многих странах мира — от нефти до станков и оборудования в силу более высокой материалоемкости, больших затрат на транспортировку и неблагоприятного климата в большинстве китайских провинций. Поэтому очевидно, что многие отрасли, прежде всего, сельское хозяйство, особенно

во внутренних районах, могут не выжить без государственных субсидий в условиях конкуренции на мировом рынке и снятия протекционистских мер в отношении внутреннего рынка. Однако для конкурентной борьбы на мировом рынке, помимо текстильной промышленности и производства бытовых электротоваров, у Китая имеются свои преимущества, такие как наличие мощных финансовых структур (банки и фондовая биржа) в Гонконге, большое количество морских портов в приморских районах Китая, относительно дешевая рабочая сила внутри страны, а также большая китайская диаспора за рубежом, с помощью которой привлекается большой объем инвестиций и обеспечиваются каналы сбыта для экспортной продукции.

Происходит постоянный рост иностранных инвестиций в КНР, причем прямые инвестиции составляют большую часть иностранных инвестиций, и объемы ежегодных инвестиций в экономику Китая в настоящее время составляют 130 млрд. долл. по сравнению с 50 млрд. долл. в 2002 г. При этом становится очевидным, что плюсы от вступления КНР в ВТО пока перевешивают минусы, и польза проводимой «открытости» экономики и участие КНР в ВТО довольно значительны. Лучшим свидетельством тому является тот факт, что в настоящее время более 400 из 500 ведущих мировых компаний организовали в Китае свои предприятия и представительства.

На первом этапе реформ Китай давал иностранным инвесторам налоговые льготы, дешевую землю и другие стимулы, такие как льготный режим налогообложения СП — первые два года после пуска предприятия полное освобождение от налогов и последующие три года — уплата налогов в половинном размере. Кроме того, в свое время на начальном этапе проведения «открытой политики» (конец 70-х — 80-е гг.) Китай тратил миллиарды долларов из централизованного государственного бюджета на строительство портов, дорог, гостиниц, линий оптово-волоконной связи и других объектов

инфраструктуры. Сначала от иностранных инвесторов требовали, чтобы они выбирали себе китайского партнера, при этом они могли свободно экспортировать свою продукцию, но их ограничивали в объемах продаж производимой ими в СП продукции на внутреннем рынке для защиты местных производителей. Также жестко ограничивались иностранные инвестиции в ряде ключевых отраслей, таких как автомобильная, сталелитейная и телекоммуникации. После вступления в ВТО эти ограничения были ослаблены, и Китай еще больше открыл свою экономику для внешнего мира.

Для создания конкурентоспособных на мировом рынке производств Китай делал все возможное для привлечения иностранных инвестиций, технологий и кадров. Для достижения этой цели в КНР были созданы «зоны высоких технологий», где иностранным инвесторам предлагались бесплатно земельные участки и освобождение от налогов. Чтобы китайские предприятия использовали микросхемы китайского производства, был введен 17%-ый налог на импортную продукцию и всего 3% — на местную. В результате на территории страны было создано много предприятий по производству микросхем с японским, американским и тайваньским капиталом. Все это наводит на мысль о том, что в Китае предварительно просчитали возможные плюсы и минусы от вступления в ВТО. Китайская сторона вела долгие переговоры, чтобы получить максимально благоприятные для себя условия при вступлении, и уже в первые годы в Китае пожинали плоды своего труда в результате проведения курса «выхода вовне».

Рабочая группа ГАТТ, затем ВТО, по оценке режима системы внешней торговли КНР действовала более 10 лет. За это время было проведено огромное количество переговоров, в ходе которых китайская сторона оговорила себе большие уступки со стороны ВТО, аргументируя это как своим статусом развивающейся страны, так и огромными сложностями, связанными с переходом от плановой к рыночной экономике. В результате Китаю в ходе переговоров о вступлении в ВТО

удалось добиться значительных уступок по ряду вопросов и получить все необходимые рекомендации и согласования.

Переговоры о вступлении КНР в ВТО проходили в сложной обстановке, связанной с переходом КНР от плановой к рыночной экономике. В китайской экономике оставались от прежней плановой экономической системы элементы государственной монополии внешней торговли, которые не соответствовали основополагающим требованиям ВТО к странам, вступающим в эту организацию. Однако китайская сторона в ходе переговоров добилась значительных уступок, которые связаны с длительным переходным периодом после вступления КНР в ВТО, в ходе которого Китай сохранил для себя более льготный протекционистский режим для экспорта и импорта товаров и услуг. Все это, в конечном счете, позволило Китаю осуществить более тесную интеграцию в мировую экономику и получить определенные преимущества для развития экономики страны в результате ее вхождения в открытую мировую торговую систему.

Одним из важных аспектов реформирования экономики Китая является необходимость улучшения международного климата для развития внешней торговли. В течение долгого времени КНР мог устанавливать торговые отношения с другими странами только на более жестких условиях, чем условия ВТО, в то время как торговля со странами-членами ВТО составляла около 90% его торгового оборота. То, что правила ВТО не могли эффективно применяться к торговым отношениям КНР с другими странами, мешало взаимному развитию внешнеэкономических связей при общей тенденции к интеграции мировой хозяйственной системы. Только по мере улучшения международных условий торговли Китай мог обеспечить себе развитие и создать условия конкурентного выхода на новые сегменты рынка зависящих от мирового рынка отраслей, таких как текстильная промышленность, производство обуви, одежды, игрушек и др., а также других сфер, имеющих мощный экспортный потенциал. Только оказавшись в системе многосторонней торговли ВТО, Китай

смог постепенно отрегулировать свою отраслевую структуру и вывести ее в русло развития мирового хозяйства в целом. За несколько лет пребывания в ВТО ему удалось добиться оптимального размещения отраслей, повысить их конкурентоспособность, дать им возможность в больших масштабах и на наиболее высоком уровне участвовать в международном разделении труда и международном обмене, поставить экономику на достойные позиции в мире, сделать страну одной из ведущих экономических держав мира.

В этой связи приоритет участия в ВТО определяется возможностью получения устойчивого многостороннего режима наибольшего благоприятствования, не оговоренного никакими условиями. В течение долгого времени до вступления в ВТО КНР подписывал торговые договоры и соглашения, предоставляющие ему режим наибольшего благоприятствования лишь на основе двусторонних переговоров. До тех пор, пока Китай не являлся официальным членом ВТО, он не мог пользоваться механизмом многосторонней торговли для решения проблем двусторонней торговли. Поэтому у него ежегодно возникал целый ряд проблем, таких как — продлит ли Америка предоставление ему режима наибольшего благоприятствования или нет, и отразится ли это на успешном развитии двусторонних торгово-экономических отношений.

Для Китая получение сравнительно устойчивого многостороннего режима наибольшего благоприятствования, не содержащего никаких оговорок, означало создание благоприятных условий для дальнейшего расширения внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций и ускорения модернизации экономики. Использование преимуществ такого режима тем более было необходимо, поскольку, как показано ранее, определяющей тенденцией развития внешней торговли Китая выступает экспортная экспансия.

Важную роль для развития экспортной политики КНР играет получение специальных льгот для развивающихся стран согласно 18-й статье 4-го раздела Соглашения ВТО и Рамочному соглашению по «программе международных

действий в помощь ликвидации разрыва в развитии, предоставлении более льготных режимов, режимов наибольшего благоприятствования и расширения участия развивающихся стран в мирохозяйственных связях». В 80-е — 90-е гг. Китай во Всемирном банке и МВФ пользовался режимом для развивающихся стран с низкими доходами, к которым Всемирный банк причисляет страны со средним доходом на душу населения ниже 375 долл. Действительно, еще в 1990 г. среднедушевой ВВП в КНР составлял всего 340 долл. (Рассчитано по: *Чжунго тунци няньцзянь — 2000*, с. 6, 14, 149). Однако в 2001 г. в Китае среднедушевой доход составил уже 908 долл., в 2004 г. Китай по этому показателю вступил в число стран с душевым доходом свыше 1000 долл., а в 2019 г. Китай со своим средним душевым показателем свыше 10000 ам. долл. вошел в категорию стран с доходом выше среднего.

Правила ВТО позволяют обеспечить защиту китайских интересов, как во внешней, так и во внутренней торговле. С восстановлением места Китая в ВТО ему становится легче решать трудноразрешимые вопросы двусторонней торговли, потому что ВТО — международная торговая организация, чьей обязанностью является организация многосторонних торговых переговоров, поиск путей снижения тарифных и нетарифных барьеров, в то же время выступает ареной решения торговых споров и поиска расширения возможностей торговли.

Экономическая реформа в КНР, направленная на переход к рынку, согласуется с условием применения Соглашения ВТО для стран с переходной рыночной экономикой, поэтому китайская модель реформ ориентирована на приспособление в процессе реформ к основным требованиям и постулатам ВТО, а ускоряя темп экономической реформы и увязывая китайский экономический механизм с механизмом функционирования мировой экономики, осуществляется включение страны в процесс интеграции мирового хозяйства. Вступление в ВТО дало Китаю поистине благоприятную возможность для ускорения экономической реформы, создала прекрасные

системные условия для окончательного утверждения рыночной экономики социалистической ориентации.

Таможенная политика Китая оказалась полностью подчинена централизованной отраслевой политике государства. Основная защищающая роль принадлежит высоким таможенным тарифам, финансовые рычаги в этом случае играют второстепенную роль. Но таможенный тариф так и не стал основным рычагом в числе прочих рычагов управления импортом. Так что отклонение такой системы импорта от требований ВТО достаточно велико. В настоящее время в ВТО единственным законным средством защиты признаются таможенные тарифы и пошлины, а прочие барьеры рассматриваются как разного уровня отступления от основных принципов.

Реформа системы импорта в КНР нацелена на снижение таможенных тарифов на импорт, сокращение количества товарных позиций, подлежащих лицензированию, на отмену некоторых документов внутреннего пользования, регулирующих импорт, была увеличена прозрачность управления. В будущем основными средствами регулирования в системе импорта должны стать экономические рычаги, такие как таможенные тарифы, валютный курс, банковский процент, а как дополнительные средства, будут использоваться нетарифные меры юридического характера.

В ходе переговоров о вступлении в ВТО Китай энергично совершенствовал систему квотирования и лицензирования импорта, были упрощены методы и режим управления, опубликованы условия выдачи лицензий, система стала открытой. Лицензии выдавались с учетом реальных возможностей производителя при равном ко всем отношении. Был установлен четкий порядок выдачи импортных лицензий и введен эффективный механизм надзора.

Подводя итог рассмотренному выше, можно сказать, что анализ экспертами ВТО системы внешней торговли Китая по сути является анализом экономической системы страны в целом, поскольку, при рассмотрении разных сторон системы

внешней торговли, так или иначе, затрагивались и проблемы всей структуры китайской экономики. Поэтому вступление КНР в ВТО ведет к более активному проведению целого комплекса сопутствующих реформ, которые могли бы обеспечить соответствие любой стороны экономической реформы как требованиям рыночной экономики, так и требованиям применения правил ВТО на всей территории страны.

В результате проводимой экономической реформы в целом и реформы внешнеэкономической деятельности, в частности, после вступления в ВТО Китай, так же как и другие мировые державы, извлек максимум преимуществ как из своего членства в ВТО, так и из двусторонних отношений со странами-партнерами. В своей внешнеэкономической деятельности КНР использовал как преференции для развитых стран, так и льготы для развивающихся стран.

Всего в КНР перед вступлением в ВТО китайские ученые выделяли 22 основных направления экономического развития и жизни народа, на которые будет оказываться серьезное влияние после вступления Китая в ВТО: 1) автомобильная промышленность; 2) страховое дело; 3) производство сельскохозяйственной продукции; 4) туризм; 5) производство бытовой электротехники; 6) информатика; 7) финансы; 8) рынок занятости; 9) фармацевтическая промышленность; 10) текстильная продукция; 11) машиностроение и металлургия; 12) внешняя торговля; 13) электроэнергетика; 14) интеллектуальная собственность; 15) использование иностранных инвестиций; 16) государственные предприятия; 17) нефтяная и нефтехимическая промышленность; 18) реформа налоговой системы; 19) рынок произведений культуры; 20) охрана окружающей среды; 21) торговля услугами; 22) экономика «знаний» (интеллектуальная экономика) (Подробнее см.: *Мо Тун. Цзяжу Шимао цзэй шэмо? Инсян Чжунго цзинци юй байсин шэнходы 22-гэ фанмянь. (Что означает для Китая вступление в ВТО? 22 аспекта влияния на экономику Китая и жизнь народа). Пекин, 2001, с. 6–7).*

Анализ 22 направлений экономического развития и жизни народа во многих работах как китайских, так и иностранных экспертов, написанных еще до вступления КНР в ВТО, показал, что ряд отраслей окажется в очень сложном положении из-за того, что на мировом рынке цены на товары и услуги значительно ниже, чем в КНР, и после отмены протекционистских мер по защите внутреннего рынка продукция этих отраслей вряд ли сможет выдержать конкуренцию. К таким отраслям были отнесены автомобильная промышленность, фармацевтическая промышленность, производство сельскохозяйственной продукции (зерновые, мясо, овощи и др.), финансы и страхование. В результате банкротства предприятий может быть высвобождено около 100 млн. человек в добавок к уже имеющимся 200 млн. человек трудоизбыточного населения в городе и деревне, что еще больше усилит растущую социальную дифференциацию и подорвет социальную стабильность в китайском обществе. Однако в Китае многие уповали на то, что после вступления в ВТО будут ослаблены барьеры на пути свободной миграции рабочей силы, и КНР сможет трудоустроить часть избыточной рабочей силы за рубежом, включая рабочую силу с высшим образованием.

Как показывают итоги экономического развития КНР в первые годы после ее вступления в ВТО, некоторые отрасли из числа заранее отнесенных к неконкурентоспособным на мировом рынке, например, автомобильная промышленность, наоборот, начали развиваться более быстрыми темпами. В частности, темпы роста продажи автомашин только в 2002 году на внутреннем рынке КНР достигли 50% по сравнению с прошлым годом, и было продано свыше 3 млн. автомобилей (См.: *Жэньминь жибао*, 09.12.2002; 10.12.2002), а в последние два-три года Китай стал активно экспортировать легковые автомобили.

На новом этапе реформы социалистических рыночных отношений после вступления Китая в ВТО реформа внешнеэкономической системы в соответствии с решениями 3-го Пле-

нума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) развивалась по трем основным направлениям: 1) более полная реализация политики открытости; 2) активное привлечение иностранных инвестиций; 3) повышение участия в международной кооперации и конкуренции.

Главным направлением работы на новом этапе совершенствования социалистической рыночной экономики было выдвинуто совершенствование политики открытости в системе внешнеэкономических связей. В решениях пленума предложено ускорить процесс унификации условий внутренней и внешней торговли в соответствии с требованиями рыночной экономики и принципами ВТО и создать стабильную, прозрачную систему управления внешнеэкономической деятельностью. В этой системе управления внешнеэкономической деятельностью главным элементом должна стать равноправная и прогнозируемая правовая среда, в которой можно обеспечить самостоятельность действий и равное положение предприятий различных форм собственности в ходе ведения внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности. В свою очередь на государственные органы возлагалась задача регулирования в соответствии с законом внешнеэкономической деятельности, развития функции обслуживания и контроля внешней торговли.

Другим направлением работы в сфере внешнеэкономических связей стало привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику. В решениях пленума говорилось о необходимости использовать процессы глобализации для расширения масштабов использования иностранного капитала и еще больше способствовать приходу на китайский рынок прямых иностранных инвестиций. Особое внимание обращалось на привлечение из-за рубежа передовой техники, управленческого опыта и высококвалифицированных кадров, а также на освоение привлеченной техники и ее обновление. Одной из задач внешнеэкономической политики Китая стало повышение доли продукции обрабатывающей промышленности в объеме внешней торговли. С этой целью

рекомендовалось всеми силами стараться привлекать транснациональные компании для хозяйственной деятельности на территорию КНР, способствовать привлечению в страну различных научно-исследовательских проектов и созданию высокотехнологичных предприятий по производству продукции обрабатывающей промышленности. Это должно в будущем привести к увеличению доли добавленной стоимости в общей стоимости продукции, что должно вывести на новый уровень торговлю продукцией обрабатывающей промышленности, в первую очередь, продукцией машиностроения. В дальнейшем совершенствуя условия инвестирования и расширяя сферу использования иностранных инвестиций рекомендовалось ускорить направление привлеченных иностранных капиталов на развитие отдельных районов и отраслей народного хозяйства в соответствии с государственной политикой.

Еще одним направлением работы было стимулирование участия внешнеторговых организаций и занимающихся внешнеэкономической деятельностью предприятий в международной кооперации и конкуренции. С этой целью широко по всему Китаю пропагандировался опыт компании «Хайэр» (г. Циндао, пров. Шаньдун), которая стала производить настолько качественные электробытовые товары, что они оказались конкурентоспособными во всех странах мира. Более того, эта компания смогла создать филиалы своих предприятий в США. В решениях пленума рекомендовалось поощрять национальные предприятия в полной мере использовать удобный шанс расширения открытости, повысить возможность расширения рынка, технического перевооружения и появления самостоятельных национальных производственных марок. В рамках курса «идти вовне» (*цзоучуцзюй*) предлагалось повышать качество экспортной продукции, расширять экспорт высокотехнической и высокотехнологичной продукции, развивать торговлю услугами, всемерно повышать уровень конкурентоспособности экспорта. Для дальнейшей реализации стратегии «выхода во внешний мир» (*цзоучуцзюй*), обращалось внимание на совершенствование системы обслуживания

иностранных инвестиций, предоставление предприятиям большей самостоятельности в ходе управления внешнеэкономической деятельностью, оздоровление механизма контроля за предприятиями с участием иностранного капитала, стимулирование развития отечественных транснациональных компаний подобных компаниям «Хайэр» (Haier) и «Хайсинь» (HiSense).

Особенно быстро после вступления Китая в ВТО в рамках курса «выхода вовне» увеличивался объем экспорта продукции машиностроения и транспорта — 94,9 млрд. долл. в 2001 г., 352,2 млрд. долл. в 2005 г., 780,3 млрд. долл. в 2010 г. и 1208 млрд. долл. в 2018 году. Рост экспорта продукции повлек за собой и соответствующий рост импорта — 243,5 млрд. долл. в 2001 г., 659,6 млрд. долл. в 2005 г., 1394,8 млрд. долл. в 2010 г. и 2135 млрд. долл. в 2018 г. При этом уже в 2004 г. объем экспорта продукции машиностроения и транспорта превысил объем импорта, а доля продукции машиностроения увеличилась с 35,7% в 2001 г. до 46,2% в 2005 г. и 48,6% в 2018 г. в объеме экспорта (см. табл.2).

Таблица 2

**Динамика и структура внешнеторгового оборота КНР
с 2001 по 2018 гг. (млрд. долл.)**

Год	Объем	Экспорт	В том числе: продукция машиностроения*	Импорт	В том числе: продукция машиностроения**
2001	509,6	266,1	94,9 (35,7%)	243,5	107,0 (43,9%)
2002	620,8	325,6	127,0 (39,0%)	295,2	137,0 (46,4%)
2003	851,0	438,2	187,8 (42,9%)	412,8	192,8 (46,7%)
2004	1154,5	593,3	268,3 (45,2%)	561,2	252,8 (45,0%)
2005	1421,9	762,0	352,2 (46,2%)	659,9	290,5 (44,0%)
2006	1760,7	969,1	510,4 (52,7%)	791,6	321,5 (40,6%)
2009	2207,5	1201,6	590,3 (49,1%)	1005,9	407,8 (40,5%)
2010	2972,8	1577,9	780,3 (49,5%)	1394,8	549,6 (39,4%)
2014	4301,5	2342,3	1070,5 (45,7%)	1959,2	724,2 (37,0%)
2015	3953,0	2273,5	1059,1(46,6%)	1679,6	682,4 (40,6%)
2016	3685,6	2098,1	984,2 (46,9%)	1587,9	657,8 (41,4%)

Таблица 2 (продолжение)

Год	Объем	Экс-порт	В том числе: про-дукция машино-строения*	Импорт	В том числе: про-дукция машино-строения**
2017	4107,1	2263,3	1082,3 (47,8%)	1843,8	734,8 (39,9%)
2018	4623,0	2487,4	1208,0 (48,6%)	2135,6	839,5 (39,3%)

Примечания: * в скобках — доля в объеме экспорта;

** в скобках — доля в объеме импорта.

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь – 2006, с. 734–737; Чжунго тунци чжайяо – 2009, Пекин, 2009, с. 94; Чжунго тунци няньцзянь – 2016, сс. 351–353; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 93.*

В результате проводимой в ходе реформ политики открытости, в рамках которой в XXI веке реализуется стратегия «выхода вовне», произошел резкий рост объема внешней торговли — с 20,6 млрд. долл. в 1978 г. до 4623 млрд. долл. в 2018 г. (в 224 раза). За эти годы значительно вырос как объем экспорта, так и импорта. Китай перешел от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения и новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. Особенно быстро происходил рост внешнеторгового оборота с экономически развитыми странами — США, Япония, страны ЕС, страны АСЕАН, Республика Корея. Возможности рынков этих стран для импорта китайской продукции и возросшие возможности Китая для импорта иностранной продукции после вступления КНР в ВТО позволили Китаю резко во много раз нарастить объем внешнеторгового оборота, занять одно из первых мест по объему прямых привлеченных иностранных инвестиций, включиться в процесс глобализации и вывести свои транснациональные компании на мировой рынок (см. табл. 3 ниже).

Таблица 3

**Сравнительные показатели внешней торговли КНР
и ведущих стран мира в 2000 – 2018 гг. (млрд. долл.)**

Страна	2000		2010		2018	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Весь мир	6458	6725	15301	15511	19287	19754
Китай	249,2	225,1	1577,8	1396,2	2487,0	2135,9
Индия	42,4	51,5	226,4	350,2	325,6	510,7
США	781,9	1259,3	1278,5	1969,2	1664,1	2614,3
Япония	479,2	379,5	769,8	694,1	738,4	748,7
Германия	551,8	497,2	1258,9	1054,8	1506,8	1285,6
Великобритания	285,4	348,1	416,0	591,1	485,7	637,5
Франция	327,6	338,9	523,8	611,1	581,8	672,6
Россия	105,0	44,9	400,6	248,6	444,0	249,1
Бразилия	55,1	58,6	201,9	191,5	239,7	188,7

Источник: по данным ВТО (см. *Чжунго тунци чжэйяо – 2019, Пекин, 2019, с. 197*).

За последние годы значительно вырос как объем экспорта, так и импорта. Однако в результате мирового финансового кризиса уменьшился объем внешней торговли с 4303 млрд. долл. в 2014 г. до 3686 млрд. долл. в 2016 г. за счет снижения экспорта. Однако к 2018 г. Китай нарастил объем внешней торговли за счет стремительного роста как экспорта — на 389,8 млрд. долл. за два года с 2016 до 2018 гг., так и импорта — на 537,7 млрд. долл. (См.: *Чжунго тунци чжэйяо — 2019, Пекин, 2019, с. 92*). Китай перешел от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения и новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в

ВТО. В результате после вступления КНР в ВТО заметно усилилась зависимость экономики КНР от внешней торговли. Если в 2001 г. (год вступления в ВТО) доля внешней торговли в объеме ВВП составляла 38,5%, то в 2006 г. — уже 66,5%, а в результате действия факторов мирового финансового кризиса к 2009 г. упала примерно до 44%. В дальнейшем происходило снижение внешнеторговой зависимости экономики КНР, и по данным на 2019 год, доля объема внешней торговли в ВВП составила 31,8%, а экспортная квота упала до 17,4% ВВП, и по различным показателям доли внешней торговли в ВВП Китай уже вернулся на уровень 1998–2000 гг. (см. табл. 3 выше).

В начале 2010 года Китай обозначил свою ориентацию во внешней торговле на страны АСЕАН, где было объявлено о создании зоны свободной торговли АСЕАН + Китай. На наш взгляд, при определенных условиях Китай получает возможность избавиться от зависимости китайского юаня от американского доллара и после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА со временем сможет превратить юань в резервную валюту в азиатской части мира — в странах Юго-Восточной и Восточной Азии. Свидетельством тому является включение китайского юаня в специальную корзину резервирования мировых валют МВФ с 1 декабря 2015 г., что означает необходимость для всех имеющих лицензию для работы на мировом рынке банков закупать китайские юани на валютном рынке, чтобы иметь резервы в юанях. Фактически, присоединение юаня (*жэньминьби*) к валютной корзине СПЗ наряду с американским долларом, евро, английским фунтом и японской иеной с 1 октября 2016 г. является результатом более чем 35-летних реформ и открытости Китая, которые получили признание в мировом сообществе.

По-прежнему растет объем привлеченных иностранных инвестиций в экономику КНР. В 2019 г. объем фактически прямых использованных иностранных инвестиций составил 138,0 млрд. долл., а прямые зарубежные инвестиции в нефинансовые проекты из КНР составили 110,6 млрд. долл. (См.: *2019-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжань тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*). В самом Китае для активизации развития внешнеэкономических связей стал повсеместно распространяться опыт Шанхайской зоны свободной торговли. Только за 2015 г. были созданы аналогичные зоны свободной торговли в приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь и городе центрального подчинения Тяньцзине. Также были заключены соглашения о зонах свободной торговли с Республикой Корея и Австралией и протокол по модернизации зоны свободной торговли АСЕАН–Китай (зона КАФТА). Кроме того, были официально учреждены две крупные финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути, с помощью которых в годы 13-й пятилетки Китай предполагает активно развивать международное экономическое сотрудничество. Основной задачей Китая является развитие международного сотрудничества в сфере производственных мощностей и продвижение за рубеж новейших китайских технологий и оборудования, в частности, в сфере строительства высокоскоростных железных дорог и объектов ядерной энергетики.

Китай, сохраняя достаточно высокие темпы роста экономики, активно привлекает прямые иностранные инвестиции, занимая лидирующие позиции в списке ведущих реципиентов иностранного капитала. Источники поступлений можно разделить на три группы: 1) внешние займы, включая кредиты зарубежных

правительств, международных финансовых организаций и иностранных коммерческих банков, экспортные ссуды и облигации внешнего займа; 2) прямые иностранные инвестиции, привлекаемые для создания предприятий с участием иностранного капитала; 3) прочие зарубежные инвестиции, включая международный лизинг, компенсационную торговлю, операции по переработке и сборке продукции и эмиссию акций на внешнем рынке. Если в 80-е гг. преобладал такой источник поступлений как иностранные займы всех видов, то с 90-х гг. основным источником поступлений стали прямые иностранные инвестиции, которые с начала XXI века стали поступать в Китай в таком количестве, что практически вытеснили такой источник поступлений иностранного капитала как внешние займы. В 2005–2006 гг. прямые иностранные инвестиции в КНР превысили рекордный уровень в 60 млрд. долл. США в год, общий объем привлеченных иностранных инвестиций в 1979–2006 гг. составил 1532,9 млрд. долл., а в 2018 г. этот показатель составил 2962 млрд. долл. (см. табл. 4 ниже).

Таблица 4

**Фактически использованные иностранные инвестиции в КНР
(1979–2018 гг.) (млрд. ам. долл.)**

Год	Общий объем	Иностранные займы	Прямые иностранные инвестиции	Прочие иностранные инвестиции
1979–2005	1532,9	138,5	1355,14	39,19
1979–1982	13,060	10,690	1,769	0,601
1983	2,261	1,065	0,916	0,280
1984	2,866	1,286	1,419	0,161
1985	4,760	2,506	1,956	0,298
1986	7,628	5,014	2,244	0,370
1987	8,452	5,805	2,314	0,333
1988	10,226	6,487	3,194	0,545
1989	10,060	6,286	3,392	0,381
1990	10,289	6,534	3,487	0,268
1991	11,554	6,888	4,366	0,300
1992	19,203	7,911	11,008	0,284
1993	38,960	11,189	27,517	0,256
1994	43,213	9,267	33,767	0,179
1995	48,133	10,327	37,521	0,285
1996	54,805	12,669	41,726	0,410
1997	64,408	12,021	45,257	7,130
1998	58,557	11,000	45,463	2,094
1999	52,659	10,212	40,319	2,128
2000	59,356	10,000	40,715	8,641
2001	49,672		46,878	2,794
2002	55,011		52,743	2,268
2003	56,140		53,505	2,635
2004	64,070		60,630	3,440
2005	63,81		60,330	3,480

Таблица 4 (продолжение)

Год	Общий объем	Иностранные займы	Прямые иностранные инвестиции	Прочие иностранные инвестиции
2006	67,08		63,02	4,060
2007	78,34		74,77	3,570
2008	95,25		92,40	2,860
2009	91,80		90,03	1,770
2010	108,82		105,73	3,090
2011	117,70		116,0	1,690
2012	113,29		111,72	1,580
2013	118,72		117,59	1,130
2014	119,6		119,56	0,140
2015	126,3		126,3	...
2016	126,0		122,5	...
2017	131,0		131,0	
2018	135,0		135,0	

Источник: Чжунго тунци няньцзянь за соответствующие годы. Пекин: ГСУ КНР, а также 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года), с.24; Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 102.

Привлекательность КНР как реципиента иностранного капитала определяется поддержанием высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличием емкого внутреннего рынка и относительно дешевой рабочей силы, активной национальной инвестиционной политикой. С конца 70-х гг. в КНР стала формироваться такая законодательная база, которая способствовала привлечению прямых иностранных инвестиций в страну. Следует отметить, что законодательная база для привлечения прямых иностранных инвестиций была заложена уже в 80–90-е годы, а в XXI веке проводились корректировки ранее принятых законов в соответствии с обстоятельствами, возникающими как во внутренней, так и внешней политике

страны. Фактически, после вступления КНР в ВТО в ноябре 2001 года проводились только изменения отдельных ранее принятых законов, поощряющих привлечение иностранных инвестиций в страну. В основном эти корректировки были связаны с изменением ограничений на инвестирование в предприятия по отраслям экономики.

В настоящее время в КНР решили еще больше открыть китайский рынок для внешних инвестиций. На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) в Отчетном докладе Си Цзиньпин заявил, что «мы будем осуществлять ... значительное облегчение допуска на китайский рынок, дальнейшее открытие сектора услуг, защиту законных прав и интересов иностранных инвесторов, все зарегистрированные в Китае компании будут иметь равные права» (См.: *Си Цзиньпин дайбяо дишиба цзе Чжунъян вэйюаньхуэй сян данды шицзюда цзо баогао (Отчетный доклад ЦК КПК 18-го созыва Си Цзиньпина XIX съезду КПК) / Жэньминь жибао, 19.10.2017*).

В дальнейшем в ноябре 2017 г. во время визита президента США Д.Трампа в Китай Министерство коммерции КНР выступило с заявлением о расширении для иностранных инвесторов допуска на финансовые рынки. В частности, зам.министра коммерции Чжу Гуанъяо на пресс-конференции заявил о том, что иностранным бизнесменам будет разрешено иметь долю до 51% в акциях совместных предприятий, будут сняты ограничения на инвестиции в китайские банки и финансовые компании, управляющие финансовыми активами, через три года иностранным инвесторам будет разрешено иметь до 51% акций в совместных предприятиях в сфере страхования жизни, и через пять лет эти ограничения будут сняты» (*China widens access to financial markets for foreign investors / URL: http://www.china.org.cn/business/2017-11.10/content_41873435.htm*). Однако, несмотря на большие объемы поступающих в экономику Китая иностранных инвестиций, их значение в развитии китайской экономики зачастую преувеличивается многими авторами.

В настоящее время годовой объем привлеченных иностранных инвестиций — 126 млрд. долл. ниже оттока китайских инвестиций за рубеж — 170 млрд. долл. (См.: *2016-нянь го-минь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи баогао* (См.: *Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году*), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года, с. 24).

К 2015 г. размеры прямых иностранных инвестиций, поступивших в экономику КНР из примерно 200 стран и территорий мира, достигли 4539 млрд. долл. США. По этому показателю Китай занимает одно из первых мест в мире и уже 12 лет лидирует среди развивающихся стран. По данным на 2015 г., в КНР функционировало свыше 481 тыс. совместных и полностью иностранных предприятий (см. табл. 5 ниже).

Таблица 5

**Структура распределения иностранных инвестиций в КНР
по странам мира (1995–2015 гг.) (млн. ам. долл. / %)**

Страна (территория)	1995	2005	2013	2014	2015
Всего (млн. долл.)	48133/100	60324/100	117600/100	119600/100	126300/100
Азия					
Гонконг	20402/42,4	17949/29,8	73400/62,4	81300/68,0	86400/68,4
Япония	5113/10,6	6530/10,8	7060/6,0	4300/3,6	3200/2,5
Индонезия	111/0,23	87/0,14	126		
Макао	440/0,9	600/1,0	460		
Малайзия	259/0,54	361/0,6	280		
Сингапур	1861/3,87	2204/3,65	7230/6,1	5800/4,8	6900/5,5
Республика Корея	1191/2,47	5168/8,6	3050/2,6	4000/3,3	4000/3,2
Таиланд	288/0,6	96/0,16	483		
Тайвань	3165/6,6	2152/3,6	2090/1,8	2000/1,7	1500/1,2
ОАЭ	44		

Таблица 5 (продолжение)

Страна (территория)	1995	2005	2013	2014	2015
Всего (млн. долл.)	48133/100	60324/100	117600/100	119600/100	126300/100
Европа					
Великобритания	1009/2,1	965/1,6	392/0,3	700/0,6	500/0,4
Германия	527/1,1	1530/2,5	2078/1,8	2100/1,8	1600/1,3
Франция	716/1,5	615/1,0	752/0,6	700/0,6	1200/0,95
Италия	548/1,13	322/0,5	317		
Нидерланды	147/0,3	1043/1,73	1274	638/0,5	751/0,6
Швейцария	120/0,25	206/0,34	314		
<i>Россия</i>	<i>22,9/0,04</i>	<i>211/0,35</i>	<i>22/0,002</i>	<i>409/0,34</i>	<i>131/0,1</i>
Прочие страны					
Виргинские острова	304/0,63	9022/15,0	6159/5,2	6200/5,2	7400/5,9
Каймановы острова	12/0,02	1948/3,2	1668/1,41	1300/1,1	1400/1,1
Канада	620/1,29	454/0,75	536/0,46	400/0,33	200/0,16
США	3135/6,5	3061/5,1	2820/2,4	2400/2,0	2100/1,7
Австралия	343/0,7	401/0,66	330/0,28	200/0,17	300/0,24
Острова Самоа	63/0,13	1352/2,24	1858/1,57	1563/1,3	1991/1,6

Источник: *Чжунго тунци ньянцзянь (Китайский статистический ежегодник)* – за соответствующие годы, Пекин, ГСУ КНР.

В китайской экономике представлены все ведущие международные инвесторы, однако их роль неодинакова. Так, компании стран ЕС, США, Канады и Австралии в последние годы, по сути дела, не наращивают потоки своих прямых инвестиций, ежегодно направляемых в КНР. Доля этих стран невелика и не превышает 2% объема прямых иностранных инвестиций из каждой страны. В частности, объемы и доля инвестиций из США

от валового поступления иностранных инвестиций в Китай даже уменьшилась за этот период с 6,5% в 1995 г. до 1,7% в 2015 год. Объем инвестиций из европейских стран плюс США, Канада и Австралия за последние годы обеспечивал примерно 7–9% валового объема иностранных инвестиций ежегодно, а после финансового кризиса 2008–2009 гг. неуклонно снижался, и в 2015 г. не превышал 5% годового притока прямых иностранных инвестиций. Стремясь к расширению экономического присутствия в Китае, более активно действовала Япония (8–10%), но в 2015 г. ее доля составила всего 2,5%. Основные импульсы развития иностранного предпринимательства в Китае исходили от Республики Корея, сумевшей за 10 лет почти в пять раз увеличить объем прямых инвестиций, а ее доля в объеме иностранных инвестиций выросла с 2,5% в 1995 г. до 8,6% в 2005 г. Но за последние десять лет снизился объем прямых иностранных инвестиций из Республики Корея с 5 до 4 млрд. долл. в год. В свою очередь, объем поступающих иностранных инвестиций с Тайваня уменьшился с 3,5 млрд. долл. в 1996 г. до 2,2 млрд. долл. в 2005 г. и до 1,5 млрд. долл. в 2015 г. в связи с переходом власти от Гоминьдана к Демократической прогрессивной партии во время выборов 2000 г.

Самые прочные позиции среди крупнейших иностранных инвесторов в КНР традиционно занимает Гонконг. Однако, инвестируя ежегодно около 20 млрд. долл. США, гонконгские компании контролировали в 2005 г. лишь около 30% иностранных инвестиций в Китай против 42% в 1995 г. Но в 2015 г. общий объем прямых инвестиций из Гонконга в КНР составил уже 86,4 млрд. долл. в год (68,4% всех прямых инвестиций в КНР). Одновременно на авансцену вышли такие известные оффшоры, как Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Самоа и др. Приток инвестиций только из Британских Виргинских островов в 2005 г. составил 9,0 млрд. долл., в то время как в 1995 г. этот объем составлял всего 0,3 млрд. долл. Причины этого связаны с тем, что после перехода Гонконга под юрисдикцию КНР в 1997 г.

многие китайские компании сочли за лучшее перенести отсюда в другие оффшорные центры традиционные операции по репатриации прибылей, осевших на зарубежных банковских счетах, в том числе и в обход действующего законодательства. Такое бурное инвестирование из Гонконга в КНР и из КНР в Гонконг началось с 1997 года после возврата Гонконга КНР. Для укрепления статуса Гонконга в составе КНР уже в марте 1997 г. ПК ВСНП, Госсоветом КНР и другими центральными органами КНР был принят ряд постановлений и различных подзаконных актов о предоставлении льгот для китайских инвесторов в экономику Гонконга и гонконгских инвесторов в экономику Китая. С 1997 г. после возврата Гонконга под юрисдикцию КНР на практике стала действовать выдвинутая китайским руководством концепция «одна страна — две системы» (*и го лян чжи*), где для Гонконга сохранилась система права, основанная на британской системе. По-прежнему для Гонконга сохранилась система норм, которая регулировала его положение в качестве крупнейшего международного финансового, торгового и судоходного центра, что вызвало бурное развитие монетарных и финансовых связей между КНР и Гонконгом.

Китайское законодательство в сфере внешнеэкономической деятельности позволяет регулировать привлечение инвестиций по отраслям народного хозяйства. В марте 1995 г. Госсовет КНР опубликовал «Временное постановление о рекомендуемых для иностранных предпринимателей направлениях для инвестирования капитала», разработанное несколькими ведомствами — Государственным плановым комитетом, Государственным комитетом по экономике и торговле и Министерством внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества.

В конце 1997 г. Китай внес исправления в «Перечень отраслей как руководство для иностранного инвестора», **поощряя** и поддерживая вложение капитала в сельское хозяйство, энергетику, транспорт, новые виды сырья и материалов, но-

вые и высокие технологии, комплексное использование ресурсов, охрану окружающей среды и другие отрасли.

В ноябре 2004 г. этот документ был пересмотрен, и в нем было установлено четыре категории инвестиционных проектов, вложение иностранного капитала в которые поощряется, допускается, ограничивается и запрещается. Как и в «Перечне отраслей» от 1997 г., поощряются иностранные инвестиции в проекты по освоению новых аграрных технологий, энергетики, транспорта и производства новых видов сырья и материалов, новых и высоких технологий, различные виды энергосберегающих проектов и предотвращающих загрязнение окружающей среды. Такие проекты освобождаются от таможенной пошлины на ввоз оборудования и налога на добавленную стоимость при его импорте, а также действует ряд льгот на стадии производства, такой как более низкие ставки подоходного налога с предприятия, более низкие местные ставки подоходного налога на пять лет с начала работы предприятия.

Ограничивается или запрещается вложение иностранного капитала в отрасли, связанные с государственной безопасностью, стратегическими и сырьевыми ресурсами, а также проекты, связанные с загрязнением окружающей среды, разрушающие природные ресурсы или наносящие вред здоровью человека. Остальные проекты относятся к категории таких проектов, куда **допускается** иностранный капитал. Проекты этой категории пользуются такими же льготами, как и в первом случае — освобождением от таможенной пошлины на ввоз оборудования и налога на добавленную стоимость при его импорте.

После вступления КНР в ВТО (ноябрь 2001 г.) было принято положение «О дальнейшей стандартизации управления развития и отчетности акционерных инвестиционных предприятий в экспериментальных зонах», в котором впервые были кодифицированы требования в отношении операций,

раскрытия информации и регистрации частных акционерных предприятий, инвестирующих в экспериментальные зоны экономического развития. Государственный комитет по развитию и реформе КНР (ГКРР) обнародовал циркуляр «О дальнейшей стандартизации управления развития и отчетности акционерных инвестиционных предприятий в экспериментальных зонах» (См.: URL: <http://www.sdpc.gov.cn/31.01.2011>). Документ вступил в силу со дня опубликования. Положения циркуляра распространяются на акционерные компании, которые выполняют соответствующие функции в экспериментальных зонах развития в городах Тяньцзинь, Пекин, Шанхай и провинциях Цзянсу и Чжэцзян, где приток инвестиций был наиболее заметным. Циркуляром было предусмотрено, что инвестиционные предприятия создаются в основном в форме компании или товарищества. Частная инвестиционная компания может привлекать капитал только в частном порядке через специально определенные частные лица или компании, которые имеют право выявлять потенциал инвестиционных компаний и идти на риски. Циркуляром определены требования по раскрытию информации инвесторам в соответствии с уставом компании (для компаний) или соглашением о товариществе (для товариществ). Предприятие в течение 4-х месяцев после окончания каждого налогового года обязано представлять в Государственный Комитет по развитию и реформам КНР (ГКРР) и его местные отделы ежегодные отчеты о своей деятельности и отчеты об аудиторских проверках. Также необходимо заявлять о данных, касающихся изменений в уставных документах предприятия, в капитале, о слияниях и поглощениях, структуре управления предприятием и т. д.

В 2011 году был выпущен новый «Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций», подготовленный совместно двумя ведомствами — Государственным комитетом по развитию и реформам КНР и Министерством коммерции

КНР, в ведении которых находится выдача предварительного разрешения на создание в КНР предприятий с участием иностранного капитала (См.: *Вайшан тоуцзы чанъе чжидао мулу. (Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций), Министерство коммерции КНР, 2011, № 12*). Новая редакция каталога открывает для иностранных инвестиций новые отрасли экономики и расширяет список поощряемых направлений деятельности в целях привлечения в КНР высокотехнологичных производств.

«Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций» (далее — «Каталог») представляет собой список направлений деятельности в различных отраслях экономики, разделенных на три категории: поощряемые, ограничиваемые и запрещенные. Если иностранные инвестиции осуществляются в проекты, не отнесенные Каталогом к какой-либо категории, то участие иностранных инвесторов считается **разрешенным**.

В случае, если сфера деятельности создаваемого предприятия с участием иностранного капитала отнесена Каталогом к **запрещенной** для иностранных инвестиций, органы Министерства коммерции КНР не вправе выдавать предварительное разрешение на создание такого предприятия. Если сфера деятельности относится к **ограничиваемой**, то создание предприятия возможно при соблюдении дополнительных ограничительных условий. Среди них предусмотрены такие условия, как возможность ведения деятельности только в форме совместного паевого или контрактного предприятия (запрет на ведение деятельности в форме предприятия с 100% иностранным капиталом), требование об обязательном наличии у китайского участника абсолютного или относительного контроля (иностранному участнику может принадлежать до 49% акционерного капитала). Помимо указанных сфер деятельности в Каталоге возможны другие ограничения, установленные законодательством.

Ведение деятельности только в форме совместного предприятия и требование о наличии у китайского участника контроля над предприятием возможно в качестве условия для отнесения деятельности к **поощряемой**. Способы поощрения иностранных инвестиций в Каталоге не указаны. Обычно они детализируются в других нормативных правовых актах центральных ведомств (Министерство коммерции КНР, Министерство финансов КНР, Главное налоговое управление КНР, Государственный комитет по развитию и реформе КНР).

Существуют также местные постановления в сфере регулирования иностранного капитала, которые издаются провинциальными властями. В частности, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) поощряются для вложения иностранных инвестиций и предоставляются различные налоговые льготы для девяти отраслей:

(1) городские основные отрасли производства и инфраструктура, как ирригация, энергетика, коммуникации, связь, охрана окружающей среды;

(2) биоинженерия, а также новые технологии, новые материалы и новые виды продукции, которые должны обладать следующими качествами: высокой производительностью, энергосбережением, высокотехнологической емкостью, высокой добавленной стоимостью;

(3) отрасли глубокой переработки продуктов нефтехимической промышленности;

(4) отрасли сельскохозяйственного машиностроения;

(5) хлопко- и шерстопрядение и производство одежды;

(6) производство продукции бытовой химии и силикатной продукции;

(7) новейшие отделочные материалы для стен и архитектурного оформления;

(8) комплексное освоение сельского хозяйства и животноводства, обработка сельхозпродуктов с повышенной производительностью;

(9) комплексное освоение туристических ресурсов (*Из записей личной беседы А.В. Островского в Управлении коммерции СУАР*).

Отраслевая структура иностранных инвестиций на первом этапе (80–90-е гг. XX века) характеризовалась опережающим ростом вложений в обрабатывающую промышленность, где особенно велика доля живого труда в стоимости конечной продукции. Если в 1996 г. сюда поступило 68,9% прямых иностранных инвестиций, то в 2006 г. — 60,1%. Однако в дальнейшем доля прямых инвестиций в промышленность стала сокращаться, и в 2016 г. и по объему прямых инвестиций и по доле в объеме прямых инвестиций доля обрабатывающей промышленности составила всего 30% (см. табл. 3 ниже). При этом особенно быстро растет доля техноёмких производств, включая предприятия по глубокой переработке сырья, а также наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Большая доля иностранных инвестиций стабильно поступает в строительство офисных и жилых зданий и коммунальную сферу — 17,5% в 1996 г., 18,6% в 2006 г. и 28,4% в 2016 г. Значительный приток инвестиций стал наблюдаться в сфере информационных технологий и производстве программного продукта после того, как китайские власти открыли эту сферу для иностранных инвесторов. Если в 2006 г. общий объем прямых иностранных инвестиций составлял всего 1,07 млрд. долл. (1,5% общего объема инвестиций), то в 2014 г. уже 2,76 млрд. долл. (2,3% общего объема инвестиций), а в 2016 г. — 8,13 млрд. долл. (6,6% общего объема инвестиций). Устойчиво быстрыми темпами происходил рост прямых иностранных инвестиций в такие сферы как торговля, питание, материально-техническое снабжение и коммунальные услуги и недвижимость, как показано в табл. 6 ниже.

Таблица 6

**Распределение прямых иностранных инвестиций по отраслям
(1996–2016 гг.)**

Отрасли экономики	1996		2006		2014		2016	
	К-во проектов	Объем инвестиций (млрд. долл./%)						
Всего	24556	73,3/100	41485	69,5/100	23778	119,6/100	27900	122,5/100
Сельское хозяйство	812	1,14/1,6	951	0,6/0,86	719	1,52/1,27	558	1,85/1,51
Промышленность	18280	50,5/68,9	25373	41,8/60,1	5421	42,7/35,7	4324	36,8/30,0
Строительство	387	2,0/2,7	352	0,69/1,0	230	1,24/1,04	176*	1,56/1,23*
Транспорт и связь	196	1,6/2,2	665	1,98/2,84	376	4,46/3,7	425	4,96/4,0
Информационные технологии и программный продукт	1378	1,07/1,5	981	2,76/2,3	1463	8,13/6,6
Торговля, питание, материально-техническое снабжение	1655	2,35/3,2	5724	2,62/3,8	8545	10,11/8,5	9399	15,2/12,4
Коммунальные услуги, недвижимость	1961	12,85/17,5	5519	12,95/18,6	4409	47,1/39,4	5009	34,8/28,4
Финансы	64	6,74/9,7	970	4,18/3,5	2003*	15,0/11,9*
Здравоохранение и социальные услуги	128	0,35/0,5	20	0,02/0,03	22	0,078/0,07	245*	0,5/0,4*
Образование, культура, физкультура, искусство	63	0,17/0,23	268	0,27/0,38	214	0,84/0,7	327*	0,962/0,8*
Наука и научное обслуживание	124	0,175/0,24	1035	0,5/0,7	1611	3,25/2,7	1970*	4,53/3,6*
Прочие отрасли	950	2,15/2,9	136	...	181	0,72/0,6

* 2015 год

Источники: *Чжунго тунци няньцзянь – 2015 (Китайский статистический ежегодник – 2015), Пекин, 2015, с. 381; Чжунго тунци няньцзянь – 2016 (Китайский статистический ежегодник – 2016), Пекин, 2016, с. 375; 2016-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года), с. 24.*

В последние годы отмечается снижение интереса иностранных инвесторов к электроэнергетике КНР. В 2006 г. она обеспечила лишь 1,8% общего объема прямых зарубежных инвестиций по сравнению с 5% в конце 90-х годов. Это связано с не оправдавшимися ожиданиями иностранных предпринимателей в отношении реформы китайской электроэнергетики. Однако с начала 2007 г. были отпущены цены на каменный уголь, что привело к снижению цен на него. Поэтому в перспективе не исключено, что иностранные инвесторы вновь проявят интерес к энергетическим предприятиям в КНР.

Региональное размещение иностранных инвестиций характеризуется преимущественной ориентацией зарубежных инвесторов на приморские районы и города центрального подчинения КНР (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай) как наиболее экономически развитые. За последние 20 лет в распределении иностранных инвестиций по регионам не произошло заметных изменений. Как и в 1995 г., в настоящее время в приморские районы Китая поступает около 80% иностранных инвестиций, при этом особенно выделяются провинции Цзянсу (в 2015 г. — 17,2% объема иностранных инвестиций), Гуандун (14,2%), Чжэцзян (6,4%), Пекин (8,4%) и Шанхай (14,6%). Большая часть инвестиционных проектов с участием иностранного капитала также приходится на приморские районы Китая и города центрального подчинения. В 2015 г. первое место по количеству инвестиционных проектов с участием иностранного капитала занимала провинция Гуандун на юге страны — 111169 предприятия (23,1% общего количества предприятий с участием иностранного капитала), на втором месте Шанхай — 74885 (15,6%), на третьем Цзянсу — 53551 предприятия (11,1%). **Что касается районов**

Северо-Востока Китая, Центрального Китая и отдаленных и экономически отсталых районов Западного Китая, занимающих более $\frac{2}{3}$ территории страны, то, несмотря на наличие здесь богатых запасов сырья, они хронически «выпадают из поля зрения» иностранных инвесторов и на их долю приходится не более 20% объема иностранных инвестиций. При этом большая часть иностранных инвестиций приходится на приморскую провинцию Ляонин на Северо-Востоке Китая — 3,6% общего количества предприятий с участием иностранного капитала и 4,6% объема иностранных инвестиций в 2015 году. Среди других провинций Северо-Восточного, Центрального и Западного Китая, которые как-то выделяются по количеству совместных предприятий и объему иностранных инвестиций, можно выделить всего три провинции — Хэнань и Хубэй в Центральном Китае и Сычуань в Западном Китае (см. табл. 7 ниже).

Таблица 7

**Распределение накопленных ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ
ПО РЕГИОНАМ КИТАЯ (млрд. долл./%)**

Провинции	1995		2005		2015	
	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%
КНР в целом	240447/ 100	639/ 100	260000/ 100	1464/ 100	481179/ 100	4539/ 100
Города центрального подчинения	33137/ 13,8	113,4/ 17,7	52206/ 20,0	326,2/ 22,3	113647/ 24,7	1303,2/ 28,7
Пекин	9691/ 4,0	28,8/ 4,5	10980/ 4,2	60,7/ 4,1	29396/ 6,1	381/ 8,4
Шанхай	14487/ 6,0	67,7/ 10,6	28978/ 11,1	200,7/ 13,7	74885/ 15,6	661,3/ 14,6
Тяньцзинь	8959/ 3,7	16,9/ 2,6	10933/ 4,2	56,8/ 3,9	12278/ 2,6	181,3/ 4,0
Чунцин*	...		1315/ 0,5	8,0/ 0,5	5009/ 1,0	78,8/ 1,7
Приморские районы	147134/ /61,2	403,2/ /63,0	157633/ /60,6	856,2/ 58,4	264826/ 55,0	2281,6/ 50,3

Таблица 7 (продолжение)

Провинции	1995		2005		2015	
	К-во пред-прия-тий	Млрд. долл./%	К-во пред-прия-тий	Млрд. долл./%	К-во пред-прия-тий	Млрд. долл./%
в том числе:						
Хэбэй	5368/ 2,23	12,3/ 1,9	3637/ 1,4	21,9/ 1,5	6867/ 1,4	73,6/ 1,6
Цзянсу	22950/ 9,5	53,2/ 8,3	33321/ 12,8	265,7/ 18,1	53551/ 11,1	782,2/ 17,2
Чжэцзян	11237/ 4,7	24,4/ 3,8	19009/ 7,3	101,9/ 7,0	32778/ 6,8	291,8/ 6,4
Фуцзянь	16527/ 6,9	36,7/ 5,7	17854/ 6,9	75,3/ 5,1	25895/ 5,4	196,7/ 4,3
Шаньдун	17988/ 7,5	37,4/ 5,9	20153/ 7,8	78,6/ 5,4	27240/ 5,7	219,3/ 4,8
Гуандун	59582/ 24,8	204,6/ 32,0	58762/ 22,6	288,9/ 19,7	111169/ 23,1	644,3/ 14,2
Хайнань	8606/ 3,6	21,1/ 3,3	2456/ 0,9	9,2/ 0,6	3111/ 0,64	31,2/ 0,68
Гуанси	4876/ 2,0	13,5/ 2,1	2441/ 0,9	14,7/ 1,0	4215/ 0,87	42,5/ 0,9
Северо-Восток	18662/ 7,7	41,5/ 6,45	21318/ 8,25	113,2/ 7,75	26477/ 5,7	255,9/ 6,7
Ляонин	11284/ 4,7	28,1/ 4,4	16542/ 6,4	81,5/ 5,6	17745/ 3,7	206,6/ 4,6
Цзилинь	2990/ 1,2	4,8/ 0,75	2488/ 0,95	20,7/ 1,4	4437/ 0,9	35,2/ 0,8
Хэйлунцзян	4388/ 1,8	8,6/ 1,3	2288/ 0,9	11,0/ 0,75	4149/ 0,8	22,3/ 0,5
Внутренние районы	40965/ 17,0	184,5/ 11,3	28843/ 11,2	168,4/ 11,55	76229/ 14,6	698,3/ 14,3
в том числе						
Хэнань	4382/ 1,8	8,9/ 1,4	2877/ 1,1	20,6/ 1,4	8316/ 1,7	68,7/ 1,5
Хубэй	5758/ 2,4	13,6/ 2,1	4284/ 1,6	25,8/ 1,76	8646/ 1,8	89,2/ 2,0
Хунань	3263/ 1,3	7,0/ 1,1	2712/ 1,04	15,8/ 1,1	5865/ 1,2	52,1/ 1,1
Шаньси	1364/ 0,6	2,4/ 0,4	776/ 0,3	7,7/ 0,5	3606/ 0,7	41,1/ 0,9

Таблица 7 (продолжение)

Провинции	1995		2005		2015	
	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%	К-во пред-приятий	Млрд. долл./%
Сычуань	5897/ 2,5	12,7/ 2,0	4075/ 1,56	16,6/ 1,13	10594/ 2,2	88,4/ 1,9
Шэньси	1894/ 0,8	4,6/ 0,7	2890/ 1,1	13,7/ 0,9	6017/ 1,3	51,6/ 1,1
Внутренняя Монголия	1074/ 0,4	2,0/ 0,3	914/ 0,35	12,6/ 0,86	2967/ 0,6	35,1/ 0,8
Синьцзян	656/ 0,3	1,4/ 0,2	345/ 0,13	1,9/ 0,12	1384/ 0,3	8,5/ 0,2

* В 1996 г. входил в состав провинции Сычуань.

Источник: *Чжунго тунцзи няньцзянь (Китайский статистический ежегодник) – за соответствующие годы, Пекин, ГСУ КНР.*

В законодательном плане стимулы для привлечения прямых иностранных инвестиций в намеченные для этого китайским руководством регионы действуют не всегда. В начале 80-х гг. принятое ПК ВСНП «Положение об особых экономических зонах в провинции Гуандун» привлекло туда прямые инвестиции (в основном из Гонконга). Однако аналогичные постановления по провинции Хайнань (1988 год), СЭЗ Сямынь провинции Фуцзянь (1994 год) не дали аналогичного результата, и доля прямых иностранных инвестиций на смешанных предприятиях на этих территориях относительно невелика (см. табл. 7 выше).

Таким образом, несмотря на очевидные успехи в привлечении иностранного капитала и внушительные масштабы иностранного предпринимательства, имеется целый ряд проблем, побуждающих Китай к постоянному совершенствованию национального инвестиционного климата, поддержке и развитию интереса иностранных инвесторов.

В настоящее время для привлечения иностранного капитала выделен Шанхай и внутри Шанхая — свободная торговая зона. Как отметил избранный на XIX съезде КПК секретарь парткома Шанхая Хань Чжэн, «создание свободного порта в рамках пилотной свободной торговой зоны Шанхай

уже вошло в плановую стадию и необходимо, чтобы ему дали «зеленый свет» для продвижения вперед». Свободный порт, являющейся формой свободной зоны торговли, создается в рамках страны или границах региона, но за пределами таможенной зоны. Этот порт будет открыт для всех коммерческих судов на равных условиях. Товары в этом порту могут разгружаться, складироваться и отгружаться без оплаты таможенных пошлин» (См.: *China Daily, October, 24, 2017*).

Как мы видим, несмотря на активное привлечение иностранных инвестиций в Китай, распределение инвестиций по экономическим регионам крайне неравномерно. В основном иностранные инвестиции идут в города центрального подчинения, преимущественно в Шанхай и Пекин, или в экономически развитые приморские провинции, преимущественно в Гуандун и Цзянсу. Вряд ли в ближайшие годы произойдет принципиальное изменение в территориальной структуре иностранных инвестиций в КНР. Более того, с учетом принятых в нынешнем году ряда положений и постановлений о стимулировании развития свободного порта в районе бондовой зоны Яншань и Пудунского международного аэропорта в рамках ЗСТ Шанхай следует ожидать увеличения инвестиций в наиболее экономически развитые приморские районы и города центрального подчинения.

В целом изменения, происходящие в последние годы в сфере привлечения иностранного капитала, свидетельствуют о последовательной ориентации КНР на полноправное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала. В перспективе на этом рынке будут установлены единые правила и условия конкуренции для всех участников инвестиционного процесса независимо от формы собственности и принадлежности к той или иной стране. Важную роль в КНР играет создание необходимой законодательной базы и совершенствование принятых в 80–90-е гг. XX века законов, что способствует не только привлечению в экономику КНР прямых иностранных инвести-

ций, но и регулированию инвестиций по отраслям экономики и регионам страны.

В первые годы реформ — до середины 90-х гг. — объем прямых иностранных инвестиций в КНР был невелик и составлял менее трети всех привлеченных в страну иностранных инвестиций. Однако в конце 90-х гг. произошел заметный рост доли прямых иностранных инвестиций, что в значительной степени было связано с принятым в 1995 году Законом о внешней торговле и последующими поправками от 2004 года. В основу принятого сессией ВСНП Закона о внешней торговле были заложены принципы «открытой единой внешнеторговой политики в соответствии с требованиями Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ)», что в немалой степени способствовало привлечению иностранных инвесторов в Китай. В частности, участником внешнеэкономической деятельности (ВЭД), помимо организаций и юридических лиц, могли стать и физические лица, лицензирование было заменено на уведомительную регистрацию, а допуск к таможенному декларированию и система автоматического лицензирования стали осуществляться только после проведения уведомительной регистрации. В целом льготный режим налогообложения для предприятий с участием иностранного капитала, возможность вывоза доходов из страны для иностранного предпринимателя и гарантии для иностранных инвесторов, заложенные в Конституции КНР, законодательных актах и подзаконных актах соответствующих министерств и ведомств — все это позволило Китаю стать основным получателем инвестиций среди развивающихся стран и одним из ведущих получателей в мире.

Вместе с тем, большое влияние на рост прямых иностранных инвестиций оказало вступление КНР в ВТО в ноябре 2001 года. После вступления КНР в ВТО объем иностранных инвестиций в КНР вырос в 2,5 раза, из которых подавляющую часть иностранных инвестиций составляли прямые иностранные инвестиции, и Китай фактически отказался от таких форм иностранных инвестиций, как внешние займы,

кредиты, международный лизинг и т. п. В свою очередь, следует отметить, что с 2007 г., после того, как были уравнены в правах китайские и национальные инвесторы, — 25% доходов предприятий для всех предприятий при увеличении налога на предприятия с участием иностранного капитала и уменьшении налога на китайские предприятия, заметно сократился приток иностранных инвестиций из стран ЕС, США, Канады, Австралии и других стран мира. С 2005 года приток иностранных инвестиций в КНР в основном шел за счет Гонконга, Сингапура и таких оффшорных зон, как Самоа, Вирджинские и Каймановы острова. В настоящее время большая часть прямых иностранных инвестиций в КНР и из КНР (до $\frac{2}{3}$ объема) идет из Гонконга и в Гонконг, который выступает своего рода оффшором для китайских бизнесменов. Можно сказать, что значительная часть иностранного капитала фактически является китайским национальным капиталом, основным источником происхождения которого является часть прибыли, полученной от коммерческой деятельности на территории КНР.

Важным регулятором для иностранных инвесторов стало опубликованное «Временное постановление Госсовета КНР о рекомендуемых для иностранных предпринимателей направлениях для инвестирования капитала», которое было разработано несколькими ведомствами — Государственным плановым комитетом, Государственным комитетом по экономике и торговле и Министерством внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества. К этому постановлению было сделано приложение в виде каталога-руководства, в котором были определены приоритетные отрасли для инвестирования иностранного капитала. В дальнейшем в Китае регулярно вносились изменения и исправления в «Перечень отраслей как руководство для иностранного инвестора». В конечном счете, в каталоге-руководстве для иностранных инвесторов было установлено четыре категории инвестиционных проектов, вложение иностранного капитала в которые **поощряется, допускается, ограничивается и запрещается.**

При этом доля поощряемых и допускаемых отраслей постоянно увеличивается, а ограничиваемых и запрещаемых — сокращается. В результате происходит изменение структуры прямых иностранных инвестиций по отраслям. Если на первом этапе до вступления КНР в ВТО доля прямых иностранных инвестиций в промышленность была велика и составляла до 60% объема иностранных инвестиций, то в дальнейшем, особенно после уравнивания режима налогообложения для предприятий национального и иностранного капитала до 25%, эта доля стала заметно сокращаться. В свою очередь, выросла доля иностранных инвестиций в те отрасли, которые пользовались различными таможенными льготами и льготами в сфере налогообложения, в частности, государственные предприятия в сфере новых и высоких технологий и малые предприятия с небольшой прибылью, а также предприятия в сфере сельского хозяйства, энергосбережения и развития водных ресурсов. На практике в результате поправок в каталог-руководство для иностранных инвесторов за последние десять лет заметно выросла доля прямых иностранных инвестиций в отрасли новых и высоких технологий, в частности, информационные технологии, торговлю, коммунальные услуги и управление недвижимостью.

Большое значение имеет законодательство, которое регулирует иностранные инвестиции по регионам Китая.

Таблица 8

Этапы открытия регионов Китая для иностранных инвестиций

1979 – 1982 гг.	Создание первых четырех особых экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньгоу, Сямэнь в провинциях Фуцзянь и Гуандун), где отработывался опыт по привлечению прямых иностранных инвестиций. В этот период времени иностранные инвесторы вкладывали средства преимущественно в проекты сферы услуг, легкой и текстильной промышленности.
-----------------	--

Таблица 8 (продолжение)

1984 – 1988 гг.	Открытие для иностранного капитала 14 городов вдоль восточного побережья КНР (включая Тяньцзинь, Далянь, Циньхуандао, Циндао, Яньтай, Бэйхай, Ляньюньган), где стали создаваться зоны технико-экономического развития
1988 – 1992 гг.	Создание трех «открытых приморских экономических районов» в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, а также в южной части провинции Фуцзянь. Предоставление местным властям больших прав по привлечению ПИИ.
1992 – начало 2000-х гг.	Расширение регионов страны, открытых для иностранного капитала по линии Синцзян – Ганьсу – Шанхай. Таким образом ПИИ стали допускаться не только в прибрежные провинции КНР, но и внутренние районы страны. Переход от территориального принципа привлечения ПИИ к территориально-отраслевому в зависимости от задач развития конкретных регионов.
2001 – 2009 гг.	Выполнение Китаем обязательств перед ВТО по постепенному (от пяти до семи лет) снятию географических ограничений по работе иностранных компаний в сфере услуг (прежде всего, финансовых институтов, предприятий в области оптовой и розничной торговли, туристических фирм и др.) в различных регионах Китая.
2009 – по н/ время	Усиление акцента на развитии специализированных экономических зон. В настоящее время в стране действует 6 особых экономических зон, 14 открытых приморских города, более 120 технопарков, призванных стимулировать научно-техническое развитие страны; 168 национальных сельскохозяйственных парков; 16 зон свободной торговли, 15 зон приграничного экономического сотрудничества.

Источник: *Чжунго цзинцзи тэгуэй шиллюэ (Обзор истории открытых зон Китая), Бэйцзин, Цзинцзи чубаньшэ, (Издательство экономической литературы), 2015, с. 52.*

Как видно из таблицы, открытие регионов страны для иностранных инвесторов происходило постепенно, акцент менялся от территориального принципа привлечения ПИИ к территориально-отраслевому.

В приморских районах возникло три «полюса роста»: 1) зона дельты реки Чжуцзян в провинции Гуандун с двумя СЭЗ Шэньчжэнь и Чжухай; 2) зона дельты реки Янцзы с ГЦП Шанхай, частью провинции Цзянсу на юге и провинции Чжэцзян на севере; 3) зона кольца Бохайского залива с двумя крупными ГЦП Пекин и Тяньцзинь и частью провинции

Хэбэй. На протяжении всего периода реформ приоритет в развитии отдавался приморским районам Китая. В них были созданы все свободные экономические зоны — три СЭЗ в провинции Гуандун (Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу), одна СЭЗ в провинции Фуцзянь (Сямынь) и затем от провинции Гуандун отделили остров Хайнань, который стал отдельной провинцией и СЭЗ, а также открытые приморские города и зоны гарантированных налогов. Тем не менее, не все приморские провинции, свободные экономические зоны и открытые приморские города развивались с высокой динамикой. Судя по основным экономическим показателям, значительных успехов достигли, в основном, провинции Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян, а среди свободных экономических зон наибольшими экономическими успехами характеризуется зона Шэньчжэнь. Что касается открытых приморских городов, то в области привлечения и использования прямых иностранных инвестиций выделяются города Шанхай, Тяньцзинь и Циндао.

В настоящее время китайское правительство придает важное значение дальнейшему развитию специальных экономических зон (*цзинци тэцюй*). Эти зоны выполняют пионерскую роль в апробации новых механизмов экономического регулирования инвестиционного взаимодействия с внешним миром.

В качестве важных элементов, которые направлены на стимулирование притока иностранных капиталовложений в ОЭЗ КНР следует выделить такие как:

- применение системы льгот, включая регулирование тарифов по внешнеторговым операциям предприятий с участием иностранного капитала;
- снижение фискальных сборов и возможность получения налоговых льгот в целях стимулирования развития определенных видов экономической деятельности;
- получение прямых государственных субсидий и льготных кредитов, особенно в тех случаях, когда деятельность

предприятия соответствует приоритетным задачам развития Китая;

— возможность пользования специальной системой управления ОЭЗ, обладающей значительной самостоятельностью в области принятия решений по широкому спектру хозяйственных вопросов;

Следует подчеркнуть, что в Китае особые экономические зоны, как правило, создаются в соответствии с государственными программами развития, поэтому туда направляются крупные бюджетные финансовые средства, которые используются на строительство инфраструктурных объектов, включая дороги, средства связи и коммуникаций, гостиницы и жилье. Другими словами, китайские власти создают необходимые условия для последующей деятельности инвесторов. При создании ОЭЗ в КНР важное внимание уделяется правильному выбору их регионального расположения, заранее просчитываются возможности развития различных отраслей в увязке с задачами национального и провинциального экономического развития. Поэтому определение конкретного вида ОЭЗ зависит от общих задач хозяйственного развития, конкретных специфических особенностей того или иного региона.

В нулевые годы XXI века после вступления в ВТО Китай стал довольно активно выделять инвестиции в экономику других стран. Однако, следует отметить, что как и в случае с привлеченными иностранными инвестициями в страну — примерно $\frac{2}{3}$ всех инвестиций, такая же доля китайских инвестиций уходила за рубеж через Гонконг. Более того, китайские инвесторы рассматривали Гонконг как своего рода оффшор, который можно использовать для ухода от китайской системы налогообложения и для инвестиций в экономику тех стран, которые не хотели бы афишировать свои связи с Китаем.

Таблица 9

**Структура распределения иностранных инвестиций из КНР
по странам мира (2014–2015 гг.) (млрд. ам. долл.)**

Страны (регионы)	Прямые инвестиции за рубеж		Накопленные прямые инвестиции (конец 2015 года)
	2014	2015	
Всего	123,120	145,667	1097,865
Азия	84,99	108,37	768,901
<i>Гонконг</i>	<i>70,87</i>	<i>89,79</i>	<i>656,855</i>
Япония	0,394	0,240	3,038
Сингапур	2,813	10,45	31,985
Африка	3,202	2,978	34,694
Нигерия	0,200	0,05	2,376
Южная Африка	0,042	0,233	4,723
Европа	10,838	7,119	83,679
Великобритания	1,499	1,848	16,632
Франция	0,405	0,328	5,724
Германия	1,439	0,410	5,882
Россия	0,634	2,261	14,020
Латинская Америка	10,574	12,611	126,319
Каймановы острова	4,192	10,213	62,404
Вирджинские острова	4,570	1,849	51,672
Северная Америка	9,208	10,718	52,179
Канада	0,904	1,563	8,516
США	7,596	8,029	40,802
Океания	4,337	3,871	32,092
Австралия	4,049	3,401	28,374

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь – 2016, Пекин, 2016, с. 378.*

Всего на конец 2015 года сумма накопленных инвестиций Китая за рубежом уже составляла 1097 млрд. долл., а если к ним прибавить инвестиции за 2016–2019 гг. (в среднем примерно по 130 млрд. долл. в год), то этот показатель составит более 1500 млрд. долл. Как мы видим в таблице 9 выше, значительная часть китайских прямых инвестиций направлялась в Гонконг (в среднем от 70 до 90 млрд. долл. в год). Значительные инвестиции шли в Сингапур и на Каймановы острова, а также на Вирджинские острова, Австралию и США. Однако в последние годы поток инвестиций в США, Австралию, страны ЕС и Россию сократился, хотя в абсолютном выражении инвестиции из Китая превысили инвестиции в Китай из этих стран. Основными инвесторами Китая оставались, помимо Гонконга, страны Восточной Азии — Япония, Республика Корея и Сингапур. В целом к концу 10-х гг. XXI века Китай вышел на лидирующие позиции в мире как по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций, так и по объему направляемых инвестиций за рубеж, что в небольшой степени способствовало еще более быстрому наращиванию объема внешней торговли страны.

2. КИТАЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ МИРА

Во избежание сильной зависимости китайской экономики от внешней торговли Китай решил развернуть амбициозную экономическую инициативу «Один пояс — один путь». В сентябре 2013 г. на встрече в Астане с президентом Казахстана Н. Назарбаевым председатель КНР Си Цзиньпин озвучил новую программу глобального развития экономики страны — создание «Экономического пояса Шелкового пути» с целью развития всевозможной инфраструктуры (всего шесть основных направлений, из которых главным является развитие железных дорог из Китая в Европу по трем основным путям — северный, центральный и южный) для расширения связей Китая со странами Запада. В дальнейшем во время

официального визита в Индонезию Си Цзиньпин объявил о строительстве «Морского Шелкового пути», который предусматривает развитие морских маршрутов с восточного побережья Китая в страны Юго-Восточной, Южной и Западной Азии, а также Восточной Африки. Таким образом, Китай с помощью двух широкомасштабных программ за счет инвестиций Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шелкового пути предпринял попытку разветвления инфраструктуры мировой торговли для обеспечения себе выгодных условий для входа на новые рынки различных стран мира.

При этом Китай сохранял активную финансовую политику по привлечению иностранных инвестиций на свой внутренний рынок и экспорту капитала в различные страны мира. По данным на конец 2016 года объем иностранных инвестиций в КНР составил 126 млрд. долл., а объем китайских инвестиций за рубеж — 170 млрд. долл. (См.: *2016-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжухэй фачжэань туницзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года, с. 24–25*). В 2016–2018 гг. объем инвестиций за рубеж превышал показатель 130 млрд. долл., однако в 2019 г. он сократился до 110 млрд. долл.

Несмотря на то, что с конца нулевых годов XXI века для Китая оказались ограничены возможности экспорта в США, Евросоюз и Японию, что заметно снизило экономический потенциал страны, ориентированный на внешние рынки, тем не менее, Китай по-прежнему упрямо наращивал объемы торговли с этими странами, несмотря на имеющиеся политические разногласия с ними. Хотя Китай в связи с возникшими экономическими проблемами в странах, являющихся основными торговыми партнерами Китая — в США, Японии и странах Евросоюза, был вынужден ограничивать экспорт в эти страны, но он расширял его за счет стран БРИКС и АСЕАН. На практике оказалось, что по только по итогам

2016 г. у Китая оказался огромный профицит внешней торговли с ЕС — 137 млрд. евро и с США — 246,7 млрд. долл., который составил значительную долю внешней торговли КНР с этими партнерами (см. табл. 10).

Таблица 10

Внешнеторговый оборот КНР в 2010–2019 годах (млрд. долл. / %)

Страна, территория	2010	2015	2016	2017	2018	2019
КНР	2974/ 100	3957/ 100	3665/ 100	4117/ 100	4623/ 100	4640/ 100
США	385,4/ 12,9	558,3/ 14,1	516,5/ 14,1	585,7/ 14,2	633,5/ 13,7	548,8/ 11,8
Евросоюз	479,6/ 16,1	564,8/ 14,3	543,9/ 15,0	618,3/ 15,0	682,2/ 14,8	715,1/ 15,4
АСЕАН	292,9/ 9,8	472,2/ 11,9	449,8/ 12,3	516,2/ 12,5	587,9/ 12,7	650,7/ 14,0
Россия	55,5/ 1,9	68,1/ 1,7	69,1/ 1,9	84,3/ 2,0	107,1/ 2,3	112,4/ 2,4
Гонконг, Китай	230,6/ 7,8	343,6/ 8,7	303,0/ 8,3	288,8/ 7,0	310,6/ 6,7	292,2/ 6,3
Тайвань, Китай	145,4/ 4,9	188,2/ 4,8	178,7/ 4,9	199,8/ 4,9	226,2/ 4,9	231,4/ 5,0
Япония	297,8/ 10,0	278,7/ 7,0	273,4/ 7,5	303,8/ 7,4	327,7/ 7,1	319,3/ 7,9
Корея	207,1/ 7,0	275,8/ 7,0	251,1/ 6,9	282,5/ 6,9	313,4/ 6,8	288,3/ 6,2
Страны вдоль «Пояса и Пути»		936,7/ 23,7	941,5/ 25,7	1092,5/ 26,5	1267/ 27,4	1363,1/ 29,5

Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо – 2016, Пекин, 2016, с. 105; 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года); Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 101; 2020-нянь гоминь цзинци хэ шэуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года).

В дальнейшем этот профицит внешней торговли с США и ЕС увеличивался. В частности, в 2019 г. профицит внешней торговли с ЕС составил 154 млрд. долл., а с США, несмотря на серьез-

ные политические разногласия и переговоры по новому торговому соглашению, по-прежнему оставался огромный профицит внешней торговли в 300 млрд. долл. Более того, в ходе торговых переговоров КНР и США в 2018–2019 гг. дефицит США во внешней торговле с КНР стремительно рос за счет того, что США продолжали закупать более дешевые китайские товары по сравнению с товарами местного производителя и из Евросоюза.

При этом Китай продолжал наращивать торговлю в рамках инициативы «Один пояс — один путь», которая в конечном счете стала состоять из двух программ «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Как мы видим из таблицы 10, значительный рост объема внешней торговли КНР в 10-е гг. XXI века был достигнут практически со всеми ведущими торговыми партнерами по сравнению с 2010 годом. Особенно быстро развивалась торговля со странами на маршрутах «Одного пояса — Одного пути» и АСЕАН. Тем не менее, торговые отношения с США активно развивались и в 10-е гг. XXI века, и серьезный спад в торговле с США произошел только в 2019 г. во время торговых переговоров и эскалации конфликта между двумя странами.

После вступления в ВТО в 2001 г. Китай стал активно развивать внешнюю торговлю и особенно экспорт в развитые страны мира — США, страны ЕС, Японию, Республику Корея, а также Гонконг, который до недавнего времени являлся своего рода «мостом», по которому в КНР и из КНР шли большие потоки товаров и инвестиций. США в настоящее время по-прежнему являются 1-й в мире экономикой по объему ВВП по валютному курсу и занимают 1-е место по объему импорта, но уже уступили Китаю 2-е место по объему ВВП по паритету покупательной способности (ППС), объему экспорта и внешней торговли. Кроме того, на территории США находится Федеральная Резервная Система (далее — ФРС), которая является мировым эмиссионным центром, выпускающим

мировую валюту — доллар, от курса которого зависят и китайский юань, и российский рубль.

По данным на 2018 г. объем американско-китайской торговли составил 633,5 млрд. долл., что ненамного меньше всего объема российской внешней торговли — 693,1 млрд. долл. в 2018 г.. Доля китайско-американской торговли составляла 13,7% объема внешней торговли КНР, и этот показатель уступал только ЕС — 682,2 млрд. долл. (14,8%) (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, с. 101, 197*). В результате торговой войны между США и КНР объем китайско-американской торговли в 2019 г. заметно сократился (на 10,7% за год) и составил всего 540,6 млрд. долл. (лишь 11,8% объема внешней торговли Китая за 2019 г.). В результате по показателю объема внешней торговли с КНР США занимают уже третье место после ЕС и стран АСЕАН (см. табл.10 выше).

Китай по-прежнему является крупнейшим торговым партнером США, а США — вторым по величине торговым партнером Китая и его крупнейшим экспортным рынком. Общий дефицит внешней торговли США составил 800 млрд. долл. в 2017 г., и на Китай приходилось уже 500 млрд. долл. По мнению властей США, такой дефицит во внешней торговле с Китаем возник по двум причинам — налоговая политика Китая в отношении импортируемых товаров из США и искусственное занижение курса юаня по отношению к доллару (так называемое «валютное манипулирование» (*хуэйлюй цаожун*)). В США делались многократные заявления, что Китай умышленно занижает курс юаня по отношению к доллару для экспансии своих товаров на внешнем рынке. Если после вступления КНР в ВТО в 2001 г. курс юаня рос по отношению к доллару — 8,27 юаней за доллар в 2001 г. и 6,14 юаня за доллар в 2014 г., то с 2015 г. происходила девальвация юаня (за исключением 2018 г.) — 6,75 юаня в 2017 г., 6,61 юаня в 2018 г. и 6,89 юаня в 2019 г. (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 163*). Еще одной причиной торго-

вой войны между двумя странами стала программа развития промышленности Китая «Made in China — 2025». Цель этой программы — к 2049 г. (100-летие образования КНР) превратить страну в мирового лидера по производству высокотехнологичной продукции — компьютеры, смартфоны, самолеты, медицинское оборудование, автомобили, роботы и ослабить позиции США как мирового лидера. Все эти факторы — девальвация юаня, растущий дефицит внешней торговли США с Китаем, программа развития промышленности «Made in China — 2025» — и привели к торговой войне между двумя странами. Но если в мировой прессе американско-китайские отношения называли «торговая война» (*trade war*), то в китайской прессе формулировка была более сдержанная — «торговые трения» (*маоу моца*).

По мнению многих экспертов, «высокий уровень развития торгово-экономических отношений до недавнего времени был одной из основ стабильности американско-китайских отношений в настоящее время». Но насколько сильна зависимость обеих стран друг от друга? Что сильнее: их взаимное тяготение или взаимные экономические и политические претензии друг к другу, которые время от времени обостряются — в начале 2010 года и в начале 2018 г.? В какой степени Китай и США в экономическом плане зависят друг от друга?

Несколько лет назад во время визита президента США Б. Обамы в КНР председателю КНР Ху Цзиньтао было сделано предложение о создании новой структуры G2, куда вошли бы только две страны — КНР и США, которые разделили бы между собой сферы влияния в мире: для США — Европа и Северная Америка, для КНР — Юго-Восточная Азия и Латинская Америка. **Но Китай отказался от этого предложения, поскольку не захотел быть ведомым в этой связке с США и подчинять свои коренные интересы интересам внешней политики США.** Все это вызвало недовольство США, которое стало проявляться в различных

формах, как экономических, так и политических требованиях и действиях. Однако при этом интересы большого бизнеса стояли на первом месте. В 2017 г. во время визита делегации США в КНР во главе с Д. Трампом было подписано 34 проектов сотрудничества на общую сумму 253,5 млрд. долл.

По данным на конец 2018 г. золотовалютные резервы Китая составляли 3072,7 млрд. долл. При этом КНР по-прежнему является крупнейшим в мире держателем различного рода ценных бумаг США на сумму около 1,1 трлн. долл. и, таким образом, остается крупнейшим государством-кредитором США. Каждое падение стоимости доллара США на 1% приводит к убыткам Китая на 15 млрд. долл. Позиция Китая по отношению к госдолгу США, а именно к приобретению Китаем государственных облигаций США, является основным фактором, влияющим на динамику курса иностранной валюты. Иными словами, если Китай прекратит приобретать в большом количестве государственные облигации США, то произойдет быстрое обесценение американского доллара. Безусловно, Китай не заинтересован обваливать американский доллар и всю американскую экономику. Но, как отмечают китайские чиновники, в случае дальнейших покупок ценных бумаг США, Китай в качестве компенсации будет просить у США больше открыть американские рынки для китайских компаний, помочь обрести большее влияние в международных экономических и финансовых организациях, таких как ВТО и МВФ и, наконец, изменить свою позицию по тайваньскому вопросу, вплоть до того, чтобы решить вопрос о «возврате Тайваня в лоно родины» мирным путем в кратчайшие сроки.

По мере роста экспорта из КНР продукции новых и высоких технологий, произведенных в рамках программы развития промышленности «Сделано в Китае — 2025», американская сторона в ходе развернувшейся торговой войны все громче обвиняла Китай в краже новых и высоких технологий

из США, на базе которых и производится значительная часть высокотехнологичной продукции. Более того, значительная часть этой продукции возвращается в США в виде части экспорта, в частности, электронные микрочипы, которые являются важной составной частью производственной цепочки для изготовления высокотехнологичной продукции в самих США, а также смартфонов, плат для компьютеров и другого высокотехнологичного оборудования.

В результате между США и КНР началась новая торговая война, в ходе которой США объявили о взимании повышенных таможенных пошлин с февраля 2019 г. на 25% на экспортные товары на 250 млрд. долл., а Китай в ответ объявил о повышении пошлин на американские товары на 150 млрд. долл., т. е. практически на весь американский импорт в КНР. Однако, как нам представляется, хотя США и являются важным экспортным рынком для КНР, но не настолько важным, чтобы полностью следовать всем указаниям американского партнера как по вопросам ревальвации юаня, так и по ценам на экспортную продукцию в США. По данным за 2019 год, США по объему внешней торговли — 540,6 млрд. долл. (11,8% объема внешней торговли) занимает только 3-е место и отстает по этому показателю от стран ЕС — 704,3 млрд. долл. (15,4%) и АСЕАН — 642 млрд. долл. (14,0%) (См. табл.10 выше). После визита Си Цзиньпина в страны Европы — Италию и Францию (март 2019 г.), Китай должен заметно увеличить свое присутствие на рынках в Европе за счет инвестиций в расширение итальянского порта Триест на Адриатическом море по примеру сделки по расширению порта в греческом Пирее на маршрутах «Одного пояса — одного Пути». При этом следует учесть, что у КНР сохраняются значительные объемы внешней торговли с Японией — 327 млрд. долл. (7,1%), Гонконгом — 313 млрд. долл. (6,8%) и Республикой Корея — 313 млрд. долл. (6,8%) (См.: *Чжунго тунцизи чжайяо — 2019, Пекин, с. 101*). Очевидно, что в результате созда-

ния зоны свободной торговли со странами АСЕАН — КАФТА, а затем и подписания рамочного соглашения с Тайванем с 2010 г. стал происходить рост объемов торговли со странами АСЕАН, Гонконгом и Тайванем, что должно было компенсировать уже тогда предполагаемый на будущее спад в американо-китайской торговле.

Такая же ситуация наблюдается и с привлечением иностранного капитала на территорию КНР. Вопреки широко распространенному мнению о большой значимости американских прямых инвестиций в экономике КНР, статистические данные показывают, что в 2017 году объем прямых иностранных инвестиций из США в КНР составил всего 2,6 млрд. долл., в 2018 году — 2,7 млрд. долл. (2% общего объема иностранных инвестиций в 2018 г.) (См.: *Чжунго тунци чжайяо — 2019, Пекин, 2019, с. 101*). Если взять суммарные показатели объемов прямых иностранных инвестиций из США в КНР за 2012–2018 гг. — всего 17,6 млрд. долл., то это составляет всего 2% всех прямых иностранных инвестиций за этот период.

В то же время показатели объемов китайских инвестиций в США уже превзошли аналогичные показатели из США в КНР. По данным китайских статистических сборников, по состоянию на конец 2015 года суммарный объем китайских инвестиций в США составил свыше 40 млрд. долл. (см. табл. 10 выше), в то время как за последние 10 лет ежегодный объем американских инвестиций в Китай не превышал 2,8 млрд. долл. И то, на наш взгляд, значительную часть прямых иностранных инвестиций в КНР со всего мира составляют инвестиции китайцев-хуацяо, проживающих в США, также как и инвестиции с Вирджинских и Каймановых островов, Гонконга и Сингапура, а также из Республики Корея и Японии. При этом, если говорить об инвестициях из Гонконга в КНР и из КНР в Гонконг, то существует замкнутый круг в финансовых обращениях этих инвестиций. Либо они идут из-за

рубежа через Гонконг в КНР, вкладываются в прибыльный бизнес на территории Китая — финансы, недвижимость, торговля, гостиничное дело, в последние годы — информационные технологии, а затем возвращаются обратно в Гонконг. Либо они идут из КНР в Гонконг, так как Гонконг рассматривается китайским бизнесом как своего рода оффшор, в котором можно укрыть от налогообложения избыточные доходы и уйти от всевидящего ока Дисциплинарной комиссии ЦК КПК. В результате только в 2018 г. из Гонконга в КНР было сделано инвестиций на сумму примерно 90 млрд. долл. (две трети объема всех иностранных инвестиций в экономику КНР). На наш взгляд, значительную часть этих инвестиций составляют инвестиции из США, которые американский бизнес по ряду политических и экономических причин предпочитает проводить не напрямую, а через Гонконг, как до 1979 года, когда между США и КНР отсутствовали дипломатические отношения.

Нельзя говорить о принципиальном значении влияния ситуации на американском фондовом рынке на китайский фондовый рынок. В настоящее время взаимосвязь китайского и американского фондовых рынков определяется в основном взаимным психологическим влиянием, обусловленным огромным объемом приобретенных Китаем казначейских облигаций США — свыше 1 трлн. долл., а также структурой внешнеторгового баланса, определяющей значительную зависимость США от импорта из КНР.

Если посмотреть на структуру внешней торговли США и КНР, то заметен огромный суммарный дефицит внешней торговли США — свыше 500 млрд. долл. Такой показатель стал оказывать огромное влияние на весь комплекс американо-китайских отношений. Не случайно президент США Д. Трамп поставил вопрос о повышении таможенных пошлин на экспорт продукции из КНР, которая в основном представляет электрооборудование, машины и различное высокоточ-

ное оборудование, а также мебель и постельные принадлежности, игрушки и спортивное оборудование. В ответ в Китай из США поставляются различные услуги, самолеты, машины и различное оборудование, соя-бобы, автомобили и электрооборудование.

В этих условиях США обвинили Китай в валютном манипулировании — искусственном занижении курса юаня относительно доллара, что привело к растущему дефициту внешней торговли США по отношению к Китаю и объявили о том, что они собираются установить 10% пошлину на китайский импорт на объем поставок на 300 млрд. долл. и 25% пошлину на объем поставок из КНР на 250 млрд. долл., то есть фактически на весь объем импорта из КНР в США. Китай быстро ответил аналогичной мерой — было объявлено повышение пошлины на импорт товаров из США на 60 млрд. долл., что составило примерно треть объема всего импорта из США. Наиболее болезненной мерой для США оказался фактический запрет на импорт сои из США в Китай, в значительной степени обеспечивающего растущие потребности Китая в импорте сои-бобов (80 млн. тонн в год), которые играют заметную роль в пищевом потреблении китайцев. Экономическая ситуация в ряде американских штатов, таких как Кентукки и Огайо, бюджет которых был в основном ориентирован на получение экспортной прибыли от продажи сои в Китай, оказалась довольно тяжелой. В частности, об этом во время визита в КНР в декабре 2018 г. говорил губернатор штата Кентукки Г. Брент, отметивший, что его штат в основном производит сою, дорогие автомобили и виски, и доходы от экспорта этих видов продукции является основой экономики этого штата.

Более того, оказалось, что падение импорта китайских потребительских товаров в США в целом оказывает негативное воздействие на настроения жителей страны, которые в основной своей массе привыкли покупать дешевые китайские товары, а не дорогие товары из Западной Европы, Японии и

местные товары. Как оказалось, попытки американской администрации установить барьеры на пути китайских товаров в США нанесли удар по кошелькам простых американцев, которые были вынуждены больше тратить средств на потребительском рынке.

Отсутствие прямой зависимости между китайским и американским фондовым рынком определяется особенностями финансовой политики Китая, связанными с тем, что в КНР существует финансовая система преимущественно закрытого типа, значительно ограничивающая приток иностранных инвестиций и ориентированная на всемерное использование внутренних инвестиционных ресурсов. Такая политика проявляется и реализуется в действующих на фондовом рынке КНР следующих финансовых механизмах: 1) ограниченная конвертируемость китайского юаня наряду с закрытым счетом движения капиталов платежного баланса КНР; 2) крайне ограниченный приток иностранных портфельных инвестиций на фондовый рынок Китая со стороны нерезидентов; 3) ограниченное оказание финансовых услуг иностранными компаниями на рынке ценных бумаг Китая; 4) отсутствие акций и облигаций американских компаний на фондовом рынке Китая. В то же время на фондовом рынке США котируются акции множества китайских компаний, в частности, на Нью-Йоркской фондовой бирже — 52 компаний, на бирже NASDAQ — 102 компаний из КНР. Все это определяет неизмеримо большую зависимость американского фондового рынка от китайского, нежели китайского от американского.

На наш взгляд, более серьезной проблемой является обеспечение возможностей доступа для китайских студентов, аспирантов и научных работников к новым знаниям и технологиям из США. Основным каналом получения такого рода информации является направление на учебу в США и страны Западной Европы большого количества студентов, аспирантов и стажеров и передачи оттуда лицензий и патентов.

С 1978 по 2018 гг. из КНР за рубеж выехало около 6 млн. студентов, аспирантов и стажеров, из которых только за последние 10 лет вернулось на родину более 3 млн. чел. (свыше 50% направленных за рубеж). По количеству обучающихся на 1-м месте находятся США, на 2-м — Австралия, на 3-м — Великобритания, далее идут Канада и Франция. В процессе обучения китайские студенты, аспиранты и стажеры получают знания и доступ к самой новой научно-технической информации и используют ее у себя в стране путем создания ноу-хау в зонах новых и высоких технологий. Иногда делятся полученными за рубежом знаниями в области последних достижений науки и техники, не возвращаясь на родину. В результате образуется своего рода «мозговой центр», состоящий из китайских ученых, работающих как в КНР, так и за ее пределами. В этой ситуации «утечка мозгов» уже не представляет для Китая такой большой угрозы, а, наоборот, служит дополнительным источником получения новой информации о научно-технических достижениях за рубежом.

Более того, в ходе ведущейся американо-китайской торговой войны американская сторона выставила требование к Китаю о проведении постоянного контроля за деятельностью китайских высокотехнологичных компаний на территории КНР и допуске американских контролеров на эти компании. Ясно, что эти требования оказались абсолютно неприемлемы для Китая, который не может пойти на эти условия. В настоящее время власти США ведут борьбу против компании «Хуавэй», работающую в сфере информационных технологий и производящую бытовую технику — смартфоны, айфоны, айпады — на порядок дешевле, чем у американских компаний. Более того, компания «Хуавэй» официально заявила, что они разработали принципиально новые, более высокотехнологичные смартфоны 5G, которые существенно отличаются от распространенных смартфонов 4G. В адрес этой компании используются различные меры воздействия — начиная от

прямого запрета импорта продукции и кончая прямым задержанием вице-президента компании в Канаде.

Однако у Китая есть достаточно жесткий вариант ответа на эти действия США. Китай, по сути дела, является монополистом на рынке редкоземельных металлов, в частности лантаноидов (примерно 85% мирового рынка). В случае необходимости Китай может закрыть свой рынок редкоземельных металлов для США, что нанесет удар по американским производителям высокотехнологичной продукции не только в сфере информационных технологий, но и производства военно-технической продукции. Напомним, что аналогичные меры Китай уже использовал против Японии несколько лет назад в период обострения отношений между ними, оставив на какое-то время Японию без сырья для ряда высокотехнологичных отраслей промышленности. В результате Япония была вынуждена уступить в споре с Китаем, поскольку закрытие для Японии рынка китайских редкоземельных металлов несло огромные убытки для японской экономики в целом.

В настоящее время степень зависимости американской экономики от китайских инвестиций оказывается существенно выше, чем китайской экономики от американских инвестиций. Судя по всему, Д. Трамп ввел импортные пошлины из Китая на сумму 250 млрд. долл. для того, чтобы уменьшить зависимость американского внутреннего рынка от китайских товаров и инвестиционного капитала. Хотя следует отметить, что и Китай зависит от американских поставок, в первую очередь, сои из США. Огромный рынок сои-бобов — потребность китайского рынка примерно 100 млн. т сои в год, невозможно закрыть только за счет производства сои на территории Китая и за счет поставок из других стран.

В результате обе стороны пришли к тому, что прекращение войны и новый торговый договор необходимы как США, так и КНР. Для Китая США является главным рынком внешней

торговли, Китай является главным кредитором США. Почти 20% американского госдолга сосредоточено в руках Китая. Если Китай примет решение о продаже значительной части американских облигаций (*treasuries*), то это может обрушить не только американскую экономику, но и мировые рынки.

Поэтому 15 января 2020 года США и КНР подписали соглашение в Белом доме о «первой фазе» торговой сделки после переговоров, которые длились 23 месяца. С февраля 2019 г. по октябрь 2019 г. состоялось 13 раундов переговоров между двумя сторонами. В результате было объявлено о «прекращении войны», отсроченное на один месяц, и с 15 декабря 2019 г. до 15 января 2020 г. повышение пошлин на товары из Китая не проводилось. Тарифы на поступающие из Китая на американский рынок товары должны остаться прежними — на уровне 25%. В свою очередь, Китай также отказался от повышения таможенных пошлин на импорт из США. При этом США официально объявили, что более не считают КНР «валютным манипулятором». Таким образом, в настоящее время на определенный период торговые войны между США и КНР прекращены, что способствовало развитию мировой торговли, так как торговая война между двумя ведущими экономическим державами создает напряженную обстановку в мировой торговле в целом.

В настоящее время по-прежнему остается один вопрос — в случае продолжения американо-китайской торговой войны в ходе переговоров по «второй фазе», кто победит и как это отразится на развитии мировой экономики? Некоторые эксперты считают, что у США позиции лучше, так как китайская экономика в большей степени зависит от внешнего рынка. Однако хотелось бы отметить, что китайский внутренний рынок — самый большой рынок в мире — примерно 1,4 млрд. человек населения, при этом уже свыше 400 млн. человек относятся к «среднему классу». Доходы населения растут быстрыми темпами, ВВП на душу населения в Ки-

тае уже превысил отметку в 10000 ам. долл. на человека, что говорит о росте комплексной мощи китайской экономики и национального богатства. Показатель располагаемого дохода на человека превысил 30000 юаней и составил 30733 юаня в год. Все это привело к росту розничного товарооборота на 8% в 2019 году, который составил 41,2 трлн. юаня (42,4% ВВП). Такой рост потребления китайского населения в результате обеспечивает большую емкость внутреннего рынка не только в приморских провинциях, но и во внутренних районах страны.

При этом Китай активно реализует выдвинутую в 2013 г. инициативу «Один пояс — один путь». Это не только может обеспечить дополнительный прирост внешней торговли со странами Центральной и Передней Азии, Западной Африки и стран Южной и Восточной Европы, но и в значительной мере стимулировать социально-экономическое развитие в экономически отсталых внутренних районах Китая, где проходят маршруты «Одного пояса — одного Пути». К ним относятся, прежде всего, территории Западного Китая — СУАР, провинции Ганьсу, Шэньси, Цинхай, а также Нинся-Хуэйский АР, на Юго-Западе — провинции Юньнань и Гуйчжоу, а также Гуанси-Чжуанский АР, на Северо-Востоке — провинции Цзилинь, Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия, Хэбэй и Ляонин.

Сложнее ответить на второй вопрос. На наш взгляд, в случае введения взаимных санкций на первом этапе будет наблюдаться падение темпов роста мирового ВВП во время американо-китайской торговой войны. Это окажет влияние на всю мировую экономику, однако в дальнейшем за счет роста торговли Китая со странами «Пояса и Пути» и США со странами АТР и Латинской Америки это падение может быть компенсировано.

В целом следует отметить, что США ранее уже делали попытки наладить американо-китайское партнерство посредством симбиоза двух держав в рамках проекта «Чимерика» и

«Большая двойка». Однако Китай предпочитает придерживаться своей намеченной программы строительства на первом этапе (до 2020 года) общества «малого благоденствия» (*сяокан*), а на втором этапе — «общества достатка» (*фуюй*) (до 2030 года). Как ранее отмечал профессор Гарвардского университета, автор термина «Чимерика» Н. Фергюсон, «к 2027 г. ВВП КНР превзойдет ВВП США не из-за американской стагнации, а из-за неумолимого роста китайской экономики, и это никак не зависит от Америки, а зависит от Китая, который действует и разговаривает, исходя из своих собственных представлений» (См.: 11.03.2010, http://www.rusrep.ru/2010/09/karta_budushey_voyny/). Еще более пессимистичные предсказания сделал нобелевский лауреат по экономике Р. Фогель, который в интервью журналу «Форин Полиси» дал прогноз о том, что «к 2040 году экономика Китая не просто превзойдет американскую, а превзойдет ее почти в три раза, и канет в лету разрыв между богатством Китая как государства и богатством его граждан».

Как нам представляется, в настоящее время зависимость США от КНР неизмеримо выше, чем КНР от США в силу того, что мощь китайской экономики базируется на материальных активах и производственных мощностях, а постиндустриальная экономика США в основном построена на непомерно раздутом финансовом секторе, вере в американскую мощь, поддерживающей печатающую американские доллары ФРС. Более того, в настоящее время КНР является главным мировым кредитором, а США — главным мировым должником, и такая ситуация в значительной степени определяет неизмеримо большую зависимость США от Китая.

Китай избрал тактику выжидания и наблюдает за действиями США. В основном стороны ведут и еще будут вести тяжелые изматывающие переговоры по условиям дальнейшего развития американо-китайской торговли. Локальные результаты перего-

воров есть, но это не решает ряд принципиальных проблем, таких как проблема Тайваня, огромный дефицит для США бюджета в торговле с КНР, более низкая себестоимость производимой в КНР продукции.

Не без участия США заметно обострилась ситуация в Гонконге. До недавнего времени Гонконг был важным опорным пунктом для Китая как центр реэкспортной торговли, авиационный узел, порт и копилка иностранных инвестиций. Однако после передачи Гонконга КНР в 1997 г. Гонконг стал постепенно превращаться в своеобразный экономический рудимент. На территории КНР появились особые экономические зоны, зоны свободной торговли, которые постепенно стали вытеснять и замещать Гонконг. Гонконг как центр реэкспортной торговли постепенно становился ненужным Китаю, поскольку в XXI веке Китай уже мог торговать напрямую со всеми странами мира без ограничений, включая США. В настоящее время от прежних времен у Гонконга сохранилась единственная функция — прачечная по отмыванию грязных денег как для Китая, так и для США, поскольку примерно две трети иностранных инвестиций в КНР и из КНР идут через Гонконг.

Безусловно, в результате американо-китайской торговой войны пострадают все стороны, включая всю мировую экономику. Для мировой экономики — это снижение темпов экономического роста, для США — торгово-экономические ограничения на крупнейшем в мире рынке снабжения и сбыта, для КНР — ограничение возможностей доступа к крупнейшему в мире рынку новых и высоких технологий. В то же время, по оценкам экспертов компании Goldman Sachs, американские санкции лишь стимулируют развитие китайской экономики и спровоцируют бурный рост ВВП. В последнее время жизненный уровень населения КНР растет быстрыми темпами, и к 2020 г. Китай собирается

построить общество «малого благоденствия», к 2030 г. — общество «всеобщей зажиточности». Это означает, что в стране резко возрастет потребительский спрос. В конечном счете, внутренний рынок Китая с населением 1,4 млн. человек в несколько раз больше американского внутреннего рынка с населением 300 с лишним миллионов человек. К тому же Китай активно реализует инициативу «Один пояс — один путь», что дает возможность ему почти на треть расширить для себя как рынок сбыта, так и источники снабжения. Все это дает основание предположить, что Китай выйдет из торговой войны с США с меньшими потерями в случае ее возобновления.

3. РОЛЬ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» ДЛЯ НАРАЩИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ СТРАНЫ

7 сентября 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с президентом Казахстана Н. Назарбаевым объявил о начале реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Экономический пояс Шелкового пути представлял собой три сухопутных маршрута с побережья Тихого океана через отсталые провинции Северо-Запада Китая — Шэньси, Нинся, Цинхай, Ганьсу и Синьцзян, затем через Казахстан в страны Евросоюза.

Позднее, 3 октября 2013 года, Си Цзиньпин, выступая в парламенте Индонезии, заявил о начале реализации проекта «Морской Шелковый путь XXI века», который должен идти от морских портов Восточного и Южного Китая через страны Юго-Восточной Азии и далее в страны Южной и Западной Азии, Восточной Африки, Австралии и Океании.

к этим проектам в мире выявились различные позиции. Какая-то часть стран и экспертов отнеслась к этому проекту

скептически, рассматривая его как мечты о будущем мироустройстве. При этом разделялась такая точка зрения, что в силу политических, экономических и социальных противоречий между странами этот проект имеет немного шансов на его реализацию. Другая часть стран и экспертов отнеслась к нему с одобрением, рассматривая «Экономический пояс Шелкового пути» не только как возможность развивать более активное сотрудничество между Китаем, странами Европы и прилегающими к ним территориями, включая Россию, но и как путь решения глобальных мировых политических и экономических проблем. В данном случае Китай выступил как организатор проекта, обеспечивающий его не только в организационном плане, но и как основной финансовый спонсор проекта через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути.

В марте 2015 года под эгидой Госсовета КНР был опубликован совместный документ трех ведомств — Госкомитета по развитию и реформам, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции под названием «Перспективы и действия по совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». В нем была изложена концепция развития проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» XXI века, который далее во многих случаях стал именоваться как инициатива «Один пояс — один путь» (Подробнее см: *Экономический пояс Шелкового пути, М., Русский Биографический Институт, Институт Экономических стратегий, 2015, с. 25–49*).

Выдвинутая в 2013 году Китаем инициатива «Один пояс — один путь» имеет, прежде всего, экономическую составляющую и направлена на ускорение социально-экономического развития Китая в условиях новых вызовов для него на мировой арене. К этим вызовам относятся сокращение экспортных возможностей на традиционных рынках США, Ев-

росоюза и Восточной Азии в результате снижения мировых темпов экономического роста и попытки США ослабить политические и экономические позиции Китая на мировой арене путем создания двух новых структур — Трансатлантического партнерства и Транстихоокеанского партнерства. Эта стратегическая инициатива «Один пояс — один путь» была разделена на два проекта — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Китай поставил задачу связать между собой экономически развитые страны Восточной Азии и Европы по двум древним маршрутам Шелкового пути, создать самую протяженную, имеющую самые большие резервы и самую объемную платформу экономического сотрудничества между Азией и Европой.

На XIX съезде КПК в Отчетном докладе Председателя КПК Си Цзиньпина особое внимание уделялось важности реализации инициативы «Один пояс — один путь». В частности, в докладе отмечалась важность дальнейшего продвижения «открытости» (*кайфан*) в экономике, в центре которой должна стать реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс — один путь». При этом говорилось о необходимости одновременного развития внешнеэкономических связей в приморских и внутренних районах, увеличения экспорта и импорта, развитию индустрии услуг, равенства предприятий всех форм собственности и охране прав иностранных инвесторов и развития зон свободной торговли и свободных портов (Подробнее см.: *Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы (XIX съезд КПК: Сборник материалов), Пекин, 2017, с. 24–27*).

За период с конца 2013 г. до настоящего времени в ходе реализации инициативы «Один пояс — один путь» Китай постоянно укреплял контакты и проводил консультации с государствами, находящимися на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути (ЭППП)». Всего можно выделить пять видов активных действий Китая на этом направлении:

1) официальные и правительственные визиты лидеров Китая в более чем 20 стран мира на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути», в ходе которых обсуждались действия по реализации данной инициативы между лидерами стран; 2) подписание рамочных документов о сотрудничестве между КНР и странами на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути»; 3) продвижение реализации проектов с высокой степенью готовности в области строительства инфраструктуры; 4) обеспечение политической поддержки мероприятий с помощью финансовых механизмов через созданные финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути; 5) проведение различных конференций, форумов и выставок, посвященных инициативе «Один пояс — один путь».

Для Китая реализация инициативы ЭППП дает возможность ускоренного развития его западной части — провинций Шэньси, Ганьсу, Цинхай и двух автономных районов — Нинся-Хуэйского и Синьцзян-Уйгурского, которые по темпам социально-экономического развития отстают от приморских районов страны. Данный проект способствовал более равномерному развитию ресурсов и производств по территории Китая при сохранении имеющихся достижений.

Строительство ЭППП стало частью разрабатываемого в КНР плана социально-экономического развития 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), который был озвучен на сессии ВСНП в марте 2016 г. Весь проект рассчитан на реализацию в течение 30 лет. В ходе реализации сценария ЭППП должно быть создано «семь поясов» — транспортный, энергетический, торговый, информационный, научно-технический, аграрный и туристический.

В рамках «Экономического пояса Шелкового пути» было намечено три основных маршрута: 1) северный (через Москву); 2) средний (через Актау–Баку–Тбилиси); 3) южный (через Иран). Некоторые ученые в России, в частности, экс-

перты Высшей школы экономики (С. Караганов и другие), считают, что средний и южный маршруты очень дорогие, проект может идти только через Россию, поэтому Россия может ждать, когда Китай проявит инициативу и предложит серьезные инвестиции для реализации северного варианта. Однако нам представляется, что такие взгляды не соответствуют китайским и мировым реалиям. Средний маршрут (через Каспий) по паромной переправе Атасу–Баку уже реализуется, и первые составы по транспортному коридору прибыли в Стамбул. Быстрыми темпами ведется строительство железной дороги Тбилиси–Карс, которая уже сдана в эксплуатацию. Россия может опоздать с участием в проекте ЭПШП, и огромная транзитная территория России между Китаем и Европой окажется в стороне от реализации китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути». К этому проекту проявляют интерес не только страны-участницы, но и страны, территориально весьма далекие от трех вариантов маршрута Шелкового пути, как показывают многочисленные международные конференции на эту тему в Китае и за его пределами.

Китай также активно развивает проект «Морской Шелковый путь XXI века». В основу этого проекта заложено быстрое развитие морских портов Восточного и Южного Китая по всей береговой линии — от Даляня и Тяньцзиня до Гуанчжоу и Хайкоу, а его ядром должен стать порт Фучжоу на берегу Тайваньского пролива. Фактически «Морской Шелковый путь XXI века» не только восстанавливает существовавшие в древние и средние века морские торговые маршруты на Филиппины, Индокитайский полуостров, в Индию, страны Персидского залива и Красного моря, Восточную Африку, но также расширяет маршруты в страны на юге Тихого океана и Средиземноморья через Суэцкий канал до Турции, Греции, Италии и Испании.

Для поддержки инициативы «Один пояс — один путь» в КНР были созданы две финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом в 100 млрд. долларов и Фонд Шелкового пути с уставным капиталом в 40 млрд. долларов. Заложенные в них средства позволят параллельно решить сразу несколько задач, связанных с дальнейшей активизацией инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества в рамках данной инициативы. В настоящее время в списке стран-учредителей АБИИ 57 стран, из которых 75% представляют страны Азии, 37 стран расположены вдоль основных проектов инициативы «Одного пояса — одного пути» и 20 стран — за его пределами. На уставной капитал Китая приходится 29,8 млрд. долл. или 26,6% голосов. Еще восемь стран имеют свыше 3% голосов — пять стран на территории инициативы «Один пояс — один путь»: Индия — 7,51%, Россия — 5,93%, Республика Корея — 3,50%, Австралия — 3,46%, Индонезия — 3,17% и три страны за пределами территории инициативы: Германия — 4,15%, Франция — 3,19%, Бразилия — 3,02%.

В 2016 году АБИИ начал свою работу: было одобрено финансирование девяти проектов и выданы кредиты на сумму 1,7 млрд. долл. Все финансируемые объекты находятся в Азии в сфере энергетики, транспорта и инфраструктуры. К наиболее крупным объектам финансирования банком АБИИ относятся: 1) проект модернизации энергораспределительной системы и ее расширения (165 млн. долл.); 2) модернизация пограничных дорог в Узбекистане и Таджикистане (27,5 млн. долл.); 3) участок государственной скоростной магистрали в Пакистане (100 млн. долл.); 4) работа по ликвидации трещин в Индонезии (216,5 млн. долл.). Однако следует отметить, что часть проектов финансируется на паях с другими банковскими структурами, такими как Европейский

банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, Всемирный банк и другие.

В основных направлениях данного проекта предусматривается: 1) создание нового континентального моста между Европой и Азией; 2) международные коридоры экономического сотрудничества Китай–Монголия–Россия; 3) Китай–Центральная Азия–Западная Азия; 4) Китай–Индокитай. С продвижением этой инициативы «Один пояс — один путь» также тесно связаны экономические коридоры Китай–Пакистан и Китай–Индия–Бангладеш–Мьянма.

В начальной стадии реализации были выделены пять основных целей инициативы «Один пояс — один путь»: 1) обмен между странами региона информацией по стратегии экономического развития для поисков точек соприкосновения; 2) развитие дорожного сообщения для создания большого транспортного коридора «Тихий океан–Балтийское море»; 3) организация бесперебойной торговли в зоне «Экономического пояса Шелкового пути» в ходе упрощения торговых и инвестиционных процедур; 4) укрепление сферы денежного обращения для осуществления обменов и расчетов в национальных валютах в счет постоянных операций и в счет капитала; 5) взаимное изучение устремлений народов в этой зоне.

В выдвинутой тремя ведомствами КНР концепции реализации этой инициативы было определено пять основных направлений ее реализации: 1) политическая координация; 2) взаимосвязь инфраструктуры; 3) бесперебойная торговля; 4) свободное передвижение капитала; 5) укрепление дружеских отношений между народами.

Для реализации инициативы «Один пояс — один путь» с целью использования сравнительных преимуществ страны Китай выделил пять основных регионов. В **Северо-Западном регионе** (три провинции — Шэньси, Ганьсу, Цинхай и два автономных района — Синьцзян и Нинся) было принято решение создать транспортный узел, центр бизнес-логисти-

ки, центр культуры, науки и образования, а также сделать Синьцзян ключевым районом «Экономического пояса Шелкового пути». На **Северо-Востоке** предусматривается развитие Автономного района Внутренняя Монголия как территории, примыкающей к Монголии и России, а также улучшение железнодорожного сообщения Хэйлунцзяна с Россией и развитие сотрудничества трех провинций Северо-Востока КНР с российским Дальним Востоком. **Юго-Запад Китая** должен использовать свои преимущества с зоной стран АСЕАН, ускорить развитие экономической зоны Тонкинского залива, развивать ключевые порты, связывающие «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь». В **приморских районах Китая, Сянгане, Аомэне и на Тайване** предполагается развивать территории с высоким уровнем открытости и сильной экономикой как локомотив для развития экспериментальной зоны свободной торговли в Шанхае и поддерживать провинцию Фуцзянь как ядро Морского Шелкового пути XXI века. Во **внутренних районах Китая**, опираясь на города в среднем течении Янцзы и группу городов в зоне Чэнду-Чунцин, развивать региональное промышленное сотрудничество и создание кластеров, создать Евразийский железнодорожный транспортный коридор, координационный механизм таможенных постов и контейнерный поезд Китай–Европа.

За период с конца 2013 г. до настоящего времени в ходе реализации инициативы «Один пояс — один путь» Китай постоянно укреплял контакты и проводил консультации с государствами, находящимися на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути». Всего можно выделить пять видов активных действий Китая на этом направлении: 1) официальные и правительственные визиты лидеров Китая в более чем 20 стран мира на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути», в ходе которых обсуждались действия по реализации данной инициативы между лидерами стран; 2) подписание рамочных документов о сотрудничестве между КНР и странами на маршруте «Экономического пояса Шелкового пути»;

3) продвижение реализации проектов с высокой степенью готовности в области строительства инфраструктуры; 4) обеспечение политической поддержки мероприятий с помощью финансовых механизмов через созданные финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути; 5) проведение различных конференций, форумов и выставок, посвященных инициативе «Один пояс — один путь».

Правительство КНР уделяет много внимания развитию приграничных территорий и соответственно развитию проекта ЭПШП. По мнению некоторых китайских ученых, успехи КНР в результате реформ с начала 80-х гг. можно сравнить с результатами революции Мэйдзи в Японии. В настоящее время перед руководством КНР стоит новая задача — повысить уровень социально-экономического развития приграничных территорий (Гуанси, Синьцзян, Юньнань, Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия) в рамках двух проектов — ЭПШП и «Морской Шелковый путь». В этих условиях развитие российско-китайского сотрудничества в рамках проекта ЭПШП позволит потянуть за собой социально-экономическое развитие территорий Северо-Востока и Северо-Запада Китая и сопредельных российских территорий, а также Корейского полуострова, что будет способствовать более быстрому развитию мировой экономики в целом.

Китайская инициатива «Один пояс — один путь» направлена на заполнение образовавшихся после распада СССР на территории Центральной Азии «черных дыр» и «силовых лакун» путем подключения экономики территорий между Китаем и Евросоюзом к реализации китайских проектов социально-экономического развития страны. Не случайно китайские ученые прямо говорят о том, что «Экономический пояс Шелкового пути» — это опора для тактики и стратегии «Китайской мечты».

Китайская инициатива «Один пояс — один путь» с двумя программами «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» означает принципиальный

поворот во внешнеэкономической деятельности руководства КНР, направленный на сотрудничество с находящимися между Китаем и Западной Европой странами Центральной Азии, Западной Азии, Восточной Европы и Россией. Раньше Китай делал акцент на развитие приморских и восточных районов страны, на экономику развитых стран — США, Японии, Республики Корея и стран АСЕАН, сейчас — на развитие западных и внутренних районов Китая, на развивающиеся страны к западу от Китая и страны с переходной экономикой, где имеется огромный рынок, место для приложения инвестиций и торгово-экономические объекты» (См.: *ЯОу чжунсинь куадицзюй фачжань тичжи цзичжи яньцзю, Ли Син, (Э)А. Восыкэлесяньсыцзи (Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы), ред. Ли Син, А. Воскресенский. Пекин, «Цзючжоу чубаньшэ», 2016, с. 314*). Иными словами, с помощью проекта ЭПШП Китай выстраивает транспортный мост через территорию Евразии от порта Ляньюньган в провинции Цзянсу до голландского порта Роттердам в Евросоюзе.

Проект ЭПШП является лишь частью еще более амбициозного китайского проекта «Один пояс — один путь». Это стратегия, направленная на развитие экономически отсталых районов Китая за счет создания на этих территориях крупных инфраструктурных проектов, способных в короткие сроки поднять уровень социально-экономического развития этих территорий подобно роли Транссибирской железнодорожной магистрали в подъеме территорий российского Дальнего Востока в конце XIX — начале XX века. Проект ЭПШП имеет в основном экономическое содержание, это не «политический пояс» и не «пояс безопасности».

Как показала практика развития международных отношений в XXI веке, создание таких новых структур, как ШОС и БРИКС, не оказало серьезного влияния на соотношение сил в треугольнике Россия–Китай–США. В этом треугольнике после окончания «холодной войны» существенно изменилось положение двух углов треугольника — Китая и России. В то

время как Китай наращивал свой экономический потенциал и, соответственно, наращивал политическую мощь, у России с начала 90-х гг. XX века экономический потенциал неуклонно снижался. В результате предполагаемого усиления политического потенциала двух структур — ШОС и БРИКС — не происходило, поскольку военно-политическое сотрудничество между РФ и КНР не было подкреплено соответствующим ростом экономического сотрудничества между двумя ведущими державами ШОС и БРИКС. В нынешней ситуации Россия и Китай планируют повысить свою мощь за счет создания новых проектов: Россия за счет ЕАЭС, Китай — ЭПШП. В этой ситуации стыковка двух проектов может дать желаемый эффект за счет повышения уровня социально-экономического потенциала не только двух ведущих стран в структурах ШОС и БРИКС, но и в треугольнике Россия–Китай–США.

В рамках треугольника Россия–Китай–США в последние несколько лет каждая из стран стала активно инициировать развитие экономического сотрудничества для усиления политического сотрудничества и роста своей глобальной мощи: США — создание ТТП и ТАП, КНР — ЭПШП, Россия — ЕАЭС. В старом треугольнике до конца «холодной войны» СССР и США были сильными сторонами, Китай — слабой стороной, придерживавшейся стратегии «сидеть на горе и смотреть на борьбу двух тигров в долине». После «холодной войны» роль Китая возросла, в то время как позиция США не изменилась. В конечном итоге в треугольнике Россия–Китай–США в российско-китайских отношениях военные и политические связи на более высоком уровне, чем экономические; в американо-китайских отношениях, наоборот, экономические и финансовые отношения преобладают над политическими. В этой ситуации Китай для усиления своей позиции в треугольнике и выдвинул инициативу «Один пояс — один путь». Ее реализация в течение 30 лет позволит Китаю к середине XXI века занять лидирующие позиции в мире за счет заметного усиления экономической мощи и вывода экономики на первое место в мире по различным пока-

зателям — от объема ВВП и душевого потребления до лидирующих позиций на рынке инноваций. Последние мировые события — выход Великобритании из ЕС, победа Трампа на президентских выборах в США и в результате отказ США от участия в Транстихоокеанском партнерстве при развитии китайской инициативы «Один пояс — один путь» в значительной мере усилили китайские позиции. Это было подтверждено выступлением председателя КНР Си Цзиньпина в Давосе зимой 2018 г., где, к удивлению многих, он выразил позицию Китая как большего сторонника глобализации, нежели США.

В последнее время Китай прилагает огромные усилия для расширения инициативы «Один пояс — один путь» на территорию Южной Европы через Средиземноморье, в частности, Грецию, Италию, Венгрию и Сербию. Китай уже вложил значительные инвестиции в развитие греческого порта Пирей. Однако этот порт находится сравнительно далеко от основных рынков сбыта китайских товаров в странах Евросоюза (далее — ЕС). Поэтому Китай попытался реализовать другие инфраструктурные проекты в Европе. В частности, была сделана попытка строительства высокоскоростной железной дороги (далее — ВСЖД) Будапешт–Белград, однако позиция Еврокомиссии по отношению к этому проекту была негативной, и Венгрия не получила разрешения на его реализацию. В то же время недавний визит председателя КНР в европейские страны (Италия, Франция) позволил Китаю расширить инициативу «Один пояс — один путь» на Италию, где было подписано соглашение об участии Китая в расширении порта Триест в Адриатическом море. С точки зрения логистики, Триест расположен более выгодно по отношению к одному из главных торговых партнеров Китая — Евросоюзу и своим основным партнерам — Германии и Франции. В дальнейшем состоялось совместное заседание делегации Госсовета КНР во главе с премьером Госсовета КНР Ли Кэцянном и делегации Еврокомиссии, на котором Китай фактически закрепил свои достижения по расширению инициативы «Один пояс — один путь» в Европе.

Доля внешней торговли стран в пределах инициативы «Один пояс — один путь» постепенно растет. В 2015 г. в первый период работы этой инициативы большая часть объема внешней торговли приходится на его основных торговых партнеров — США, Евросоюз, Гонконг, Тайвань, Япония, Республика Корея, АСЕАН (см. табл. 11 ниже). Тем не менее, в последние годы происходит постоянный рост доли торговли КНР со странами «Одного пояса — одного пути». Если ранее объем внешней торговли по маршрутам инициативы «Один пояс — один путь» не достигал показателя 1000 млрд. долл. (доля торговли составляла 23,7% от общего объема внешней торговли КНР в 2015 году), то в 2019 г. объем торговли КНР с этими странами составил 1345,2 млрд. долл. (примерно 29,5% объема внешней торговли или на 6 процентных пунктов выше по сравнению с годом провозглашения китайской инициативы). При этом по различным причинам происходило заметное падение доли традиционных китайских партнеров — США, Япония, Республика Корея, Гонконг, Тайвань, как показано в таблице 11 ниже.

Таблица 11

Динамика и структура товарооборота КНР с США, Россией и различными международными объединениями в 2000 – 2019 гг.

Страна, территория	2010	2015	2016	2017	2018	2019
КНР	2974/ 100	3957/ 100	3665/ 100	4117/ 100	4623/ 100	4640/ 100
США	385,4/ 12,9	558,3/ 14,1	516,5/ 14,1	585,7/ 14,2	633,5/ 13,7	548,8/ 11,8
Евросоюз	479,6/ 16,1	564,8/ 14,3	543,9/ 15,0	618,3/ 15,0	682,2/ 14,8	715,1/ 15,4
АСЕАН	292,9/ 9,8	472,2/ 11,9	449,8/ 12,3	516,2/ 12,5	587,9/ 12,7	650,7/ 14,0
Россия	55,5/ 1,9	68,1/ 1,7	69,1/ 1,9	84,3/ 2,0	107,1/ 2,3	112,4/ 2,4
Страны вдоль «Пояса и Пути»		936,7/ 23,7	941,5/ 25,7	1092,5/ 26,5	1267/ 27,4	1363,1/ 29,5

Рассчитано по: *Чжунго тунци чжайяо – 2016, Пекин, 2016, с. 105; 2016-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2017 года); Чжунго тунци чжайяо – 2019, Пекин, 2019, с. 101; 2020-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года).*

Аналогичная ситуация наблюдается и по инвестиционно-сотрудничеству КНР со странами в зоне инициативы «Один пояс — один путь». С учетом падения курса юаня к доллару объем прямых инвестиций на территорию Китая составил 138 млрд. долл. в 2019 году. Из них общий объем прямых инвестиций из стран этой зоны составил 57,6 млрд. долл., которые были вложены в создание 5591 предприятия (всего 13,7% всех созданных предприятий с участием иностранного капитала). Такая же ситуация наблюдается с вывозом китайского капитала за рубеж. Хотя в 2019 г. несколько сократился объем прямых инвестиций из КНР за рубеж — 110 млрд. долл. по сравнению с предшествующими годами, но общий объем инвестиций на территорию стран «Одного пояса — одного пути» составил 15 млрд. долл. или 13,7% прямых инвестиций (*2020-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года).*

Для реализации своей инициативы в КНР была выдвинута концепция так называемых «опорных городов» (*чжидянь чэнши*), сеть которых и должна образовать необходимую экономическую инфраструктуру не только по всей территории Китая, но и по всему миру. По мнению исследователей Финансового института «Чунъян» Китайского Народного университета, «эти города отличает большой объем производства и международной торговли, развитая инфраструктура, людские ресурсы и открытая территория для бизнеса и инвестиций и поэтому там имеются мощные силы для концентрации, распространения и повышения уровня промышленности» (Подробнее см.: *Pivot Cities on*

the Belt and Road. Ed by Zhang Haiou, Wang Wen. The Belt and Road Research Team. Chongyang Institute for Financial Studies of Renmin University, New World Press, Beijing, 2016, p. 3).

Большинство городов вдоль этого маршрута не обязательно должны быть крупными торговыми городами, но могут быть малыми и средними городами с растущим потенциалом международной торговли. Далеко не все города вдоль маршрутов «Одного пояса — одного пути» являются крупными центрами мировой торговли. Помимо того, что они должны находиться на этих маршрутах и развивать эту инициативу, они также должны быть важными городами в качестве транспортных центров в стратегических точках маршрутов. Маршруты инициативы «Один пояс — один путь» должны пролегать по оси территории слабо населенной, разрозненной Евразии, где большая часть стран и регионов на маршруте представляют собой слабо развитые экономики, недостаточно структурированные финансовые системы и прочую инфраструктуру с огромными расстояниями между этими регионами и промышленными и торговыми центрами. В результате политические и практические инновации могут быть реализованы в ходе реализации инициативы «Один пояс — один путь», что будет способствовать развитию кластеров в городских районах, международной торговле и обмену между людьми.

Для реализации инициативы «Один пояс — один путь» с целью продвижения беспрепятственной торговли на ее маршрутах необходимо выбрать опорные города вдоль «Одного пояса — одного пути». В работе рассматривались такие факторы, как размещение базовой промышленности и связанных с ней отраслей, объемы внешней торговли, благоприятное местоположение, степень интернационализации, политического международного влияния.

Китайские авторы выделили четыре основных положения, которые определили выбор концепции опорных городов инициативы «Пояса и Пути». К ним относятся: 1) возмож-

ность опорных городов концентрировать, распространять и повышать уровень других городов вдоль маршрутов «Пояса и Пути»; 2) оценка опорных городов на основе 12 базовых показателей и 38 других показателей, по которым осуществлялась классификация опорных городов по всем маршрутам «Пояса и Пути» как на территории Китая, так и за его пределами; 3) оценка возможностей повышения уровня опорных городов по внутренним и внешним коридорам маршрутов «Пояса и Пути»; 4) глубокий исторический анализ всех городов на маршрутах «Пояса и Пути» (*Ibid.*, p. 17).

Для обоснования основных принципов ранжирования опорных городов (*чжидянь чэньши*) международной торговли на маршрутах «Пояса и Пути» китайские ученые предложили свою систему оценки опорных городов международной торговли на маршрутах «Пояса и Пути», состоящую из 12 рейтинговых пунктов (*rating items*) и 38 тем, разделенных по 12 пунктам. Всего было выделено 12 следующих рейтинговых пунктов:

– инфраструктура и удобное местоположение, определяющиеся наличием аэродрома, морского порта или высокоскоростной железной дороги;

– людские ресурсы, главными свойствами которых должны быть такие, как численность городского населения, способность к ведению бизнеса и изучению иностранных языков;

– среда для внешних инвестиций, определяющаяся уровнем экономического развития, доступом к рынку и степенью стабильности цен;

– среда для международного бизнеса, которая должна состоять из благоприятной политической и юридической системы, благоприятного таможенного и налогового режима и концентрации ресурсов для бизнеса;

– промышленная база, в которой главными составляющими являются структура промышленности, производственная

база на периферии города и возможности для повышения уровня производства;

– возможности для поддержки промышленности, которые включают в себя инфраструктуру информационных технологий, вспомогательные службы и сеть профессиональных услуг;

– показатели международной торговли, главными из которых являются такие, как объем внешней торговли на душу населения, доля сферы услуг и темпы роста внешней торговли;

– появление транснациональных корпораций, что определяется наличием штаб-квартиры транснациональной корпорации, количеством транснациональных корпораций и количеством предпринимателей в них;

– инновации и способность к научно-техническому творчеству, где были выделены такие критерии, как благоприятная для инноваций политика, инновации и исследования в сфере образования и возможности для коммерциализации инновационных исследований;

– финансовые возможности, связанные с наличием финансовой инфраструктуры, продвижение международных финансовых структур и наличие финансовых инновационных центров;

– степень интернационализации, которая определяется пятью показателями: степенью интернационализации, долей иностранных резидентов, индексом распределения, наличием выставочных центров и количеством городов-дублеров;

– международная привлекательность, определяющаяся средой обитания, культурной средой и количеством иностранных туристов в нем (*Ibid.*, p. 18).

По этим критериям на основе имеющихся статистических данных в КНР было рассмотрено 333 города с прилегающими уездами, четыре города центрального подчинения, все уезды и города, включая 100 ведущих уездов страны и 100 ведущих

городов. На этой основе было ранжировано пять типов опорных городов: 1) опорные города «Пояса и Пути» для международной торговли; 2) имеющие преимущество опорные города «Пояса и Пути» для международной торговли; 3) потенциальные опорные города «Пояса и Пути» для международной торговли; 4) стратегические опорные города для международной торговли; 5) уездные опорные города для международной торговли.

Для продвижения инициативы «Пояс и Путь» опорные города необходимы для того, чтобы заложить платформу для развития находящейся в депрессивном состоянии международной торговли, где главными элементами является развитие инфраструктуры, совершенствование финансовых институтов, ускорение региональной торговой и улучшение структуры экспорта и импорта

Китайские ученые Института финансов Народного университета также проанализировали и города за пределами Китая с точки зрения их способности стать «опорными городами» вдоль маршрутов «Одного пояса — одного пути». Как и для Китая, было предложено всего три категории опорных городов за рубежом для международной торговли по маршрутам инициативы «Один пояс — один путь» — имеющие преимущества, имеющие потенциал и стратегические города для международной торговли. К категории имеющих преимущества опорных городов были выделены крупнейшие мировые порты — Сингапур, Лондон, Роттердам, Гамбург и Дубай. В категорию имеющих потенциал опорных городов вошли три города — Алма-Ата, Стамбул и Обервилль во Франции, а в категорию стратегических городов, находящихся в ключевых точках маршрутов инициативы «Один пояс — один путь» — Кабул, Ташкент, Тегеран, Улан-Батор и Гвадар. В первую группу вошли города, обладающие хорошей инфраструктурой и большим объемом внешней торговли, и уже имеющиеся условия для международной торговли могут

позволить через эти опорные города за рубежом быстро реализовать поставленные цели и задачи инициативы «Одного пояса — одного пути».

Другая группа городов — имеющие потенциал для международной торговли — обладают более низкими показателями валового регионального продукта, но уже установили тесные торговые связи с Китаем и имеют устоявшиеся правила торговли. Кроме того, эти города находятся в узловых пунктах маршрутов инициативы «Один пояс — один путь». По мнению авторов работы, для реализации их потенциала необходимо улучшать логистику, ускорять транзит грузов через эти города и предлагать новые возможности для развития.

Главное преимущество третьей группы городов — удачное расположение на маршрутах «Одного пояса — одного пути», которое открывает перед ними богатые возможности для участия в реализации инициативы «Один пояс — один путь», но им необходимо улучшать инфраструктуру и условия для внешней торговли.

Таким образом, «опорные города» могут помочь развить инфраструктуру в странах и регионах вдоль «Одного пояса — одного пути», получить необходимые инвестиции для своего развития, с другой стороны, эти города могут служить важными региональными центрами для концентрации ресурсов. Основной функцией всех опорных городов является необходимость развивать беспрепятственную торговлю, для трех типов городов — осуществлять их развитие путем координации между ними, для всех городов — вести планирование с последующей поэтапной реализацией намеченных планов и поддерживать создание таможенных пунктов в опорных городах вдоль маршрутов «Один пояс — один путь».

В конечном счете, очевидно, что успех или неуспех китайской инициативы «Один пояс — один путь» в значительной степени связан с возможностями Китая развить сеть опорных городов не только на территории страны, но и за ее преде-

лами. Только в этом случае будет создана необходимая инфраструктура, способная не только активно обеспечивать социально-экономическое развитие Китая за счет повышения платежеспособного спроса на своей территории, но и за счет развития территорий за пределами страны, ранее не имевших ресурсов для динамичного роста собственной экономики и для расширения торгово-экономических связей с Китаем.

В первый тип опорных городов «Пояса и Пути» для международной торговли было выделено 50 городов, куда вошли все китайские города центрального подчинения, столицы провинций, крупные морские порты и промышленные центры в приморских районах. Была выделена группа из пяти городов, имеющих преимущество как опорные города «Пояса и Пути» для международной торговли, такие как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Тяньцзинь и Гуанчжоу. Эти пять городов вошли в список Министерства транспорта КНР как важнейшие узловые города для развития внутреннего транспорта и логистики на территории страны в 2015–2020 гг. (*Ibid.*, p. 90). В четырех экономически наиболее развитых приморских провинциях было выделено 10 потенциальных опорных городов «Пояса и Пути» для международной торговли — Чжухай, Хойчжоу, Фошань и Чжуншань в провинции Гуандун, Чжанцзяган, Цзянъинь, Тайцан и Чаншу в провинции Цзянсу, Иу в провинции Чжэцзян и Циндао в провинции Шаньдун. В качестве стратегических опорных городов для международной торговли были выделены города на внешних границах КНР, такие как Урумчи, Кашгар, Сиань, Куньмин, Ланьчжоу и Лхаса. В качестве уездных опорных городов «Пояса и Пути» для международной торговли было выделено 10 городов в экономически развитых приморских провинциях: Чжанцзяган, Цзянъинь, Тайцан, Исин и Чаншу в провинции Цзянсу, Иу, Цыси, Юйяо и Хайнин в провинции Чжэцзян и Цзиньцзян в провинции Фуцзянь.

При ранжировании городов по темам (или дополнительным критериям) в работе было особо выделено два дополнительных критерия для оценки городов на маршрутах «Пояса и Пути»: показатель внешней торговли на душу населения и открытость рынка. По показателю внешней торговли на душу населения было выделено 10 ведущих городов в Китае: 1) Шэньчжэнь — 50958 ам. долл.; 2) Чжухай — 34137 ам. долл.; 3) Сучжоу — 29325 ам. долл.; 4) Чжанцзяган — 25930 ам. долл.; 5) Иу — 24840 ам. долл.; 6) Сямэнь — 22904 ам. долл.; 7) Пекин — 20777 ам. долл.; 8) Шанхай — 18543 ам. долл.; 9) Дунгуань — 18405 ам. долл.; 10) Тайцан — 18069 ам. долл. (Подробнее см.: *Pivot Cities on the Belt and Road. Ed by Zhang Haiou, Wang Wen. The Belt and Road Research Team. Chongyang Institute for Financial Studies of Renmin University, New World Press, Beijing, 2016, p. 93*).

По другому дополнительному критерию «открытость рынка» на первом месте опять оказался СЭЗ Шэньчжэнь, второе и третье места также заняли города в приморской провинции Гуандун — СЭЗ Чжухай и город Дунгуань на шоссе из Гуанчжоу в Шэньчжэнь. Также в десятку ведущих городов по критерию «открытость рынка» вошли портовые города и крупные торговые центры — Сямэнь в провинции Фуцзянь, Сучжоу в провинции Цзянсу, столичный центр Пекин, Хойчжоу в провинции Гуандун, Иу в провинции Чжэцзян, город центрального подчинения крупный порт Шанхай и порт Чунцзо в Гуанси-Чжуанском автономном районе.

Выделяются «опорные города, имеющие преимущества в международной торговле», к которым были отнесены Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Чунцин, Ханчжоу, Тяньцзинь и Сучжоу. Для описания торгового потенциала этих крупных городов-миллионников (с многомиллионным населением) можно определить пять основных критериев: 1) долгосрочное планирование развития города; 2) превосходное местоположение; 3) хорошо развитая индустриальная база;

4) большое влияние на окружающие рынки; 5) большой объем внешней торговли и устойчивый рост экономики. В дальнейшем в ходе оценки городов в качестве торговых центров по маршруту «Одного пояса — одного пути» китайскими учеными Института Чунъян Китайского Народного университета было выделено 15 различных тем (показателей), начиная от численности населения и кончая количеством учреждений высшего образования. Все эти показатели были размещены на шкале от 0 до 1, и в соответствии с ними определялись позиции города в качестве опорного города вдоль маршрутов «Пояса и Пути». Как отмечалось в работе, «по системе оценки опорных городов для международной торговли (Belt and Road International Trade Pivot Cities Evaluation System) города вышеуказанной категории оказались в верхних рядах ранжирования по таким показателям как объем международной торговли, наличие хорошей базы для развития международной торговли, местоположение на маршруте «Одного пояса — одного пути», наличие хорошо развитой индустриальной базы и благоприятного инвестиционного и внешнеторгового климата» (См.: *Pivot Cities on the Belt and Road. Ed by Zhang Haiou, Wang Wen. The Belt and Road Research Team. Chongyang Institute for Financial Studies of Renmin University, New World Press, Beijing, 2016, p. 143*).

В Китае в ходе реализации инициативы «Один пояс — один путь» предусматривается повышение до необходимого уровня стратегических «опорных городов» в окружающих районах на различных маршрутах этой инициативы. К ним относятся такие города КНР, как Сиань, Ляньюньган, Чжэнчжоу и Ланьчжоу на маршруте «Китай–Евразия», Харбин и Хух-Хото на маршруте «Китай–Монголия–Россия» («Степной путь»), Урумчи и Иньчуань на маршруте «Китай–Центральная Азия–Западная Азия», Наньнин на маршруте «Китай — Индокитай», Кашгар на маршруте «Китай–Пакистан», Куньмин и Жуйли на маршруте «Бангладеш–Китай–Ин-

дия—Мьянма» и шесть портовых городов в приморских провинциях Сямэнь, Нинбо, Цюаньчжоу, Циндао, Фучжоу и Даянь на маршруте «Морского Шелкового пути».

Для продвижения инициативы «Пояс и Путь» была заложена платформа для развития находящейся в депрессивном состоянии международной торговли, где главными элементами является развитие инфраструктуры, совершенствование финансовых институтов, ускорение региональной торговой сети и улучшение структуры экспорта и импорта.

Другая группа городов — имеющие потенциал для международной торговли с более низкими показателями валового регионального продукта, но уже установившие тесные торговые связи с Китаем и имеющие устоявшиеся правила торговли. Кроме того, эти города находятся в узловых пунктах маршрутов инициативы «Один пояс — один путь». Для реализации их потенциала необходимо улучшать логистику, ускорять транзит грузов через эти города и предлагать новые возможности для развития.

Главное преимущество третьей группы городов — это их удачное расположение на маршрутах «Одного пояса — Одного Пути», которое открывает перед ними богатые возможности для участия в реализации инициативы «Один пояс — один путь», но им необходимо улучшать инфраструктуру и условия для внешней торговли (См.: *Pivot Cities on the Belt and Road. Ed by Zhang Haiou, Wang Wen. The Belt and Road Research Team. Chongyang Institute for Financial Studies of Renmin University, New World Press, Beijing, 2016, p. 318*). С одной стороны, «опорные города» могут помочь развить инфраструктуру в странах и регионах вдоль «Одного пояса — одного пути», получить необходимые инвестиции для своего развития, с другой стороны, эти города могут служить важными региональными центрами для концентрации ресурсов.

Однако, несмотря на все трудности реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути», очевидно, что это не только транзитный коридор, но и тот путь, который позволит развивать экономику различных районов Китая. В конечном

счете, именно последовательная реализация китайской инициативы «Один пояс — один путь» поможет Китаю не только расширить поставки сырья и рынки сбыта произведенной в Китае продукции, но и обеспечить необходимое для страны повышение уровня социально-экономического развития в условиях грядущего мирового экономического и финансового кризиса.

4. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

За годы экономической реформы произошел значительный рост объема внешней торговли КНР, которая играет все более важное значение для экономического роста страны. Если в 1978 г. доля объема внешней торговли КНР в объеме валового внутреннего продукта составила всего 9,8%, то в 2005 г. — уже 63,8%. Однако, после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. руководство КНР пришло к выводу, что нельзя делать ставку только на экспорт продукции, потому что можно оказаться в чрезмерной зависимости от состояния мировой экономики. В результате доля объема внешней торговли в объеме ВВП Китая стала неуклонно сокращаться, и в 2019 г. она составила всего 31,8% (Рассчитано по: *Чжунго туңци чжайяо — 2006, с. 20, 169; 2020-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань туңци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года*). В настоящее время экономика Китая в отличие от конца нулевых годов XXI века перестала носить четко ориентированный экспортный характер. В свое время на правительственном уровне была сформулирована задача поддержания доли внешней торговли в ВВП на уровне 30%, что фактически соответствует уровню промышленно развитых стран капиталистического мира. Как показывают данные китайской статистики, этот показатель доли объема внешнеторгового оборота в ВВП был достигнут уже в 1991 г.

и стал быстро расти после КНР в ВТО в 2001 году. Однако после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Китай перестал делать ставку на рост внешней торговли и экспорта своей продукции на мировой рынок как основной движущей силы экономики, а стал больше ориентироваться на внутренний рынок. Хотя перед внешней торговлей и была поставлена задача обеспечения наращивания экспорта для достижения намеченных показателей экономического роста, тем не менее, экспортная квота Китая стремительно сократилась до 18%, и все больше усилий было направлено на расширение собственного внутреннего рынка за счет повышения жизненного уровня населения и борьбы с бедностью.

В настоящее время Китай — крупнейший торговый партнер России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который превращается в один из ключевых центров формирующегося нового глобального сообщества. Обе страны — Россия и Китай — решают задачи структурной перестройки своих экономик и в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм взаимодействия и сотрудничества.

Взаимодополняемость национальных хозяйств и географическая близость определяют будущие наиболее перспективные направления экономического диалога двух стран. Для России КНР имеет важное значение как крупнейший рынок сбыта продукции машиностроения и источник снабжения отечественного рынка широкой номенклатурой товаров народного потребления, продовольствия и стратегически важных сырьевых товаров. Для Китая приоритетным направлением, видимо, останутся закупки российских энергоносителей, удобрений, леса, цветных металлов, химических товаров, вооружения, продукции атомной и космической промышленности. Использование потенциальных резервов двустороннего сотрудничества дало возможность к 2000 г. достичь объема товарооборота в 10,67 млрд. долл., в 2002 г. — 12 млрд. долл., а в 2005 г. — 29,1 млрд. долл. (см. табл. 12).

Таблица 12

**Динамика и объемы товарооборота СССР и России с КНР
в 1981 – 2005 гг. (млрд. долл.)**

Годы	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1981 – 1985	6,216	3,047	3,169	-0,122
1986 – 1990	18,922	9,546	9,376	+0,180
1991	3,904	2,081	1,823	+0,258
1992	5,862	3,526	2,336	+1,190
1993	7,679	4,987	2,692	+2,295
1994	5,077	3,496	1,581	+1,915
1995	5,463	3,799	1,664	+2,135
1996	6,845	5,153	1,692	+3,461
1997	6,118	4,086	2,032	+2,054
1998	5,481	3,641	1,840	+1,801
1999	5,720	4,223	1,497	+2,726
2000	8,003	5,770	2,233	+3,537
2001	10,670	7,959	2,711	+5,248
2002	11,928	8,407	3,521	+4,886
2003	15,758	9,728	6,030	+3,698
2004	21,23	12,13	9,1	+3,03
2005	29,10	15,89	13,21	+2,68

Источники: *Чжунго тунци чжайяо – 2005 (Китайский статистический сборник – 2005)*, Пекин, 2005, с. 161; С. Цыплаков, Е. Попов. *Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 4, с. 79–80.*

В 90-е годы динамика роста товарооборота между Россией и Китаем не отличалась высокой стабильностью. За эти годы дважды происходило заметное снижение общего объема товарооборота — в 1994 г. на 33,9% по сравнению с предыдущим годом в результате введения визового режима для пересечения российско-китайской границы и в 1998 г. на 10,4% как следствие финансового кризиса в России. Но снижение объемов внешней торговли в 1994 г. объективно способствовало урегулированию торгово-экономических отношений между Россией и Китаем,

произошло совершенствование структуры экспорта и импорта. Стало больше порядка в деятельности многочисленных российских фирм и компаний, получивших права субъекта внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Также удалось упорядочить работу различных китайских фирм, которые в условиях царившего на российском рынке хаоса и беспорядка просто грабили страну с помощью бартерных сделок, целью которых был экспорт сырья и материалов (древесина, рыба, химические удобрения, черные и цветные металлы и др.) в обмен на поставки низкого качества китайского ширпотреба (в основном, продукция текстильной и обувной промышленности).

В то же время снижение объемов торговли в 1997–1998 гг. было связано как с протекционистскими мерами китайских властей по защите внутреннего рынка, так и финансовым кризисом в августе 1998 г., который привел к резкому падению импорта из КНР в 1998–1999 гг. из-за значительного уменьшения емкости российского рынка потребительских товаров и из-за сокращения закупок Китаем российских удобрений, черных металлов, а также машин и оборудования.

С 1999 г. начался стремительный подъем в российско-китайской торговле, связанный с объективными и субъективными причинами. На наш взгляд, главной причиной почти трехкратного увеличения объема российско-китайской торговли с 1999 г. по 2004 г. стало установление отношений стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами, выразившееся в запуске сложного механизма регулярных встреч на уровне глав правительств и активизации постоянной работы отраслевых подкомиссий и постоянных рабочих групп.

Объем экспортных поставок в 1999–2005 гг. существенно превышал объемы импорта из КНР, и суммарное положительное сальдо во внешней торговле России, по данным китайской статистики, за этот период составило 25,4 млрд. долл. В 2004 г. Россия заняла 8-е место в общем объеме товаро-

борота КНР, а Китай — 4-е место в общем объеме товарооборота России. На встрече на высшем уровне президента РФ В. Путина и председателя КНР Ху Цзиньтао в октябре 2004 г. было принято решение о наращивании объема российско-китайской внешней торговли до 60 млрд. долл. в 2010 г. Однако при всех позитивных тенденциях наращивания объема российско-китайского товарооборота нельзя не отметить, что доля российско-китайского товарооборота в общем объеме внешней торговли КНР постепенно снижается (табл. 13).

Таблица 13

Доля российско-китайской торговли в общем объеме внешней торговли КНР в 1991 – 2006 гг.

Год	Общий объем товарооборота КНР (млрд. долл.)	Объем российско-китайской торговли (млрд. долл.)	Доля российско-китайской торговли (%)
1991	135,7	3,904	2,8
1992	165,5	5,862	3,6
1993	195,7	7,679	3,9
1994	236,6	5,077	2,1
1995	280,9	5,463	1,9
1996	289,9	6,845	2,4
1997	325,2	6,118	1,8
1998	323,9	5,481	1,7
1999	360,6	5,720	1,7
2000	474,3	8,003	1,7
2001	509,7	10,670	2,0
2002	620,8	11,928	1,9
2003	851,0	15,758	1,8
2004	1154,8	21,23	1,8
2005	1421,9	29,1	2,0
2006	1760,7	33,4	1,9

Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь за соответствующие годы – с 1992 по 2006 гг.

Таким образом, несмотря на значительный рост российско-китайского товарооборота за последние несколько лет после вступления КНР в ВТО в 2001 г., доля российско-китайского товарооборота в объеме внешней торговли КНР снизилась с 2,0% до 1,8% и лишь в 2005 г. вновь возвратилась на уровень 2001 г.

За последние годы происходили существенные изменения в структуре китайского экспорта в Россию. Если в начале и середине 90-х гг. в нем преобладали поставки продукции легкой, текстильной и обувной промышленности (одежда, текстиль, изделия из кожи, обувь, игрушки), то с конца 90-х гг. быстрыми темпами увеличивались поставки продукции машиностроения (машины и оборудование), прежде всего, бытовой электротехники.

В настоящее время Китайская Народная Республика стабильно является одним из ведущих торговых партнеров Российской Федерации, несмотря на регулярные мировые финансовые кризисы 2008–2009 гг., и 2014–2015 гг., как показано в таблице 14 ниже. В 2019 г. Китай был ведущим торговым партнером России с объемом 112,4 млрд. долл. Однако при этом Россия после обвала рубля на валютном рынке с конца 2014 года не входила даже в десятку ведущих партнеров Китая (11-е место по объему внешней торговли). В то же время Китай для России был ведущим импортером — 47,9 млрд. долл. и вышел на первое место по экспорту — 59,1 млрд. долл. в результате наращивания экспорта нефти — 50 млн. тонн в 2019 г. По показателям объема двусторонней торговли с Китаем в 2019 г. Россия сопоставима с такой страной, как Бразилия — 113,6 млрд. долл., и заметно отстает от лидеров двусторонней торговли с Китаем — США, Японии, Гонконга, Республики Корея, Тайваня, Германии и Вьетнама.

Таблица 14

Динамика российско-китайской торговли в 2007–2019 гг.

Год	Общий объем товарооборота КНР (млрд. долл.)	Объем российско-китайской торговли (млрд. долл.)	Доля российско-китайской торговли (%)
2007	2174	48,2	2,2
2008	2563	56,9	2,2
2009	2207	38,8	1,8
2010	2974	55,5	1,9
2011	3641	79,3	2,2
2012	3867	88,2	2,3
2013	4159	89,3	2,2
2014	4302	95,3	2,2
2015	3953	68,0	1,7
2016	3686	69,6	1,9
2017	4107	84,1	2,0
2018	4623	107,0	2,3
2019	4777	112,4	2,4

Рассчитано по: *Чжунго тунци няньцзянь и Чжунго тунци чжайяо за соответствующие годы – с 2007 по 2019 гг.*

В свое время, когда президентом РФ был Д. Медведев, между РФ и КНР было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое предусматривало повышение объема российско-китайской торговли до 100 млрд. долл. в 2015 г. и до 200 млрд. долл. в 2020 году. При этом должна была заметно увеличиться доля российско-китайской торговли в общем объеме внешней торговли КНР и РФ. Для России Китай стал ведущим торговым партнером, однако для Китая российско-китайская торговля не имеет решающего значения даже с учетом того, что РФ является основным импортером нефти. Доля внешней торговли с Россией для Китая в настоящее время едва превышает

показатель 2,0%, что существенно ниже, чем торговля с США, ЕС, АСЕАН и даже ниже, чем отдельные страны, такие как Германия, Сингапур, Нидерланды, Вьетнам, Бразилия. Судя по всему, такое положение продлится еще длительное время, так как и для России и для Китая большой интерес представляют другие страны мира.

Большая часть населения России сконцентрирована в европейской части, где проживают 120 млн. человек. На территории Дальнего Востока, включая Иркутскую область, Бурятию и Забайкальский край — примерно 8 млн. чел., то есть это очень узкий рынок для китайских товаропроизводителей. В настоящее время Китай рассматривает Россию только как поставщика относительно дешевых энергоресурсов — сырая нефть, природный газ, некоторые породы каменного угля для своей коксохимической промышленности, а также концентрат железной руды, медь и никель. Так что для Китая, который в последнее время стал активно развивать высокотехнологичные отрасли промышленности в рамках программы «Сделано в Китае — 2025», рынки стран ЕС, США и Восточной Азии представляют существенно больший интерес.

Пока существуют серьезные перекосы в структуре российского экспорта в Китай, связанные с преобладанием торгово-промышленного обмена в российско-китайских торгово-экономических отношениях. В последние годы в российском экспорте преобладает сырье и продукция первичного передела (топливо, нефть, нефтепродукты, древесина, черные металлы, рыба и морепродукты), причем происходит заметный рост поставок этих товаров. Надо признать, что резервы такой формы сотрудничества почти исчерпаны. Поэтому необходимо изменить структуру российского экспорта за счет развития различных совместных проектов и взаимного привлечения инвестиций на территории российского Дальнего

Востока и Северо-Востока КНР, расширения сотрудничества в приграничных районах, более активного вовлечения китайских фирм и компаний в реализацию крупномасштабных проектов развития регионов Дальнего Востока и Сибири, совместного освоения новых и высоких технологий на базе имеющихся Академгородков на территории Дальнего Востока и Сибири (Владивосток, Иркутск, Новосибирск), развития производственной кооперации.

Не вызывает сомнения, что именно в сфере производственной кооперации кроются значительные резервы роста российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества. Однако развитие новых форм сотрудничества идет довольно медленными темпами. На поручительскую переработку и сборку — одну из наиболее простых форм производственной кооперации — приходится (включая переработку давальческого сырья) чуть более 10% от общей суммы двустороннего товарооборота. В первую очередь следует поощрять развитие производственного сотрудничества в энергетике, машиностроении, в частности, производстве станков и энергетического оборудования и технологий. Очень перспективными выглядят планы совместной разработки и изготовления авиационной техники нового поколения. Как нам представляется, работа по продвижению на китайский рынок продукции гражданского машиностроения является одной из главных задач российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, решение которой позволит резко увеличить объем внешней торговли между РФ и КНР.

Опыт развития двусторонних торгово-экономических связей в последние годы наглядно показал, что перевод этих связей в новое качественное состояние, повышение их эффективности настоятельно требуют усиления координирующей роли государственных органов, в том числе через механизм

регулярных встреч глав правительств России и Китая, совершенствования платежно-расчетных отношений, создания современной информационной инфраструктуры, качественно-го повышения уровня транспортного обеспечения, создания действенного механизма урегулирования торговых споров, укрепления договорно-правовой базы. Именно в этих направлениях предполагается вести совместную работу в целях создания надлежащих условий для значительного роста масштаба торгово-экономического сотрудничества.

Важным резервом развития торгово-экономического сотрудничества России с Китаем является сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В мае 2002 г. на встрече министров, отвечающих за развитие экономики и внешнеэкономического сотрудничества, отмечалось, что общий интерес для стран ШОС может представлять сотрудничество в таких сферах, как транспорт, энергетика, экология, телекоммуникации. В случае развития этих многосторонних проектов можно было бы рассчитывать в будущем на дальнейшее увеличение объема внешней торговли между Россией и Китаем. Однако в настоящее время российские возможности наращивания экспорта в Китай ограничены из-за почти полного отсутствия новых, более современных, чем простая торговля, форм сотрудничества, таких как производственная кооперация, давальческая переработка и сборка, создание совместных предприятий с участием китайского и российского капитала, неурегулированность банковских связей и отсутствие у России банка с активами (уставной фонд и привлеченные средства) свыше 20 млрд. долл. для полноценной хозяйственной деятельности на китайском рынке. В результате на фоне нарастания всех этих проблем удручающе выглядит картина российско-китайского инвестиционного сотрудничества в последние годы, как показано в таблице 15 ниже.

Таблица 15

Российско-китайское торгово-инвестиционное сотрудничество

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1. Объем внешней торговли КНР (млрд. долл.)	4302	3953	3686	4117	4620	4777
2. Объем российско-китайской торговли (млрд. долл.)	95,3	68,0	69,6	84,3	107,0	110
3. Доля России в объеме внешней торговле КНР (%)	2,2	1,7	1,9	2,0	2,3	2,3
4. Объем прямых иностранных инвестиций в КНР (млрд. долл.)	119,6	126,3	126,0	131,0	135,0	134,4
5. Объем прямых иностранных инвестиций в КНР из РФ (млн. долл.)	40,9	13,1	...	40*	...	
6. Доля в общем объеме прямых иностранных инвестиций в КНР (%)	0,03	0,01	...	0,03		
7. Объем прямых иностранных инвестиций из КНР (млрд. долл.)	123,1	145,7	170	120	135	110
7. Объем прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ (млрд. долл.)	0,634	2,960	...	1,0*		
8. Доля в общем объеме прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ (%)	0,5	2,0	...	0,8	2,0	
9. Объем накопленных иностранных инвестиций из КНР в РФ (млрд. долл.)	8,69	14,02	38**	

Примечание: 1) показатели прямых иностранных инвестиций из РФ в КНР столь незначительны за 2016–2017 гг., что они не попали в общую статистическую сводку по странам (по данным китайских статистических сборников «Чжунго тунци чжайяо» и «Чжунго тунци няньцзянь» за различные годы; 2) показатели объема прямых инвестиций из КНР в РФ крайне противоречивы и расхождение этих показателей чрезвычайно велико по различным источникам;

* По различным данным российской и иностранной прессы по итогам 2017 года.

** По данным Российско-китайского фонда регионального развития. Показатель накопленных инвестиций за 2005–2017 гг.

Несмотря на заметный рост прямых инвестиций из КНР, за последние годы на территорию Российской Федерации поступает менее 2% всего объема инвестиций из КНР. Еще хуже ситуация с инвестициями из России в Китай. В последние годы китайская статистика вообще не дает никаких показателей по инвестициям из России в КНР, что свидетельствует о предельно малом объеме прямых инвестиций в последние годы. В этих условиях крайне сложно говорить о наращивании взаимного товарооборота. Единственным исключением является наращивание поставок сырой нефти в КНР в результате построенного нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» с ответвлением от Сковородино в Мохэ и Дацин, а также возможное наращивание поставок по трубопроводу «Сила Сибири» природного газа из Чаянды в Северо-Восточный Китай. В результате увеличения этих поставок из России в Китай в 2018 г. российский дефицит во внешней торговле с Китаем сменился на профицит.

Хотя объем инвестиций из РФ за рубеж огромен, в частности, в США, но их доля в китайскую экономику кредиты, прямые инвестиции, портфельные инвестиции крайне мала крайне незначительна, в том числе и в реализацию китайской инициативы «Один пояс — один путь». Вплоть до настоящего времени инвестиционный фактор играл незначительную роль в формировании структуры и объема российско-китайской торговли.

Как отмечалось в работе известного китайского ученого по российским проблемам Ли Чуаньсюня (Институт России Хэйлунцзянского университета), в начале XXI века уровень российско-китайского инвестиционного сотрудничества крайне невысок. В частности, за 2001–2002 гг. с участием китайского капитала из провинции Хэйлунцзян на российской территории было реализовано всего 11 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 8,525 млн. долл., из Внутренней Монголии — 9 проектов с объемом инвестиций 2,76 млн. долл., из провинции Цзилинь — 9 проектов с объе-

мом инвестиций 7,349 млн. долл. Большая часть китайских инвестиций было направлено в трудоемкие отрасли с низким органическим строением капитала — торговля, сельское хозяйство и лесозаготовки, питание и гостиничное дело, строительство, производство пластмассовой тары, швейная и пищевая промышленность и др. (См. сборник статей: *ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений)*. Гл. ред. Луань Цзинхэ, Чжэнчжоу, Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004, с. 781).

В результате, по данным на 2001–2002 гг., средний объем китайских инвестиций на одно совместное российско-китайское предприятие на российской территории был крайне невелик — 46,1 тыс. долл. на предприятие в Приморском крае; 39,5 тыс. долл. на предприятие в Хабаровском крае; 24,4 тыс. долл. на предприятие в Еврейской АО; 89,6 тыс. долл. на предприятие в Сахалинской области. При этом общее количество созданных за 10 лет — с 1992 по 2002 гг. — совместных предприятий с участием российского и китайского капитала на приграничных территориях российского Дальнего Востока и Забайкалья было невелико: в Приморском крае — 573 предприятия; в Хабаровском крае — 320 предприятий; в Еврейской АО — 82 предприятия; в Амурской области — 100 предприятий; в Бурятии — 63 предприятия. Аналогичная ситуация наблюдается и на сопредельной китайской территории. Например, в провинции Хэйлунцзян по данным на 30 июня 2002 г. в было зарегистрировано всего 314 предприятий с участием российского капитала с общим объемом фактически реализованных инвестиций — 84 млн. долл. (См. сборник статей: *ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений)*. Гл. ред. Луань Цзинхэ, Чжэнчжоу, Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004, с. 782).

По данным на конец 2014 г., по словам Полномочного министра Посольства КНР в РФ Чжан Ди, общий объ-

ем накопленных китайских инвестиций в России составил около 8 млрд. долл. (менее 1% объема китайских инвестиций за рубежом), с выделенными кредитами — примерно 32 млрд. долл. Еще хуже обстоит ситуация с российским капиталом на китайской территории. Ежегодно приток российских инвестиций в КНР колеблется от 20 до 60 млн. долл. в год, что составляет менее 0,02% общего объема иностранных инвестиций в КНР. В частности, в 2017 г. объем российских инвестиций в КНР составил всего 40,8 млн. долл. при общем объеме иностранных инвестиций 119,6 млрд. долл.

В обеих странах основные перспективы инвестиционного сотрудничества связываются с реализацией ряда крупных проектов по поставкам углеводородов (нефти и газа) из России в Китай и с дальнейшим развитием транспортной сети для наращивания объемов двусторонних перевозок и международного транзита грузов через территории двух государств.

Если рассматривать отраслевую структуру российских инвестиций, то основными вложениями российских компаний в Китай являются торговля, финансовая деятельность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспортные перевозки. В последнее время в связи с резкой девальвацией рубля и удорожанием китайских товаров, предназначенных для реализации на российском рынке, наблюдается сокращение инвестиций из России в торговые операции и транспортные перевозки на территории Китая. В последние годы основными направлениями российских инвестиций в Китае стали финансовая деятельность — 95%, торговля — 4% и обрабатывающая промышленность — 1%.

Можно выделить несколько основных аспектов российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, которые оказывают принципиальное влияние на развитие интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии. Более того, по мере дальнейшего роста китайской экономики и всестороннего развития российско-китайского торгово-экономического

сотрудничества будет происходить не только одностороннее усиление китайской экономики за счет российских природных ресурсов, но и экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири в результате создания большого количества инфраструктурных объектов, способствующих развитию этого сотрудничества. В настоящее время можно выделить четыре наиболее перспективных направления российско-китайского сотрудничества: 1) энергетическое; 2) транспортное; 3) инвестиционное и 4) межбанковское. Следует отметить, что в настоящее время значительные объемы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества связаны в основном с развитием торгового обмена между странами. Прочие формы сотрудничества находятся в зачаточном состоянии, что сдерживает развитие товарооборота между двумя странами, и во многом стало главной причиной спада российско-китайской торговли в 2015–2016 гг. в стоимостном выражении. Решение этой задачи видится в развитии четырех вышеуказанных направлений российско-китайского сотрудничества, которые могли бы стать ключевым звеном в развитии интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии. На наш взгляд, они будут всемерно способствовать подтягиванию экономического потенциала азиатской части России до уровня ее европейской части.

В этих условиях у Китая возникают немалые проблемы в реализации своей стратегии выхода на российский рынок. По-прежнему КНР испытывает потребности в товарах традиционного российского экспорта — древесина, калийные удобрения, цветные металлы (медь, никель), а также необходимость в увеличении поставок энергоносителей из России для поддержания высоких темпов развития народного хозяйства. Но в силу невысокой емкости российского рынка перед Китаем по-прежнему будет стоять проблема наращивания экспорта в Россию. Поэтому дальнейшие пути реализации китайской стратегии выхода на российский рынок в рамках общей

стратегии развития экспорта видятся для Китая только в максимальном привлечении российских компаний к различным программам развития китайской экономики, таким как развитие западных районов, зон высоких технологий, энергетических отраслей. В этом случае сочетание китайских инвестиций с российскими достижениями в области новых и высоких технологий на имеющейся производственно-технической базе в обеих странах сможет дать импульс дальнейшему развитию российско-китайских торгово-экономических связей в интересах обеих стран.

Китай выглядит не просто предпочтительным, но, можно сказать, оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Во-первых, только ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков. Во-вторых, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. Наконец, заметный рост торговли с Китаем, благодаря «демонстрационному эффекту», косвенно будет содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея. Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место, прежде всего, как крупному поставщику энергоносителей и сырья и рынку сбыта китайских товаров, включая технически все более сложные изделия машиностроения и электроники.

В настоящее время большую часть экспортной продукции Китая составляют машины и оборудование (58,4%), мобильные телефоны и смартфоны (11,6%), одежда и текстиль (10,8%). Иными словами, значительную часть экспорта в КНР

составляет механическое и электронное оборудование. В свою очередь, Китай заинтересован в импорте сырья и материалов, в особенности энергоресурсов. В частности, в 2019 г. импорт сырой нефти составил 505,7 млн. тонн при производстве внутри страны 191 млн. тонн, соя-бобов — 88,51 млн. тонн при собственном производстве — всего около 20 млн. тонн в год. По стоимостным показателям импорта на первом месте находятся электронные чипы — примерно 14,7% объема импорта, сырая нефть — 11,6% и концентрат железной руды — 4,9% (2020-нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуэй фачжань тунцизи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года).

В Китае рассматривают Россию как приоритетного партнера по поставкам нефти и природного газа, и благодаря растущим поставкам сырой нефти до 50 млн. тонн в год, Россия уже несколько лет имеет положительное внешнеторговое сальдо с Китаем. В настоящее время большая часть поставок нефти и природного газа в Китай осуществляется из арабских стран и ряда стран Африки (в первую очередь, Анголы) через узкий Молуккский пролив в Юго-Восточной Азии, который может легко блокироваться в случае чрезвычайной ситуации. Поэтому Китай заинтересован в альтернативных маршрутах поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии по сухопутным маршрутам и из Латинской Америки через Тихий океан. Для обеспечения поставок нефти и природного газа Китай делает инвестиции в развитие газовой промышленности в Туркменистане, нефтяной и газовой промышленности в Казахстане. На китайские деньги был построен и запущен в эксплуатацию газопровод с месторождения Южный Иолотан в Туркменистане через Узбекистан и Казахстан в Китай (через погранпереход и зону свободной торговли Джаркент–Хоргос). Чтобы обеспечить маршруты поставок энергоресурсов из Венесуэлы, Китай занялся реализацией дорогостоящего проекта строительства канала из

Атлантического океана в Тихий через Никарагуа. Для этой же цели был введен в эксплуатацию порт Гвадар в Пакистане, через который по сухопутному маршруту в Китай через Хунджерабский перевал, по меньшей мере, шесть месяцев в году можно доставлять различные грузы, включая нефть и природный газ в цистернах. Как нам представляется, реализация энергетических проектов через партнерство с Китаем позволит России в наиболее полной мере активизировать сотрудничество со странами АТР в целом и СВА в частности для оживления экономики Сибири и Дальнего Востока и поможет этим странам решить проблему нехватки энергоресурсов в XXI веке.

В области разработки лесных ресурсов уже сейчас импорт леса из России обеспечивает более 50% внутреннего спроса в условиях существующего запрета на вырубку леса в Китае. В дальнейшем объемы импорта леса будут увеличиваться.

Развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства позволит постепенно снять остроту нехватки пахотных земель и водных ресурсов в Китае за счет налаживания производства на российских территориях. Приграничные территории Китая и России имеют схожие климатические условия. Это позволяет за счет использования на российских землях китайских трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники выращивать и производить сельскохозяйственную продукцию, в частности, необходимые для Китая соя-бобы (в настоящее время рынок соевых бобов в Китае — примерно 100 млн. т в год, Китай производит примерно 20 млн. тонн. Дефицит колоссальный. Часть дефицита закрывает США, часть Бразилия. Россия на этом рынке с учетом годового урожая может продать в лучшие годы не более 2 млн. тонн) в Амурской области, Алтайском крае и Приморском крае и импортировать ее в Китай. Кроме того, ставится задача стимулировать китайские предприятия к разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, калия, фосфора, глино-

зема, редкоземельных элементов. Подчеркивается перспективность создания на российской территории совместных предприятий в легкой промышленности и исследовательских центров в различных областях высоких технологий, где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика и т. п.) — на китайские средства, но с привлечением российских специалистов и разработок. Безусловно, реализация подобных предложений китайской стороны позволила бы существенно нарастить масштабы и диверсифицировать двустороннее российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

Важной формой включения районов Дальнего Востока и Сибири в систему межгосударственного сотрудничества в АТР и более активного участия в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве является подключение Сибири и Дальнего Востока к инициативе «Экономический пояс Шелкового пути» и активное участие России в создании экономического коридора Китай–Монголия–Россия. Анализ уже изданных многочисленных работ на эту тему в Китае показывает, что существует большое количество определений Шелкового пути, начиная от собственно экономического пояса Шелкового пути (*сычжоучжилу или идай илу*) и морского Шелкового пути (*хайсылу*) и заканчивая различными морскими и железнодорожными маршрутами по всему континенту Евразии. В частности, в изданном в КНР справочнике под названием «Один пояс — один путь» была напечатана схема маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути». В эту схему, помимо традиционных трех маршрутов через европейскую часть России, Казахстан, Турцию, Иран, Грузию и Азербайджан, был включен и маршрут через Западную и Восточную Сибирь и Дальний Восток, и к данной работе была приложена карта. В работе отмечалось, что предполагается построить два континентальных моста Европа–Азия (северный и южный), и маршрут Екатеринбург–Новосибирск–Красно-

ярск–Иркутск–Чита–Хабаровск–Владивосток станет важной составной частью северного трансконтинентального моста (См., например: *«Идай илу»*. Хуанпишу — 2014. Сост. Ян Яньхун. Изд-во «Нинся жэньминь», 2015, с. 42–43).

При включении территорий Дальнего Востока и большей части Сибири в общий хозяйственный оборот и стремлении расширить торгово-экономические связи двух огромных частей РФ — европейской территории и азиатской территории за Уралом — Сибири и Дальнего Востока следует учитывать тот факт, что Сибирь и Дальний Восток по сути дела оторваны от европейской части России. Эти две огромные части России связывает только Трансиб и частично БАМ. К тому же следует добавить высокие транспортные тарифы, которые увеличивают разрыв между дальневосточными регионами и европейской частью РФ по уровню социально-экономического развития.

Совершенно ясно, что столбовая дорога развития российского Дальнего Востока — это осуществление крупных масштабных проектов инфраструктурного характера, направленных на расширение экономических связей между европейской и азиатской частями России. Понятно, что источником инвестиций для этих проектов могут быть либо средства из государственного бюджета, либо инвестиционные поступления в ходе масштабных интеграционных процессов с участием России в рамках программ государственно-частного партнерства. Вот почему активное сотрудничество со странами АТР можно рассматривать в качестве реального инструмента комплексного развития экономики региона.

Основная причина ограниченности внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока и Забайкалья со странами АТР — это отсутствие развитой энергетической и транспортной инфраструктуры, низкий уровень освоения ресурсного потенциала, нерешенность ряда институциональных вопросов, включая слабую законодательную базу, плохой

инвестиционный климат, ценовой разрыв между регионами Дальнего Востока и европейской частью России.

Надо понимать, что основным направлением инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) является европейское направление по древнему торговому маршруту через Синьцзян в Римскую империю. По мнению организаторов данной инициативы, через сотрудничество и расширяющуюся рыночную конкуренцию страны будут способны реализовать свой потенциал, использовать свои сравнительные преимущества и оптимизировать свою экономическую структуру.

Однако существуют и различные угрозы для реализации китайской инициативы по намеченным маршрутам. В частности, китайскими учеными из Института пограничных проблем АОН Китая было выделено пять видов рисков: 1) политические (угрозы со стороны Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического партнерства (ТАП), угрозы со стороны США в Малаккском проливе); 2) политическая и экономическая нестабильность во многих странах Ближнего и Среднего Востока (Пакистан, Афганистан, Индонезия и др.); 3) традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности (экологические проблемы, «цветные революции», эпидемии и др.); 4) финансовые риски (состояние мирового валютного рынка и рынка ценных бумаг); 5) экономические риски (состояние экономик стран ЭПШП и «Морского Шелкового пути»).

В свою очередь, указанные выше риски отсутствуют при строительстве экономического коридора Китай — Монголия — Россия. В то же время реализация этого маршрута позволит решить проблемы для всех трех стран, находящихся на маршруте этого коридора. Китай получает возможность доступа к российским энергоресурсам Дальнего Востока и Сибири и выход к дальневосточным портам на Тихом океане для больших объемов производимой продукции на Се-

веро-Востоке Китая, для России возникает шанс развития энергетической и транспортной инфраструктуры Дальнего Востока и Восточной Сибири за счет активного участия в экономическом коридоре Китай–Монголия–Россия, для Монголии — заняться разработкой месторождений полезных ископаемых, находящихся в труднодоступных районах на западе и востоке Монголии.

Как нам представляется, в новых условиях выдвинутых Конгрессом и Сенатом США новых антироссийских санкций, в первую очередь, в энергетической и финансовой сферах, становятся более реалистичными перспективы экономического коридора Китай–Монголия–Россия. Дело в том, что санкции США распространяются не только на Россию, Китай, Иран и КНДР, но они, по сути дела, распространяются на территорию всего Европейского Союза и затрагивают реализацию двух энергетических проектов с участием России — «Северный поток-2» и «Южный поток». В условиях возможного блокирования поставок российских энергоносителей на рынок ЕС разумной альтернативой является активное участие России в строительстве коридора Китай–Россия–Монголия, в который при определенных условиях может войти и КНДР.

В Китае уделяют большое внимание развитию двух проектов — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь». Эти темы для Китая имеют важное стратегическое значение не только в плане развития международных отношений с различными странами мира, но и для развития как приграничных территорий, так и территорий, расположенных в приморских и центральных районах страны.

На пути формирования ЭППП стороны должны согласовать вопрос о путях экономического развития стран-участников проекта для объединения стратегий развития с учетом их экономической, политической и правовой практики. В основу проекта положено создание, развитие и совершенствование транзитно-транспортной инфраструктуры на территории

ЭППП, основу которой для России могла бы составить линия высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) Пекин–Москва до 2030 г.

Трасса Москва–Пекин пройдет не по территории Восточной Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Востоку Китая. Однако строительство трассы Москва–Пекин по маршруту Шелкового пути не может не оказать влияние на развитие Северо-Востока Китая и его внешнеэкономических связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом, который в настоящее время развивается более динамично, чем другие регионы мира.

При строительстве экономического коридора Китай–Монголия–Россия важное значение приобретает сотрудничество в области транспорта, поскольку большая часть границы РФ и КНР проходит по суше, а Монголия вообще не имеет выхода к морю. В настоящее время состояние российских транспортных магистралей и пограничных переходов сдерживает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений России, которые, как мы видим из данных статистики, значительно отстают от торгово-экономических отношений КНР со многими странами АТР. Монголия вообще имеет лишь одну железнодорожную ветку с севера из России — на юг в Китай через Улан-Батор, и огромные пространства Монголии никак не связаны железными дорогами ни между собой, ни с центром.

В начале XXI века отмечалось, что состояние российских транспортных магистралей и погранпереходов сдерживает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений, которые, как мы видим из данных статистики, значительно отстают от торгово-экономических отношений Китая со многими странами АТР. Требуется, по меньшей мере, увеличить пропускную способность транспортных каналов на российско-китайской границе, как минимум, в 2 раза без учета морских перевозок (См.: *Александрова М.В. Китай и Россия: особен-*

ности регионального экономического взаимодействия в период реформ, М., Институт Дальнего Востока, 2003, с. 106). Однако, с тех пор мало что было сделано. К конкретным результатам российско-китайского сотрудничества в области транспорта следует отнести лишь завершение строительства автомобильного моста через Амур на погранпереходе Благовещенск–Хэйхэ и незавершенное строительство железнодорожного моста в Еврейской АО Нижнеленинское–Тунцзян. Все другие проекты развития транспортных погранпереходов, таких как строительство моста через приток Амура Уссури в Приморском крае Хулинь–Дальнереченск, строительство автодороги через перевал Канас в Алтайском крае остаются только на бумаге и в протоколах переговорных процессов.

Очевидно, что без дальнейшего расширения пропускной способности транспортных магистралей на российско-китайской границе вряд ли удастся значительно увеличить объем торгово-экономических отношений между странами. Наиболее конкретным примером является отсутствие моста через реку Амур в районе Благовещенск–Хэйхэ. Если в начальный период российских реформ — 1992–1993 гг. объемы грузооборота на этом погранпереходе были сопоставимы с объемами на погранпереходах Суйфэньхэ–Гродеково и Забайкальск–Маньчжурия, то уже в 1999 г. внешнеторговый оборот через КПП г. Хэйхэ заметно уступал не только КПП Суйфэньхэ и Маньчжурия на бывшей КВЖД, но и новому КПП Хуньчунь в провинции Цзилинь на границе с Южным Приморьем (См.: *Александрова М.В. Китай и Россия... Ук. соч., там же*). В дальнейшем разрыв по объему грузооборота между этими погранпереходами и погранпереходом Благовещенск–Хэйхэ все больше увеличивался по мере роста объема товарооборота между Россией и Китаем. Как мы видим, в настоящее время отсутствие моста через реку Амур в районе Благовещенск–Хэйхэ в значительной степени сдерживало не только развитие приграничной межрегиональной торговли

на отдельном участке между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян, но и всей российско-китайской торговли.

Для реализации проекта Транссибирского контейнерного моста «Европа – АТР» строительство моста через реку Амур на участке погранперехода Благовещенск – Хэйхэ имеет огромное значение в настоящее время. Для Китая использование Транссибирской магистрали имеет важное значение не только при расширении торговли с европейской частью России и Восточной Сибирью, но и при дальнейшем нарастании товарооборота со странами Восточной Европы и Финляндией. С китайской стороны имеются железная и автомобильная дороги Харбин – Бэйань – Хэйхэ, связывающие Хэйхэ с КВЖД и с шоссе Маньчжурия – Харбин – Чанчунь, а с российской стороны — железнодорожная ветка и шоссе Благовещенск – Белогорск, связывающие Благовещенск с Транссибом и строящимся шоссе Чита – Белогорск – Хабаровск. Для России строительство железнодорожно-автомобильного мостового перехода Благовещенск – Хэйхэ через реку Амур позволит в более полной мере использовать преимущества географического положения России как трансконтинентального моста Европа – Азия. (См.: *Вахненко Р.В. Российско-китайское сотрудничество в сфере железнодорожного транспорта / Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 6. Благовещенск, АмГУ, 2003, с. 299*).

Основой сотрудничества в области транспорта между Россией и КНР должно быть сотрудничество в сфере **железнодорожного транспорта**, который составляет 65% всего объема грузооборота между Россией и Китаем. Всего действует несколько погранпереходов, из которых крупнейшими являются Забайкальск и Гродеково, а также открытый в 2000 г. железнодорожный погранпереход Махалино (Камышовая), созданный в связи со строительством новой железной дороги Зарубино – Хуньчунь для развития зоны свободной торговли Туманган на стыке границ России, КНР и КНДР. В этой свя-

зи строительство моста через реку Амур в районе Благовещенск–Хэйхэ становится еще более актуальным для развития Транссибирской магистрали.

Реализация проекта увеличения пропускной способности *Транссибирской магистрали* позволит повысить пропускную способность единственного в России транспортного коридора Европа–Азия. По мнению ученых Сибири и Дальнего Востока, «привлечение иностранных перевозчиков, и прежде всего, контейнеров на Трансисиб позволило бы не только «торговать пространством» с ощутимой для себя выгодой, но и снизить тарифы для отечественных грузов, что будет способствовать интеграции российских регионов, и развитию через нее контейнерных перевозок позволит освоить до 30% контейнерного потока в Европу. Срок перевозки контейнера по Транссибу (11–12 суток) почти втрое меньше, чем при транспортировке морским путем. Стоимость доставки контейнера по Транссибу со всеми дополнительными расходами на оформление и таможенный досмотр составляет примерно 890–900 долл., в то время как по более короткому маршруту от порта Ляньюнган в КНР до иранского порта Бендер-Аббас она составляет 1000 долл. При использовании Трансисиб по сравнению с доставкой морем экономия на доставке груза составляет 200–300 долл. с каждого контейнера (См.: Бандман М., Малов В. *Транспортный комплекс азиатской России в решении геополитических проблем страны/Сборник сочинений 2-й Международной конференции по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией, Новосибирск, 2002, с. 247; Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры, М., ВИНТИ РАН, 2003, с. 69). Для этого следует решить ряд насущных проблем магистрали — установить стабильные сроки транспортировки грузов по маршруту Азия–Европа, определить конкуренто-*

способные тарифы, предоставить гарантии сохранения грузов и улучшить сервисное обслуживание.

Другой проект — развитие *Байкало-Амурской магистрали* — позволит приблизить имеющиеся месторождения полезных ископаемых в Бурятии, Якутии, Читинской и Амурской областях и Хабаровском крае к имеющимся транспортным путям, в частности, выходы как на Транссибирскую магистраль, так и к морским портам — Владивосток, Находка, Совгавань, Ванино, и к погранпереходам с КНР, КНДР и Монголией. В этом плане немаловажное значение имеет и возможность продления железной дороги до Якутска (Амуро-Якутская магистраль) от Нерюнгри, куда в свое время специально сделали ответвление от БАМа для того, чтобы приблизить к потребителю месторождение высокосортного каменного угля, добываемого карьерным способом, а потому более низкого по себестоимости. В 80-е годы до начала реформ основным потребителем нерюнгринского каменного угля была Япония, которая была заинтересована в дальнейшей разработке этих месторождений. Однако, в ходе реформы при реализации выдвинутого в начале 90-х гг. лозунга «берите суверенитета, сколько сможете», Якутия объявила себя собственником месторождений, но при отсутствии необходимых инвестиций объем добываемого угля стал неуклонно снижаться, и через какое-то время Япония отказалась от поставок нерюнгринского угля. В результате, как угольные шахты, так и железная дорога пришли в упадок, и только определенные инвестиции из центра на развитие зоны БАМа и ее реконструкцию могут вызвать ее экономическое оживление.

Представляется необходимым подключить российский Дальний Восток и Сибирь к реализации инициативы «Один пояс — один путь». В настоящее время проблемы российского Дальнего Востока связаны с малочисленностью населения территории — всего около 6 млн. чел. (без Иркутской

области, Бурятии и Забайкальского края), в то время как на приграничных территориях Северо-Востока Китая проживают примерно 110 млн. чел. (См.: *Чжунго туниззи чжайяо — 2018*, с. 19). К тому же на территории Дальнего Востока и Сибири слабо развита инфраструктура — железные и автомобильные дороги, речные и морские порты, сеть аэродромов, телекоммуникационная сеть, пограничные переходы. До недавнего времени на протяжении всей речной границы между КНР и РФ по рекам Амур и Уссури не было ни одного моста, что создавало и до сих пор создает серьезные трудности в развитии российско-китайской приграничной торговли. В этой ситуации вовлечение в китайскую инициативу «Один пояс — один путь» инфраструктурных проектов «Приморье-1» (участие в строительстве железных и автомобильных дорог от российско-китайской границы до портов Владивосток и Находка («Приморье-1») и до порта Зарубино («Приморье-2») позволило бы получить необходимые инвестиции из АБИИ и фонда «Шелковый путь» для развития российского Дальнего Востока.

Таким образом, появляется возможность создания транспортного коридора «Восток–Запад», своего рода контейнерного моста, обслуживающего по мере развития торгово-экономических отношений между США и КНР грузоперевозки между тихоокеанским побережьем США и Северо-Востоком КНР. Суть проекта заключается в использовании российских портов на Дальнем Востоке, из которых груз поступал бы в северо-восточные провинции Китая, не имеющие прямого выхода к морю — Хэйлунцзян и Цзилинь, что может сэкономить время груза в пути на два дня. Кроме того, отправка грузов из дальневосточных портов в США позволяет сэкономить еще два дня плавания, и таким образом, время в пути сокращается на четыре дня. Но для реализации данного проекта требуется не только расширить и создать новые погранпереходы на границе с КНР, но и повысить пропускную

способность железных дорог в Приморье, которая должна, по меньшей мере, соответствовать пропускной способности работающих не на полную мощность морских портов Владивосток, Зарубино, Находка и Восточный.

С китайской стороны вся сеть железных дорог на Северо-Востоке, связанная с российским Транссибом, завязана на бывшую Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) — Маньчжурия — Хайлар — Цицикар — Харбин — Муданьцзян — Суйфэнхэ. От нее отходит сеть местных железнодорожных путей, связывающих линию КВЖД с городами провинции Хэйлунцзян у российско-китайской границы — Мохэ, Хэйхэ, Хэган, Тунцзян, Хулинь, Мишань и другими, однако все эти железные дороги не имеют выхода на территорию России из-за отсутствия мостов через реки Амур и Уссури. В свою очередь КВЖД связана с разветвленной сетью железных дорог внутри самого Китая по маршруту Харбин — Чанчунь — Шэньян — Цинхуандао — Пекин, а также с портом Далянь и сетью железных дорог внутри КНДР через погранпереход Даньдун — Синьйчжу в пров. Ляонин и с планируемой Транскорейской магистралью через Тумэньцзян в пров. Цзилинь. В результате строительства железнодорожного моста через Амур в зоне погранперехода Благовещенск — Хэйхэ появилась возможность создать единое железнодорожное транспортное кольцо между российским Дальним Востоком, Северо-Востоком КНР и КНДР с выходом на крупные промышленные центры Южной Кореи.

К сожалению, несмотря на развитие торгово-экономических отношений между РФ и КНР, по-прежнему сохраняется дисбаланс в развитии внешней торговли между двумя странами и российский экспорт в КНР намного превышает импорт из КНР. Об этом наглядно свидетельствует железнодорожная статистика, из которой явствует, что экспортные перевозки из России до недавнего времени составляли 96% всего объема железнодорожных перевозок, а китайский импорт — только 4%. При этом только в 2002 г. объем перево-

зок экспортных, импортных и транзитных грузов из России в Китай вырос на 35%, а из Китая в Россию снизился на 26%. В частности, объем экспорта в КНР через погранпереход Суйфэньхэ–Гродеково в 2002 г. составил 5,09 млн. т при общем объеме перевозок 5,29 млн. т (См.: *Там же: Гудок, 16.09.2003; Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры, М., ВИНТИ РАН, 2003, с. 284*). Таким образом, необходимо наряду со развитием транспортной сети обеспечивать и необходимое товарное наполнение импорта из КНР в Россию, чтобы обеспечить сбалансированность внешней торговли между РФ и КНР.

Важное значение в развитии межрегионального сотрудничества в АТР имеет **автомобильный транспорт**. В настоящее время прорабатываются вопросы транзитных перевозок китайских грузов в порты на Дальнем Востоке России. В Китае уже давно готовы к такому развитию событий. В частности, там планируется открыть автомагистрали класса «экспресс-вэй» из Далаля в Хэйхэ, из Маньчжурии в Суйфэньхэ и из Муданьцзяна в Хуньчунь, что напрямую связывает многие города Северо-Востока КНР с российскими погранпереходами Благовещенск, Забайкальск, Гродеково и Краскино. В перспективе эта сеть должна распространиться на российскую территорию — от Забайкальска через Читу до Улан-Удэ, от Гродеково до Владивостока, от Хуньчуна до порта Зарубино на берегу Японского моря и от Благовещенска до Белогорска. В результате реализации этой программы на российско-китайской границе должны появиться четыре автоперехода мощностью 3–6 млн. т в год каждый, должна быть введена в строй трасса Чита–Белогорск–Хабаровск и реконструирована трасса Хабаровск–Владивосток (См.: *Александрова М.В. Китай и Россия: Ук. соч., с. 102*).

Однако пока реализация этой программы развития транспортной сети на Дальнем Востоке и в Забайкалье далека от

своего завершения. Строительство и реконструкция автодорог идет медленными темпами, а создание погранпереходов заключается лишь в увеличении таможенных постов на российской стороне, но не в расширении дорог и увеличении дорожных полос. В результате низкая пропускная способность дорог в значительной мере сдерживает не только развитие приграничного межрегионального сотрудничества, но и общую динамику развития торгово-экономических отношений не только с КНР, но и с другими странами региона.

Как нам представляется, именно развитие транспортной инфраструктуры наряду с энергетической позволит регионам российского Дальнего Востока и Сибири стимулировать экономическое развитие, создать новые рабочие места, привлечь новые инвестиции как из европейской части России, так и из-за рубежа, стимулировать в приграничные районы Дальнего Востока, Забайкалья и Алтайского края большое число рабочей силы из более населенной европейской части России. Строительство моста через реку Амур в районе погранперехода Благовещенск – Хэйхэ будет важным шагом как в решении проблемы расширения межрегионального сотрудничества между Китаем и Россией, так и для ускорения интеграции России и Китая в АТЭС.

Финансовое сотрудничество двух стран становится все более тесным, однако его уровень остается недостаточным и не соответствует потребностям торгово-экономического сотрудничества и кооперации в научно-технической и производственной сфере. Развитию торгового и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР должно способствовать активизировавшееся в последние годы сотрудничество банков двух стран, ранее резко отстававшее от потребностей обеспечения взаимного товарооборота. В настоящее время в России уже работают филиалы четырех основных банков Китая — Торгово-промышленного, Сельскохозяйственного, Строительного и Банка Китая («Банк Элось»). В Китае, к

сожалению, большая часть банков, за исключением Банка ВТБ-24, имеет лишь представительства, а не филиалы из-за недостаточных объемов уставного и привлеченного капиталов, что существенно сдерживает как развитие инвестиционного сотрудничества, так и двусторонней торговли.

Пока в торгово-экономических отношениях между РФ и КНР слабо задействованы финансовые рычаги, торговля осуществляется через валюту третьих стран — американский доллар. В конце 2018 г. китайская сторона отказалась подписывать соглашение о переходе в торговле на валютный обмен «рубль — юань» из-за волатильности российского рубля. Невозможно подписывать долгосрочные инвестиционные контракты в условиях резкого колебания курса рубля, и китайская сторона предпочла оставить все как есть в интересах китайских банков — работа через американский доллар (валюту третьей страны), несмотря на состояние торговой войны между США и КНР.

В XXI веке еще слабо реализуются проекты в сфере **межбанковского и инвестиционного сотрудничества**. Главной проблемой в настоящее время является поиск источников финансирования дорогостоящих региональных проектов для осуществления интеграции в СВА. Как отмечалось еще в 2002 г. М. Титаренко, для реализации основных инфраструктурных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке по меньшей мере требовалось ежегодно не менее 7,5 млрд. долл. дополнительных капиталовложений. За счет средств государств-участников и действующих международных финансовых институтов предполагалось изыскать около 2,5 млрд. долл. в год (См.: *Титаренко М.Л. Елосы – Чжунго: Цзинци хэцзоды синь цзюй цзичи жунжу Дунбэйя хэ Чжунъя тихуады гочэн (Россия – Китай: новые шансы экономического сотрудничества и процесс интеграции капитала в Северо-Восточной и Центральной Азии)/»Гоцзя чжэньцэ юй цюйюй цзинци фачжань» Гоцзи яньтаохуэй. Луньвэньцзи (Сборник материалов международной конференции «Государственная поли-*

тика и развитие региональной экономики»), Урумчи, 2002, с. 174).

Одним из вариантов привлечения дополнительных инвестиций в развитие инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока рассматривалось создание специального Банка развития Северо-Восточной Азии (или Банк развития СВА). Идея создания этого банка возникла еще в 1990 г., и до определенного времени этот проект оставался единственным предложением по созданию институциональной структуры, которая могла бы привлекать необходимые средства на развитие инфраструктуры в СВА. Основной задачей этого банка должно быть привлечение средств на создание инфраструктуры в России, КНР, Монголии и КНДР. Однако и по сей день в СВА отсутствует какая-либо финансовая структура, занятая поиском капиталов для развития энергетического, транспортного и сырьевого потенциала стран СВА.

Банк развития СВА (БРАСВА) должен был работать на коммерческой основе и осуществлять инвестирование, кредитование и выдачу гарантий по проектам развития и расширения внутрирегиональной торговли в СВА, включая российское Забайкалье и Дальний Восток. Этот проект получил поддержку на 1-м Байкальском экономическом форуме в Иркутске в сентябре 2000 г. По мнению инициаторов данного проекта, БРАСВА мог бы предложить ряд уникальных услуг, таких как финансирование частных проектов в СВА, принятие части рисков по проектам, не реализующимся из-за неясных коммерческих перспектив, реализация совместных проектов государственного и частного сектора, финансовое посредничество и организация синдицированных займов с участием банков заинтересованных стран и координация проектов и политики развития СВА (Подробнее см.: *Глобализация экономики Китая. Ред. В.В. Михеев. М., ПИМ, 2003, с. 241–243*). К сожалению, созданный для этих целей Фонд прямых инвестиций не в состоянии выполнять эти задачи,

поскольку у него нет возможностей для привлечения дополнительных ресурсов.

На наш взгляд, идея создания Банка развития СВА требует дальнейшего изучения с целью более четкого определения места России и других участников в нем. Возможно, в случае создания Банка развития СВА он смог бы привлечь более 15 млрд. долл. на развитие инфраструктурных проектов в СВА, включая Россию. Но исходя из реальной ситуации, связанной с Банком развития, наибольшую активность пока проявляют Китай и Республика Корея. Япония занимает выжидательную позицию, не говоря уже об огромном количестве участников из различных стран, которые должны согласовать позиции между собой.

Россия практически пока никак не участвует в этом проекте и не участвует в диалоге трех сторон — Японии, Китая и Республики Корея. С одной стороны, участие России в этом проекте позволит привлечь инвестиции для развития инфраструктурных проектов, однако с другой стороны, Россия пока не обладает необходимой банковской инфраструктурой для реализации привлеченных инвестиций через международный банк. Кроме того, степень доверия международной финансовой общественности к российской банковской системе в целом и к частным банкам в частности оказалась сильно подорванной после финансового кризиса в России в августе 1998 года.

В этих условиях является более оправданным создать одну мощную банковскую структуру на Дальнем Востоке или в Забайкалье с наличием банковских активов не менее 20 млрд. долл., чтобы можно было работать на китайском рынке в соответствии с финансовым законодательством КНР наподобие Русского банка в Иркутске, через который проходил проект строительства Транссиба в конце XIX — начале XX века. Поэтому для работы с иностранными инвесторами на территории Сибири и Дальнего Востока представляется

целесообразным создать специализированный региональный Российско-Азиатский Банк в Москве с филиалами в Иркутске, Хабаровске, Владивостоке и Новосибирске, в функции которого будет входить работа по привлечению иностранных инвестиций из стран АТР, кредитование крупных инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока и Сибири, а также российских инвестиционных проектов в странах АТР, работа с региональными, отраслевыми и коммерческими банками, предоставление кредитов под крупные торговые сделки на уровне межгосударственных соглашений и совместных региональных проектов, включая проекты по линии приграничной торговли.

Китайскими учеными было выделено семь основных препятствий, сдерживающих развитие российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. С китайской стороны выделяются две основные проблемы — незнание китайскими предпринимателями российской специфики (законодательство, инвестиционные риски и др.) и плохой инвестиционный климат в Китае, связанный с реализацией проектов в России. С российской стороны выделены пять основных проблем — российское законодательство, ущемляющее интересы иностранного капитала; высокие ставки налогообложения по сравнению с КНР; административные проблемы, связанные с усилением бюрократизации в центре и на местах; недостаточная защищенность китайского бизнеса в России и социально-психологические моменты, связанные с давлением российской прессы на население о «китайской угрозе».

Таким образом, общий объем российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоящее время крайне невелик, что в значительной степени сдерживает развитие российско-китайской торговли. Несмотря на абсолютный рост объема российско-китайской торговли, его доля не возрастает из-за более быстрых темпов роста общего объема внешней

торговли Китая за счет опережающих темпов развития торговли с США, Японией и странами Евросоюза. Дальнейшие пути увеличения объема российско-китайской внешней торговли видятся в создании крупных российско-китайских инфраструктурных проектов на территории российского Дальнего Востока и Сибири с привлечением китайского капитала и на территории Китая с привлечением российского капитала, а также в расширении межрегионального сотрудничества российских областей с китайскими провинциями.

Другим важным резервом в развитии российско-китайского торгово-экономического сотрудничества является расширение **научно-технического сотрудничества**. Пока продажа современной техники и технологий все еще не приносит высоких прибылей для России. В России имеется более 3000 передовых проектных научно-исследовательских организаций. По различным экспертным оценкам, Россия продолжает сохранять лидерство в 10–15 наукоемких областях (телеметрическое и телеинформационное оборудование, современные материалы, системное обеспечение и т. д.). Кроме этого, поддерживается высокий мировой уровень производства техники и материалов в следующих отраслях: машиностроение, лесная промышленность, электротехника и электронная техника, информатика и автоматизированные системы, применение нетрадиционных источников энергии, медицинское оборудование, природоохранная техника (См.: *Хуанью шибао, 07.05.2004*). Однако реализация продукции этих отраслей незначительна. По оценкам китайских экспертов, в частности, Ци Вэйхая, сохраняется низкий удельный вес научно-технического сотрудничества в общем объеме российско-китайского сотрудничества, что связывается со снижением доли российской научно-технической продукции на мировом рынке. По его оценкам, из общего объема реализованной на мировом рынке научно-технической продукции — 2300 млрд. долл. на долю России приходится лишь

0,3% (См. сборник статей: *ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений)*. Гл. ред Луань Цзинхэ, Чжэнчжоу, Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004, с. 804). В настоящее время ситуация в области научно-технического сотрудничества РФ с КНР ухудшилась из-за того, что в 2013 г. в России была проведена реформа Российской Академии наук (РАН), которая располагает основным информационным массивом, знаниями и квалифицированными кадрами для решения этих проблем. В настоящее время возможности РАН сильно ограничены из-за отсутствия необходимого финансирования, изменений в Уставе РАН, которые не дают ей возможности принимать активное участие в сотрудничестве с АН Китая, которая играет решающую роль в развитии научно-технического сотрудничества в своей стране.

Тем не менее, в этих условиях были созданы различные российско-китайские структуры по сотрудничеству в области науки и техники. На высшем уровне создан «Российско-китайский центр науки и высоких технологий», где китайскую сторону представляет Центр развития высоких технологий «Факел» (в рамках плана «Факел»), а российскую сторону — «Российский дом» и «Международный научный центр» Министерства образования и науки РФ. Аналогичные структуры созданы в различных провинциях КНР — Хэйлунцзян, Шаньдун и китайских городах — Харбин, Уси, Ухань, Шэньян и др.

На российской территории в различных университетских городах созданы различные российско-китайские центры научно-технического сотрудничества. Китайская сторона выделяет инвестиции — примерно 10 млн. юаней, российская сторона предоставляет территорию и частично оборудование. В этих центрах предусматриваются научные разработки и внедрение в производство новой высокотехнологичной продукции в таких областях, как новые материалы, генная

инженерия, электроника и др. Однако в настоящее время одной из основных проблем остается финансирование этих центров, которые должны внедрять результаты научных достижений в практику. Но если в Китае в ряде городов — Харбин, Уси — уже созданы так называемые «венчурные фонды» (фонды риска) для реализации научных проектов — от 60 до 80 млн. юаней, то в России такие фонды практически отсутствуют из-за нерациональной системы налогообложения.

Тем не менее, несмотря на эти трудности, за последние пять лет было подписано не менее 150 соглашений по вопросам развития научно-технического сотрудничества в различных сферах между различными высшими учебными заведениями и научными центрами РФ и КНР. В целом в Китае считают, что дальнейшее развитие научно-технического сотрудничества между нашими странами будет идти более быстрыми темпами и создаст необходимую основу для дальнейшего развития российско-китайских торгово-экономических отношений.

Хотя территориальное распределение торговли с Китаем по регионам России не всегда может быть точно прослежено статистически, однако общая картина достаточно ясна. Торговля с КНР жизненно важна для Дальневосточного федерального округа, для которого Китай в последние годы является, как правило, ведущим торгово-экономическим партнером. В последние годы обнаружилась критическая зависимость ряда субъектов РФ от торговли с Китаем, в частности, Забайкальского края, Амурской области, Еврейской АО, где доля Китая в объеме внешней торговли территории уже превысила 90% общего объема. В Хабаровском и Приморском краях эта зависимость не столь сильна, так как во внешней торговле этих субъектов РФ имеются такие мощные торговые партнеры, как Япония и Республика Корея. Они составляют конкуренцию Китаю, и эти территории имеют прямой выход к морю. Постепенно развивается торговля с Китаем и в ряде субъектов РФ Сибирского федерального окру-

га — Алтайского края и Новосибирской области. Эти субъекты РФ в ближайшие годы получают шанс резко увеличить торговлю с сопредельными территориями Китая, прежде всего, с Синьцзяном, но только в случае развития транспортной инфраструктуры территории — строительства нефтепровода, газопровода и автомобильной дороги через перевал Канас на российско-китайском отрезке границы.

Территориальный аспект российско-китайского торгово-экономического взаимодействия в настоящее время наиболее выпукло проявляется в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области и Амурской области, а также в Забайкалье и в Иркутской области. Можно сказать, что эта группа субъектов Федерации в совокупности является своего рода демонстрационной витриной большинства плюсов и минусов, успехов и проблем двусторонних связей между РФ и КНР. В то же время в торговлю с Китаем сегодня в той или иной степени вовлечено большинство субъектов Российской Федерации, и в этом смысле она является фактором повсеместного значения.

Специфической разновидностью сотрудничества России и Китая на уровне регионов является приграничная торговля. После более четкого институционального и территориального определения в Китае понятия «приграничных территорий» (20-километровая зона вглубь от границы) значение этого сегмента двусторонних связей по формальным количественным критериям снизилось. Однако, на наш взгляд, приграничная торговля продолжает выполнять ряд важных ролевых функций. Так, на приграничных территориях расположены многочисленные грузовые и пассажирские пункты пропуска, от стабильной работы которых зависит общая ритмичность взаимных поставок товаров между Россией и Китаем. Здесь отрабатываются такие новые и перспективные формы нашего двустороннего взаимодействия, как приграничные торговые комплексы (в частности, Благовещенск–Хэйхэ,

Нижнеленинское–Тунцзян, Забайкальск–Маньчжурия, Пограничный–Суйфэньхэ), использование национальных валют в двусторонних расчетах, совместная хозяйственная деятельность на островах пограничных рек. Наконец, именно на приграничных территориях наблюдается наибольшая плотность повседневных контактов между гражданами двух стран, которые прямо влияют на уровень взаимных симпатий и антипатий и общей межэтнической толерантности.

По китайским оценкам, доля приграничной торговли в объеме российско-китайской торговли невелика и составляет около 20%. В России специальный учет приграничной торговли не ведется или, возможно, соответствующие данные по отдельным погранпереходам и регионам не суммируются и не обнародуются. По мнению ряда российских экспертов, отсутствие в России законодательно определенного статуса районов приграничной торговли и компаний приграничной торговли создает очевидную асимметрию в отношениях с китайскими партнерами, наделенными властями КНР таким статусом. Несмотря на многочисленные сетования китайских бизнесменов и СМИ на различные трудности ведения приграничной торговли с Россией, объем приграничной торговли стабильно растет, а наиболее активно вовлеченные в нее китайские города Суйфэньхэ, Хэйхэ, Маньчжоули за последнее десятилетие из прозябающего окраинного захолустья превратились в современные крупные торговые хабы. Однако прилегающие к ним российские города и поселки — Благовещенск, Забайкальск, Гродеково — по ряду причин не получили аналогичного развития и не выдерживают с приграничными китайскими городами никакого сравнения.

Одной из главных проблем экономического развития российского Дальнего Востока является недостаточный объем инвестиций, как внешних, так и внутренних, связанный в первую очередь со слабым развитием инфраструктуры в регионе. В данном случае, на наш взгляд, такими проектами

могли бы быть развитие инфраструктуры портов Находка, Владивосток, Ванино, строительство газо- и нефтепроводов из Сибири и Якутии в Северо-Восточный и Северо-Западный Китай, создание транспортного коридора из Сибири в Северо-Западный Китай через Алтай, создание в Сибири и на Дальнем Востоке международных туристических и рекреационных центров (например, на озере Байкал, в Южном Приморье, на Алтае, на Камчатке и на Сахалине), завершение Байкало-Амурской и реконструкция Транссибирской железнодорожных магистралей, которые через активизацию своих производственных связей обеспечили бы экономическое возрождение большого количества предприятий региона и, соответственно, создание большого количества новых рабочих мест.

Реализация хотя бы части этих инфраструктурных проектов может обеспечить растущий антикризисный спрос на товары и услуги не только в районах Дальнего Востока и Сибири, но и неминуемо отразится на экономической ситуации в России в целом. Кроме того, это позволит значительно улучшить инфраструктуру экономики в азиатской части России в целом и сделать более привлекательным инвестиционный климат для иностранных бизнесменов. На наш взгляд, работа по всем инфраструктурным проектам — транспорт, энергетика, банковское дело может дать России не только толчок экономическому развитию районов Сибири и Дальнего Востока, но и обеспечить дополнительные иностранные инвестиции, в том числе из КНР, и ускорить процессы интеграции России в АТЭС.

В целом на сегодняшний день уровень развития российско-китайских торгово-экономических связей недостаточен по разным причинам. Объем внешней торговли ограничен поставками из России в Китай энергоносителей — таких как сырая нефть, продуктами ее первичной переработки, сельскохозяйственной продукцией. Основные направления тор-

гово-экономического сотрудничества между РФ и КНР определяются из центра. Доля приграничной внешней торговли между российским Дальним Востоком невелика. Преобладает простая торговля, объем взаимных инвестиций крайне ограничен по разным причинам, но самое главное — на российском Дальнем Востоке неразвита инфраструктура для внешней торговли. Как представляется, «именно развитие транспортной инфраструктуры, наряду с энергетической, позволит регионам российского Дальнего Востока и Сибири стимулировать экономическое развитие, создать новые рабочие места, привлечь новые инвестиции как из европейской части России, так и из-за рубежа» (См.: *А.В. Островский. Место и роль торгово-экономических связей российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая в китайской инициативе «Экономический пояс Шелкового пути / Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. М., ИДВ РАН, 2019, кн. 1, с. 34*). Дальнейшие пути развития российско-китайских торгово-экономических отношений и расширение торгового оборота до уровня 200 млрд. долл. возможны только при условии динамичного развития сопредельных территорий России и Китая и их включения в китайскую инициативу «Один пояс — один путь».

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КИТАЙСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМ

В конце XX века многие социалистические страны, включая Россию и Китай, отказались от планово-административной модели социально-экономического развития и перешли к другой модели, более соответствующей современной эпохе — модели рыночной экономики. Однако в каждой из этих стран — России и Китае — переход от одной модели социально-экономического развития к другой проходил по-разному.

Россия выбрала модель стремительного перехода от плана к рынку в соответствии с концепцией Сакса–Гайдара, которая была названа «Вашингтонский консенсус». Китай выбрал модель постепенного перехода от плановой к рыночной экономике, которая была названа «Пекинский консенсус». Реформы начались в декабре 1978 года, после решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва о переходе на систему подворного подряда в китайской деревне. Эта мера сразу привнесла рыночные отношения в командно-административную систему экономики КНР, где предприятия и народные коммуны (не говоря уже о производственных бригадах) не могли выступать в роли самостоятельных товаропроизводителей (или экономических субъектов). В социально-экономической структуре КНР возникли рыночные отношения на основе отдельных крестьянских хозяйств, функционирующих по системе различных видов подворного подряда, таких как семейный подряд, специализированный подряд и др.

В Китае стало развиваться товарное хозяйство, которое год за годом стало охватывать все сектора экономики. Если в 1978 г. действовали только две формы собственности — госу-

дарственная и коллективная, то в течение последнего десятилетия ведется официальная статистика по десяти формам собственности и отдельно по волостно-поселковым предприятиям в деревне. В результате в Китае постепенно, шаг за шагом, стал формироваться рынок — сначала в деревне, затем в уездных центрах и малых городах, а потом и в провинциальных центрах, городах центрального подчинения и в самой столице.

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) Китай встретил огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. Было отмечено быстрое и стабильное развитие экономики за последние годы, что выражалось в высоких темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП), промышленности и сельского хозяйства. За отчетный период, то есть за пять лет с 2012 по 2017 гг., объем ВВП вырос с 54 до 82,7 трлн. юаней (с 8,2 до 12,5 трлн. долл.), а в 2019 г. — составил 99,1 трлн. юаней, ВВП на душу населения превысил показатель 10000 долл., и Китай по этому показателю скоро должен войти в число развитых стран мира.

Российская модель перехода от плана к рынку заметно отличается от китайской модели перехода. В сфере экономики и политики обе модели перехода в целом сходны между собой. В экономике совершается переход от плана к рынку, в политике — от традиционной к современной модели правового государства. Главным в моделях перехода к рыночной экономике в обоих случаях является необходимость модернизации экономики, переход от экстенсивных к интенсивным формам производства, необходимость отхода от опоры на избыточную рабочую силу и переход к квалифицированному труду, опора на развитие научно-технического прогресса и инновации. Хотя в этих случаях процесс модернизации идет тяжело, что связано как с объективными причинами создания новых производительных сил на основе научно-технического прогресса, так и субъективными причинами, связанными с отказом от-

дельных социальных слоев и групп переходить к более современным формам производственных отношений. Это связано, прежде всего, с отношениями собственности, которые нелегко изменить, как по причинам нежелания собственников бывших государственных предприятий отказаться от помощи из государственного бюджета, так и по причине резкого снижения жизненного уровня у значительной части затронутых реформами социальных слоев и групп, которые заняты наемным трудом, особенно в России.

В Китае сложилась переходная модель особого восточного типа, отличная от европейской, которая характеризуется более постепенными мерами развития в экономической, политической и социальной сфере. Реформа в КНР начиналась в сельских районах в сфере сельского хозяйства, так как там была сосредоточена большая часть экономически занятого населения и где была большая доля переменного, а не постоянного капитала. В этих странах при переходе к концепции рыночной экономики не отказались от ее сочетания с социализмом. По-прежнему во всех партийных и государственных документах употребляются термины «социализм», «социалистический путь развития» и, наконец, «социализм с китайской спецификой». В результате осторожных, постепенных методов преобразований в Китае удалось избежать краха экономики, резкого падения объемов валового внутреннего продукта, высокой инфляции, развала экономики и социальных волнений при проведении рыночных реформ в отличие от России и стран Восточной Европы.

В отличие от России в КНР проводились сначала рыночные преобразования в экономике, а затем — постепенные политические реформы. В Китае еще до начала реформ проводилась теоретическая проработка вопроса, китайские ученые направлялись в разные страны мира для изучения различных моделей реформы в этих странах. Только на основе глубокой проработки и теоретического обобщения вопроса

руководством КПК было принято решение о начале реформы в конце 1978 года.

Основной проблемой российской экономики осталось то, что, несмотря на завершившийся переход к рынку, отношения собственности не изменились. По-прежнему главным игроком, наиболее активным экономическим субъектом в настоящее время остается государство и в его лице — государственный чиновник. К российской экономике в наибольшей степени подходит определение экономической ситуации, данной венгерским экономистом Я. Корнаи — «судья играет в футбол». В России государство в той или иной форме присутствует в каждом крупном предприятии, которое своей деятельностью не отвечает за прибыли и убытки, как в Китае. Российские крупные финансово-промышленные корпорации по-прежнему живут за счет государственного бюджета. Это особенно ярко проявилось во время мирового финансового кризиса 2008 года и в настоящее время в ходе эпидемии коронавируса, когда пострадавшим от кризиса банкам для их поддержания на плаву выделили средства из государственного бюджета, часть которых была быстро переведена на счета за рубеж. В свою очередь, Китай пока еще не завершил построение рыночной экономики, и, судя по основным партийным и государственным документам, этот период продлится, как минимум, до 2050 года.

В целом, суммируя общее и особенное развития двух моделей переходной экономики в России и Китае, следует выделить три основных аспекта — экономический, социальный и политический. По сути дела, главное и принципиальное расхождение российской модели — с одной стороны, и китайской — с другой стороны, в том, что в первом случае была сделана попытка начать с политической реформы и затем после смены надстройки проводить изменения в базисе — социально-экономической структуре общества, а во втором случае — происходят медленные изменения в социально-эконо-

мической сфере и уже на этой основе планируется проводить политические реформы.

В экономической сфере главным отличием Китая от России стала разработка теоретических моделей перехода к рынку, а затем на основе теории совершался постепенный переход к практике. В частности, еще в конце 70-х гг. китайские теоретики-экономисты пришли к выводу, что главным являются **не формы собственности, а формы реализации собственности**. (Подробнее см.: А.В. Островский. *Китайская модель перехода к рыночной экономике*, М., 2007, с. 29–30). В практическом плане в Китае был дан ход системе подворного подряда, где форма собственности — коллективная собственность на землю — сохранилась в неприкосновенности, а формой реализации собственности стала система подворного подряда. В новых условиях китайский крестьянин смог распоряжаться частью произведенной им продукции, что заметно повысило производительность труда в китайской деревне без всяких дополнительных капиталовложений из бюджета только за счет стимулирующих крестьян постановлений ЦК КПК о переходе на систему подворного подряда. Это, в свою очередь, стало основой для появления у крестьянских дворов товарной продукции, что привело к созданию в стране зон рыночной экономики, которые распространялись с двух сторон — снизу из китайской деревни и из свободных экономических зон в крупных портовых городах с активными экономическими связями с развитыми странами, где сформировался подходящий инвестиционный климат для привлечения иностранного капитала.

Изменения в социальной сфере всегда следуют за изменениями в экономической сфере. Представляется, что анализ изменений в социальной структуре российского и китайского общества происходит по двум направлениям — изменения по классовым характеристикам, то есть отношению к средствам производства и по социальным характеристикам в рамках

теории социальной стратификации, предполагающей рост «среднего класса» при переходе к рынку.

В этой ситуации главным критерием считается появление «среднего класса» в России и Китае. Согласно «теории страт», к среднему классу относятся не только имеющие средние доходы, но и располагающие относительно высоким уровнем образования, имеющие определенный доступ к социальным льготам, проживающие в определенных местах и т. д. Однако, на наш взгляд, ни в России, ни в Китае пока еще не появился средний класс, который составлял бы большую часть населения, что обеспечивало бы социальную стабильность в обществе. Следует отметить, что в анализируемых нами странах социальная структура общества напоминает собой пирамиду, для которой характерно преобладание бедных, социально незащищенных слоев, а не ромб, для которого характерно преобладание среднего класса со средними и выше среднего доходами.

В Китае пока не наблюдается предпосылок к радикальным политическим реформам. Китай будет сохранять преемственность и стабильность, государственные чиновники стали частично отбираться по конкурсу через экзаменационную систему, как на Тайване, а КПК будет сохранять свою руководящую роль до тех пор, пока в социально-экономической сфере страна будет добиваться успехов.

Опыт китайских реформ — это опыт постепенного перехода от плановой к рыночной экономике, выход на траекторию высоких темпов экономического роста, который длится уже 40 лет. В настоящее время происходит формирование новой экономической системы, где главным звеном является расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля. Основной проблемой экономической реформы в Китае стало определение границ необходимости государственного вмешательства в экономику. На наш

взгляд, нынешний мировой финансовый кризис и анализ его последствий для китайской экономики показывает нам все плюсы и минусы китайской модели экономических реформ, так называемого «пекинского консенсуса» в отличие от западной модели реформ («вашингтонского консенсуса»).

Подводя итоги китайской реформы экономической системы за 40 лет, надо сказать, что как по конкретным экономическим достижениям, так и с точки зрения жизнеспособности выработанной экономической модели развития общества, Китай намного опережает Россию. За прошедшие годы дороги наших стран в сфере проведения реформы сильно разошлись, особенно после объявленной в России в 1992 году либерализации цен и приватизации. Как показывает анализ работ главных теоретиков и практиков китайской реформы, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку вполне соответствует российским реалиям, но практические мероприятия реформы в значительной мере определяются конкретной китайской спецификой. На наш взгляд, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку могла бы быть применена в определенной степени и в российских условиях с учетом российской специфики.

Для реализации стратегии сравнительных преимуществ — в данном случае, богатство природных ресурсов, наличие квалифицированных кадров, стратегически удобное географическое положение страны — наиболее предпочтителен китайский опыт, в котором главным является разумное сочетание государства и рынка. Изучением опыта китайских реформ следовало бы заняться еще в середине 80-х гг. Однако идеологические догмы взяли верх, и китайские реформы рассматривались руководством КПСС как отступление от социализма. В дальнейшем, в начале 90-х гг., в РФ также предпочли игнорировать опыт китайских реформ по двум причинам. Во-первых, по идеологическим причинам, связанным с тем, что экономические реформы в КНР осуществляются

под руководством КПК. Во-вторых, по надуманным экономическим причинам, которые обосновывались тем, что успехи китайской реформы связаны с намного более низким уровнем развития производительных сил в Китае по сравнению с Россией.

В настоящее время одним из основных приоритетов Китая является построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*), которое должно быть построено к 100-летию образования КПК — 2021 году. Достижение этой цели подразумевает значительное повышение жизненного уровня населения во всех регионах страны без исключения, что означает переход КНР от статуса развивающейся страны к статусу экономически развитой.

В начале XXI века в условиях значительного роста цен на энергоресурсы на мировом рынке и значительного профицита бюджета внешней торговли РФ за счет экспорта нефти и газа Россия получила возможность осуществить модернизацию экономики и реализовать свой потенциал по усилению позиций в региональном и международном разделении труда. В последние годы нефтегазовый комплекс России формировал 45–50% доходов федерального бюджета и обеспечивал свыше 60% экспорта. Однако Министерство финансов РФ и Центральный банк России выводили все дополнительные доходы за рубеж. Иными словами, они проводили стерилизацию избыточной денежной массы, чтобы избавить страну от повышенной инфляции. В начале XXI века показатели инфляции в России были существенно выше, чем в Китае, где дополнительные доходы и высокие показатели прироста ВВП превращались в дополнительные инвестиции, которые направлялись на развитие различных инфраструктурных проектов. Тем самым в Китае снижалась инфляция, которая в основном связана не с ростом инвестиций в различные отрасли экономики, а с превышением темпов роста заработной платы над темпами роста производительности труда.

Россия в своем выборе экономической стратегии должна в большей степени учитывать китайский опыт, который показывает, что проблема перехода к рынку — это не проблема перехода от социализма к капитализму, а отказ от стратегии догоняющего развития. При проведении в жизнь стратегии догоняющего развития экономика этих стран не может выйти на границу предельных производственных возможностей из-за деформированной системы ценообразования и приоритетного развития тяжелой промышленности за счет легкой промышленности и сельского хозяйства.

Главное для России в китайском опыте — это комплексный и целостный подход к реформе экономической системы, обеспечивающий постепенный, без «шоковой» терапии, переход от командно-административной системы к рыночной экономике под государственным контролем. Все мероприятия реформы являются в той или иной мере элементами целостной системы перехода к рынку, которая разрабатывается в Китае уже около 40 лет. Конечно, многие мероприятия можно использовать и в российской модели реформ. Однако все эти мероприятия должны находиться под контролем государства, и по мере необходимости в них должны вноситься коррективы. Считается, что в России уже действует рыночная экономика. Однако в западных работах не придерживаются этой позиции, а считают, что в России уже укоренился так называемый «блатной капитализм» (*crony capitalism*). В этих условиях лидирующие позиции занимают не те фирмы и компании, которые имеют наибольшую рентабельность и выигрывают конкуренцию у других фирм за счет более низких затрат на производство единицы продукции, а те фирмы, руководство которых в той или иной мере аффилированы с руководством (региона, отрасли). В какой-то степени эта точка зрения отражает ситуацию и в КНР, где руководители наиболее преуспевающих фирм имеют тесные неформальные связи с руководителями различных уровней. Но в Китае с этим

борются Дисциплинарные комиссии ЦК КПК на всех уровнях, а в России такая борьба практически не ведется. В настоящее время, чтобы в полной мере воспользоваться опытом китайских реформ, Россия должна начать с периода «урегулирования» экономики после «шоковой» терапии, которая по своим последствиям означала для российского народа то же, что «большой скачок» в 1958–1960 гг. и «культурная революция» в 1966–1976 гг. для китайского народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

На русском языке

XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). М., 1982.

Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.

Китайская Народная Республика: Законодательные акты. 1984 – 1988. М.: Прогресс, 1989

На китайском языке

Вайшан тоуцзы чанъе чжидאו мулу. (Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций), Министерство коммерции КНР. 2011. № 12

Гоцзя цзи гэдицой гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань «шиэрью» гуйхуа ганъяо (Проект программы социально-экономического развития страны и всех территорий в 12-й пятилетке). Ред. Государственный Комитет развития и реформ КНР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011

Ли Теин. Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). В 2-х томах. Пекин: Изд-во Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 1999

Xi Jinping daibiao di shi ba jie Zhongyang weiyuanhui xiang dangde shijiu da zuo baogao (Отчетный доклад ЦК КПК 18-го созыва Си Цзиньпина XIX съезде КПК) // Renmin ribao. 19.10.2017

Си Цзиньпин. Таньчжи голичжэн (Поговорим об управлении государством и политическом управлении). Пекин: Вайвэнь, 2014

Цзян Цзэминь лунъюй Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи (Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой). Пекин: Чжунъян вэньсюань чубаньшэ, 2002

Чжао Цзыян. Яньчжо ю Чжунго тэсэды шэхуэйчжуи даолу цянцзинь/ Цзай Чжунго гунчаньданды шисань цы цюаньго дахуэй шанды баогао (Вперед по пути социализма с китайской спецификой / Доклад на XIII съезде КПК // Жэньминь жибао. 04.11.1987

Библиография

Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы (XIX съезд КПК: сборник материалов). Пекин, 2017

Чжунгун Чжунъян гуаньюй ваньшань шэхуэйчжун шицан цзинци тичжи жогань вэньгиды цзюэдин (Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики). 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 года). Пекин, 2003

Чжунгун Чжунъян гуаньюй цзинци тичжи гайгэды цзюэдин (Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы). Пекин, 1984

Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай данды лицы цюаньго дайбяо дахуэй, чжунъян цюаньхуэй чжунъяо вэньцзянь сюаньбянь (Сборник важнейших материалов всекитайских съездов и пленумов ЦК КПК после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва). Пекин, 1997

Шиэр да илай чжунъяо вэньцзянь сюаньбянь (Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК). Пекин, 1986

Шисань да илай чжунъяо вэньцзянь сюаньбянь. Шан цэ (Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК, т. 1). Пекин, 1993

Шисань да илай чжунъяо вэньцзянь сюаньбянь. Ся цэ (Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК, т. 2). Пекин, 1996

На английском языке

The 13-th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016 – 2020). Beijing, 2016

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

На русском языке

Российский статистический ежегодник, 2017

Статистический сборник. М.: Росстат, 2017

На китайском языке

Чжунго кэпу тунци – 2008, Чжунхуа жэньминь гунхэго кэсюэ цзишубу чжэнцэ фагуй юй тичжи гайгэсы (Статистика китайской на-

уки – 2008. Министерство науки и техники и департамент реформы КНР). Пекин: Изд-во Министерства науки и техники, 2008

2004 Чжунго дуйвай цзинцзи тунцзи няньцзянь (Китайский внешне-экономический статистический ежегодник – 2004). Пекин, 2005

Чжунго нэнюань байпишу (Белая книга по энергоносителям). Пекин, 1997

Чжунго нэнюань тунцзи няньцзянь – 2004 (Китайский энергетический статистический ежегодник – 2004). Пекин, 2005

Чжунго тунцзи няньцзянь – 1981 (Китайский статистический ежегодник – 1981). Пекин: ГСУ КНР, 1982

Чжунго тунцзи няньцзянь – 1987 (Китайский статистический ежегодник – 1987). Пекин: ГСУ КНР, 1987

Чжунго тунцзи няньцзянь – 1997 (Китайский статистический ежегодник – 1997). Пекин: ГСУ КНР, 1997

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2001 (Китайский статистический ежегодник – 2001). Пекин: ГСУ КНР, 2001

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2006 (Китайский статистический ежегодник – 2006). Пекин: ГСУ КНР, 2006

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2007 (Китайский статистический ежегодник – 2007). Пекин: ГСУ КНР, 2007

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2008 (Китайский статистический ежегодник – 2008). Пекин: ГСУ КНР, 2008

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2010 (Китайский статистический ежегодник – 2010). Пекин, 2010

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2011 (Китайский статистический ежегодник – 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011

Чжунго тунцзи няньцзянь – 2016 (Китайский статистический ежегодник – 2016). Пекин: ГСУ КНР, 2016

Чжунго тунцзи чжайяо – 1986 (Китайский статистический справочник – 1986), Пекин, ГСУ 1987

Чжунго тунцзи чжайяо – 2001 (Китайский статистический справочник – 2001). Пекин: ГСУ КНР, 2001

Чжунго тунцзи чжайяо – 2002 (Китайский статистический справочник – 2002). Пекин: ГСУ КНР, 2002

Чжунго тунцзи чжайяо – 2003 (Китайский статистический справочник – 2003). Пекин: ГСУ КНР, 2003

Библиография

Чжунго тунцзи чжайяо – 2004 (Китайский статистический справочник – 2004). Пекин: ГСУ КНР, 2004

Чжунго тунцзи чжайяо – 2005 (Китайский статистический справочник – 2005). Пекин: ГСУ КНР, 2001

Чжунго тунцзи чжайяо – 2006 (Китайский статистический справочник – 2006). Пекин: ГСУ КНР, 2006

Чжунго тунцзи чжайяо – 2009 (Китайский статистический справочник – 2009). Пекин: ГСУ КНР, 2009

Чжунго тунцзи чжайяо – 2010 (Китайский статистический справочник – 2010). Пекин: ГСУ КНР, 2010

Чжунго тунцзи чжайяо – 2011 (Китайский статистический справочник – 2011). Пекин: ГСУ КНР, 2011

Чжунго тунцзи чжайяо – 2012 (Китайский статистический справочник – 2012). Пекин: ГСУ КНР, 2012

Чжунго тунцзи чжайяо – 2013 (Китайский статистический справочник – 2013). Пекин: ГСУ КНР, 2013

Чжунго тунцзи чжайяо – 2014 (Китайский статистический справочник – 2014). Пекин: ГСУ КНР, 2014

Чжунго тунцзи чжайяо – 2015 (Китайский статистический справочник – 2015). Пекин: ГСУ КНР, 2015

Чжунго тунцзи чжайяо – 2016 (Китайский статистический справочник – 2016). Пекин: ГСУ КНР, 2016

Чжунго тунцзи чжайяо – 2017 (Китайский статистический справочник – 2017). Пекин: ГСУ КНР, 2017

Чжунго тунцзи чжайяо – 2018 (Китайский статистический справочник – 2018). Пекин: ГСУ КНР, 2018

Чжунго «Хоцзюй» тунцзи няньцзянь – 2011 (Статистический ежегодник Китая по плану «Факел – 2011»). Пекин: ГСУ КНР, 2011

2015 Чжунго гаоцзишу чанье тунцзи няньцзянь (2015 Китайский статистический ежегодник высокотехнологичных отраслей). Пекин: ГСУ КНР, 2015

На английском языке

World Development Indicators. World Bank Group, Washington, DC, USA, 2017

Statistical Yearbook of China, 1985. Beijing – Hong Kong, 1985

China Statistical Yearbook – 1988, Beijing – Hong Kong, 1988

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Александрова М.В. Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М.: ИДВ РАН., 2003

Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ / ИДВ РАН. М.: Огни, 2005

Андреева Н.В. Проблемы и перспективы создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН: дис. ... канд. эконом. наук. М., ИДВ РАН, 2005

Анисимов А.Н. К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // Российский экономический журнал. 1994. № 7

Анисимов А.Н. Эконометрический анализ развития КНР. М.: Наука, 1991

Афонасьева А.В. Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979 – 2010 гг.). М.: ИДВ, 2013

Афонасьева А.В., Каменнов П.Б., Островский А.В., Савинский С.П. Наука и инновации как фактор социально-экономического развития Китая. Раздел «Глобальные тенденции инновационного развития» / под общей редакцией Н.И. Ивановой, В.В. Иванова // Научная и инновационная политика: Россия и мир 2011 – 2012. М., Наука, 2013

Бадалян Л., Криворотов В. Особый путь Китая: новая парадигма производства – объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий // Проблемы Дальнего Востока. М., 2011. № 4

Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении. М.: Наука; Изд. фирма «Вост. лит.», 1992

Баженова Е. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 5

Баженова Е.С. 1300000000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «Форум», 2010

Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М., Мысль, 1991

Баженова Е.С., Островский А.В. От Цинхя до Циндао: (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 2

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути (Краткая энциклопедия Синьцзяна). М.: МБА, 2016.

Баженова Е. Островский А. Трудовые ресурсы Китая // Отечественные записки. М., 2008. № 3

Бакланов П.Я. Факторы и направления развития российско-китайского сотрудничества // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2007. № 3

Балакин В.И. Инвестиционная стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР. М.: ИДВ РАН, 2002

Балюк М.А., Балюк И.А. Экономическая реформа в КНР: государство и рынок. М., 1996

Бандман М., Малов В. Транспортный комплекс азиатской России в решении геополитических проблем страны / Сб. соч. 2-й Международной конференции по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Новосибирск, 2002

Белова А.С. Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования // Проблемы Дальнего Востока. М., 2010. № 6

Бергер Я. Использование иностранных инвестиций в Китае // Инвестиции в России. М., 2004. № 3

Бергер Я. О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // Проблемы Дальнего Востока. М., 2002. № 6

Бергер Я.М. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1

Бергер Я.М. Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // Свободная мысль. М., 2011. № 9

Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая, М., Форум, 2009

Бергер Я., Михеев В. Фондовый рынок КНР // Мировая экономика и международные отношения. М., 2008. № 6

Бони Л.Д. Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни // Проблемы Дальнего Востока. 1998, №1

Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978 – 1995 гг.). В 2-х частях. М.: ИБ ИДВ РАН, №№5,6, 1997

Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978 – 2002 гг.) / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2005

Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль. М.: Вост. лит-ра, 1998

Борох О. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 3

Бушуев В.В., Громов А.И. Глобальная энергетическая безопасность: евразийский аспект // Шестая Международная конференция АЕС – 2008 «Энергетическая кооперация в Азии: прогнозы и реальность», Иркутск, Россия, 2008

Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2013

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: ИДВ РАН, 2008

Волкова Л.А., Коркунов И.Н. Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода рынку // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 2

Галенович Ю.М. Китайское чудо или китайский тупик? М.: Муравей, 2002

Ганишин Г.А. Экономика современного Китая: возможности и реальность. М.: ИБ ИДВ РАН №9, 1992

Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М.: ИБ ИДВ РАН №3, 1997

Ганишин Г.А., Ушаков И.В. Китай. Экономико-географический очерк. М., 2004

Гельбрас В. Китай : «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. М., 2003. № 3

Гельбрас В. «Общий рынок» по-китайски: с помощью экспорта КНР стремится догнать и перегнать США // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4

Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики: важнейшие этапы развития, 1949 – 2007: курс лекций / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Гуманитарий, 2007

Глобализация экономики Китая / РАН. Ин-т Дал. Востока / под ред. В.В. Михеева. М.: Памятники ист. мысли, 2003

Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М.: Институт востоковедения, 2013

Гончарук А.В. Атомная энергетика КНР после Фукусимы // Азия и Африка сегодня. 2011. № 11 – 12

Библиография

Данилов В.Е. Государственные промышленные предприятия КНР в условиях экономической реформы (1978 – 1990 гг.). М.: ИБ ИДВ РАН, 1991. № 7

Деваева Е.И. Внешняя торговля Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. М., 2005. № 4

Деваева Е.И. Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. М., 2006. № 4

Деваева Е.И., Котова Т.Е. Товарные рынки Северо-Восточной Азии: ориентиры для экспорта Дальнего Востока России // Пространственная экономика. Хабаровск, 2010. № 4

Деягин, Михаил, Шеянов, Вячеслав. Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего «Алеет Восток». Главное событие XXI века. Возможности и риски для России. М.: Книжный мир, 2015

Духовная культура Китая: энциклопедия / гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: Восточная литература, 2006

Жигулева В.В. От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978 – 2005 гг.) / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2006

Жигулева В.В. Финансовая политика Китая после вступления в ВТО // Азия и Африка сегодня. М., 2013. № 6

Зотин А. Дорожающий Китай // Вестник Китая, 2010, №2(6)

Иванчиков А.Г. Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М.: Наука, 1991

Изотов Д.А. Валютный курс и внешняя торговля КНР // Пространственная экономика. Хабаровск, 2009. № 3

Изотов Д.А. Внешняя торговля Китая: реакция на изменение валютного курса // Пространственная экономика. Хабаровск, 2011. № 4

Илларионов А. Секрет китайского экономического чуда // Вопросы экономики. 1998. № 4

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том IX. Реформы и модернизация (1976 – 2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016

Итоги 12-й пятилетки (2011 – 2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / отв. ред. А.В. Островский. М., ИДВ РАН, 2017

Каменнов П.Б., Островский А.В. КНР. Раздел «Анализ глобальных тенденций инновационной политики» / под общей редакцией

Н.И. Ивановой, В.В. Иванова // Инновационная политика: Россия и мир 2002 – 2010. М.: Наука, 2011

Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра РАН», 1996

Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984 – 1989): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, ИСАА. 1997

Китай в начале XXI века / РАН. Ин-т Дал. Востока РАН; пер. с ветн. яз. А.С. Воронина и др.; ред. совет: *М. Л. Титаренко (отв. ред.), До Тиен Шам и др.* М.: Форум, 2011

Китай и Россия: Развитие экономических реформ / РАН. Ин-т экономики. Центр полит.-экон. исслед.; под ред. *Л.В. Никифорова и др.* М.: Наука, 2003

Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. *Л.В. Новоселова.* М., 2008.

Китай на новом этапе экономической реформы: сб. статей / отв. ред. *А.В. Островский.* М.: ЛЕНАНД, 2015

Китай на пути модернизации и реформ, 1949 – 1999 / отв. ред. *М.Л. Титаренко.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999

Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика *М.Л.Титаренко.* М.: ИД «Форум», 2009

Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку: сб. статей. М.: ИМЭПИ РАН, 1996

Китай, Польша, Россия. Стратегические приоритеты развития: общие и особенные / *Л.В. Никифоров и др.*; отв. ред. : Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова; Российская акад. наук, Ин-т экономики. М.: ИЭ РАН, 2012.

Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. *В.В. Михеева.* М.: Моск. Центр Карнеги, 2005

Китай: фундамент успехов XXI века / ред. *М.Л. Титаренко.* М.: ИДВ РАН, 2002

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2001 г. / гл. ред. *М.Л. Титаренко.* М.: ИДВ РАН, 2002

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2004 – 2005 гг. / гл. ред. *М.Л. Титаренко.* М.: ИДВ РАН, 2005

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2006 г. / гл. ред. *М.Л. Титаренко.* М.: ИДВ РАН, 2007

Библиография

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР / гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: ИДВ РАН, ИД «Форум», 2009

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010 – 2011 / гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: ИДВ РАН, ИД «Форум», 2011

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР / гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: ИДВ РАН, ИД «Форум», 2014

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014 – 2015 / гл. ред. *С.Г. Лузянин*. М.: ИДВ РАН, ИД «Форум», 2016

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017 – 2018 / гл. ред. *С.Г. Лузянин*. М.: ИДВ РАН, ИД «Форум», 2018

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012 – 2013

Китайские реформы и Россия (в 2-х томах): сборник статей / отв. ред. *А.М. Круглов* М., ИДВ РАН

Коваленко В.Н. Формирование «Большого Китая»: Экономическое взаимодействие Гонконга и КНР / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. *С.Ф. Су-тырина*. СПб., 2012

Коледенкова Н.Н. Машиностроение КНР: современное состояние и перспективы развития // Информационные материалы. Серия: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. ИДВ РАН. Выпуск 10. М., 1999

Коледенкова Н. Машиностроительный комплекс КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 2011. № 5

Коледенкова Н.Н. Современное состояние черной металлургии КНР и основные направления технического прогресса // Информационный бюллетень М.: ИДВ РАН, 1999. № 10.

Коледенкова Н. Черная металлургия КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 1

Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2006

Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития. М., 2017

Кондрашова Л.И. Стоит ли укрепляться юаню? // Азия и Африка сегодня. М., 2010. № 8

Кондрашова Л.И. Точку ставить рано: начался «третий акт» китайской реформы // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 10

Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998

Кондрашова Л., Островский А. Урбанизация в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*, 2000. № 3

КНР: итоги и перспективы экономического развития (2001 – 2002 гг.) // *Экспресс-информация*. № 8. М., ИДВ РАН, 2002

КНР 55 лет: политика, экономика, культура / гл. ред. *М. Л. Титаренко*; сост. *В.В. Жигулева*. М.: ИДВ РАН, 2004

КНР: экономика регионов / отв. ред. *А.В. Островский*. М.: ИДВ РАН; МБА, 2015

Котляров Н.Н. Китайско-американские противоречия в области двусторонней торговли // *Внешнеэкономический бюллетень*, М., 2003. № 6

Котляров Н. Присоединение Китая к ВТО: (анализ китайско-американских договоренностей) // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2003. № 6

Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США. М.: Центр-полиграф: МГИМО Ун-т, 2003

Котляров Н.Н., Островский А.В. Иностранные инвестиции в КНР: место и роль в экономической реформе // *Проблемы Дальнего Востока*, 2018. № 1

Кранина Е.И. Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*, 1999. № 6.

Кранина Е.И. Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни. М.: ИДВ РАН, 2008

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: 2006

Кулешов В.В. Развитие Сибири и грани сотрудничества с Китаем // *Экономическая наука современной России*. М., 2002

Лапердина В.В. Экономический рост КНР: изменение модели развития (1993 – 2009 гг.) / РАН. Ин-т экономики. М., 2011

Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры. М.: ВИНТИ РАН, 2003

Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа [Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Чжунго цзин-

цзи гайгэ юй фачжань, Пекин, 1999], Институт Дальнего Востока РАН, Китайский центр экономических исследований при Пекинском университете, Гонконгский центр экономических исследований. Москва, 2001

Лычагин А.И. Китай: реформы в интересах народа: новейш. история реструктуризации государственных предприятий КНР / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Ин-т стратег. исслед. Нижегород. ун-та. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. государственного университета, 2004

Любомудров А.В. Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 2 – 3

Люди и идеи. К 50-летию ИДВ РАН / отв. ред. *А.В. Островский*. М., 2006

Мазырин В. КАФТА – новый формат экономического взаимодействия в Восточной Азии: [China – Asean free trade area] // Мировая экономика и международные отношения. М., 2010. № 11

Мамаев А.В. Развитие наукоемких и высокотехнологичных производств в Китае (на примере нанотехнологий): автореф. дис. ... канд. экон. наук / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2006

Манежев С.А. Иностранный капитал в экономике КНР. М.: ИДВ, 1990

Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. Хабаровск, 2009. № 3

Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. академика *А.А. Дынкина*. М.: Магистр, 2007

Мишин И.А. Микроэлектронная промышленность КНР в системе международного разделения труда // Россия и глобальная экономика. М., 2006. № 6

Мозиас П.М. Китайский фактор во внешнеэкономической политике России // Финансы, деньги, инвестиции. М., 2009. № 2

Мозиас П. Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному // Мировая экономика и международные отношения. М., 2011. № 11

Молодцова Л.И. Китай углубляет реформу. М.: Финиздат, 1995

Муромцева З.А. Индустриальное развитие КНР в условиях экономической реформы (1978 – 1990 гг.). М.: ИБ ИДВ РАН, 1992. № 11

Муромцева З.А. Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2009

Муромцева З. Промышленная политика КНР в 2006 – 2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа // Проблемы Дальнего Востока. М., 2011. № 4

Муромцева З.А. Углубление реформы в государственном секторе промышленности // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3

Наумов И.Н. Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993

Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996 – 2020 гг. и проблемы ее реализации / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2001

Научные доклады ИДВ РАН – 2011 / гл. ред. *М.Л. Титаренко*; ред. колл.: *С.Г. Лузянин* РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2012

Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1995

Новоселова Л. О реализации инвестиционной составляющей стратегии экономического роста в КНР // Российский экономический журнал. М., 2006. № 4

Новоселова Л. Российско-китайское экономическое взаимодействие: проблемы оживления инвестиционной составляющей // Российский экономический журнал. М., 2008. № 1/2

Новый Шелковый путь и его значение для России. Отв. редактор *Д.Е.Петровский*. М.: ДеЛи плюс, 2016

Основные отрасли и сферы экономики современного Китая: в 2 кн. / под редакцией *А.В. Островского*. М.: Ин-т Дал. Востока РАН, 2012 6

Островский А.В. Возможности Китая в решении энергетической проблемы // Энергетическая политика. М., 2010. Вып 4/5.

Островский А. Выход из кризиса: специфика Китая // Проблемы теории и практики управления. М., 2009. № 6

Островский А.В. Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге // Проблемы Дальнего Востока. М., 2019. № 2

Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2007

Островский А.В. КНР: проблемы занятости, трудоустройства, подготовки кадров. М.: Цезан, 1993

Островский А.В. Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949 – 2009 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 6

Островский А.В. Перспективы и возможности России в энергетическом сотрудничестве в Северо-Восточной Азии // Перспективы энергетики. 2003. Т. 6, № 10

Островский А.В. Подготовиться к мировому кризису – китайский рецепт // ЭКО. Новосибирск, 2009. № 5

Островский А.В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 8

Островский А.В. Экономические реформы в КНР: уроки для России. Экспресс-информация ИДВ РАН. №2. 2000

Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: ИДВ РАН, 2003

Ощепков И. Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 5

Палкин С.Е. Энергетический треугольник: Китай, Россия, Казахстан // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 1

Петухов И. О развитии промышленности микроэлектроники и создании суперкомпьютеров в КНР // Проблемы Дальнего Востока, 2009. № 2

Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.:Химия и бизнес, 1999.

Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой / РАН. Ин-т Дал. Востока. М.: ИД «Форум», 2011

Пивоварова Э.П. Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути. М.: Наука. 1992

Пивоварова Э.П. Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал, 1997. № 5/6

Пивоварова Э.П. Что такое «социализм с китайской спецификой»? // Азия и Африка сегодня. М., 2011. № 8

Пиковер А. Интернет и развитие электронной торговли в КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 1

Понкратова Л. Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. М., 2010. № 6

Попова Л.В. Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5, Экономика. СПб., 2006. Вып. 2.

Портяков В.Я. «Он уважать себя заставил...»: Китай и Россия в экономическом измерении // Pro et Contra. Moscow. Vol. 3. № 1

Портяков В.Я. Путь китайских реформ // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4

Портяков В.Я. Поиск путей социально-экономического развития в Китайской Народной Республике (конец 70-х — первая половина 90-х годов), ИМЭПИ РАН: автореф. дис. ... док. экон. наук: М., 1999

Портяков В.Я. Рынок акций в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3

Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 1998

Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.) / РАН. Ин-т Дал. Востока. М., 2002

Портяков В.Я., Шабалин В.И. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 1

Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая (1980–1990 гг.). М., 1995

Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика реформенного Китая (конец 70-х — 90-е гг.): автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., ИДВ РАН, 2000

Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель Восточной Азии. М., 2004

Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: ИДВ РАН; Буква, 1998

Потапов М.А. Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3

Потапов М. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3

Потапов М. Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы // Проблемы Дальнего Востока, 2000, №3

Потапов М., Салицкий А. Китай и ВТО: что делать России? // Проблемы Дальнего Востока, 2002, №5

Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая (в 2-х книгах) / отв. ред. *Островский А.В.* (РФ), *Чжу Юй* (КНР). М., ИДВ РАН, 2019

Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М., ИДВ РАН, 2017

Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР, ИМЭПИ РАН. М.: ЭПИКОН, 2000

Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия: Проблемы экономического сотрудничества. (рук. проекта – *А.В. Островский, М.Л. Титаренко*). М.: ИДВ РАН; Эдиториал УРСС. 1998

Россия и Китай. Сотрудничество в условиях глобализации / Научный руководитель проекта и авторского коллектива *М.Л.Титаренко* / отв. ред. *В.И.Шабалин*. М., ИДВ РАН, 2005

Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества: [монография] / отв. ред.: *М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, Э.Т. Голенкова*. М.: Новый хронограф, 2012

Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / Амурский гос. ун-т ; под общ. ред. *Л.А. Понкратовой, А. А. Забияко*. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011

Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации / науч.рук. *М.Л. Титаренко*; отв. ред. *В.И. Шабалин*. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005

Рыжова Н. Влияние приграничной торговли на экономическое развитие Китая и России // Вопросы экономики. М., 2009. № 6

Рыжова Н. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 4

Рынок энергетических ресурсов Китая : интересы и возможности России / РАН. Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.: *А.В. Островский*; сост. *В.В. Жигулева*. М., 2011

Савинский С.П. Реформа бюджетной системы КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: ИДВ РАН, 1996

Сазонов С.Л. Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис // Проблемы Дальнего Востока. М., 2010. № 2

Сазонов С.Л. Россия – Китай: сотрудничество в области транспорта / ФГБУН ИДВ РАН. М.: Кругъ, 2012

Сазонов С.Л. Транспорт Китайской Народной Республики / ФГБУН Ин-т Дал. Востока РАН. М.: ИДВ; Кругъ, 2012

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018

Сазонов С., У Цзы. Скоростные поезда Китая: успехи, проблемы, уроки. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2012. № 1

Салицкий А.И. Взаимодействие КНР с мировым хозяйством / Моск. обществ. науч. фонд и др. М., 2001. 272 с.

Севальнев В.В. Особенности развития инновационного сектора КНР в последние годы // Информ. материалы. Сер. В, Сер.: О-во и государство в Китае в ходе реформ / РАН. Ин-т Дал. Востока; Центр научной информации и банка данных. М., 2012. Вып. 27

Сибирякова О.С. Экономическое развитие провинции Сычуань. М.: Экономика, 2013

40 лет экономических реформ в КНР / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020

Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978 – 2002 гг.) / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. *Э.П. Пивоварова*. М., 2004

Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред.: *А.В. Островский, До Тиен Шам*. М.: Форум, 2012

Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения / Российская Академия наук, Институт Дальнего Востока РАН – Университет Цинхуа; гл. ред. *М.Л. Титаренко, В.Я. Портяков*. Пекин–Москва: ИД «Форум», 2014

Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996 – 2050) / РАН. Ин-т Дальнего Востока; отв. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: Памятники ист. мысли, 2002

Островский Л.Е., Цзян Цзин. Китай после вступления в ВТО. Адаптация мировой экономики к условиям мирового хозяйства. М., ЮНИТИ, 2007

Терентьева Т. Вывоз капитала как фактор реализации внешнеэкономической стратегии КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 2011. № 5

Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М.: ИДВ РАН, 2000

Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество: Восточно-Азиатский вектор / РАН, Ин-т Дал. Востока. М.: ПИМ, 2003

Титаренко М.Л. Цивилизация и реформы. ИДВ РАН. М.: Республика. 1999

Титаренко М.Л. Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 3

Титаренко М.Л. Елосы-Чжунго: Цзинци хэцзоды синь цзюй цзици жунжу Дунбэйя хэ Чжунья итихуады гочэн (Россия-Китай: новые шансы экономического сотрудничества и процесс интеграции капитала в Северо-Восточной и Центральной Азии) // «Гоцзя чжэнцэ юй цюйюй цзинци фачжань» Гоцзи яньгаохуэй. Луньвэньцзи (Сборник материалов международной конференции «Государственная политика и развитие региональной экономики»). Урумчи, 2002

Томберг И.Р. Формирование энергетической политики КНР в начале XXI века: внутренние ресурсы и мирохозяйственные перспективы: автореф. дис. ... докт. экон. наук. Москва, 2017

Томберг И.Р. Энергетика КНР в народнохозяйственном контексте. М.: Институт востоковедения РАН, 2013

Тулоханов А.К., Зоимова Э.М. Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион. Владивосток, 2009. № 2

Уолдрон А. США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6

Ушаков И.В. Экологический лабиринт. М., ИД «Форум». 2008

Хэ Минцзюнь. Присоединение КНР к ВТО как фактор ускорения экономического развития. М.: Экон-информ., 2014

Цытлаков С. Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъем. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2008. № 6

Цытлаков С.; Попов Е. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4

Черная И.П. Дальневосточная модель приграничного сотрудничества: источник роста или тупик развития? // ЭКО. Новосибирск, 2006. № 5.

Чуванкова В. Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3

Чуванкова В.В. Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2

Чуванкова В.В. Развитие частного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6

Шевель И.Б. Реформа банковской системы Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5

Шевель И.Б. Реформа налоговой системы Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2

Шевель И. Реформирование личного подоходного налога в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6

Шишкин М. Автомобилизация в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1

Эдер Л.В. Современное состояние и прогноз развития нефтяного рынка Китая // ЭКО. Новосибирск, 2005. № 2

Экономика Китая вступает в XXI век / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. и авт. предисл. *М.Л. Титаренко*; рук. авт. кол. *И.Н. Наумов*. М., 2004

Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / отв. ред. *А.В. Островский*. М.: ИДВ РАН, 2019

Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса: сб статей / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. *А.В. Островский*; сост. *В.В. Жигулева*. М.: ИДВ РАН, 2010

Экономика КНР на переломе веков. / Информационные материалы. Серия А. Проблемы экономического развития в Северо-Восточной Азии; сост. *В.В. Жигулева*. Вып. 17. М.: ИДВ РАН, 2001

Экономика КНР на пути в XXI век / отв. ред. *И.Н. Наумов*. М.: ИБ ИДВ РАН. 1999. № 10.

Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков / РАН. Ин-т Дал. Востока; отв. ред. *А.В. Островский*.; сост. *П.Б. Каменнов*. М., 2008

Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией : [сб. статей] / РАН. Ин-т Дал. Востока; сост. *П.Б. Каменнов*. М.: ИДВ РАН , 2010

Экономический пояс Шелкового пути, М.: Русский Биографический Институт; Институт Экономических стратегий, 2015

Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии / *А.Г. Адмидин и др.*; РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т экон. исслед. Сев.-Вост. Азии. Владивосток: Дальнаука, 2001

Юй Юцзюнь. Социализм в Китае (1919 – 1965) [Юй Юцзюнь. Шэжун-йичжун цзай Чжунго (1919 – 1965), Guangdong Education Publishing Co., Ltd.] М., Наука – Восточная литература, 2019

Яшэн Хуан. Капитализм по-китайски: Государство и бизнес [Yasheng Huang. Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State, Cambridge University Press] / Пер. с англ. яз. М.: Сколково, 2010.

На китайском языке

Ван Мэнкуй. Гуаньюй «шииу» гуйхуа хэ 2020 нянь юаньцзин му-бяоды жогань вэньги Чжунго чжунчанци фачжаньды чжунъяо вэньги 2006 – 2020 (Некоторые вопросы относительно 11-го пятилетнего плана и долгосрочных целей на 2020 год // Основные вопросы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006 – 2020) / гл. ред. *Ван Мэнкуй.* Пекин: Чжунго фачжань, 2005

Вэйцзи тяочжань гайгэ – 2009 Чжунго гайгэ пингу баогао (The International Financial Crisis Challenges Reforms in China – 2009' China Reform Evaluation Report) / Editor-in-Chief *Chi Fulin.* Изд-во «Чжунго цзинци», 2009

Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальных слов современного Китая) / под ред. *Лу Сюэи.* Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2002

Жу Ши хоу Чжунвай цзинмао гуаньси синь бяньхуа (Новые изменения в торгово-экономических связях Китая с зарубежными странами после вступления в ВТО) / гл. ред. *Цуй Жимин.* Пекин, 2002

«Идай илу» да шуцзюй баогао 2018. Гоцзя синьси чжунсинь «Идай илу» да шуцзюй чжунсинь (Доклад больших цифр «Одного пояса – Одного Пути». Центр больших цифр Государственного информационного центра «Один пояс – один путь») / гл. ред. *Чэн Сяобо.* Изд-во «Шаньгу иньшу», 2018

«Идай илу». Хуанпишу – 2014/ сост. *Ян Яньхун.* Изд-во «Нинся жэньминь», 2015

«Идай илу» чжаньлюэ яньцзю / редколлегия *Лю Вэйдун, Тянь Цзиньчэнь, Оу Сяоли.* Пекин: Шаньгу иньшу, 2017

Кэцзи цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа (Научно-технический прогресс и модернизация Китая). Пекин, 1998

Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Чжунго цзинци гайгэ юй фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие). Шанхай: Саньлянь шудянь, 1999

Ло Сыи (Джон Росс). Бе уду Чжунго цзинци. Шиши хэ шуцзюй гэи ни дань! (Безошибочная китайская экономика. Факты и цифры дают ответ). Изд-во «Гяньцзинь жэньминь», 2018

Лю Шицин, Ло Ван, Жэнь Чжицзюнь и др. Сибу дакайфа цзыцзинь чжаньлюэ яньцзю баогао (Исследовательский доклад об инвестиционной стратегии в развитии западных районов). Пекин: Цзинци кэсюэ чубаньшэ, 2005

Мо Тун. Цзяжу Шимао ивэй шэмо? Инсян Чжунго цзинци юй байсин шэнходы 22-гэ фанмянь. (Что означает для Китая вступление в ВТО? 22 аспекта влияния на экономику Китая и жизнь народа). Пекин, 2001

Сунь Цзюэнь. Чжунго фачжаньчжунды дицюй вэньги: цзунти чжаньлюэ юй цюйюй гуйхуа (Вопросы развития регионов Китая: генеральная стратегия и региональные программы) / Чжунго цюйюй цинци фачжань баогао (2007–2008) (Доклад о развитии региональной экономики в Китае (2007–2008)). Пекин: Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008

«Сычоучжилу» цзинцидай фачжань баогао (2017) (Annual Report on Development of the Silk Road Economic Belt (2017) / ред. *Жэнь Цзунчжэ, Цзы Куаньли, Гу Мэнбинь*. Пекин: Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2017

«Сычоучжилу» цинцидай юй цзедуань сибу да кайфа («Экономический пояс Шелкового пути» и новый этап развития западных районов Китая) / гл. ред. *Жэнь Баопин, Ма Лили, Ши Бо*. Изд-во «Цзинци чубаньшэ», 2015

Сяо Цзиньчэн. «Шилюда» илай цюйюй сетяо фачжаньды цинкуан юй вэйлайды чжэнцэ цзяньи (Ситуация координированного развития регионов после XVI съезда КПК и предложения о будущей политике) / Чжунго цюйюй цинци фачжань баогао (2007–2008) (Доклад о развитии региональной экономики в Китае (2007–2008)). Пекин: Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008

1996–2050 гг.: Чжунго шэхуэй фачжань чжаньлюэ – цзоу сян сяньдайхуады гоучэн (1996–2050): стратегия социально-экономического развития – концепция пути к модернизации) / под ред. *Ли Чэнсюня*. Пекин, 1997

Ху Аньган. Чаоци Чжунго (Super China). Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь, 2015

Ху Аньган. 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй (2020 Китай всесторонне строит общество «малого благоденствия»), Пекин: Изд-во ун-та Цинхуа, 2012

Хэ Данынун. Цайляо юй гунчэн линъюй инюн нами цзишу яньцзю баогао (2010 – 2020 гг.) (Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материаловедении и инженерной сфере (2010 – 2020 гг.)). Пекин, 2009

Цай Фан. Дудун Чжунго цзинци. Даго гуайдянь юй чжуаньсин лужин (Читать и понимать экономику Китая. Поворот большой страны и пути перехода. СИТIC, 2017

Цайляо юй гунчэн линъюй инюн нами цзишу яньцзю баогао (2010 – 2020) (Научно-исследовательский доклад об использовании нанотехнологий в материалах и инженерной сфере (2010 – 2020)). Подготовлено по проекту №E0724503 Государственного фонда естественных наук. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009

Цзинци цюаньцюхуа юй ЧжунЭ цзинци (Экономическая глобализация и экономики России и Китая), ЧжэнЭ шэхуэй кэсюэ луньгань (Китайско-российский форум по проблемам общественных наук), АОН Китая – Российская Академия Наук. Пекин, 2006

Цзюй Цзяньхуа (о запасах природных ресурсов в КНР): http://russian.china.org.cn/business/txt/2009-01/12/content_17095343.htm

Цюаньцю нэнюань да цизюй (Положение в мировой энергетике). Авторы концепции Лу Чжунвэй, Тао Цзянь / гл. ред. *Чэнь Фэнбин, Чжао Хунту.* Шиши, 2005

Чжунго гоци нэнюань фачжань чжаньлюэ яньцзю (China's Perspective on International Energy Development Strategy). Шицзе чжиши, 2009

Чжу Тянь. Чжунго цзэнчанчжи ми (The Chinese Growth Puzzle. A Global Comparative Perspective. Beijing: CITIC Publishing Group, 2016

Чжунго нэнюань кэчисюй фачжань чжаньлюэ. Чжуаньти яньцзю (Стратегия устойчивого развития китайских энергоресурсов. Специальные исследования). (Strategic Research Report on China's Sustainable Energy Development) / отв. ред. *Пэн Шэнху, Цянь Юйфэнь, Бу Синь.* Пекин: Кэсюэ», 2006. www.sciencep.com

Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2006) / ред. *Цуй Миньсюань.* Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007

Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2007) / ред. *Ван Цзячэн, Чжао Чжилинь.* Пекин: Шуйли шуйдянь, 2007

Чжунго нэнюань фачжань баогао (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2008) / ред. *Цуй Миньсюань*, Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009

Чжунго цзинци фачжаньды личэн юй цяньцзин (Road to Development: the Journey to the Chinese Economy) / ред. *Цзинь Бэй, Ли Ган*. Цзинци гуаньли, 2010

Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ (2012) (Economy of China Analysis and Forecast – 2012) / ред. *Ли Шучэн, Ли Ян*. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2012

Чжунго цзинци тэгуй шилое (Обзор истории открытых зон Китая), Бэйцзин: Цинци чубаньшэ (Издательство экономической литературы), 2015

Чжунго цюйюй цинци фачжань баогао (2007–2008) (Annual Report on China's Regional Economy (2007–2008) / гл. ред. *Ци Бэньчао, Цзин Тихуа*. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2008

Чжунго чжи 2050-нянь куанчань цзыюань кэци фачжань лусяньту. Чжунго кэсюэюань куанчань цзыюань линюй чжаньлюэ яньцзюцзю (Дорожная карта научно-технического развития добываемых полезных ископаемых до 2050 года в Китае. Исследовательская группа территориальной стратегии добываемых полезных ископаемых Академии наук Китая) / ред. *Лу Юнсян и др.* Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009, www.sciencep.com

Чжунго чуаньсинь чжэнцэ яньцзю баогао (Доклад об инновационной политике в Китае) / отв. ред. *Ма Яо*. Пекин, 2011

Чжунго шэньюй цинци цзунхэ цзинчжэнли фачжань баогао (2015–2016). Гунци цэ цзегоусин гайгэ юй Чжунго цюйюй цинци синь дуннэн пэйюй (Report on China's Provincial Economic Competitiveness Development (2015–2016). Supply-side Structural Reform and Cultivation of China's Regional Economic New Growth Drivers / ред. *Ли Цзяньпин, Ли Миньжун, Гао Яньцзин*. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2017

Чжунго – Элосы цинци хэцзо фачжань баогао (2018) (Annual Report on Sino-Russian Economic Cooperation and Development) / гл. ред. *Чжу Юй* (КНР), *Островский А.В.* (РФ). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2018

ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений) / гл. ред. *Луань Цзинхэ*, Чжэн-чжоу: Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004

Чунцин шицзяньлунь. Поцзе Чжунго фачжаньчжи куньцзюй («Чунцинский опыт». Разбивать трудности развития) / ред. *И Сяогуан*. Пекин: Цзинцзи чубаньшэ (Издательство экономической литературы), 2012

«Шисаньбу» да чжаньлюэ (Большая стратегия 13-й пятилетки). Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа» / ред. *Ху Аньган, Янь Илун, Чжоу Шаоцзе*. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь, 2015

«Шиу» гуйхуа чжаньлюэ яньцзю (Исследование стратегического программирования 10-й пятилетки. Составлено Комитетом планирования и развития КНР / отв. ред. *Тао Цинцзюнь*. Изд-во «Жэнькоу», б.г., б.м.

Элосы Дунбу юй Чжунго Дунбэйды худун фачжань цзи нэнюань хэцзо яньцзю (The Interactive Development and Energy Cooperation Research between Eastern Russia and Northeast China). Чжунго Цилинь дасюэ хэ Элосы кэсюэюань юаньдунсо — ЧжунЭ цюйюй хэцзо яньцзю чжунсинь (Китайский Цилиньский университет — Институт Дальнего Востока РАН — Центр исследований российско-китайского регионального сотрудничества) / ред. *Чжу Сяньпин* (КНР), *Титаренко М.Л.* (РФ), Чанчунь: Чанчуньское изд-во, 2012

2016 нянь «Идай илу» чанги юй Дунбэйяццой хэцзо (The Belt and Road Initiative and Regional Cooperation in Northeast Asia (2016) / ред. *Лю Чжэнья, Цзинь Мэйхуа*. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2017

2017 Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ (Economy of China Analysis and Forecast (2017) / гл. ред. *Ли Ян*. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2017

2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай — 2030: вперед к всеобщей зажиточности)», Центр изучения положения в стране Университета «Цинхуа» / ред. *Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син*. Пекин: Изд-во Китайского Народного университета, 2011

21 шицзи Чжунго цзинцзи да цюйши (Основные тенденции развития китайской экономики в XXI веке). Шэньян, 1998

21 шицзи Чжунгоды чжаньлюэ сюаньцзэ (Стратегический выбор Китая в XXI веке). Пекин, 2000

Юй Хуаинь, Чжан Хуанмин. Чжунго цзинцзи кайфаццой тоуцзы хуаньцзин цзунхэ пинцзэ (Комплексная оценка инвестиционной ситуации открытых экономических зон в Китае). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, www.sciencep.com, 2010

ЯОу чжунсинь куадиццой фачжань тичжи цзичжи яньцзю, Ли Син, (Э)А.Восыкэлесяньсыцзи (Механизмы трансрегионального развития

Центральной Евразии: исследования и прогнозы) / ред. *Ли Син, А. Воскресенский*. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2016

На английском языке

Banister J. The Migration of Surplus Laborers in China / Migration and Urbanization in China. New World Press. Beijing, 1993

Cai Fang. The Impact of Labor Mobility on Market Development and Economic Growth / 23rd IUSSP General Population Conference. Symposium on Demography of China. China Population Association. Beijing, 1997

Chang G. The Coming Collapse of China. New York: Random House, 2001
Changes of China's Development Models at the Crossroads. China Institute for Reform and Development (CIRD) / Chief Editor *Chi Fulin*. Beijing: «Wuzhou» Publishing House, 2019

Cheng Chu-yuan. China's Economy: Recent Development and Long-Term Prospects // Issues and Studies. 2000. Vol. 36. № 5

Jiangzhong Tang, Laurence J. C. Ma. Evolution of Urban Collective Enterprises in China // The China Quarterly. 1985. № 104

Joint Construction of Green Silk Roads. Social, Economic and Environmental Context / ed. by *Liu Weidong*, Beijing: «Shangwu yinshu» Publishing House, 2019

Kam Win Chan. Determinants of Urbanization in China: Empirical Investigations / Migration and Urbanization in China. New World Press. Beijing, 1993

Kam Win Chan, Yang Yunyan. Internal Migration in Post-Mao China: A Dualistic Approach / 23rd IUSSP General Population Conference. Symposium on Demography of China. China Population Association. Beijing, 1997

Keidel Albert. China's Economy: A Mixed Performance // The China Business Review, 2001. May-June

Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam, 1980

Lardy N. China and the WTO: The Coming Collapse? // Issues and Studies, June 2002

Liang Yanshun. On Low-Cost Economic Growth. The United Kingdom: New Classic Press, 2004

Liu Guoguang. Changes in Ownership Forms: Problems and Possibilities // Beijing Review. 1986. № 19

Библиография

Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), London, 1998

Ma Hong. The Strategy for China's Economy. Beijing, 1983

Ostrovskiy A. Economic Reforms in the PRC and Taiwan: Implications for Russia // Tamkang Journal of International Studies. 1997. № 1

Pivot Cities on the Belt and Road / ed. by *Zhang Haiou, Wang Wen.* The Belt and Road Research Team. Chongyang Institute for Financial Studies of Renmin University. Beijing: New World Press, 2016

Ramo J. The Beijing Consensus. The Foreign Policy Center. London, 2004.

Rawski T. What's Happening to China's GDP Statistics? // China Economic Review. 2001. V. 12, № 4

Remaking the Economic Institution of Socialism. China and the Eastern Europe / ed. by *Victor Nee* and *David Stark.* Stanford, 1989

Science and Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences / Editor-in-Chief *Lu Yongxiang.* Science Press Beijing and Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010

Sklair L. Shenzhen: a Chinese Development Zone // Development and Change. 1985. Vol. 16, № 4

Shi Dan. China's Energy Policy: Past and Present // China Economist. July 2007

Zhang Jianping. Chinese Perceptions of Energy Security and the Strategy for the Future of Northeast Asia // Erina Report. Sept. 2007. Vol. 77

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ, ИНТЕРНЕТ

Гуанмин жибао, 1978 – 2018

Жэньминь жибао, 1978 – 2018

Хуаньцю шибао, 2004 – 2007, 2016 – 2018

Цзинцзи жибао, 1984 – 2018

Цюши, 1998 – 2018

Гудок, 2003

Дыхание Китая, 2014 – 2019

Китай, 2012 – 2019

China Daily, 1984 – 2018

Global Times, 2017 – 2019

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г., <http://www.stats.gov.cn>)

2010-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао (Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2011 года

2018-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html

2019-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2020 года / http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html

China Energy Statistics Data – Oil, Gas, Electricity, Coal // Z:/NewCABs/V6/China/Full.htm

URL: <http://www.sdpc.gov.cn/> 31.01.2011

China widens access to financial markets for foreign investors / URL: http://www.china.org.cn/business/2017-11/10/content_41873435.html

http://www.rusrep.ru/2010/09/karta_budushey_voynu/11.03.2010

<https://yandex.ru/images/search?text=import%20нефти%20в%20%20Китай...>

<https://yandex.ru/images/search?text=import%20природного%20газа%20в%20%20Китай...>

Сайт группы Всемирного банка <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/PROJECTSRUS/0,,contentMDK:2045557~pagePK:41367~piPK:51533~theSitePK:3319376,00.html#mid>

SUMMARY

China is on its Path to Economic Superpower

The development of economic reforms in China and its role in rapid growth of Chinese economy at the end of the XXth century – in the beginning of the XXIst century becomes one of the most topical events of the world economy. Now China which was “an ill person of Asia” in the middle of the XXth century is on its way to the world leadership. The main idea of Chinese economic reforms is a slow transition from the planned to the market economy. After 40 years of Chinese model development the country ranks second in the world by its GDP volume. By foreign trade and export volume it occupies the first place, population living standards grew immensely.

It is possible to divide the PRC social and economic history into two periods: 1949-1958 – command and administrative economy; 1978-2019 – economic reforms. Economic reforms in the PRC became a transition from command and administrative economy system to the market economy with the aim of building socialist society with Chinese characteristics.

The Chinese way is a creative form of economic construction in different countries such as the USSR, Yugoslavia, Cuba, Hungary, Czechoslovakia etc. Chinese scholars came to the conclusion, that China did not follow instructions from the West and found its own way of transition from planned to the market economy, which could be possible under the leadership of the Communist Party of China (the CPC). Now China creates its own development model on the basis of the achievements of economic reforms of building socialism with Chinese characteristics. China refused from a traditional model of planned economy which was used in the USSR and found its own way of development connecting economy with political reforms. The Chinese way is the third way of development (neither plan nor market), which means a new strategy of development.

For 40 years Chinese economic development was rather stable, it shows itself through high growth rates of GDP, industry and agriculture. If to compare the results of social and economic development in China with the results in India and Russia for the same period of time, we can point out a

large gap between China and these two countries. If to compare China and India, in the 80's their level of economic development in 80's was close, but now Chinese economy is five times ahead of India. Thirty years ago Russian economy was much larger than the Chinese one, but now the Russian economic volume is only one eighth of Chinese.

Making its transition to the market economy China has not refused from its combination with socialism. As it was earlier, such terms as “socialism”, “socialist way of development” and “socialism of Chinese type” are used in all documents of the CPC and the government. As a result of cautious gradual measures of reform China managed to avoid economic collapse, fall of the GDP growth rates, high inflation, economic chaos and social unrests as it was in Russia and East European countries.

China has not followed the way of radical transition to a new political system and limited itself to the reform connected with transition from planned to market economy, which was divided into five stages: 1) 1978-1984 – “planned economy as a base, market regulation as a supplement”; 2) 1984-1993 – “planned commodity economy”; 3) 1993-2002 – “socialist market economy”; 4) 2003-2013 – “perfection of socialist market economy”; 5) 2014 – till now – “transition to the decisive role of market in resources distribution”.

Management by the PRC people's economy is determined by the CPC policy, which is not limited by studying development strategy, but takes part in management directly. In China during the period of economic reforms functions, duties and rights between the party and the state legislative and executive bodies were separated. One part of them is responsible for development strategy, the second part is responsible for solving different current economic problems.

The most important thing in economic development is elaboration of multilateral juridical documents: state, party and social decrees, which determine the main directions for the development of the country. The PRC Constitution is the main document, which determines social and economic planning development in the PRC. The Constitution and all corresponding documents which were elaborated on its basis were adopted in 1982. All other amendments were connected with changes in ownership forms on the way to the development of market economy and improvement of the state power system.

In the beginning of the XXIst century China was far behind the leading states of the world by the GDP volume and the GDP volume per capita. But in 2010 China took the second place in the world after the USA by GDP

volume, though by GDP per capita was far behind it. But later China began to narrow the gap with the USA and the EU states by GDP per capita, and in 2017 by this index it narrowed the gap with the average world index and became quite comparable with BRICS states like Brazil, Russia and South Africa.

These results were connected with its refusal from basic principles of “Washington consensus” such as economic liberalization, fast privatization of state owned enterprises, rejection of state management etc. There were a number of economic reform success factors in China as active inclusion in the system of international labor division, usage of some external economic factors as attraction of foreign capital to develop international technology, development of special economic zones on the territory of China, fast development of foreign economic relations with both developed and developing countries. In the XXIst century China will continue to gain in its economic strength and it will help to improve population living standards with the aim to build a society of “a small prosperity” (*xiaokang shehui*) by 2020.

The analysis of statistical data is very important for real assessment of China’s economic situation and prospects in distant future. Population statistical data should play an important role for economic research in China. With the help of population statistics it would be possible to check quality of Chinese statistics on other spheres ranging from GDP index up to social insurance index. The experience of China’s economic forecast using fixed indices for many years with dynamic series of figures for different social and economic indices for previous years shows, that it is possible to check them with the help of population census data. Analyzing the situation in Chinese economy one could rely on numerous statistical data from different yearbooks for the PRC in general, branches of economy, provinces, cities, counties and even separate enterprises. Analysis of statistical data of Chinese economy shows the possibility to trust these data, it is necessary to work with them and on its basis to make definite conclusions about a real situation in the country.

Building up market infrastructure in the country with planned economy was one of the main tasks of the reforms. For solving this problem the PRC leadership paid attention to three basic components of market infrastructure – investment demand, internal market and price system. During numerous discussions on economic reform, Chinese scholars admitted, that commodity is not only means of production, but factor of production. In the brackets of socialist political economy all factors of production namely

information, capital, labor force, were never considered as commodity, so they had no cost. Russia till now is suffering from low wages and salaries, arbitrary bank rates and practically free information. But factors of production are commodity like means of production and consumer goods, and they have their price too in the conditions of transition to market. The reform of price system is very important when forming market mechanism with markets of information, capital, labor force etc. In other words in China they admitted not only the existence of means of production and consumer goods markets but the existence of production markets such as information, capital, labor force and technical markets.

Unlike Russia China implemented reform of financial and monetary system and there was no inflation like in countries with transitional economy but they managed to stabilize yuan and to rise its exchange rate. In Russia the Central Bank put forward its main task as inflation curbing rate and prices stability keeping. The People's Bank of China put forward its main task as keeping stability of national currency – yuan (*renminbi*). As a result, only in the XXI century ruble exchange rate lowered more than three times, and Chinese yuan exchange rate was more or less stable. That is why, the stability of financial and monetary system in China in the period of transitional economy was one of the important factors, which guaranteed the success of economic reform and high economic growth rates.

To develop of all kinds of markets: means of production, consumer goods and factors of production in course of economic reforms they chose control over prices, which became a basis of the reform for financial and monetary systems, but not money emission. As a result, China was able to avoid high inflation rates, which were typical for all countries with a transitional economy.

After taking measures for market infrastructural development there saw a great success in the price reform and investment policy. The development of internal demand and the increase of economic activity became important achievements of Chinese reforms. It helped overcome consequences of Asian financial crisis and increase scales and capacity of internal market. Despite a sharp growth of investment in fixed assets China managed to keep low inflation rates and the population income growth. Owing to the market infrastructure development Chinese economy achieved good results. Market infrastructure helped develop market mechanisms, which formed basic priorities for the development, secured the concord of interests of three sides: state, enterprise and person.

Since 1979 Deng Xiaoping in his speeches many times outlined the aims for achieving “a big Chinese dream”. For the realization of those aims he put forward a few slogans such as “small prosperity family” (*xiaokangzhijia*), “small prosperity society” (*xiaokang shehui*), and it could help China to approach building “general unity” (*datong*). For building “general unity” Deng Xiaoping proposed two stages: 1978-2001 with slogan “let leaders grow rich and since 2002 with slogan “general prosperity”. At the first stage until 2002 one part of the population, who had their income from skilled labor or from business activity, should increase their living standards level more rapidly. At the second stage since 2002 they planned to use other forms of distribution such as different forms of social insurance funds, pensions and benefits, free education and medical care and other forms of distribution of social privileges and subsidies for socially unprotected groups of population.

By 2030 for building “a small prosperity society” Chinese leaders proposed a special program of “modernization with Chinese features”, which consists of four steps: 1) 1978-1990 – transition from poverty to “warm and feed” (*wenbao shuiping*) level; 2) 1990-2000 – transition from level “warm and feed” to “small prosperity” (*xiaokang shuiping*); 3) 2000-2020 – transition from “small prosperity” level to “small prosperity society” (*xiaokang shehui*); 4) transition from “small prosperity” society to “general prosperity society” (*gongtong fuyu*).

We could discuss Chinese reforms for a long time and try to answer the question whether it is a Chinese miracle or Chinese deadlock. Finally we arrived at the conclusion that during 40 years of reform population living standards in China raised immensely. At the end of 2019, the GDP volume was 99.1 trillion yuan (about 14.6 trillion US\$), and the GDP per capita – 84461 yuan (about 10425 US\$), and by this index China has already overtook Russia. By average wages in urban areas (in line with US currency exchange rate) China was ahead of Russia – 7038 yuan per month (approximately 71000 Rbl.) and 45000 Rbl. per month in Russia correspondingly. The PRC population living standards raised noticeably during the 12-th and 13-th Five Year Plan periods (2011-2019).

In the 90's China abandoned a coupon system. A living space per head average index was 32,9 square meters in urban areas and 37,1 square meters in rural areas, more than in Hong Kong. Ultimately, China has all opportunities to build up “a small prosperity” society by the CPC centennial, but there appeared a new factor such as “COVID-19” epidemics in the first quarter of 2020, so this aim could be achieved during the 14-th Five Year Plan period (2021-2025).

The development of science and technology is a still more important factor for the success of economic reforms and building up “a small prosperity” society, for the development of China’s productive forces and state power, securing population living standards and strengthening the PRC influence on the international arena. The China’s development is provided with specialists training and education growth. China pays attention to two factors: a share of education costs and a share of R&D costs in the GDP volume. We consider these measures could help China to solve the main problem to make a transition to intensive forms of production in the nearest decade.

In the XXIst century China began to pay more attention to nanotechnologies and information technologies; by Internet cover China holds a leading position in the world. In sphere of Internet China is moving forward by rapid steps: now there are more than 900 million Internet users, in Chinese Facebook – about 700 million users.

By 2030 China by volume of R&D costs will rank first in the world, and its share in the GDP will reach 3%. By this moment China will rank first in the world by the share of high tech production exports. On the basis of research of innovation activities in the PRC in such spheres as information technology and power engineering, it becomes obvious, that the role of innovation in education, culture, raising of population living standards, energy resources development and environment protection is growing year by year.

For the period of reforms the PRC people’s economy leaved through a lot of structural changes. In 1978 China was a kind of agrico-industrial state but later there were seen great changes: growth of capital construction, almost all branches of industry and a rapid development of the “third sector”. All these facts led to migration of redundant population both from rural to urban areas and from agriculture to non-agricultural spheres in rural areas. A lot of new non-agricultural enterprises appeared rapidly. As a result, a number of county centers and towns changed their status: from villages to townships and towns, and a large number of population became urban residents.

The visible growth of the third sector branches was another important feature of modernization and industrialization. It reflects world trends of economic development: first of all – agriculture, then – industry, and after that – the third sector. During economic reforms China very soon managed to speed up industrialization and modernization, and to increase a share of employment in the third sector.

In the past century a lack of energy resources in China was becoming more critical. Crude oil production did not increase but decreased, and for all oil-extracting states China became one of the main markets for the sale of their output. For the past years China had to increase import of natural gas and even coal. Therefore, progressive development of the country will depend on China's opportunities to solve scarcity of energy resources problem in the nearest decade.

China managed to find reserves of energy resources on its own territory through using large reserves of coal and other energy resources, including shale gas, program 2006 of energy resources savings, development of renewable energy resources for reaching high growth rates of the GDP. Now China has stable sources of crude oil import from the Near East, Central Asia and Latin American countries and natural gas from Central Asia and Myanmar. It becomes obvious, that China in general will have necessary energy resources to secure high speed of economic growth.

At the same time we should notice, that the GDP growth rates of China for building "a small prosperity society" will demand extra increase of energy production, which could cover requirements at the expense of crude oil, natural gas and coal import. For solving two problems: relative scarcity of energy resources and environmental pollution there will be needed two basic factors – energy saving program and development of renewable energy resources such as wind, solar and non-fossil energy and energy of high and low tide. Now China pays much attention to these problems and in future it will help solve a problem of energy shortage for reaching necessary growth rates for social and economic development of the country.

During the whole period of the PRC existence an uneven regional development – fast development of coastal areas and slow development of inner areas posed a great problem. There was a gap by development level between Eastern coastal territories and Western inland territories. But in the 80's since the beginning of economic reforms the gap between Eastern coastal territories and Western inland territories began to widen because coastal regions had more favorable conditions for independent development. They managed to use better their economic basis and opportunities for foreign economic trade and attraction of foreign capital.

In the beginning of the XXIst century due to changes in China's regional policy the GRP growth rates of Western regions were higher in comparison with other territories and there were great changes in the GDP structure, too. China began to implement a special strategy for regional development. Ultimately, the gap between regions was narrowing step by step. As it was

earlier now Eastern coastal areas take leading positions in Chinese economy, after them comes industrially developed North-East, then – Central inland areas, which are a kind of a buffer and a transmission link between leading Eastern areas and backward Western inland ones. Western inland territories are the weakest links of Chinese economy, but owing to rich natural resources especially in energy supply and large investments of the central government into the development of regional infrastructure and assistance from developed coastal areas in different forms, inland areas are increasing their economic growth rates and eliminate their lagging behind the leaders.

Since the end of 1978 China began to implement the opening up policy (kaifang zhengce) for the whole world, and economic development of China entered a new historical stage of transition to market economy. As far as China gave up a planned economy model with a centralized management system and made transition to a socialist market economy model with implementation of a foreign trade reform.

Since the 90's export volume of China's foreign trade is higher than its import volume. In order to realize Chinese foreign trade strategy of export development since 1994 the Chinese government took special measures at the third stage of the reform. Up to 1994 both export and import value growth rates were comparable, but since the second part of the 90's export value growth rates were considerably higher than import value growth rates. The impetuous growth of production in China helped growing of Chinese production export value and China became one of the world leaders in this sphere. Thus, China thanks to low costs of its industrial goods in different branches of industry owing to factors of climate, low costs of labor force, more privileged investment regime in comparison with other countries was becoming "a world industrial workshop".

In China the amount of foreign investments was increasing, and direct investments being the main part of them. Now every year a total amount of foreign investments accounts for more than 130 billion US\$ in comparison with 50 billion US\$ in 2002. It becomes obvious, that China's entering the WTO has a lot of positive moments. The best evidence of it that more than 400 from 500 leading world companies founded their enterprises in China.

As a result of "opening up policy" and "outbound strategy" there was a great leap of foreign trade value: from 20.6 billion US\$ in 1978 up to 4623 billion US\$ in 2018 (224 times more). During these years value of export and import growth increased immensely. China changed its export policy from export of primary goods (raw materials) to export of manufactured goods (machinery and high-tech products). There were different

factors, which played an important role in this process. For example, at the first stage of the reform enterprises were granted with different privilege for their foreign trade activity and later after China's entering the WTO this policy continued. As for a geographical structure of foreign trade China ensured a growth of foreign trade value with economically developed countries and territories: the USA, Japan, countries of ASEAN and the EU, Republic of Korea, Taiwan, Hong Kong, Singapore.

China, keeping high economic growth rates, actively attracts direct foreign investments and takes leading positions in the list of foreign recipients. The amount of foreign investments in Chinese economy is increasing. In 2019 the amount of actually utilized foreign investment accounted for 130 billion US\$, and direct foreign investments in non-financial projects were 110.6 billion US\$. In spite of active attraction of foreign investments in China investment distribution among economic regions is extremely irregular. The most part of foreign investments is directed to Shanghai and Beijing, or to developed coastal provinces such as Guangdong and Jiangsu and in future this trend will continue.

In the beginning of the XXIst century after China entering the WTO, it became one of the most active outbound investor in economy of other countries. But later the stream of investments to the USA, Australia, the EU countries and Russia decreased. The amount of investments from China was higher than from these countries to China. There are principal investors in China besides Hong Kong such as Japan, Republic of Korea and Singapore. In general by the end of the 2010-s China kept leading positions in the world both by total amount of utilized direct foreign investments and by overseas direct investments. It helped to increase total value of China's foreign trade.

In 2001 after entering the WTO China began to work at its foreign trade and especially exports to developed countries such as the USA, the EU, Japan, Republic of Korea and Hong Kong. Recently it was a kind of a "bridge", which used as a "window" for large streams of goods and investments from the PRC and to the PRC.

By 2018 statistical data showed that the total value of American-Chinese trade was 633.5 billion US\$, that is a bit less than the total amount of value of Russian foreign trade – 693.1 billion US\$ in 2018. The share of Sino-American trade was 13.7% in total value of the PRC foreign trade, and this figure was lower than with the EU countries – 682.2 billion US\$ (14.8%). As a result of Sino-American trade war the value of Sino-American trade decreased in 2019 (–10.7% per year) and accounted for only 540.6 billion

US\$ (only 11.8%). In 2019 the USA value of foreign trade with the PRC ranks third after the EU and the ASEAN.

Now China is the largest trade partner for the USA, and the USA is the third trade partner for China and its largest export market. The total deficit of the US foreign trade is about 800 billion US\$ in 2017 and China's share is 500 billion US\$.

Undoubtedly, as a result of Sino-American trade war all countries in the world will suffer, including world economy as a whole. For the world economy, it means a decrease of economic growth rates, for the USA it is trade and economic restriction for Chinese market, the largest market of sales and supply in the world, for the PRC it means heavy restrictions for entering the largest new and high tech markets in the world. Ultimately, a home market in China with population of 1.4 billion people is several times larger than American home market with population of 300 million people. Besides, China implements "One Belt, One Road" Initiative and it gives a chance to develop its sales market. Thus we may conclude, that China would be able to finish the trade war with the USA with lower losses in case of its continuation.

In order to avoid heavy dependence of Chinese economy from its foreign trade China proposed to develop the ambitious economic "One Belt, One Road" Initiative including two large-scale programs – "Economic Belt of the Silk Road" and "Maritime Silk Road of the XXI century". Thus, China with the assistance of the two large scaled programs at the expense of investments of two banks – Asian Bank of Infrastructural Investments (ABII) and Sea Road Foundation tries to develop the world trade infrastructure to secure favorable conditions for entering new markets of different countries in the world.

In order to promote "One Belt, One Road" Initiative China set up a platform to develop world foreign trade: to build up infrastructure, to improve financial institutions, to speed up regional trade and to change its export and import structure.

Despite all the difficulties for the implementation of "One Belt, One Road" Initiative, it is obvious, that it is not a transit corridor, but it is a way, which could help develop regional economy in different parts of China. Ultimately, only successive implementation of "One Belt, One Road" Initiative could help China to increase raw materials supplies and produced goods sales market in China and to promote social and economic development on the eve of forthcoming world economic and financial crisis.

Summary

The level of Sino-Russian trade and economic relations is not sufficient because of different reasons. The total amount of foreign trade value is limited by supplies of crude oil, primary goods, agriculture output from Russia to China. Only two years ago the Sino-Russian trade value exceeded 100 billion US\$, as it was planned for 2010. The main directions of trade and economic cooperation between Russia and China are determined by central authorities. The share of border trade between the Russian Far East and the North East China is very small. Total amount of foreign direct investments is limited by many reasons, but the most important thing is underdeveloped infrastructure network for foreign trade. Development of transport infrastructure together with energy supply network could help regions of the Far East and Siberia to stimulate their economic development, to create new jobs, to attract new investments from European part of Russia and from abroad. Development of Sino-Russian trade and increase of trade turnover by 200 billion US\$ are possible only after dynamic development of adjacent territories of Russia and China and their inclusion into Chinese “One Belt, One Road” Initiative.

Russia in its choice of economic strategy should take into consideration Chinese experience, which shows, that a problem of transition to market is not a problem of transition from socialism to capitalism, but it is a renunciation from the strategy of chasing development.

The most important thing in Chinese experience is an integrated approach to the reform of economic system, which provides gradual transition from command and administrative system to market economy without “shock therapy” under state control. All measures of the reform are elements of an integrated system for transition to market, which used for 40 years. A lot of these measures could be implemented in Russian development model under state control.

CONTENTS

INTRODUCTION	9
CHAPTER 1. CHINESE PATH OF TRANSITION TO MARKET.	21
1. CHINESE MODEL OF REFORM THROUGH PLANS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT.	21
2. AUTHENTICITY OF CHINESE STATISTICS	69
3. CHINESE EXPERIENCE OF FINANCIAL MANAGEMENT UNDER TRANSITION TO MARKET.	90
4. BUILDING SMALL PROSPERITY (XIAOKANG) SOCIETY.	131
CHAPTER 2. MAIN DIRECTIONS OF ECONOMIC REFORM	169
1. ROLE OF INNOVATION IN MODERNIZATION OF THE PRC NATIONAL ECONOMY	169
2. CHINESE MODEL OF INDUSTRIALIZATION AND MODERNIZATION	218
3. ENERGY RECOURCES PROBLEM AS AN IMPORTANT FACTOR OF CHINESE ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CURRENT DECADE.	239
4. REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT.	277
CHAPTER 3. FOREIGN ECONOMIC ASPECTS OF CHINA'S ECONOMIC DEVELOPMENT.	308
1. PLACE AND ROLE OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS IN THE PRC NATIONAL ECONOMY UNDER THE ECONOMIC REFORM	308
2. CHINA AND ECONOMICALLY DEVELOPED COUNTRIES OF THE WORLD	363

3. ROLE OF CHINESE “BELT AND ROAD INITIATIVE” FOR STRENGTHENING ECONOMIC POWER OF CHINA	381
4. SINO-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS IN THE PERIOD OF THE CHINESE REFORM	404
CONCLUSION. OPPORTUNITIES FOR RUSSIA TO USE CHINESE EXPERIENCE OF ECONOMIC REFORMS	446
LITERATURE	456
SUMMARY	483
CONTENTS	494

Научное издание

КИТАЙ СТАНОВИТСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВОЙ

Утверждено к печати Институтом Дальнего Востока
Российской академии наук

Верстка О.Н. Морозовой

Художник А.Ю. Никулин

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул.Рождественка, д. 12/1. Тел.: (495) 726-31-69;

(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо.

Подписано к печати 21.09.2020.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 гм².

Формат 60 x 90^{1/16}. Усл. печ. л. 31.

Тираж 300 экз. Заказ № XXX.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»